

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

*Сборник научных трудов
Выпуск 1(27)
Языкознание*

Горловка
2015

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редколлегия: д. филол. н. М.М. Гиршман, д. филол. н. В.И. Мацапура, д. филол. н. Л.В. Дербенева, д. филол. н. А.А. Кораблёв, д. филол. н. В.М. Калинин, д. филол. н. И.И. Дяговец, д. филол. н. В.Д. Денисов, к. филол. н. Л.М. Бражник, д. филол. н. С.А. Кочетова (ответственный редактор), к. филол. н. О.В. Жарикова, д. филол. н. В.В. Федоров, д. филол. н. В.И. Теркулов, д. филол. н. И.А. Герасименко.

*Печатается по решению ученого совета
Горловского института иностранных языков.
Протокол № 7 от 29.04.2015 г.*

Постановлением президиума ВАК Украины от 26.01.2011 г. № 1-05/1 сборник “Восточнославянская филология” внесен в перечень специализированных научных изданий, в которых могут публиковаться результаты диссертационных работ.

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации КВ № 16869-5632ПР.

В76 Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / Горловский ин-т иностр. языков. Редкол. : С.А. Кочетова и др. – Вып. 1(27). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГИИЯ, 2015. – 312 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящен исследованию актуальных проблем восточнославянской филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей украинской и русской литератур и языков в школе.

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Издательство ГИИЯ, 2015

*В.М. Калинин
(Донецк)*

**УДК 81.0
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ ДОНБАССА
В ТРУДАХ Е. С. ОТИНА**

Он действительно любит *живое слово*, кем-то сказанное, к кому-то обращенное, что-то в себе содержащее; он хочет, чтобы каждое слово было услышано и адекватно воспринято со всей его накопленной историей.

М. М. Гиршман

Начало XXI века на Украине в науках, относящихся к гуманитарной области, поражает не только устремленностью к новациям, но и демонстративным пренебрежением к традиции, а в некоторых областях, особенно в исторической науке, неистовым мифотворчеством огромной разрушительной силы и безоглядной политизацией.

В этой ситуации особую значимость приобретает научное наследие Евгения Степановича Отина, представляющее собой высокий образец верности традиции и, одновременно, новаторства, достойного всяческого подражания. Он был удивительно многогранен. Воспитанный не просто на любви к русскому языку, а на глубочайшем уважении к его истории, к происхождению слов, к истории их “жизни” в памятниках письменности, он и в анализе современных языковых явлений не забывал оглянуться назад и всегда настаивал на том, что понять настоящее можно только как следует разобравшись в прошлом. Чтобы представить только те его публикации, которые относились к истории языка, потребовалось бы написать целую монографию. Поэтому здесь упомяну только одну работу, подтверждающую, что уважение к традиционным филологическим поискам на протяжении всей жизни было принципом его исследовательской деятельности. В 2014 году увидел свет «Словарь русского языка X–XVIII веков» Е. С. Отина. Труд, начатый им ещё в студенческие годы, он решил опубликовать лишь в конце жизненного пути. Словарь представляет собой (как, впрочем, и все осуществлённые словарные проекты Е. С. Отина) уникальный образец учебной лексикографии. Его предназначение – формирование у студентов-русистов, аспирантов и других читателей интереса к истории

русского языка. На материале письменных памятников, в некоторой части ранее не привлекавшихся к лексикографической обработке, осуществлено толкование слов и оборотов речи русского языка X – XVIII веков. При этом впервые в учебной лексикографии использован “приём параллельного попутного имплицитного (внутритекстового) толкования слова или фразеологизма, когда в скобках объясняется их значения, что позволяет просто читать иллюстративный материал словарной статьи, не отвлекаясь на поиск этих лексем в словаре” [6, с. 4]. Он открывает возможность не только использовать словарь для перевода, но и наслаждаться богатым материалом, извлечённым автором-составителем словаря почти из 200, в том числе летописных, источников, черпать из него интереснейшие сведения.

Однако, как и обещано названием статьи, речь в ней пойдёт преимущественно о филологическом, а точнее – ономастическом краеведении Донбасса. К нему основатель Донецкой ономастической школы пришёл, как пел когда-то В. Высоцкий, “оттолкнувшись ногой от Урала”. Правда, “Уралом” Отин стал *Кальмиус*. После защиты в 1963 году диссертации «Модальные отношения в конструкциях чужой речи и средства их выражения в русском языке XIII – XVII вв.», в которой исследовалось происхождение и функционирование частиц *де*, *дескать*, *мол* и модальные оттенки их значений, её автор стал размышлять о дальнейшем своём пути в филологии: “Меня притягивала область сравнительно-исторического словообразования и... ономастика”, – рассказывал он¹. На вопрос: “Как и с чего всё началось”, – Евгений Степанович со свойственным его манере рассказов о себе мягким юмором ответил так: «В далёких 60-х годах прошлого века, когда в стране возник всем приснопамятный “ономастический бум” и крылатый “Пегас ономастики”, летая над её просторами, во многих местах высекал копытом всё новые и новые “кастальские ключи”, в пространстве Филологии возникали сообщества учёных, вдохновившихся ономастикой. Некоторые из них позднее переросли в научные школы со своими лидерами и своей проблематикой. Пегасу угодно было стукнуть копытом и в Донецке, недалеко от которого начинается река с удивительным названием *Кальмиус* (в древности – *Калка*). Это случилось, может быть, потому, что одним из источников *Кальмиуса* является криница с античным названием *Геркулес*».

¹ Большая часть приведённых здесь цитат, относящихся к «Слову» Отина», к его “Прямой речи”, представляет собой отрывки из расшифрованных магнитофонных записей “разговоров” автора статьи с Учителем во время многочисленных совместных командировок на научные конференции и при обсуждении проблем развития Донецкой ономастической школы.

Согласившись, что это всё-таки легенда, Е. С. Отин продолжил: «После защиты кандидатской диссертации по историческому синтаксису я увлёкся ономастикой. А тут рядом такой иску – загадочный *Кальмиус*. Неизвестны история этого имени, его первичное значение. Вот я и решил разгрызть этот “этимологический орешек”. В 1965 году в Киеве на III-й республиканской ономастической конференции, которая проходила в Институте языкознания им. Потебни АН УССР, я выступил с докладом “Историческая гидронимия Северного Приазовья”, большая часть которого была посвящена этимологии и истории гидронима *Кальмиус*». В докладе Е. С. Отин показал наличие целого ряда наивных предположений и ошибок, касающихся существовавших до его работы этимологий гидронима. Первое толкование, принадлежавшее академику Д. И. Яворницкому, содержало ошибочное объяснение первой части онима, как восходящего к тюркскому *кил*- ‘волос’. Получалась маловероятная этимология гидронима: ‘тонкий, как волос, рог’. Позднее В. Саханёв посчитал, что река получила название от одной из татарских дорог на юге России – Кальмиусского шляха. Уже в близкое к написанию доклада время в альманахе «Донбасс» было опубликовано мнение В. Фоменко, предполагавшего, что название реки образовалось от тюркского сочетания *кала Миус* – ‘перед Миусом’, потому что Кальмиус течёт вблизи большой реки Миус. Е. С. Отин доказал невозможность такого объяснения, поскольку оно противоречит законам тюркских языков. Чтобы найти ответ на вопрос, учёный проанализировал огромное количество источников, в которых могло быть зафиксировано название *Кальмиус*, начиная с XVI века. Он обратил внимание на то, что в системе географических названий приазовских степей XVI в. достаточно устойчивым был древнерусский гидроним *Кала* или *Калка*. В ряде более поздних памятников XVI – XVII вв. обнаружил, что современный *Кальмиус* именовался ещё и *Миусом*. А потом было выдвинуто предположение, согласно которому две территориально близкие и сходные по физическим признакам реки – *Миус* и *Кальмиус*, – имеющие в нижнем течении “углы”, образованные впадением их крупнейших притоков – Крынки и Кальчика (тюрк. *миус*, *миюз* – ‘угол’, ‘рог’), долгое время входившие в сферу жизненных интересов тюркских племён, стали восприниматься как “двойники”. А славянское *Калы* и тюркское *Миус* стали гидронимными эквивалентами. После роскошного и логически безупречного анализа всех звеньев семантико-структурного развития гидронима *Кальмиус*

на протяжении практически четырёх веков, исследования различных его фоносемантических и даже гиперкорректных вариантов учёный выдвинул уже не гипотезу, а утверждение о славяно-тюркском происхождении названия реки, на берегах которой расположен город Донецк. Не упустил из виду Е. С. Отин и факты перехода собственного имени *Кальмиус* в разряд местных географических терминов: рыбаки северного побережья Азовского моря называют *кальмиусами* заливы, удобные для стоянки судов.

После того, как первый “этимологический орешек” был разгрызен, с докладом «Происхождение названия реки *Кальмиус*» Е. С. Отин выступил на I областной научно-технической конференции молодых учёных в Донецке, в котором окончательно обосновал гипотезу о гибридном (славяно-тюркском) характере этого географического названия. Потом было заслуженное признание: “Меня очень похвалил Андрей Александрович Белецкий, заведующий кафедрой общего языкознания и классической филологии Киевского университета. Он потом был одним из моих официальных оппонентов по докторской диссертации. Белецкий сказал, что давно не слышал такого глубокого, содержательного доклада по этимологии. Потом ко мне подошёл Целуйко Кирилл Кузьмич². И привлёк в свой актив. В общем, мой успех оказался той “ловушкой”, которая привела меня в ономастику».

Начало Донецкой ономастической школы мы обычно относим к ближайшему к этим событиям времени, когда окрылённый успехом Е. С. Отин предпринял шаги по организации при кафедре общего языкознания исследовательской группы из числа преподавателей и студентов, занимающихся ономастической проблематикой. О её достижениях он докладывал на заседаниях Украинской ономастической комиссии и сообщил в двух выпусках «Повідомлень української ономастичної комісії» – “О работе ономастической группы на кафедре общего и славянского языкознания Донецкого университета” [3] и “Хроника (о топонимической работе в Донецком государственном университете)” [4]. Ономастические исследования захватили филологический факультет. Обязательной стала топонимическая практика. А в научных интересах Евгения Степановича возникло

² К.К. Целуйко – выдающийся организатор ономастических исследований на Украине. Основал в Институте языкознания топономастическую картотеку, с 1960 года возглавлял Украинскую ономастическую комиссию, был главным редактором серии «Повідомлення Української ономастичної комісії», редактором топономастической части многотомного издания «Історія міст і сіл УРСР».

и навсегда увлекло его ономастическое краеведение. Однажды, в близком кругу коллег-филологов, он, шутя, назвал себя “проходимцем по Донбассу”. Я помню свою топонимическую практику, помню, как много интересного узнал, пешком обойдя значительную часть Артёмовского района Донецкой области и выполняя наказания и инструкции руководителя – Евгения Степановича Отина, из под пера которого стали регулярно выходить историко-этимологические очерки, посвящённые названиям населённых пунктов и водных объектов Донбасса. Упомяну в алфавитном порядке лишь некоторые (всего за годы и годы “ономастического краеведения” он описал столько, что и на нескольких страницах не перечислишь): *Азовское море, Берда, Волноваха, Волчьа, Горловка, Докучаевск, Донецк, Калка, Каяла, Комар, Константинополь, Краматорск, Макеевка, Мушкетово, Нетриус, Никитовка, Новобешево, Обиточная и Белосарайская косы, Сарабаи, Сартана, Саур-Могила, Северский Донец, Скотоватая, Смолянка, Старомлиновка, Стыла, Тор, Торец, Харьцызск, Шайтанка, Шевалда, Ялта*. Алфавитный порядок, конечно, не лучший. Есть ведь среди этих топонимов и названия водных объектов, и названия поселений, и степных возвышенностей, и внутригородских объектов, и кое что иное: названия, закрепившиеся в молодёжном слэнге. Главное в другом. Только в одном историко-этимологическом справочнике 2014 года были представлены 338 объектов.

Евгений Степанович много и плодотворно работал, собирая уникальные материалы, касающиеся топонимии Северного Приазовья, изучая происхождение и историю географических имён приазовских греков – урумов и румеев – переселившихся на побережье Азовского моря из Крыма в 70-е годы XVIII – начале XIX вв. Многочисленные публикации, связанные с этой сферой его интересов, в конце концов превратились в знаменитый словарь [5].

Увлекательное и для многих поучительное путешествие по родному краю можно совершить, читая короткие заметки и солидные статьи, словари, справочники и монографии Е. С. Отина, посвящённые ономастическому краеведению. Приведу несколько пересказов о географических названиях, произвольно взятых из его публикаций.

Просто процитирую кратчайшую справку о *Горловке*: «Датой основания города является 1867 год, когда здесь было намечено строительство железной дороги от Курска до Азова. 5 мая 1868 года началось строительство этой дороги. Концессию на строительство получил московский предприниматель, строитель железных дорог Самуил Соломонович Поляков. 23 декабря 1869

года состоялось торжественное открытие движения поездов по линии Харьков – Таганрог. В черте будущего города появились станция Никитовка и полустанок Корсунь. В 1871 году под руководством инженера П. Н. Горлова началось строительство рудника “Корсуньская копь № 1”. Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу» [7, с. 47-48]. Возможно, любому горловчанину это известно. А вот все ли знают, что железнодорожная станция *Байрак* в Горловке прежде была селом, основанным в 1754 году как пограничное поселение у истоков Лугани девятой ротой полка Прерадовича и называвшимся *Государев Байрак*? А что слово *байрак* значит ‘овраг’? А о том, что ещё до прихода сюда в XVIII веке военных поселенцев эта местность уже имела своё название и считалась “запорожской маетностью”?

Вот течёт по Донецкой области речка *Клебан-Бык*. Через Кривой Торец, Казённый Торец и Северский Донец воды её “добираются” до самого Дона. В народной речи часто встречается вариант *Клёпан Бык*. Жители прибрежных населённых пунктов осмысливают это название как производённое от глагола *клепать* и существительного *бык*, обозначающего опоры моста. Однако это ошибочное объяснение. Несмотря на то, что это название состоит из неясных частей, Евгений Степанович доказывает, что первая часть этого названия реки образована от в настоящее время не употребляющегося географического термина *клебань*, обозначающего глубокую яму, наполненную водой, котловину, из которой вытекают ручьи и речки, а народный географический термин, известный и в настоящее время, – *бык* – используется для обозначения скалистого берега, каменного утёса, камня в воде и т.д. По-видимому, именно по характеру истока реки она и получила своё название.

А вот просто “букет” интереснейших сведений. Кто из жителей Донбасса, юго-востока Украины и юго-запада России не отдыхал на *Северском Донце*, кто не слышал о нём и расположенной на его берегах Свято-Успенской лавре и пещерном монастыре в меловых горах Святогорья? Эта седьмая по величине река Украины и наибольший приток Дона протекает через Белгородскую и Ростовскую области Российской Федерации, Харьковскую, Донецкую и Луганскую области Украины. А ведь было время, когда назывался он просто Доном. И Великим Доном, и Малым Донцом. “К Дону Великому, – т.е., как указывает Е. С. Отин, – “к среднему течению нынешнего Донца, преследовал хана Кончака князь Игорь Святославич”, и где-то здесь, на реке Каяле у Дона Великого произошла в 1185 году битва русских с половцами, описанная в «Слове о полку Игореве». А ныне распространённое

народное название реки – *Северный Донец* – появилось в результате народной этимологии, потому что неясная связь имени реки с преданным забвению историко-географическим названием *Северская земля*, была заменена связью с понятным прилагательным, образованным от слова *Север*.

В Донецкой области в *Северский Донец* справа впадает река *Казённый Торец* длиной 129 км, а слева – Нетриус длиной всего 31 км.

О *Казённом Торце* разговор особый. Когда-то называлась эта река – *Тор*. По свидетельству Ипатьевской летописи где-то на этой реке в плену у половцев находился князь Игорь. Существует несколько объяснений названия этой реки. По мнению Е. С. Отина, этимологию гидронима имеет смысл искать на тюркской языковой почве. Река протекала через кочевья крупнейшего восточного объединения половцев. А до половцев тут обитали другие тюркские племена. Возможно, что в основе названия *Тор* лежит тюркское прилагательное *тар* – ‘узкий’, ‘тесный’, ‘тонкий’. Такое название, по мнению Е. С. Отина, связано с тем что *Тор* был нешироким, узким по сравнению с другой близко расположенной рекой, возможно, с самим Донцом. Но вот, по документам XVIII века, стали называть реку *Казённым Тором*, а позже *Казённым Торцом*. И по этому поводу есть мнение. Определение *Казённый* река получила после того, как в районе нынешнего Славянска, в урочище *Тор*, в 1701 году были основаны принадлежащие казне Торские соляные промыслы и солеварни. Вначале *Казённым Торцом* называли только ту часть реки, которая протекала по территории промыслов, а позже это имя распространилось на всю речку. На *Казённом Торце* расположены не только город *Тор* (нынешний Славянск), но и город *Краматорск*. Вряд ли многим людям известно, что значит название этого города. Ну, *-торск*, ясное дело, связан с гидронимом, названием реки *Тор* или *Торец*. А что значит первая часть в названии города? В народных легендах, как, впрочем, и в некоторых краеведческих справочниках она ошибочно сближается с украинским словом *крам* – ‘товар’. Соль, которую добывали на Торских промыслах, всегда, мол, была ценным товаром. Даже официально издание «Історія міст і сіл УРСР. Донецька область» (1970 г.) сообщает о каком-то нигде не зафиксированном и никому не известном названии населённого пункта *Крам на Торе* или *Крам Торский*. По мнению Е. С. Отина, в основе ранних форм названия лежит слово *кром* (ср. литературное *кромка*) – ‘край’, ‘рубеж’, ‘граница’. Река *Тор* в прошлом не раз была естественным ориентиром при установлении границ Русского государства в конце XVII – начале XVIII веков. Границы переместились, название *кром* *Торова*

утратилось, а вот в названиях целого ряда населённых пунктов Донбасса сохранилось.

Речка-невеличка *Нетриус* начинается в Харьковской области, потом протекает через Краснолиманский район Донецкой области, впадает в Становое озеро, а потом, выйдя из него, впадает в *Донец*. По поводу названия этой реки Е. С. Отин сообщает: “Речка получила своё наименование по населённому пункту в её истоках”. А вот название поселения, по мнению учёного, связано с прозвищем *Нетригуз*, похожим на другие, образованные с участием части *-гуз-*, присутствующей в ряде украинских и русских слов, в том числе, в слове *гузно* – ‘зад человека’. Известен целый ряд прозвищ, образованных с участием части *-гуз-*: *вертигуз* ‘человек неопределённого поведения’, *гузночух* ‘тот, кто чешет зад’, *плоскогуз* ‘человек с плоским задом’, *колигуз* ‘человек с колеблющимися при ходьбе ягодицами’ и др. В общем, прозвище *Нетригуз* получил, скорее всего, неопрятный человек: *не три* от ‘тереть’, ‘вытирать’ и ‘гуз’.

Всего, что сделал Е. С. Отин на ниве ономастического краеведения, пожалуй, и не перечислишь. Мы, к сожалению, по вершкам публикаций можем лишь отмечать, когда и в какую сторону были направлено исследовательское внимание учёного. Огромная же организаторская работа, неуклонное стремление к распространению подлинно научных знаний о собственных именах, бытующих в Донецком крае, забота о воспитании молодых людей в духе патриотизма, любви к своему Отечеству остаются обычно за пределами научных публикаций и лишь изредка становятся предметом разговора в газетной публицистике. В последние годы жизни Евгений Степанович приложил много сил к тому, чтобы опубликованные в разных, часто труднодоступных, изданиях, иногда в многотиражках и газетах отнюдь не “республиканского масштаба”, сведения об ономастике Донбасса собрать воедино. Но и выход в свет «Топонимии Донетчины» (2013 г.) и «Происхождения географических названий Донбасса» (2014 г.) не стали подведением итогов в этом направлении. Вручая мне книгу о происхождении топонимов Донбасса, Евгений Степанович после дарственной надписи поставил дату: “17 июля 2014 года от рождения Христова и 7512 года от сотворения такого прекрасного мира”. В нём ему оставалось прожить ровно 180 дней. Но он сказал: “Первый том – топонимия ДНР, надо опубликовать второй – топонимия ЛНР”. Я не знаю, как будет называться то, что соберут продолжатели краеведческого дела Отина. Но надеюсь, что это будет топонимия большого Донбасса. Без границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиришман М. М. <Вступительное слово: Сборник статей в честь 70-летия со дня рождения доктора филологических наук, профессора Евгения Степановича Отина> // В пространстве филологии / ДонНУ. Филологический факультет. – Донецк: ООО “Юго-Восток, Лтд”, 2002. – С. 5-6.
2. Отин Е. С. 1) Происхождение названия реки Кальмиус // I-я областная научно-техническая конференция молодых ученых. Тезисы докладов (педагогическая секция). – Донецк, 1965. – С. 12-14; 2) Кальмиус (Из исторической гидронимии Северного Приазовья) // Питання гідроніміки. – К.: Наук. думка, 1971. – С. 46-54.
3. Отин Е. С. О работе ономастической группы на кафедре общего и славянского языкознания Донецкого университета // Повідомлення української ономастичної комісії. – К., 1967. – Вип. 3. – С. 46-49.
4. Отин Е. С. Хроніка (про топонімічну роботу в Донецькому державному університеті) // Повідомлення української ономастичної комісії. – К., 1968. – Вип. 6. – С. 57-58.
5. Отин Е. С. Топонимия приазовских греков: (историко-этимологический словарь географических названий): Словарь / Е. С. Отин; Донецкий гос. ун-т; Мариупольский гуманитар. ин-т. – Донецк: ДонГУ; Мариуполь, 2000. – 195 с.
6. Отин Е. С. Словарь русского языка X – XVIII веков / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
7. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 199 с.

АНОТАЦІЯ

Калінкін В.М. Філологічне краєзнавство Донбасу в працях Є. С. Отіна

У статті представлено відомості про наукову спадщину Є. С. Отіна у частині, яку можна назвати ономастичним краєзнавством Донбасу, визначено вагомість праць вченого для вирішення загадок походження географічних імен на теренах “малої батьківщини”, найдорожчого, за його словами, що є у людини.

Ключові слова: гідронім, краєзнавство, конотація, ономастика, топонім, етимологія.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В.М. Филологическое краеведение Донбасса в трудах Е. С. Отина

В статье представлено научное наследие Е. С. Отина в части, которую можно назвать ономастическим краеведением Донбасса, показано значение трудов учёного для решения загадок происхождения географических имён на просторах “малой родины”, самого, по его словам, дорогого, что есть у человека.

Ключевые слова: гидроним, краеведение, коннотация, ономастика, топоним, этимология.

SUMMARY

Kalinkin V. M. Philological local history of Donbass in scientific works by E. S. Otin

The article focuses on the scientific heritage of E. S. Otin in the part, which can be called Onomastic local history of Donbass. It shows the value of the scientist's works for solving origin riddles of geographical names in the vast expanses of the «small homeland», which, according to E. S. Otin, is the most precious place for any man.

Key words: connotation, etymology, hydronym, local history, onomastics, toponym.

*М.Ю. Беляева
(Славянск-на-Кубани, Россия)*

УДК 81'373. 231

РУССКИЙ ХАРАКТЕР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОНОМАСТИКОНА М. А. ВИШНЕВЕЦКОЙ

По замечанию Е. С. Трубецкого, единство происхождения индоевропейских племен не объясняет самого важного и интересного – сохранения у всех народов и во все века излюбленных сказочных образов: «Образы эти не сохранялись бы памятью народною, если бы они не выражали собою непреходящих, не умирающих ценностей человеческой жизни. Запоминается и передается из поколения в поколение только то, что так или иначе дорого человечеству» [5, с. 100]. Известный отечественный философ выделяет две особенности сказки: «... с одной стороны – глубина мистического проникновения в жизнь, головокружительная высота полета, с коей открываются сказочные красоты вселенной, а с другой стороны – женственный характер этих волшебных грез» [5, с. 116].

Национальный менталитет трактуется как национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Компоненты национального характера, в т. ч. его речевых проявлений, фигурируют в метаописаниях современных этнопсихологов,

психолингвистов, однако изначальное и наиболее яркое выражение они находят в текстах фольклора и художественной литературы.

С уходом Ф. Абрамова, В. Белова, В. Астафьева, В. Шукшина усиливается тоска по «русскости» – «мистике пассивных переживаний человеческой души» (Е. С. Трубецкой), утрачивающейся в процессе неизбежной глобализации. Лишь мастерам «гарантированно высокого уровня» удается удержаться на заявленной классиками высоте проблемы. К таковым, несомненно, принадлежит Марина Артуровна Вишневецкая – автор рассказов, повестей, романов, лауреат престижных литературных премий. В 1972 году Вишневецкая дебютировала в литературе как автор юмористических рассказов (журнале «Юность»). Как автор-прозаик публикуется с 1991 года, дебютировав в этом качестве рассказом «Начало» в сборнике «Новые амазонки». Печаталась в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Знамя», «Волга». Автор сборников повестей и рассказов «Вышел месяц из тумана» (1999), «Увидеть дерево» (2000) [2]. В 2004 году был опубликован роман «Кашей и Ягда, или Небесные яблоки» [3]. Мучительный процесс обретения контуров личности, путь к бытию, показывает в своих «Опытах» М.А. Вишневецкая [1].

В рамках данной статьи рассмотрим собственные имена персонажей рассказов писательницы как средства выражения русского национального характера.

Излюбленным персонажем народных сказок является дурак, он же по-христиански «блаженный, юродивый». Их отличает от прочих «веще безумие, отсутствие человеческого «здорового рассудка» и в то же время обладание иною чудесною мудростью» [5, с. 115]. Иррационализм русских демонстрирует отрывок «Люди и вещи»: у иностранца, купившего себе дом в русской деревне, «на стене висела картина, на которой был изображён шторм, весь в клочьях пены, и под ним надпись *«Марина»*. Но в иные дни эта же самая картина изображала женщину, всю в папилютках, и тогда под ней ясно прочитывалось название *«Марина Евлампиевна»* [3, с. 547]. Столкновение в тексте нарицательного («морской пейзаж») и собственного имен позволяет автору сделать не менее парадоксальный вывод: «вещи-в-себе есть измышление иностранного ума, в то время как вещи-не-в-себе суть наше отечественное достояние».

Вера в высшие силы сохраняется в русских назло атеистическому воспитанию: «В голове, словно винт мясорубки, обмотанной жилой, тяжело проворачивалось: «Нами *Кто-то* лавирует...» [3, с. 495]. «Самое существо христианства выражается

в учении о всеобщем Воскресении, о вечной целостной жизни, в которой весь мир достигает совершенного и полного исцеления» [5, с. 115]. Свидетельства богоискательства наших современников рассеяны в текстах рассказов Вишневецкой. Для представителя старшего поколения микротопоним *Ключи* связан с раем: «... только вот вопрос: ключи от чего? Бабуся-то думала, может, от рая: может, Пётр где бродил, да и обронил ненароком?». Детям в это еще верится: «И они с придурочным Витькой ещё рыскали на задворках то у Архипыча, то у Орлова, потому что оба – Петры» [3, с. 500].

Увы, Ольге из рассказа «Бытовые отходы» не суждено перенестись в «киное царство». Ключи от счастья потеряны не в том момент, когда она рвётся из запертой московской квартиры вечно пьяного любовника, но раньше, когда в поисках лучшей жизни девушка бездумно дала увезти себя в столицу. Прав Е. С. Трубецкой в том, что «от бедности и скудности жизни происходит все наше человеческое искание неизреченного, волшебного богатства» [5, с. 101], но результаты поиска могут оказаться неутешительными. На смену бабушкиному Богу («*Пох всё про тебя знает, пох – он всё видит*», «*Пох тя любит*») приходит *пох* сожителя по фамилии *Федоренков*, отзывавшегося только на *Форд* («... только смысл был другой – что он очень культурный человек и при девушках не матерится, но также и тот, что всерьёз ему с ней просто не о чем говорить»). На смену ключам от рая – пузырьёк духов «*Органза*» от Живанши, за который можно убить человека и продать себя.

К главной героине рассказа, Зине, от лица которой ведется повествование в рассказе «Вот такой гобелен», как нельзя лучше подходит ее же собственное: «... я по жизни без кэша, мое имя без отчества, я девчоночка, ай, да двадцати неполных лет!». Не только отчество, но и фамилия Зинаиды остается «за кадром»; для Полторацких она в лучшем случае «*Зинаида*, ... жена племянника, Марусиного младшего брата». Да и муж ее – вечный *Вовик*, *Вовчик*, по работе – *Вовочка* (на посылках у Полторацкого), в решительные моменты – *Вова*, *Вовка*, но не более.

Для литературного персонажа естественно представлять собой систему номинаций [4]. Для «перволичности» текстов М. А. Вишневецкой (использования системы персонажей с повествованием от первого лица, в соответствии с девизом «Лишь там, где субъект и объект – одно, исчезает неправда» [3, с. 183]), характерно отсроченное использование официальных формул именования в представлении персонажа. Так, ФИО *Валерий Борисович Полторацкий* озвучивается молоденькой Зиной после представления его как *такого крутого Полторацкого*, – *туши*

свет! В фантазиях Зины, основанных на том, что несколько лет назад Полторацкий пытался склеить ее в первый раз, мелькают уже их с *Борисычем* тайная встреча в аэропорту и даже бодрячок-старичок *Полторашка*. Номинация *Пол* («Полторацкий, он же Пол») – маркер юности героев, времени повального увлечения ансамблем «Битлз» (ср. прозвище *Леннон* у одноклассника Полторацкого по фамилии Крупознов). Для последнего он сейчас явно не *Пол*, но еще *Полтораи* – скорее, в силу привычки. *Валериком* называет героя лишь тёща, приехавшая из Сибири; для жены он чаще всего остается *Полторацким*, официально – *Валерием Борисовичем*.

Истинное лицо Валерия Борисовича проявляет отфамильное, но и одновременно говорящее прозвище *Полтора-Человека*: «большой, с одутловатым лицом, человек», врывающийся в жалкую, друзьями ненадолго одолженную квартиру Крупознова, вываливающий в виде подарка за пропущенный день рождения импортные деликатесы и одновременно взбешенный робкой просьбой именинника немного помочь лицом. Метафора «глаза сверкали двустволкой» предмечивается, если вспомнить, как этот неожиданно скончавшийся талантливый оператор и фотограф, что «человек, имеющий в наше время минимум 15 миллионов «зеленых», не может не заказывать конкурентов, должников, неважно кого, – людей» или, как муж Зины, «что у Полторацкого..., с полгода примерно назад компаньон как бы сам выбросился из окна, – молодой, здоровый мужик, да, нормально? – а Борисыч как только, так сразу под себя это здание и подмял». Если литературный критик А. Немзер выражает сомнение в обоснованности угрозы Полторацкого и его супруги Милы отнять родительские права на дочь у Зины и ее мужа Вовчика, дальнего родственника Милы [3, с. 14-15], то, с нашей точки зрения, описания хватки, жажды, самодовольного восторга и тяжелой размашистости «буржуя» вкупе с репликой его жены о том, что у Валерия Борисовича есть разные рычаги воздействия, а добро должно быть с кулаками, не оставляет сомнения в тактике «злодеев» Полторацких в поисках подходящей наследницы несправедливо нажитого имущества взамен родного сына, окончательно порвавшего с семьей.

Объектом вождения Полторацких девочка становится в силу внешнего сходства с одной из ныне покойных сестер-бабушек семейства Милы. Если для родителей *Стуша* – сокращение от *Кристина*, то для четы Полторацких – от *Степанида* (Владимировна), как более соответствующее статусу владелицы особняка, отреставрированного под банк и маленькое казино.

Не достигая вершин духовной культуры Крупознова, Зина, девочка, по которой, с ее слов, проехали катком бабка, мать, отчим, а теперь и вообще жизнь, как творческая и жизнелюбивая натура, на голову выше своего окружения (мужа, Полторацких, соседей и др.). Эту тонкость не может не отметить *Крупье*, называвший ее *Зизи*, маленькой *Наядой*, *Зимкой*, а в дневниковых записях – *девочкой*, *нимфеткой*, *Неточкой Незвановой*. В слове, завершающем текст «Хочу ли я жить? С ней. С ними. И без себя. *Зиндан*», угадывается контаминация нарицательного ('яма, тюрьма') и варианта личного имени героини, с вызовом (провидением?) рифмующей «Хип-хоп, лебигоп [погибель наоборот – М.Б.]», выворачивая наизнанку слова, «чтобы хоть на какое-то время люди перестали бы врать – от обалдения, все силы уходило бы на обратное перевертывание, на усилие, как у маленького ребенка, хоть что-то сказать и понять» [3, с. 218-219]. В сознании автора по отношению к героине актуализируется метатеза «*Зинка – низка* (самых дорогих, из настоящего морского жемчуга бус)».

Буйная фантазия Зины проявляет себя и в именовании животных. Игуану – свою голубую мечту – она мысленно называет то *Игой*, то *Репой*, *Рептишей* – рептилией, выпавшей из времени; *Репете* (фр. 'повтор'). Бездомный черно-белый котенок для нее – *Великий Немой* (влияние *Крупье*).

Для Полторацкого и его окружения она остается «*Зиной из магазина*», точнее, по современным понятиям, «*Зина из секс-магазина*». Кстати, именно представительница древнейшей профессии Тая Травченко оказывается единственной, кто в критической ситуации помогает Зине с местом работы, кто бросает Полторацкого ради брака по любви (см. угрозы и злобное, двусмысленное «*Мисс Криворожье*» из уст магната). Девицы возле машин с сутенерами – *таньки травченко* – выглядят в глазах Зины как *мелко-травченко*.

Казалось бы, выбор библионима «О природе вещей», идентичный названию поэмы Тита Лукреция Кара, уводит читателей в сторону поисков общечеловеческого. Тем не менее, в отдельных фрагментах целого перед нами предстает именно русский характер. О «высоком градусе эмоциональной температуры» русской речи (А. Вежицкая), или о высокой степени дискуссионности речи свидетельствует отбор прецедентных онимов в тексте «К вопросу о спорном». Среди них встречаются теонимы («Один русский поспорил с одной еврейкой, кто по национальности *Иисус Христос*. А другой поспорил с другой еврейкой, кто по национальности *Дева Мария*»), антропонимы, топонимы («А девятый русский поспорил с одной французенкой,

дошел или нет *Наполеон до Москвы*»), урботопонимы («А восьмой русский поспорил с другой французенкой, кто построил *Эйфелеву башню*»), библионимы («А четвертый русский поспорил с одной грузинкой, кто написал «*Витязя в тигровой шкуре*») [3, с. 543-544]. Вывод автора вполне в духе парадоксальности русского мышления: «... *русским людям, как и грибам, споры нужны не только для размножения, но и для сохранения в неблагоприятной среде*» [3, с. 544].

Саша, героиня рассказа «Увидеть дерево», внезапно узнает о том, что урну с прахом ее матери кто-то взял раньше, по квитанции. Жалея себя, *Сашеньку*, она активно ищет подозреваемого. Среди них и третий «ученый муж», Олег, обычно обращающийся к своей *Сашаре* исключительно с вопросом о еде, однако пытавшийся успокоить жену – *Сашанечку*, *Сашарочку*. Гиперболизация при выражении чувств вовлекает в поиски всех знакомых героини. Доводы ее сводного брата о беспочвенности подозрения *Александрину* не убедили. Такова бурная натура Александры, которую один из мужей, сам «*человек-катастрофа, человек-камнепад*», сравнивал в своей поэме с вулканами: *Визави меня Везувий. От любви я обезумел! Визави меня Этна, огнедышаща и кометна!* [с. 120].

Разъяснение приходит благодаря звонку к дочери от первого брака – Евгении. Контраст между чувством справедливости, сочувствия к близким дочери и эгоизм ее матери выглядит в рассказе разительным. Одноклассники звали Женьку *Ев*, мать – *Жужу*, *Жужуня*. «*У нее с малолетства это было – чувство справедливости. Еще в три годика на «Как тебя зовут» отвечала: «Евгения Александров-НЫ!» – «Деточка, а почему «ны?» – «Потому что я мамина и папина» – и левое плечико прижимала при этом к ушку, и настырно пялилась на непонятливую тетю*» [с. 144]. Как не вспомнить здесь о соборности – одной из ключевых черт русского характера!

Свойственная национальному коммуникативному поведению проблемность повседневного, бытового общения, а также стремление к широкой информированности «считываются» с собственных имен рассказа «Увидеть дерево»: «В их первую ночь он ошеломил ее, четверокурсницу, срывающимся шепотом: «*Троцкий в конце концов пришел к идее многопартийности!*» [3, с. 121]; «*Шурик с присущей ему глумливостью именовал этот брак Вторым Интернационалом (очевидно, намекая на его нестойкость и скорый крах), свой же союз с буряткой гордо звал Первым*» [3, с. 139]. Имитируя детскую этимологию, автор оставляет возможность оценить идеологемы их родителей: «*Шурик набивал ее маленькую головку, точно опилками,*

совершенно не нужными в ее возрасте подробностями, от которых это всегда сосредоточенное создание избавлялось вдруг радостным щебетаньем: «Карл-Марл был слепой и глухой, а какую Сионату написал! Нечеловеческая музыка!» [3, с. 139].

Итак, рассмотренные в статье собственные имена из рассказов Марины Артуровны Вишневецкой позволяют выявить черты русского национального характера, отражающие особенности национального менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. Женский вопрос и мужской ответ: литературное счастье Марины Вишневецкой / А. Архангельский // Известия. – 2003. – 11 марта.
2. Вишневецкая М. А. Буквы: рассказы / М. А. Вишневецкая. – М.: ЭКСМО, 2008. – 352 с.
3. Вишневецкая М. А. Кашей и Ягда, или Небесные яблоки: роман, повести, рассказы / М. А. Вишневецкая. – М.: ЭКСМО, 2010. – 768 с.
4. Исакова И. Н. Литературный персонаж как система номинаций: моногр. – М.: МАКС Пресс, 2011. – 520 с.
5. Трубецкой Е. С. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке / Е. С. Трубецкой // Лит. учеба. – 1990. – Кн. 2. – Март-апрель. – С. 100-118.

АННОТАЦИЯ

Беляева М. Ю. Русский характер через призму ономастикона М. А. Вишневецкой

В статье М. Ю. Беляевой собственные имена рассматриваются как средства выражения национального русского характера. Источником онимов послужили рассказы М. А. Вишневецкой – современного прозаика, лауреата многих литературных премий. Формы собственных имен позволяют передать степень религиозности персонажей, объекты их стремления, иррационализм, манеру аргументации и др.

Ключевые слова: национальный характер, религиозный, ономастикон, поэтоним, литературная ономастика.

SUMMARY

Belyaeva M. Yu. Russian national character through the prism of onomastikon of M. A. Vishnevetskaya

In the article by M. Yu. Belyaeva proper names are considered as a means of expression of the Russian national character. As a source of names the author uses the short stories by M. A. Vishnevetskaya – a modern novelist and a laureate of many literary awards. Forms of

proper names help to reveal the degree of religiosity of the characters, the objects of their desire, irrationality, manner of argumentation, etc.

Key words: national character, religious, onomastikon, poetonym, literary onomastics.

*А.Б. Бушев
(Тверь, Россия)*

УДК 81.0

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ: МЕМУАРНОЕ ПИСЬМО

Историки настаивают на значимости конкретного, единичного при изучении повседневности [3; 4; 16; 18; 19; 23; 26; 28; 29]: «Открытие сферы повседневности в историческом знании в 1960 – 70-е годы было вызовом, теоретическим и политическим, традиционному историческому знанию о «великих событиях», «великих людях» и «больших структурах». [15, с. 12]. Новые теоретические ориентиры (микроистория, устная история, «история снизу») как нельзя лучше отвечают этой задаче. Для качественных исследований, которые опираются на опыт культурной антропологии, важными становятся многочисленные свидетельства человеческого опыта: письма, дневники, повседневные нарративы. **Предметом** нашего внимания в этой статье выступает Эго-дискурс как протоматериал журналистики, **материалом** – интереснейшие книги мемуаров.

При этом мы понимаем, что история повседневности – часть общественной истории, она «принимает различные обличья»: семейной истории, истории частной жизни, истории труда и досуга, локальной истории, истории отельных социальных групп и профессий, истории питания и потребления, истории телесности. Повседневность противостоит не только истории как связанному, линейному и однонаправленному процессу, но и истории как рассказу: «В текстах по повседневности [...] обращает на себя внимание стремление к избыточно подробным описаниям, длинным перечислениям, бесконечным наименованиями, которые как бы не требуют действия и самим своим присутствием нечто значат. Можно говорить о картинности как стратегии письма о повседневности, тяготении его к экфрасису, отказу от событийности, нарратива, застывании повествования» [15, с. 14].

Мемуарное начало в современной журналистике сводимо к части художественных жанров журналистики: они, в отличие от информационных и аналитических, требуют личностного начала, личностного свидетельства и эгоцентричны. Этим эти жанры сродни литературе нон-фикшн, между очерком и

эссеистикой и мемуаристикой нет непреходимых границ. И именно эти жанры исчезают из сегодняшней журналистской практики, именно в них, являющихся мерилем авторской журналистики, ощущается сегодня наибольший дефицит. Мемуарное начало в журналистике по прошествии определенного количества лет активизировалось в связи со стремлением вспомнить ускользающее время, на глазах становящееся историей – проект Парфенова «Намедни» о жизни в СССР, передача Гурвича «Коммунальная квартира», многочисленная тележурналистика, связанная с ушедшей эпохой, телепроект Л. Каневского об уголовных преступлениях прошлых лет, исторические очерки в газетной и журнальной журналистике. И это не только собственно исторический очерк, а и коллоквиальная история, краеведение, история семьи, криминальная история и т.д. А самое главное, что и фикшн (например, Д. Драгунский, Т. Толстая, Э. Лимонов, С. Довлатов, М. Веллер) тоже посвящает свои страницы эго-нарративным мемуаристским материалам, идет вслед за нон-фикшеном (здесь можно назвать и В. Вульфа, и В. Шендеровича, и В. Третьякова). Это позволяет говорить об общности авторских стратегий («Я вспоминаю...»).

Наши исследования русской языковой личности касались как собственно особенностей литературы и нон-фикшена в социализации читателя [1; 27], так и таких способностей русской языковой личности, как коллоквиальность, метафоричность, способность понимания юмора и языковой игры, интертекстуальность, метаирония над стереотипами, мультикультуральность, смена концептов, отличающих письмо двадцатого века [6; 10; 11; 12], с целью их обсуждения нас привлекали особенности идиостиля письма в прозе В. Набокова, Ю. Нагибина, Т. и Н. Толстых, С. Довлатова, С. Минаева, кинорежиссера А. Кончаловского, историка Н. Леонова, известинца Э. Поляновского, В. Павловой, Е. Рейна, Р. Литвиновой, В. Аксенова, Д. Лихачева, В. Солоухина, В. Судейкиной-Стравинской, С. Щербатова, художника В. Сурикова, старых петербуржцев Д. Засосова и В. Пызина [7; 8; 9; 13; 14].

Эго-документы, эго-нарратив мемуаристики... Очевидно, сходные стратегии – но не от первого лица, а как бы в образе персонажа – разрабатываются для «вторичных эго-текстов» – это многочисленные бытующие в современной массовой культуре тексты жанра «байопик», биографизм, глянецовый журнал «Биография», «ЖЗЛ» – множественные публикации о деятелях советского прошлого (серия публикаций писателя А. Варламова, Д. Быкова, В. Новикова и т.д.).

Ряд эго-текстов вошли в заповедный фонд русской культуры. Так, например, на недавней выставке сезанистов великолепные испанские картины «Матадоры», «Бой быков» и «Испанский танец» заставляли вспомнить автобиографическую прозу Н. Кончаловского о Провансе, Италии и Испании и мемуары А. Кончаловского о П. Кончаловском в Буграх, так же как лентуловские «Зонтики» и купринский «Портрет негритянки» заставляли вспомнить так резко оборванное Русское Возрождение – русский серебряный век...

Каковы же они, эго-свидетельства, известные в русской и мировой культуре?

10 октября 2014 года в Твери проходила работа международной научной конференции «Эго-документальное наследие российской провинции XVIII- XXI веков. Проблемы выявления, хранения, изучения, публикации». На конференцию собрались российские историки, обществоведы, работники архивов – те, кого профессионально занимает воспроизводство и расширение знаний о прошлом, те, кто собирает историческую память. Это, стало быть, попытка посмотреть на источники личного происхождения свидетельства наших соотечественников о себе – многочисленные образцы эпистолярного жанра, фотографий, дневников, мемуаров, оставленных нашими соотечественниками в восемнадцатом – двадцать первом веке. Сюда же относятся доклады, народные традиции, слова на юбилеях и панихидах, записи, судебно-следственные дела, заметки на полях, фольклор, семейные архивы. Эти источники субъективны, имеется специфика их исследования, ведутся споры о том, что относить к таким источникам. Например, историки спорят о том, являются ли эго-документами свидетельства не только о себе, но и о других, о другом – о социальных событиях, которым авторы были очевидцами.

Свидетельства человеку миру о себе, быть может, и не предназначенные для чужих глаз и нуждающиеся в особой политике архивирования... Либо рассчитанные на читательское внимание, с прицелом на вечность – с таким, что ни говори, пафосом пишутся мемуары о себе, любимом. Тяжело разделить публичное и личное, не предназначенное для чужих глаз и тщательно рассчитанное на читателя. С дальним прицелом на читателя вел свои дневники царский цензор Александр Никитенко, скрупулезно фактографируя происходящее. Известны лучшие книги этого жанра – «Исповедь» Блаженного Августина, «Жизнь» Бенвенуто Челлини, «Опасные связи» Шодерло де Лакло, «Признания» Руссо, переписка Элоизы и Абеляра, «Тайный дневник» Льва Толстого, предназначенный

для публикации «Дневник писателя» Достоевского, «Былое и думы» Герцена...

Эго-документы создавал деятель всех эпох. Петровский корабел и артиллерист, екатерининский вельможа, дворянин девятнадцатого века – вольтерьянец, вольнодумец, «лишний человек», пришедший ему на смену и вышедший на авансцену истории в конце девятнадцатого века новый человек, разночинец, – все они оставили эго-свидетельства о себе. От первого лица... Метившие в историю и нет, рассчитывавшие на последующее оправдание. Опубликованы дневники, которые вел Николай Второй – и пусть говорят историки, что это наспех изготовленная фальшивка – всякий может судить о масштабе его личности по ним.

Рассыпанные по страницам века двадцатого эпистолы, дневниковые записи для себя Порой их писать было небезопасно. Документы эти только прорываются к читателю. Чего стоит например. «Дневник» театрального деятеля Любови Шапориной – для меня лучшее свидетельство жизни интеллигенции в тридцатые – пятидесятые годы двадцатого века. На вооружение многими издательствами берутся эти дневники – вспомним недавний успех «Подстрочника» Лилианы Лунгиной.

Но интересное – это вовсе не только подцензурное. Значимые, интересные свидетельства сынов века заключаются в военных дневниках. Безыскусны, но как искренни и сильны военные письма – свидетели солдатского подвига. Участники конференции рассказывали про новейший воинский памятник в Мышкине, где на гранитной стеле приведены личные письма погибшего воина своим детям. Страшен известный дневник похороненной на Пискаревке девочки, погибшей от голода в осажденном Ленинграде.

О мысли в страшные годы сталинской тирании дают представление дневники Владимира Вернадского. Известны дневники Ольги Бергольц, Александра Твардовского, Константина Симонова...

А возьмите письма русских изгнанников, дневники эмигрантов, их мемуары. Целый мир, приоткрывшийся через их сбивчивые, личные свидетельства. Возьмите «Мой век» Зинаиды Шаховской. Неслучайно, Александр Солженицын предпринимает попытку публикации многих мемуаров эмигрантов в библиотеке дома «Русское зарубежье» в Москве. Сохранить, пока живы свидетельства. А возьмите строки Бориса Савинкова, Антона Деникина. Вспомним ставшие хрестоматийными строки века из «Коня вороного»: «Мы вошли в Бобруйск на заре. Радости не было. Русские убивали русских». Мемуары могут быть оставлены

людьми, не метившими историю, и тогда они интересны не как личности, а как социальные типажи [2; 17; 20; 24; 25].

Широко известны дневники Михаила Пришвина, «Дневник» Юрия Нагибина, разорвавший бомбой после смерти автора в перестроечной Москве. Он, впрочем, готовился тщательно, с мыслью, с прицелом на публикацию, как и книги Майи Плисецкой, Галины Вишневской, Людмилы Гурченко (например, изданные недавно [5; 21]). Возникло направление «актерская книга» – М. Козаков, Е. Весник, О. Аросева, Т. Доронина, А. Ширвиндт, В. Смехов, Золотухин, В. Васильева, Н. Мордюкова, Л. Смирнова, В. Талызина, А. Демидова, В. Рецептер, письма А. Степановой к Н. Эрдману. Особую когорту составляют дневники и мемуары деятелей киноискусства – Э. Рязанова, С. Соловьева, А. Тарковского, Г. Данелии, А. Кончаловского. Эти книги, вышедшие в последние годы продолжили линию театральных мемуаров – известны книги Е.Н. Гоголевой, А.К. Тарасовой, С.В. Гиацинтовой, С.С. Пилявской, С.В. Образцова. Обстановку дореволюционного и первого послереволюционного времени времени живописуют свидетельства С.Н. Дурилина, П.П. Перцова, Ф.И. Шаляпина, А.И. Цветаевой. Ценны дневники художников – К.А. Коровин, В.И. Суриков, М.В. Добужинский, Н.А. Удальцова, П.Н. Филонов, мемуаристов художественного андеграунда – Н.М. Молева, Г.И. Маневич.

Из политиков оставили интереснейшие мемуары оставили В.В. Шульгин, А.Ф. Керенский, П.Н.Милюков, С.Ю. Витте. Более близкое нам время описывают мемуары Н. С. Хрущева, Л.М. Кагановича, Б.Н. Ельцина, Б.Е. Немцова, И.М. Хакамады

Историков диссидентства и протеста привлекают книги А.А. Зиновьева, Р.Д. Орловой и Л.З. Копелева, Л.М. Алексеевой, П.Г. Григоренко, А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, Л.К. Чуковской, Н.Я. Мандельштам, Э.Г. Герштейн и других. От последних – уже шаг к эго-свидетельствам другой эпохи: Н.Н. Берберова, И.В. Одоевцева, А. Н. Вертинский, И.Г. Эренбург...

Интересное наследие оставлено учеными – от дневников В.О. Ключевского до дневников А.Я. Гуревича, М.Я. Гефтера, знаменитого пятитомника «Историки об историках» [22].

Редки дневники мемуары буржуазии – Н. Варенцова, «Автобиография» Г. Форда, автобиография М. Тэтчер, мемуары У. Черчилля.

Известны и локальные, провинциальные свидетели эпохи. Возьмем «Письма русского офицера» Федора Глинки, написанные на тверской земле и имевшие успех.

С каким интересом читаются дневники купеческой дочери Варвары Морозовой-Хлудовой – будущей владелицы Тверской мануфактуры. Они изданы несколько лет назад Московской библиотекой читальной имени Тургенева, основанной на ее средства. Это социологические свидетельства – вот они, купцы с кубышками, становящиеся в о втором поколении меценатами. Это свидетельства личные – человек с его страстями, амбициями, надеждами в них как на ладони. Или еще пример: интересные дневники оставляет нам провинциальный писатель из Твери В.З. Исаков.

А письма – по ним можно изучать характерологию подлинных героев России! Вчитаемся хотя бы в шуточные и псевдонравоучительные письма Чехова. Не будем забывать, что это и возможность заглянуть за забор чужой жизни.

Новый, электронный век принес феномен блогов – сетевых дневников. Порой их авторов уже нет в живых, а в сети мерцают их послания, им шлют письма. Куда, спросим мы? В Сети хранится и фотография двадцатого века – его разбросанная по страницам история. Не случайно огромный успех имеют старые фотоальбомы, выставки фотографии ушедших эпох. Время – лучший художник.

Сегодня уходит в историю – невосвратимо – советская эпоха. Люди, ее населявшие, уже давно, увы, лишь декорации дня сегодняшнего. Ставится благородная задача сохранить их свидетельства. На прошедшей в Твери конференции архивисты рассказывали, как они дают статьи в местную печать, призывают наших сограждан делиться документами, оставить воспоминания о прожитом, работают для этого с ветеранскими организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агкачева М.Г., Бушев А.Б., Литературный текст как средство вовлечения в культуру и изменения читательской онтологии мира: развитие библиопсихологии // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – Часть I. – С. 112-113.
2. Бенкендорф К.А. Половина жизни. Воспоминания русского дворянина. – М.: ФОКУСНЕОЛИТ, 2012. – 552 с.
3. Беньямин В. О понятии истории // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 46. – С. 81-90.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
5. Борисов О.И. Отзвучья земного. – М.: Зебра, 2012. – 688 с.
6. Бушев А.Б. Агрессивная риторика в публицистике и мемуаристике // Речевая агрессия в современной культуре: Сб. науч. тр. – Челябинск, 2005. – С. 65-80.

7. Бушев А.Б. Политики-писатели: современная хлестаковщина // Политический дискурс в России. – М., 2007.
8. Бушев А.Б. Нон-фикшн: современный автобиографический нарратив // Русская литература в формировании современной языковой личности: этапы и варианты. – Т. 1. – С.Пб., 2007. – С. 270-272.
9. Бушев А.Б. Образ нового Света и русские тексты о нем // Литература в диалоге культур 5. – Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2007. – С. 39-43.
10. Бушев А.Б. Метаирония над стереотипами в современной прозе // Geybullayeva, Rahilya / Orte, Peter (eds.) Stereotypes in Literatures and Cultures International Reception Studies Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2010. XV, 300 pp.
11. Бушев А.Б. Сниженность и коллоквиальность речи в ряду способностей языковой личности // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. Сочи: РИЦ СГУТиКД, 2010. – С. 18-31.
12. Бушев А.Б. Жанры и механизмы комического // Studia culturae. Вып. 12. – С.Пб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. – С. 216-234.
13. Бушев А.Б. Предвосхищение стиля: роль художественной детали // Предвосхищение и язык. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 107-117.
14. Бушев А.Б. Эмигранты и репатрианты: постперестроечный нонфикшн // Культура русского зарубежья: прошлое и настоящее. – Курск: Курский госуниверситет, 2014. – С. 124-130.
15. Гавришина О. Повседневность во множественном числе // Объять обыкновенное: Повседневность как текст по-американски и по-русски: Материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы / под ред. Т. Д. Венедиктовой. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 11-18.
16. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-пресс, 2000. – 304 с.
17. Дворкин А. Моя Америка. – М.: Изд-во РПЦ, 2013. – 670 с.
18. Кнабе Г.С. Древний Рим. История и повседневность. – М.: Искусство, 1986. – 208 с.
19. Маффесоли М. Фантастический мир каждого дня // Художественный журнал. – 1997. – № 17.
20. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. – М.: Русская идея, 1994. – 450 с.
21. Окуневская Т.К. Татьяна день. – М.: Вагрус, 2010. – 446 с.
22. Портреты историков. Время и судьбы: в 5 т. Отв. ред. академик РАН Г.Н. Севастьянов. – Москва – Иерусалим, 2000.

23. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. – М.: ИВИ, 1998. – 352 с.
24. Судейкина-Стравинская В. А. Дневник. Петроград. Крым. Тифлис. – М.: Русский путь, 2006. – 669 с.
25. Щербатов С. Художник в ушедшей России. – М.: Сogласие, 2000. – 688 с.
26. Шютц А. Структуры повседневного мышления // Социологические исследования. – 1986. – №1.
27. Bouchev A.. Stimulating Reflectivity by Means of Semiotic Organisation of Psychotherapy // Sign Processes in Complex Systems: 7th Congress of International Association for Semiotic Studies (IAAS / A.J.S). – TU Dresden, 1999. – P. 103.
28. Certeau M., Giard L. Practical Science of the Singular // The Practice of Everyday Life. V2. Living and cooking. – Berkley, 1984. – P. 251-256.
29. Maffesoli M. La conquete du present. Pour une sociologie de la vie quotidienne. Paris, 1979. The History of Everyday Life. Reconstructing Historical Experience and Ways of Life // ed. by Alf.Luedtke. Princeton, 1995.

АННОТАЦИЯ

Бушев А.Б. Эго-документы: мемуарное письмо

Предметом нашего внимания в этой статье выступает Эго-дискурс как протоматериал журналистики, материалом – интереснейшие книги мемуаров. Исследование Эго-документов – это попытка посмотреть на источники личного происхождения, свидетельства людей о себе – многочисленные образцы эпистолярного жанра, фотографий, дневников, мемуаров. Сюда же относятся доклады, народные традиции, слова на юбилеях и панихидах, записи, судебные дела, заметки на полях, фольклор, семейные архивы. Мемуарное начало в современной журналистике сводимо к части художественных жанров журналистики: они требуют личностного начала, личностного свидетельства и эгоцентричны. Этим эти жанры сродни литературе нон-фикшн, между очерком и эссеистикой и мемуаристикой нет непреходимых границ.

Ключевые слова: риторика, языковая личность, интерпретации, Эго-документы, жанры, мемуары, дневники, очерки.

SUMMARY

Boushev A. B. Ego-documents: autobiographical writing

The article dwells on Ego-discourse as preliminary material for journalism, the material for the paper being the most interesting books

of reminiscences. The attention drawn to the Ego-documents helps to focus on individual personal historical sources as self-evidence of people in their reminiscences, diaries, epistles, photos, reports, speeches at anniversaries and at mournful ceremonies, judicial speeches and cases, notes, sometimes marginal, folklore, family archives. The phenomenon of Ego-documents is inextricably linked with artistic genres in journalism because in both cases the authors speak about themselves, are prejudiced and egocentric. Thus there are no distinct boundaries between non-fiction ego-documents and journalism and even some fictional prose uses the same ego-documentary strategies.

Key words: rhetoric, linguistic subject, interpretation, Ego-documents, genres, reminiscences, diaries, essays.

*И.А. Герасименко
(Ялта, Россия)*

УДК 81'367.623.2+81'371

СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА В ИДИОСТИЛЕ М. БУЛГАКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»)

Идиостиль конкретного писателя, традиционно понимаемый как «система всех образов и мотивов, присутствующих в данном тексте» [6, с. 275], представляет собой тезаурус словаря знаменательных слов соответствующего текста. Такой тезаурус, как указывает М. Л. Гаспаров, является своего рода «картиной нестандартных семантических связей, присущих не языку вообще, а только данному автору» [6, с. 275]. Исследованию таких «семантических связей» на материале произведений М. Булгакова посвящено немало работ, среди которых исследования О. В. Волкова, Н. В. Якимец, Ю. А. Смирновой, А. А. Леонтьева, Н. Г. Михальчук и др. Однако средства актуализации цвета в идиостиле М. Булгакова до сих пор недостаточно полно изучены. Поэтому цель статьи – описать особенности стиля М. Булгакова на основе анализа лексических средств экспликации цвета, функционирующих в тексте его произведения «Белая гвардия».

Цветовое видение действительности объективируется в «Белой гвардии» с помощью разных языковых средств, среди которых ведущее место занимают цветообозначения (ЦО) – имена прилагательные, обозначающие конкретные и неконкретные цвета и функционирующие как самостоятельные (простые, сложные) лексемы и как составляющие описательных конструкций с компонентами *цвет / цвета*. Однако ЦО не являются единственными вербальными знаками, отображающими

«цветовое» видение М. Булгакова как носителя русского языка и русской культуры. Цвет актуализируется в идиостиле рассматриваемого автора разными средствами, которые к ЦО традиционно не относятся. Среди общеупотребительных исконно русских и заимствованных (1) слов с основной цветовой номинацией М. Булгаков использует высокочастотные для русского языка лексемы *белый, чёрный, красный, синий, зелёный, серый, седой, сивый, сизый, голубой, жёлтый, румяный, рыжий* и др. Например: *Там белые занавески на окне застеклённой двери [...]; Чьи-то глаза, чёрные, чёрные [...]; Глаза у Мышлаевского, как у кролика, – красные; Знамена синего дыма; В зелёной тени он чистый Тарас Бульба; [...] она стояла в задумчивости и смотрела куда-то вдаль, через узорные занавеси, в серое, облачное небо; Не обладая искусством седого и доброго старика, можно было знать, что умирает доктор Алексей Турбин; И те как раз и приезжали по этому стекловидному мосту оттуда, где загадочные сизые дымки; [...] за Попелюхой развернулся в голове колонны двуцветный прапор – плат голубой, плат жёлтый; Румяный гигант ничего не сказал, только застенчиво посмотрел на Василису [...]; Рыжая кобыла, кося кровавым глазом, жуя мундштук, роняя пену, поднималась на дыбы [...].* В «Белой гвардии» М. Булгакова ЦО *белый* – это не только лексема с собственно «цветовой» семантикой. Это слово, выступающее компонентом имени текста и наделённое смыслом историко-культурного порядка. Будучи связанной со значением ‘контрреволюционный’, лексема *белый* апеллирует к известным фактам, отсылает к культуре как целостному тексту, соотносит именуемый текст с реалиями исторического плана.

ЦО (1) с основной цветовой номинацией автор задействует не только для актуализации цвета и культурных смыслов исторического характера. Эта группа лексем используется М. Булгаковым и для передачи разных межчувственных ощущений. Ср.: *синий воздух, чёрный голосок, чёрный аккорд* и под. – сочетания, с помощью которых явление одной модальности одновременно воспринимается и оценивается в категориях другой сенсорной системы. Ср. примеры вербализации синестезии как «психологического явления возникновения одного ощущения под влиянием неспецифичного для него раздражителя» [13, с. 647]: *Соткалась от морозного тумана в игольчатом синем и сумеречном воздухе...; – Так им и треба... – вдруг свистнул в толпе за спиной Турбина чёрный голосок [...].* Общеизвестно, что сущностное свойство синестезии «определяется межчувственными ассоциациями, соединяющими в себе появление цветowych ассоциаций на сигналы, поступающие

от всех органов чувств» [5, с. 11]. Подобное переживание цветового образа в ответ на обонятельное чувственное восприятие последовательно реализовано в идиостиле М. Булгакова. Ср.: *Даже Тальберту [...] запомнились в этот миг и чёрные аккорды, и истрёпанные страницы вечногo Фауста.* Можно полагать, что в этих и подобных примерах в образы синего воздуха, чёрных аккордов и под. вложено не столько цветовое свойство конкретного вещества или звука, сколько представления межчувственного ассоциативного порядка.

Считается, что появление различных имён цвета связано с тем, какую «стратегию запоминания» использует язык – «чисто языковую, опирающуюся на языковое кодирование оттенков цвета, или предметно-языковую, когда оттенки запоминаются путём соотнесения с цветом конкретного предмета» [10, с. 29]. Задействованная в идиостиле М. Булгакова производная семантика слов *золотой, защитный, кремовый, шафрановый, угольный* и под. отображает второй случай и базируется на цветовых свойствах прототипических объектов. Ср.: *Золотая Елена в полумраке спальни, перед овальной рамой [...]; Свет, ослепительный до того, что отливал в розовое [...]; Кремовые шторы наглухозакрыли застеклённую веранду; Смутно мелькали жёлтые полушубки, серые шинели и папахи, фуражки военные и защитные, и синие, студенческие; Шея его полезла багровыми складками [...]; Без всякой даты, на нежном небесном листке было написано [...]; Перед Турбинным стоял довольно плотный студент, актёр-любитель с припухшими малиновыми губами; Так – общий тон шафрановый, у скул розовато, а глаза из голубых превратились в чёрные.* Как показывает материал исследования, в мире художественной прозы М. Булгакова цветовым значением наделены изображения разных предметов, лиц, действий, состояний, а также элементов внешности человека и реалий окружающей действительности. «Цветовые» образы автор актуализирует с помощью широкого списка лексем, в числе которых и адъективы с вторичной цветовой номинацией типа *золотой, розовый, кремовый, защитный, багровый, небесный, малиновый, шафрановый, угольный, вишнёвый* и др.

В «Белой гвардии» М. Булгаков актуализирует цвет с помощью описательных конструкций с компонентом *цвет*. Ср.: *На лице, у уголков рта, по-видимому, навсегда присохли две складки, цвет кожи восковой, глаза запали в тени и навсегда стали не улыбочивыми и мрачными; На лице и на шее у неё играл багровый цвет, а пустые глаза были окрашены в чёрную ненависть; Закачались пики, и тряслись чёрные штывки гробового цвета.* Однако сочетания типа *восковой цвет, багровый цвет,*

гробовой цвет, хотя и используются автором, однако к частотным и продуктивным не принадлежат. Нетипичными для идиостиля М. Булгакова являются и гиппологические наименования: список таких слов представлен только лексемой *гнедой*: *В рядах над строем курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой пятивершковый жеребец*.

Напротив, сложные слова играют немаловажную роль в экспликации цветовой картины мира М. Булгакова. Автор использует лексемы, состоящие из (а) двух цветооснов (*зелено-чёрный, серо-голубой, зелено-жёлтый* и др.), (б) цветоосновы и выражающей тон и насыщенность цвета основы (*тёмно-красный, ядовито-зелёный, иссиня-бледноватый* и др.), (в) цветоосновы и выражающей дополнительные качественные характеристики основы (*хрящевато-белый* и др.), (г) цветоосновы и выражающей элементы внешности, части тела и предметы основы (*белоголовый, рыжебородый, чёрношлычный* и др.). Например: *Но тут освещает немного, падает, задев зелёно-чёрный постамент, бледный электрический свет [...]; Наклонившись над балюстрадой, он не отрывал глаз от белоголовой фигурки, пока она не исчезла внизу; Появились хрящевато-белые, с серенькой бритой щетинкой на лицах [...]; Из офицерской группы выделялся штабс-капитан Студзинский, как-то иссиня-бледноватый, косящий глазами [...]*. И хотя в целом композиты являются «редкоупотребляемыми словами» [8, с. 123], они, как справедливо отметил А. П. Василевич, увеличивают «возможности выражения цвета в десятки раз» [4, с. 110].

Известно, что ЦО представляют собой отдельную лексико-семантическую группу, содержащую «указание на цвет в собственном смысле» [14, с. 21]. Однако не только эти простые и сложные по структуре слова с основной и производной цветовой номинацией, описательные конструкции с компонентом *цвет* использует М. Булгаков. Данные ЦО составляют лишь часть того массива лексических средств русского языка, который задействует автор в «Белой гвардии». Особую группу составляют лексемы, обозначающие (а) тон, яркость, степень насыщенности цвета, интенсивность окраски, наличие или отсутствие цвета (*тёмный, светлый, ясный, матовый, бледный, мутный* и др.). Ср.: *В самом тёмном переулке вдруг рождается голубой конус; За наливным золотистым августом пришёл светлый и пыльный сентябрь; [...] а родинки на правой щеке, матовой, смутно сверкнули в сонной тьме; Спит Турбин, бледный, с намокшей в тепле прядью волос [...]; Глаза, мутные и скорбные, глядели из глубочайших орбит невероятно огромной головы [...]*. Слова (а) не принято относить к ЦО, так как считается, что они «не передают

значения цвета» [7, с. 104] и, соответственно, входят в другие ЛСГ. Однако очевидным является то, что такие лексемы имеют неконкретное спектральное значение. Более того, в определённых контекстах они наделяются угадываемой семой цвета. Так, прилагательные *тёмный, светлый, ясный* и под. в составе литературно-художественных сочетаний М. Булгакова можно интерпретировать как средства представления семантики, близкой к тёмным и светлым цветам. Ср.: *Игольчатый мороз, косматые лапы, бездунный, тёмный, а потом предрассветный снег [...]; Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага [...]; Известно, что платки на них ясные, за версту видно*. Фактически, передавая словом *тёмный* значение ‘погружённый во мрак, окутанный мраком; тёмный’, лексемой *светлый* – ‘не тёмного цвета’, адъективом *ясный* – ‘светлый’, эти и подобные слова могут быть контекстуально семантически близки с определёнными ЦО. Именно поэтому в последнее время наметилась тенденция включать прилагательные, «обозначающие дополнительные характеристики цвета» [9, с. 224], в состав ЦО (В. Г. Кульпина, В. К. Харченко, Х. Г. Ахичба, С. П. Муляр, И. М. Бабий, О. И. Кулько и др.), относить их «к компонентам периферии» колористического поля цвета [11, с. 11]. В этом случае авторы руководствуются наличием контекстуальной близости таких единиц «с собственно ЦО или словами, в структуре лексического значения которых есть сема цвета» [9, с. 224]. «Было бы насильем над материалом и сознанием [...] проводить демаркационные линии между цветовым корпусом картотеки и её «световой» частью», – пишет относительно комплексного изучения цвето-оттеночной лексики В. К. Харченко [15, с. 4].

В состав ЦО также традиционно не включаются слова, обозначающие (б) смешанные цвета (*цветной, разноцветный, пёстрый* и др.). Однако вполне очевидно, что спектральный компонент, даже не конкретизированный, присутствует в структуре значения таких лексем. Ср.: *на фигурке была широкая двубортная куртка с серебряными пуговицами и цветными зелёными петлицами; [...] а там, у Караваевских дач, уже свищет соловьём разноцветная шлычная конница; В лавочке бухнула штора и сразу скрыла пёстрые коробки с надписью «мыльный порошок»*. Мы склонны считать, что в названиях, передающих смешанные цвета, содержится информация об их «цветовой неоднородности» [12, с. 177] (на том, что это ЦО, настаивает С. В. Кезина, Х. Г. Ахичба, И. М. Бабий, О. И. Кулько и др.; см., например: [7, с. 112; 1, с. 17; 2, с. 5; 9, с. 224]). Так, слово *цветной* закреплено за значением ‘неодноцветный’,

пёстрый – ‘покрытый разноцветными пятнами’, *разноцветный* – ‘с окраской разных цветов’. Несмотря на зафиксированную в семантике данных лексем «общую окрашенность реалий» [2, с. 5], функционирующие в идиостиле М. Булгакова адъективы (б) принадлежат к средствам экспликации цвета и являются ЦО с неконкретным спектральным значением.

В «Белой гвардии» автор прибегает к использованию не только адъективных ЦО, но и слов, принадлежащих к другим частям речи – именам существительным (*белизна, синева, желтизна*), наречиям (*зелено, красно, чёрно, сине*), глаголам (*буреть, белеть, краснеть, синеть, чернеть*). Например: *На белизне скатерти свежие букеты тепличных роз [...]; Часовой Щур пропустил его в сарай, где тускло и красно горела мерзкая лампочка; И в синеве на площадке оставались двое [...]; В апреле восемнадцатого, на пасхе, в цирке весело гудели матовые электрические шары и было черно до купола народом; В окнах было совершенно сине; На чёрной безлюдной улице волчья оборванная серая фигура беззвучно слезла с ветви акации, на которой полчас сидела, страдая на морозе, но жадно наблюдая через предательскую щель над верхним краем простыни работу инженера, навлекшего беду именно простынёй на зелено окрашенном окне; Шея и его щёки побурели и глаза загорелись; Николка покраснел и побелел; [...] полковник указал рукой на окно, где уже начинал синеть покров над городом [...]; От бульвара, по Владимирской улице чернела и ползла толпа*. Безусловно, данные лексемы к собственно ЦО не относятся. Однако сема цвета в их семантике присутствует. Не случайно В. К. Харченко, описывая многообразие «задействованных в русском языке и накопленных русской национальной культурой ЦО» [15, с. 2], указывает на, что в вербализации цвета задействованы и другие части речи – существительные (*белизна*), глаголы (*белеть*), наречия (*бело*). Считаем, что принятие такого подхода не связано с нивелировкой грамматических свойств ЦО, однако иллюстрирует многообразие лексических средств, задействованных в актуализации цветовой картины мира.

Итак, идиостиль М. Булгакова представлен разными средствами объективизации цвета. К ним относятся не только общеупотребительные ЦО с основной и производной цветовой номинацией, но и описательные конструкции с компонентом *цвет*, сложные слова, лексемы, обозначающие неконкретные и смешанные цвета. Немаловажную роль в экспликации цвета играют лексико-грамматические группы существительных, наречий, глаголов, использование которых иллюстрирует особенности авторского «цветового» восприятия. Безусловно,

полный анализ феномена цветового пространства, выраженного в идиостиле М. Булгакова, возможен в случае привлечения других, кроме романа «Белая гвардия», источников, что и будет сделано в наших дальнейших исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахичба Х. Г. Цветовая метафора в абхазском, немецком и английском языках (сопоставительный анализ): автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.10 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» / Х. Г. Ахичба. – М., 1997. – 19 с.
2. Бабій І. Семантична характеристика назв кольорів у сучасній українській мові / Ірина Бабій // Рідна мова. – № 5. – С. 4–6. Режим доступа к журн. : <http://ridnamova/prv.pl>.
3. Булгаков М. Белая гвардия / М. Булгаков. – М. : АСТ, 2012. – 352 с.
4. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. ; под общ. ред. А. П. Василевича. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
5. Выродова А. С. Лингвокультурологическое пространство колоративов в русском поэтическом дискурсе первой половины XX века (на материале поэтических текстов С. А. Есенина и Н. М. Рубцова) : автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / А. С. Выродова. – Белгород, 2008. – 22 с.
6. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузьмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Гаспаров М.Л. Избранные статьи. – М., 1995.
7. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект) / С. В. Кезина. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Пенза : ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. – 304 с.
8. Краснянский В. В. Сложные цветообозначения русской речи / В. В. Краснянский // Традиционное и новое в русской грамматике: сб. ст. памяти В. А. Белошапковой / [сост. Т. В. Белошапкина, Т. В. Шмелёва]. – М. : Индрик, 2001. – С. 119–130.
9. Кулько О. И. Колоративы и обозначения цвета в рекламе / О. И. Кулько // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы : труды и материалы междунар. научн. конф., 4–6 окт. 2004 г., Казань / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С. 224–225.

10. Лю Юй Ин. Цветообозначение и символика цвета в китайском языке / Лю Юй Ин // Актуальні проблеми металінгвістики : зб. ст. за матеріалами III-ї міжнар. наук. конф. / Черкаськ. держ. ун-т імені Б. Хмельницького. – У 2-х ч. – Ч. 1. – Черкаси : Брама, 2003. – С. 29–33.
11. Муляр С. П. Колористична семантика в структурі російського художнього тексту (мова поезії 70-80-х рр. XX ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / С. П. Муляр. – К., 2003. – 18 с.
12. Наименования цвета в индоевропейских языках : системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М. : КомКнига, 2007. – 320 с.
13. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2010. – 844 с.
14. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолінгвістического анализа / Р. М. Фрумкина / Отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Наука, 1984. – 175 с. – (АН СССР ; Ин-т языкознания).
15. Харченко В. К. Словарь цвета : реальное, потенциальное, авторское : свыше 4000 слов в 8000 контекстах / В. К. Харченко. – М. : Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2009. – 532 с.

АНОТАЦІЯ

Герасименко І. А. Засоби актуалізації кольору в ідіостилі М. Булгакова (на матеріалі твору «Біла гвардія»)

Надана стаття присвячена розгляду вербальних засобів актуалізації кольору в ідіостилі М. Булгакова. У роботі також розглянуто семантика кольору лексем, які до традиційних колоративів не відносяться. Мета роботи – опис складу та семантики лексичних одиниць з семою кольору, які використовує М. Булгаков у творі «Біла гвардія».

Ключові слова: колоратив, значення, колір, ідіостиль, засоб актуалізації, семантика.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И. А. Средства актуализации цвета в идиостиле М. Булгакова (на материале произведения «Белая гвардия»)

Данная статья посвящена рассмотрению вербальных средств актуализации цвета в идиостиле М. Булгакова. В работе также рассмотрена семантика цвета лексем, которые к традиционным колоративам не принадлежат. Цель работы – описать состав и

семантику лексических единиц с семой цвета, используемых М. Булгаковым в произведении «Белая гвардия».

Ключевые слова: колоратив, значение, идиостиль, цвет, средства актуализации, семантика.

SUMMARY

Gerasimenko I. A. The means of the colour worldview verbalization in M. Bulgakov's idiostyle (on the basis of novel "The White Guard")

The article deals with the linguistic means of M. Bulgakov's colour worldview explication. Special regard is given to the semantics of some adjectives which, apart from "non-colour" direct meanings, render additional colour characteristics. The aim of the work is to describe the number and semantics of lexical units with colour seme used by M. Bulgakov in his work "The White Guard", to show the peculiarities of the author's colour view.

Key words: colour designation, meaning, idiostyle, colour, worldview verbalization, semantics.

*И.И. Дяговец
(Донецк)*

УДК 811.112.2'367'235

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПРИДАТОЧНОСТИ С ОТКЛОНЯЮЩЕЙСЯ СТРУКТУРОЙ (НЕСКОЛЬКО ПОПУТНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ)

Международные конференции по проблемам языкознания проводились раньше и проводятся сегодня относительно регулярно. Конечно, определённая отдача от них была и есть. Во всяком случае проблемы, ставившиеся на таких научных форумах, часто получали мощный импульс для более глубокого исследования и даже для обозрения их.

В этом плане Международная конференция, проведённая в феврале 1995 года филологическим факультетом Ломоносовского университета в Москве, подвела итоги развития языкознания в XX столетии и попыталась очертить круг проблем лингвистики XXI века.

Среди таких проблем языкознания будущего, в числе первоочередных, была названа проблема «усиленного внимания к нечётким структурам в языке» [2, с. 9].

Нельзя сказать, что класс синтаксически зависимых единиц в составе сложноподчинённого предложения (СПП) обойдён вниманием науки, однако и на сегодняшний день они продолжают

оставаться в проблемной ситуации русистики. Вот почему данная статья носит характер не только попутных, но и вступительных замечаний к проблеме. Они рассчитаны на постановку её (проблемы) как в общем формате, так и в отдельных её частностях.

На схеме придаточность отчётливо демонстрирует себя как процессное действие в зависимой части СПП, которую я условно называю «процессным синтаксисом». Почему так, а не иначе? Да потому, что эта сфера формируется исключительно на базе синтаксических связей и отношений, что вытекают из действия самых различных по природе своей языковых процессов. В качестве главных среди них выделяются следующие:

1) **контаминация** (скрещение модально-временных планов структурирующихся в единое целое предложений);

2) **апликация** (наложение аффиксов слова или какой-либо из его частей на структуру всего сложного предложения);

3) **амплификация** (расширение, увеличение структуры синтаксической единицы);

4) **импликация** (подразумевание определённой информации латентного характера);

5) **парцелляция** (дробление, членение сложной, или ещё чаще, усложнённой конструкции на отдельные отрезки)³ и др.

Поскольку эти процессы в реальной синтаксической действительности формируют определённые классы единиц, то вполне понятно, что указанные процессы приобретают при своём действии статус синтаксических явлений, нося ярко выраженный деятельностный характер в гумбольдтовской трактовке [3], а также в интерпретации гиганта языковедческой мысли А. А. Потебни [4].

Визуальные наблюдения над действием в русском синтаксическом пространстве СПП синтаксических процессов показывают, что данное действие протекает в трёхвекторном формате.

Первый вектор направлен на расширение структуры зависимой части СПП, второй сужает её структуру, минимизируя до необходимых размеров, дабы не разрушались коммуникативные потенции всего СПП.

Процессы третьего вектора расчленяют усложнённые конструкции на отдельные относительно законченные отрезки, которые в процессе расчленения приобретают грамматическую

³ Здесь перечислены синтаксические процессы, доминирующие в пространстве русского синтаксиса. Другие же, хотя и действуют в сфере структурирования языковых единиц, но либо играют менее заметную роль, либо вовсе не участвуют в создании новых единиц. Например: спецификация, усложнение, совмещение, пермутация, опрощение, включение и др.

самостоятельность и коммуникативную достаточность, причём резко ослабляется их статус синтаксически зависимых единиц, т. е. придаточных частей⁴.

В чём же секрет данного процессного действия в сфере придаточности и чем оно интересно для науки?

Он заключается в том, что указанное действие в русском синтаксическом пространстве СПП формирует целую систему подчинительных единиц, которые имеют отчётливо выраженную смещённую структуру, т. е. отклоняющуюся от узуальных, привычных моделей построения. Эта отклоняемость, структурируясь в систему, формирует в зоне русской придаточности довольно нестабильную сферу периферийных единиц. Они до сих пор остаются *terra incognita* в синтаксисе СПП, поскольку практически не исследованы наукой на концептуальном уровне. Те же несколько работ, что посвящены нестабильным зонам в языке, лишь частично затрагивают интригующую нас зону придаточности СПП [3], [5], [6], [7], [8].

Сфера нестабильных зон в синтаксическом пространстве СПП образуется в результате усиления давления функциональных параметров всей системы сложного предложения, вследствие чего возникает благоприятные условия для активного проникновения в синтаксическое пространство всевозможных экспансий – «возмущающих воздействий», говоря языком лингвофилософов. Они по своему характеру бывают и языковыми, и экстралингвистическими, но как те, так и другие выполняют преобразующие функции в самой системе. Это процесс преобразования часто принимает бурные формы, так

⁴ См. об этом: Дяговец И. И. Синтаксические процессы сужения структуры русских придаточных конструкций // Слово и мысль / Вестн. Дон. отделения Петровской Академии Наук и искусств / Гум. науки. Вып. 3. – Донецк: ДонНУ, 2003. – С. 171–179; Он же. Русские придаточные предложения нетипичного построения. – Донецк: Юго-Восток, 2003; Он же. Типология русских придаточных предложений нетипичного построения (Синтаксические единицы с отклоняющейся структурой). – Донецк (Краснодар) // Докт. дисс.; Он же Категория «деятельность» в лингвофилософском ракурсе (опыт интерпретации) // Лінгвістичні студії. Вып. 7. – Донецк: ДонНУ, 2008. – С. 14–19; Он же. К вопросу о некоторых особенностях деятельностной концепции языка в трудах А. А. Потебни // Актуальні проблеми слов'янської філології. Вип. IX. – Київ: Знання України, 2004. – С. 467–473; Он же. Бинарная оппозиция «центр–периферия» в русской грамматической действительности // Актуальні проблеми слов'янської філології. Вип. VIII. – Київ: Знання України, 2003. – С. 18–32; Он же. Глубинные истоки процесса парцелляции (уровень сложноподчинённого предложения) // Лінгвістичні студії. Вип. 15. – Донецк: ДонНУ, 2007. – С. 248–252; Он же. Аномальный синтаксис русскоязычной придаточности. – Донецк: Юго-Восток, 2011.

что внешне может показаться, что система разваливается, хотя на самом деле она просто совершенствуется.

Такому процессному буйству «возмущающихся воздействий» есть и своё научное объяснение: «В самом языке как обособлённой системе всегда заложены разные потенции, которые могут реализовываться одновременно и вступать в противоречие друг с другом. Мы не говорим о внешних факторах, воздействующих на язык. Весь язык на всех его уровнях пронизан противоречиями [9, с. 9].

Язык не остаётся безучастным к своим противоречиям – он их «пытается» разрешить, хотя это разрешение, как мы видели, часто принимает весьма бурные, угрожающие формы: «В языке всё взаимосвязано... Однако было бы грубой ошибкой, если бы этот общий взгляд привёл к представлению о языке как о симметрической и гармоничной конструкции. Стоит только начать разбирать механизм, как тебя охватывает страх перед царящим в нём беспорядком, и ты спрашиваешь себя, [как] каким образом могут столь перепутанные между собой системы колёс производить столь согласованные движения» [10, с. 28].

Таким образом, принимая бурные формы разрешения своих противоречий, язык не просто создаёт в своём пространстве нестабильные зоны, куда так легко, а иногда бывает и нелегко, проникают всякого рода – и языкового, и экстралингвистического – «возбуждающие воздействия», производя в нём те или иные изменения. А эти последние придают лингвообъектам либо новые качества, либо создают новый объект.

Происходит так называемое «имманентное саморазвитие», т. е. изменение отдельных звеньев системы, что объясняется стремлением ликвидировать структурно-семантические противоречия, скрытые в его недрах. С другой стороны, яркие следы вмешательства человека в структуру и функции языка являются реальностью в чистом виде «без красителей и добавок» [11, с. 96]⁵.

Говоря иначе, проникновение каких-либо экспансий в язык бесследно для него не проходит. Они зачастую развивают отдельные его объекты, целые системы и подсистемы, что по сути своей есть развитие языка и ярко подтверждает гумбольдтианский

⁵ В дополнение к сказанному, видимо, следует сообщить и следующее: «Главное назначение языка – передать информацию, её содержание в наиболее доступной для восприятия форме. В этом смысл его существования. Если в каком-либо сегменте языка происходит сбой, в результате которого снижается или полностью искажается уровень информации, в нём самопроизвольно включается механизм для «устранения смысловых завалов и подачи информации в чистом виде» [11, с. 96].

постулат о том, что язык следует рассматривать не как эргон, а как энергейю, т. е. такой интеллектуально-мыслительный ноумен, который находится в перманентном (постоянном) развитии.

Логика описания единиц со смещённой структурой требует определения их отношения к таким фундаментальным категориям синтаксиса, как «центр» и «периферия» системы. Но даже визуально видно, что указанные единицы лишь частью своих признаков отражают «центр» системы, точно так же другой своей признаковой частью, притом, по-видимому, большей, они принадлежат «периферии» этой системы.

Таким образом, в «центре» придаточности СПП концентрируются зависимостные предложения с полным набором дифференциальных признаков (именно они и лежат в основе школьного, да и частично вузовского, курсов синтаксиса). Они составляют синтаксическую сущность всей подсистемы придаточности, образуя таким образом относительно самостоятельную субстанциальную данность синтаксиса, глубоко консервативную по сути своей⁶. И в этом отношении «центр» подсистемы практически непроницаем, так что «возмущающим воздействиям» в него проникнуть почти невозможно.

«Периферия» придаточности формируется тоже на признаковой основе, но структурируется она из неглавных, необязательных признаков, отмеченных латеральностью, либо субсидиарностью или даже просто факультативностью. Однако все эти признаки, являясь по сути своей языковыми, лишь в незначительной степени демонстрируют свою «привязанность» к «центру» подсистемы придаточности, зато при этом ярко выражают свой периферийный статус.

Напомню ещё раз, что общая языковая система, чтобы «крепко» удерживать все свои объекты и подсистемы в нормальном рабочем состоянии, «вынуждена» постоянно оказывать на них функциональное давление. Однако оно распределяется неравномерно: «центр» испытывает сильное давление функций, так что единицам языка никак не удаётся уклониться от исполнения их (функций); «периферия» же попадает в зону резкого ослабления общеязыковых и подсистемных функций, что создает, как уже отмечалось, благоприятные условия для проникновения любых экспансий, которые, как мы видели,

⁶ Вообще-то научная консервативность всегда амбивалентна: с одной стороны, она, конечно же, препятствует прогрессу в науке, но с другой стороны, в лучших своих проявлениях она стимулирует здоровый скептицизм, со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, указанная консервативность помогает не растерять традиционные профессиональные навыки [1, с. 43].

производят в языке те или иные изменения, которые протекают то в центростремительном, то в центробежном направлении, то в том и в другом вместе, но в любом случае они что-то изменяют в языке, что-то отшлифовывают, а что-то просто уничтожают, то есть делают его непригодным для пользования в процессе коммуникации.

В результате всех этих изменений появляются новые единицы или прежние обновляются, и каждая из них занимает свою нишу на периферии языкового пространства как такая, что удовлетворяет не всем требованиям к единицам центральной (ядерной) системы, а лишь частично.

Известно, что русский язык, как, впрочем, и любой другой, развивается эволюционным путём, но в определённые периоды в нём происходят скачки, или «взрывы», в результате которых развитие языковых систем резко ускоряется. Причина этому – вторжение в язык различных «возмущающих воздействий». Именно они производят в нём всевозможные преобразования, накопление которых и приводит к «взрывам» языковой материи или какой-либо её части, что само по себе означает развитие языка.

Однако это уже выходит за рамки нашей статьи.

Сделаем некоторые выводы:

- Придаточные предложения с отклоняющейся, смещённой структурой, эта довольно значительная область СПП, продолжает оставаться малоисследованной сферой его, так что изучение указанной области сегодня становится одной из весьма актуальных проблем.

- Развитие СПП, как, впрочем, и всего синтаксиса, – это результат действия самых различных языковых процессов, причём данное действие их носит отчётливо выраженный трёхвекторный характер.

- Как и любая другая языковая система, сфера придаточности, единицы которой имеют смещённую структуру, состоит из «центра» и «периферии», а между ними располагается обширная область маргинальных (промежуточных) конструкций, и она тоже совершенно не изучена.

- Провести чёткие разграничительные линии между объектами-маргиналиями в сфере придаточности сегодня ещё очень трудно, но сделать это крайне необходимо для создания полноты языковой картины реальной действительности.

- СПП развивается за счёт изменений его придаточных частей, чему во многом способствует преодоление противоречий как во всём языке, так и в отдельных его подразделениях. Разрешение противоречий всегда или почти всегда принимает бурные формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шапсер М. И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках / М. И. Шапсер // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 43.
2. Дуличенко В. Д. Доклад на Международной конференции в МГУ 1995 г. / В. Д. Дуличенко // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 9.
3. Гумбольдт ф. В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества / В. ф. Гумбольдт. – М., 1984.
4. Потебня А. А. Мысль и язык. Полное собрание сочинений. Т. 1. / А. А. Потебня. – Харьков, 1926.
5. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Конструкции, сочетающие свойства двусоставных и односоставных (безличные именные) предложений / В. В. Бабайцева. – Воронеж, 1967.
6. Дяговец И. И. Аномальный синтаксис русскоязычной придаточности / И. И. Дяговец. – Донецк: Юго-Восток, 2011. – 226 с.
7. Колосова Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры / Т. А. Колосова. – Воронеж, 1980.
8. Полянский А. Н. Формы и функции неизречённого в текстах художественной литературы / А. Н. Полянский. // Филологические науки. – 1990. – № 2.
9. Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка / Ф. П. Филин. // Вопросы языкознания. – 1980. – № 2. – С. 9.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М., 1955. – 416 с.
11. Туманян Э. Г. О природе языковых изменений / Э. Г. Туманян. – Вопросы языкознания. – 1999. – № 3. – С. 96.

АННОТАЦИЯ

Дяговец И. И. Синтаксические единицы придаточности с отклоняющейся структурой (несколько попутных замечаний по проблеме)

В статье пойдёт речь о тех языковых единицах, которые в своей структуре отклонились от норм узальных моделей структуриации, но которые часто используются в речи.

Ключевые слова: узальный, структуриация, отклоняемость.

АНОТАЦІЯ

Дяговець І. І. Синтаксичні одиниці підрядності з відхиленою структурою (декілька побіжних зауважень з проблеми)

В статті піде мова про ті мовні одиниці, які в своїй структурі відхилились від норм узуальних моделей структуризації, але які часто використовуються в мовленні.

Ключові слова: узуальний, структурування, відхиляємість.

SUMMARY

Dyagovets I. I. Syntactical units of the subordination with a deviating structure (some passing remarks to the problem).

The article concerns the language units which, in their structure, deviated from the standards of the usual models structuring, but which are frequently used in speech.

Key words: usual, structuring, subordination, deviation.

*И.И. Дяговец
(Донецк)*

УДК 81.0

СЛАВЯНСКАЯ РУНИЦА (О ДОХРИСТИАНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СЛАВЯН)

Ты, несказанная страна
дождей и зорь, теней и света,
не сохранила имена
своих дописьменных поэтов.

Я. Смеляков

В чьм актуальность озвученной проблемы? Почему она и сегодня привлекает к себе внимание? Или, может, не стоит копаться в седой древности индоевропейского (*дальше – и-е.*) человечества? Ведь отстоит она (древность) от нас на огромнейшем временном расстоянии, измеряемом не сотнями лет, а десятками тысячелетий.

Полагаю, что стоит, поскольку там, в глубине этих тысячелетий, закладывались основы Человека как биологического вида и его умственных возможностей. Всё то, что мы имеем сегодня в области своего интеллектуального потенциала, начало формироваться ещё тогда, в те далёкие, незапамятные времена.

Дело, однако, заключается ещё и в том, что возникновение и развитие государственности любого народа (этноса) – это показатель уровня интеллектуально-мыслительной, а также культурной его развитости: только высокоразвитый народ способен сформировать собственную государственность, а она, как известно, без письменности не бывает, так что возникновение последней служит свидетельством того, что этнос, создавший

свою письменность, либо уже сформировал собственное государство, либо формирует его, либо находится на пути к нему.

В настоящей работе предпринята попытка выяснить⁷, обладали ли славянские этносы собственной письменностью накануне создания своей государственности?

Эта проблема всплыла на повестку дня очень давно – ещё на стыке XVI–XVII столетий н. э. поставил её, озвучил хорватский учёный Черноризец Храбр (1550–1614), создатель южнославянской исторической науки, выдвинувший первым идею единства славянского мира, осуществлению которой он посвятил всю сознательную жизнь. В «Острожском букваре» Ивана Фёдорова, русского первопечатника (конец XVI ст.), Черноризец печатает своё «Сказание о писменех» (1580–1581), в котором отмечает: «Прежде убо (бо) словене не имяху книг, но чертами и резами четеху и гадаху, погани суще... Крестиве же ся римскими и греческими писмены нуждахуся словенску речь без устроения...» [6:94]. В переводе этот отрывок звучит так: «В прежние времена, когда славяне были ещё язычниками, они не имели книг, а читали и гадали (размышляли) при помощи черт и рез. Когда же славяне приняли христианство (крестились), то стали свою славянскую речь записывать римскими и греческими письменами».

Итак, что же представляли из себя эти самые чётры и резы?

В одних случаях это были вырезанные на идолах в святилищах имена языческих богов и богинь, особо почитаемых в данной общине, и ли даже в нескольких близлежащих общинах, между которыми существовала тесная связь и регулярное общение.

В других случаях тоже вырезались обязательно на деревянных обрубах чурбачного типа имена приговорённых к казни людей, либо лиц, предназначенных для жертвоприношения, либо совершивших что-то запретное, табуированное.

Иногда резы и чётры появлялись, как правило, внезапно, под покровом ночи на могилах знатных людей общины, или человека, чем-то прославившегося и др. На этих могилах оставляли хадангу, то есть ставили деревяшку обязательно из тополя или белой берёзы⁸ и т. д.

⁷ Научкой собран огромный материал по нашей проблематике, но трудность его в том, что он чересчур научно пёстрый, калейдоскопичный, отчего слишком сложно разрешить его противоречия. В этом плане практически невозможно установить истину, или что-то похожее на неё: одни материалы свидетельствуют о наличии у славян дохристианской письменности, другие отрицают её, но интригу создаёт тот факт, что как те, так и другие приводят достаточно веские, убедительные аргументы.

⁸ Не с этой ли поры белая берёза становится символом Руси, а затем и России.

Таким образом, чѣрты и рѣзы – это своеобразные знаки – символы рунического характера, условные обозначения чего-то из реальной действительности, но эти обозначения были известны далеко не всем членам общины, только отдельные общинники могли быть посвящены в тайну символов, что выделяло таких знатоков из общей массы соплеменников. А эта обособленность небольшой группы не нравилась остальным членами общины и вызывала у них чувство неприязни и даже пренебрежения⁹.

Когда возникла руница у славян?

Вопрос непростой, ответить на него затруднительно, поскольку всегда в ответной информации оказывается ряд положений, дающих основание для сомнения, потому как вся она строится на версиях, всевозможных предположениях и вероятностных, косвенных доказательствах.

Это, конечно же, не совсем эффективный способ исследования, но, к сожалению, альтернативного пути пока нет.

В поисках ответа на указанный вопрос вспомним памятник глубокой поры, когда и.-е. общность в основном уже вышла из своего животного бытия, Каменную Могилу, что расположилась на юге Донецкого региона, в Приазовье, в 20 км на северо-запад от Мариуполя. Это памятник XIII–XII тыс. до н. э. В нём очень много пещер, стены некоторых из них исчерчены руническими знаками. Их исследовал крупный учёный-историк А. Г. Кифишин и, что самое главное, сумел расшифровать «протописьменные знаки Каменной могилы» [6, с. 59], причём самые ранние знаки он относил к XII–X тыс. до н. э., а поздние (и, вероятно, последние) к III тыс. до н. э.

Можно предположить, что XII–III тыс. до н. э. – это было время зарождения и становления славянской руницы, а также её тесная связь с «собственно шумерской культурой [Месопотамии] с её богатой письменностью и литературой [6, с. 59]. На такую мысль наводит самое древнее [в мире] панно Каменной могилы, в Пещере колдуна (XII–X тыс. до н. э.), где уже фигурировали основные персонажи шумерских мифов» [там же].

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что славянская руница возникла не просто в Северном Причерноморье, а на земле Донбасса, в его приазовской части.

Конечно, руница ещё не славянская письменность, но она вырастает из руницы, то есть это протописьменность

⁹ Пережив тысячелетия, это чувство неприязни дожило до наших дней. Так и сегодня можно услышать (и часто слышим) такие выражения, даже просто окрики, когда одному из участников действия показалось, что другой начинает умничать: «Ишь ты, умный нашёлся!», «Не умничай!», «А будешь умничать...» и т. п.

славян, и в этом её историческое значение. Она возникла уже в послеледниковое время, когда русы – индоевропейцы поднялись на новую ступень своего этнического развития – пеласгийскую, когда они превратились в протославян.

Появление письменности у славян отметили некоторые ближневосточные письменные источники.

Арабский писатель X века Ибн ан-Надим в своей «Книге росписи...», сообщая о русских письменах, утверждал, что они – это куски белого дерева с вырезанными на них изображениями каких-то знаков, но ему неизвестно, были это слова или буквы [2, с. 442–466].

В своих «Золотых копиях и россыпях самоцветов» (20-е–50-е годы X века) Абуль-Хасан Али ибн-Хуссейн, арабский историк, известный под именем Аль-Масуди, сообщает, что в одном русском храме он обнаружил «начертанное на камне» пророчество [3]. Неизвестно, когда и кем было сделано начертание пророчества, но что по сути своей это было руническое письмо, пожалуй, сомневаться не приходится.

Из истории известно, что восточные славяне, будучи соседями (через Карпаты и Балканы) Византии, часто приходили в столкновение с нею.

Но не всё же время они сражались – наступало время примирения, и даже заключался мир между ними, что фиксировали мирные договоры, а они, как свидетельствует мировая практика, всегда писались в двух экземплярах ещё со времён Хаммурапи¹⁰ (1792–1750 лет до н. э.), так что и византийско-восточнославянские договоры должны были быть написаны на двух языках – греческом и славянском.

Следовательно, восточные славяне на стыке тысячелетий до н. э. и н. э. уже имели письменность, если могли заключать международные по всем нормам договоры. Эта письменность наших предков выросла из рунической письменности – из чѣрт и рез, которые долго, на протяжении нескольких тысячелетий удовлетворяли письменные потребности предков восточного

¹⁰ Это шестой царь I вавилонской династии (1792–1750 года до н. э.). Он, завершив объединение стран Двуречья, сформировал единое древнеавилонское царство, а также создал целый свод законов, носивших его имя. Этот памятник строго структурирован: состоит из трёх частей – введения, свода законов и заключения. Во введении пышными фразами прописано установление «царства правды и счастья». Затем приводится сам свод законов, насчитывающий 282 статьи по самым различным проблемам древнеавилонской государственности: по семейному, общинному, имущественному, наследственному, обязательному и др. праву. В заключении царь восхваляет себя за заботу о своих подданных, называя себя «несравнённым царём» и мн. др.

славянства. Они не оставались всё это время в своём первоначально виде, а совершенствовались вместе со своими носителями – нашими далёкими предками – и дожили до Кирилловской азбуки IX в. н. э., даже пережили её: по достоверным сведениям [4], ещё в XVII веке германские венды (славяне) обучали своих детей рунам.

Продолжая руническую тему, скажем несколько слов о рунических находках в конце XIX века у рязанского села Алёканово, где работал археолог С. Г. Городцов. При раскопках он обнаружил горшок с надписями, которые были выполнены необычно – вроде не так, «как положено».

Эта некоторая необычность алёкановских надписей вызвала неоднозначность их интерпретации. К тому же неясна этническая принадлежность авторов надписей, поэтому одни исследователи полагают, что алёкановские надписи – это руническое письмо, а другие считают их тамгамами, то есть родовыми клеймами. Но если учесть, что алёкановские надписи применялись вплоть до появления кириллических азбук, то всё-таки больше шансов считать их руническим письмом [5].

Остановимся ещё на одном довольно интересном случае обнаружения артефакта у селя Войсковое Солонянского района Днепропетровской области. При раскопках 1967 года там нашли ритуальный глиняный сосуд Черняховской культуры (II–IV века н. э.). Надпись на сосуде состоит из 12 позиций с использованием 6 знаков явно рунического характера.

Однако эта надпись до сих пор остаётся неразгаданной, быть может, в этом самом и кроется вся интрига данного случая: кому принадлежал сосуд, какой этнос представлял автор надписи, каким делом он занимался и, главное, для чего он сделал эту надпись и т. п.

В практике науки о рунах, назовём эту науку условно «руникой», принято к рунам прибавлять определения от названия той местности или страны, региона, где найдены руны. Так, например, есть русские, болгарские, венгерские, германские, скандинавские руны.

О «чёртах» и «резах» впервые мы узнали от арабских путешественников Ибн-Фадлана, Аль-Масуди, Ибн ан-Надима [8] и др., а также от хорвата Черноризца Храбра.

Все славянские руны в чём-то похожи одна на другую, но в чём-то они резко отличаются друг от друга, но всех их объединяет место появления: все они либо вырезаны на дереве, либо начертаны на камне.

Интересно, что братья-миссионеры Кирилл и Мефодий, описывая своё путешествие по восточнославянским землям,

отметили, что восточные славяне пользовались «чёртами» и «резами» как письменностью. Полагаю, что именно это обстоятельство заставило Кирилла внимательно присмотреться к «чёртам» и «резам» наших предков, проанализировать, чтобы на их основе создать новую азбуку.

Знакомясь с «чёртами» и «резами» и обдумывая, как, в какой мере они помогут создать русскую (славянскую) азбуку (алфавит), Кирилл какое-то время не знал, что такая азбука на Руси уже функционирует, что создана она примерно за 150 лет до его появления на восточнославянской земле, что создал её на основе «черт» и «резов» епископ Тавроскифии Иоанн Гофтский [6, с. 90–91].

Но азбука И. Гофтского была очень примитивной, по количеству знаков страшно несовершенной, тем не менее на ней были написаны две религиозные книги – «Евангелие» и «Псалтырь». Именно они были подарены (или просто дадены для прочтения) Кириллу. Прочитав их, монах пришёл в восторг, даже увидя серьёзное несовершенство азбуки тавроскифского епископа, он (Кирилл) определил возможность её для создания новой азбуки, более совершенной, а главное, плотно адаптированной к древнеславянскому языку.

Такая азбука была создана Кириллом (он играл первую скрипку в братском миссионерском дуэте). Она оказалась очень удачной, настолько совершенной, что до сих пор – более тысячи лет – остаётся активно действующей в Славянском мире.

Resume

1. Точной даты появления славянской руницы уже не установить, но ориентироваться можно на время Каменной могилы – XII тыс. до н. э., то есть очень давно, в послеледниковый период, когда пеласги (протославяне) покидали своё индоевропейское лоно.

2. Славянские «чёрты» и «резы», возможно, являются началом пиктографическо-тамгового письма и его счётной разновидности.

3. На вопрос, можно ли считать «чёрты» и «резы» началом славянской письменности, однозначного ответа пока нет: если письмо рассматривать как систему графических знаков, употребляемых для писания, а письменность как совокупность письменных памятников какой-либо эпохи [7, с. 176] какого-либо народа (этноса), то в этом случае «чёрты» и «резы», с большим усилием над сознанием, можно всё-таки причислить к письму, и только.

4. «Чёрты» и «резы» – это совокупность знаков-символов, но не система с присущими ей отношениями.

5. В целом славянская руница – это довольно солидный пласт культуры славян, он охватывает и мифологию, и религию, и отдельные аспекты магического искусства.

6. Руница с её многоотысячелетним опытом функционирования, пусть даже в локальном формате, – это начало длинной дороги славянского этноса к собственной письменности через собственный алфавит к собственной государственности.

7. Славянская руническая культура – это зарождение и становление духовной культуры наших далёких предков, когда они, достигнув определённой ступени интеллектуально-мыслительного уровня, осознанно придут к необходимости создать свою собственную письменность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов Д. В., Бычков А. А. Славянская руническая письменность: факты и домыслы. – М.: София, 2005.
2. Истрин В. А. Возникновение и развитие письма: Дохристианская письменность славян. – М., 1965.
3. Ковалевская Е. Г. Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. наук проф. К. Э. Штайн. – С.Пб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012.
4. Kluver «Beschreibung des Herzqthams». – 1728.
5. Ляшевский Стефан. Предыстория Руси. – М., 2004.
6. Мирошниченко О. Ф. Славянские боги Олимпа. – М.: Изд-во «Епифанов», 2009.
7. Словарь русского языка: В четырёх томах. Т. III. – М.: Госиздат, 1959.
8. Сочинения Абуль-Хасана Али ибн-Хуссейн (Аль-Масуди).

АННОТАЦИЯ

Дяговец И. И. Славянская руница (о дохристианской письменности у славян)

Письменность этноса раньше, в прошлые времена, в истории не вставала так остро, так злободневно, как сегодня. Актуальность её отчетливо вырисовалась уже во II пол. прошлого столетия, когда государство-образовательные процессы приобрели планетарный характер, в котором письменность расценивалась как обязательный (обязательный) признак государственности. В статье рассматривается исходный этап образования письменности – рунический этап, а также отношение славянских рун к письменности современного этапа её развития.

Ключевые слова: славянская руница, дохристианская письменность, государство-образовательные процессы, обязательный признак.

АНОТАЦІЯ

Дяговець І. І. Слов'янська руниця (про дохристиянську писемність у слов'ян)

Писемність етносу раніше, в минулі часи в історії не вставали так гостро, так злободенно, як сьогодні. Злободенність, актуальність її чітко постала уже в II пол. минулого століття, коли державоутворюючі процеси набули планетарного характеру, в яких писемність розцінювалась як обов'язкова (обов'язкова) ознака державності. В статті розглядається початковий етап створення писемності – руничний етап, а також відношення слов'янських рун до писемності її сучасного етапу розвитку.

Ключові слова: слов'янська руниця, дохристиянська писемність, державоутворюючі процеси, обов'язкова ознака.

SUMMARY

Dyagovets I. I. Slavic runic writing (on the pre-Christian written language of the Slavs)

Never before, in former times, the problem of the national written language has been as topical as it is nowadays. It became distinct starting with the second half of the previous century when state-forming processes acquired the global character and the written language was considered an obligatory attribute of statehood. The present paper is centred round the initial stage of the national writing being formed – the runic period, along with the connection between the Slavic runes and the modern written language of the Slavs.

Key words: Slavic runic writing, the pre-Christian written language, state-forming processes, an obligatory attribute.

*В.И. Теркулов
(Донецк)*

УДК 81'367.7

О ПАРАМЕТРАХ МОДИФИКАЦИОННОЙ МОТИВАЦИИ

Объектом рассмотрения в предлагаемой статье являются механизмы модификационного словообразования, при котором в производном слове происходит лишь «частичное изменение или уточнение значения исходного слова» [5, с. 147], например, *столик* (<стол), *платице* (<платье), *мечтательница* (<мечтатель) и под. Несмотря на то, что отграничение модификационного мотивационного типа от мутационного и транспозиционного было произведено достаточно давно [10], и на то, что проблема

установления различий между указанными типами мотивации (словообразовательного значения, производных слов и т.д.) долго, широко и продуктивно обсуждалась в работах многих лингвистов (Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов и т.д.), все же остается целый ряд неясностей, требующих уточнений.

В предлагаемой статье мы остановимся на том, что в ряде случаев трудно определить с возможностью отнесения того или иного конкретного подтипа мотивационных отношений к тому или иному мотивационному типу. Следует признать, что зачастую мы определяем тип мотивационных отношений в словообразовательной паре (СП), повинуясь, скорее, нашей интуиции, чем четко определенным параметрам такого определения. Это приводит к контрастным трактовкам одних и тех же фактов. Например, широко обсуждается вопрос о том, к какому типу мотивационных отношений – модификационному или мутационному – следует отнести образование сингулятивов (*горошина*<*горох*), собирательных существительных (*листва*<*лист*), производных с метафорической словообразовательной семантикой (*ножка* (мебели) <*нога*) и т.д. Именно попытка найти выход из создавшегося положения и определить принципы и методики, позволяющие отнести или не отнести ту или иную словообразовательную пару к модификационному типу, и составляет цель нашей статьи.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: а) определение типа оппозиции между компонентами модификационной словообразовательной пары, б) установление особенностей ономаσιологической структуры модификационных производных слов, в) описание разновидностей словообразовательных пар, компоненты которых связаны модификационными мотивационными отношениями. Последнее мы сделаем, в силу ограниченности объема статьи, только для производных существительных русского языка.

Предлагаемая нами методика отнесения той или иной словообразовательной пары к модификационному типу включает три верификационных шага.

Первый шаг наиболее простой и очевидный – это этап разграничения модификационного и транспозиционного мотивационных типов. При транспозиции, как известно, производное слово «совпадает с производящим по значению, отличаясь от него лишь отнесенностью к другой части речи» [9, с. 110], например, *бегать* – *бег*, где рассматриваемые слова, обозначая одновременно, например, «процесс быстрого движения при помощи ног (1-е значение)», различаются только тем, что одно из них относится к глаголам и в предложении

интерпретирует указанный процесс как базовую ситуацию обозначенного данным предложением события (предикат), а второе – относится к существительным и трактует в предложении указанный процесс как акт другой ситуации. Транспозиционная мотивация, на наш взгляд, ономаσιологически наиболее близка к модификационной, поскольку настроена не на создание нового лексического значения в производном слове, а только на уточнение роли обозначенного производящим словом референта в синтаксически актуализированном событии. А что это, если не «частичное изменение или уточнение значения исходного слова»?

Единственное отличие модификационного значения от транспозиционного – это то, что в нем не может быть абсолютизирован грамматический (синтаксический, ролевой) компонент значения. Иначе говоря, слова, связанные модификационными отношениями, должны относиться к одной части речи.

Второй и третий шаги определяют отличие модификационного словообразования от мутационного. В качестве примера используем те пары, отнесение которых к мутациям и модификациям ни у кого не вызывает сомнения: мутационную пару *учить* – *учитель* и модификационную *учитель* – *учительница*.

Второй шаг – установление типа оппозиции между компонентами словообразовательной пары. Напомним, что, в отличие от модификационного словообразования, мутационное являет собой «процесс и результат формирования нового лексического значения» [6, с. 17] у производного, когда значение производящего слова входит в его словообразовательное значение как ономаσιологический признак. Это определение требует некоторого уточнения. Лексическое значение в его актуально-гlossовом воплощении различается и у слов, составляющих и модификационные и транспозиционные пары. Более четко выразился И.С. Улуханов, который утверждает, что ««слова с мутационными значениями называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*чай* – *чайник*, *белый* – *белеть*, *жир* – *жирный*)» [8, с. 149]. Но и это определение кажется нам недостаточно точным. Важным признаком мутационной пары является то, что ее компоненты указывают на различие обозначаемых ими концептов. Эти концепты связаны, но не тождественны. Например, мутационное производное *учитель* имеет словообразовательное значение «тот, кто профессионально **учит** кого-либо чему-либо», в состав которого как признаковый компонент входит значение

производящего *учить*. Производящее и производное здесь полностью различаются лексическим значением и связаны с различными концептами – гештальтным ситуативным «учить» и актантным агентным «учитель». Оппозицию, формируемую ими, следовательно, можно считать эквиполентной.

Если же говорить о модификационном значении, то в его трактовке также есть некоторые трудности. В Грамматике-80, например, утверждается, что «модификационное словообразовательное значение представляет собой некоторый дополнительный (модифицирующий) компонент значения, **который отсутствует в производящем и появляется в производном слове** (выделено нами – В.Т.)» [7, с. 265]. Однако такая интерпретация модификационного значения стирает различие между модификационным и мутационным мотивационными типами: значение, привносимое извне, в купе со значением производящего закономерно формируют у производного новое лексическое значение, то есть относят его в разряд производных мутационного типа. См., например, использование дополнительного компонента, отсутствующего в производящем (*учить*), – значения «лицо», связанного с формантом [*тель*], при образовании мутационного производного *учитель*, в результате чего возникает новая лексическая единица с новым лексическим значением. Именно для мутационного значения справедливо высказывание Е.С. Кубряковой: «Производное слово именуется и называет, характеризует. Именно в этом смысле оно может выступать в качестве аналога предложению, ибо содержит всегда по меньшей мере две части – ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, часть отсылочную и часть формирующую, объединенные в единую словообразовательную структуру» [5, с. 197].

У модификационного значения, на наш взгляд, совсем иная природа. Мы согласны с мнением Е.С. Кубряковой, утверждающей, что при модификационном словообразовании «в семантике производного не появлялось ничего, что бы уже не было заложено в семантике исходной единицы» [5, с. 33]. При этом «семантика слов с модификационными значениями включает в себя помимо значения мотивирующего слова дополнительный модифицирующий признак» [4, с. 143]. Как отмечает В.А. Косова, «коренного преобразования семантики мотивирующего слова в этом случае не происходит, его предметно-понятийное содержание существенным образом не изменяется (мотивированное и мотивирующее слова имеют одну и ту же категориально-лексическую сему)» [4, с. 143].

Различие между мутационным и модификационным

словообразованием при таком подходе состоит в том, что создание различия между источником деривата и дериватом принимает «различные формы именно в зависимости от того, направлено ли оно на различие в семантике этих единиц или же только на различие в способе ее представления» [5, с. 72]. При этом именно мутационные отношения представляют собой реализацию модели формирования различий в семантике производящего и производного (*учить* – *учитель*), а модификационные – различий в способе представлений тождественной семантики в производящем и производном. Например, в семантике слова *учитель* есть незаполненный терминал «пол», предполагающий возможность актуального наполнения и использования данного наименования для ситуативного обозначения как мужчин, так и женщин. Указанный терминал актуализируется в предложении в зависимости от того, какого пола учитель обозначается в предложении: *Марья Ивановна – учитель, Иван Иванович –учитель*. В слове же *учительница*, образованном от слова *учитель*, этот терминал заполняется лексически, актуализируется при помощи форманта [*ница*] и делает производное наименование специализированным на обозначение «женскости». Словообразовательное значение в этом случае аддитивно – оно является суммой значений компонентов производного слова. Осмелимся предположить, что функция номинации здесь уходит на второй план: для номинации достаточно использовать производящее, полностью способное вычленив объект номинализации из бытийного континуума. Об этом же говорит Г.К. Касимова: «Модификационное значение не содержит в себе новой номинации по отношению к своему производящему» [3, с. 275]. В производном же осуществляется **характеризация** уже названного производящим объекта. Иными словами, производное и производящее в этом случае связаны с одним концептом, осуществляя референцию в рамках этого концепта. Производное только актуализирует (коагулирует) один из его слотов, что является коммуникативно и ситуативно обусловленным: нам необходима формальная актуализация неформализованного и несемантизированного признака, в данном случае, – признака «пол». Но если это так, то перед нами все признаки привативной оппозиции между компонентами словообразовательной пары, в которой мотивирующее является немаркированным компонентом, абсолютно индифферентным к полу, а мотивированное – маркированным, актуализирующим значение пола. Такой же тип отношений отмечается, например, в случаях создания деминутивов: *город* (немаркированный – «любой город») – *городок* (маркированный – «маленький

город»), знаков соподчинения *раздел* (немаркированный – «любой раздел») – *подраздел* (маркированный – «раздел нижнего уровня), контрагентов *атака* (немаркированный – «любая атака») – *контратака* (маркированный – «ответная атака») и т.д. Позволим себе утверждать, что такой тип оппозиции (привативная с немаркированным производящим и маркированным производным) должен характеризовать все пары, формируемые отношениями модификационной мотивации.

Третий шаг – установление ономаσιологической структуры (ОС) словообразовательного значения производного слова.

На различие ОС мутационного, транспозиционного и модификационного производных указывает Е.С. Кубрякова: «В разных типах производных разные аффиксы используются нетождественным образом, а именно: они могут играть три семантические роли. Одна из них – роль оформителя ономаσιологического базиса; другая – оформителя ономаσιологического признака; третья – оформителя определенного типа отношений между ними. В первом случае словообразовательные форманты выступают как категоризаторы или классификаторы, во втором – как модификаторы, в третьем – как реляторы» [5, с. 136]. Отметим то, что для мутационного словопроизводства Е.С. Кубрякова отводит значению форманта роль категоризатора – оформителя ономаσιологического базиса (ОБ) ([формант]), например, *учитель* – [тот, кто] профессионально *учит* кого-либо чему-либо». При модификационном же словопроизводстве формант становится оформителем ономаσιологического признака (ОП) (*признак*). И это, собственно говоря, вытекает из самой природы модификационного форманта, который только и может актуализировать в производном тот **признак**, который не был формально актуализирован в семантике мотивирующего, выступающего в качестве ОБ для производного, например, *учительница* – [учитель] женского пола.

В этом случае мы должны признать, что мутационное и модификационное словообразовательные значения структурно различны, и что традиционная обобщенная формула словообразовательного значения («X имеет отношение, к Y» где X соответствует описанному в терминах метаязыка результату акта номинации, слова «иметь отношение» заменяются конкретным предикатом из группы atomic predicates, а Y указывает на непосредственно мотивирующее слово» [5, с. 199]) присуща только мутационному словообразованию. При модификационном же формула приобретает вид «X характеризуется Y» и представляется не предикативной, а атрибутивной конструкцией, в которой «характеризуется Y» заменяется конкретными

атрибутами – адъективным, субстантивным или аппозитивным. Например, слово *учительница* эквивалентно аппозитивному словосочетанию *учитель-женщина* или *женщина-учитель* (предпочтительно первое, поскольку мы в производном даем половую характеристику актанту, а не характеризуем гендерно маркированный актант по профессии). Можно было бы, конечно, в этом случае предположить перифраз «женщина, которая является учителем», но этому противоречит следующее. Во-первых, функцию «X» (базиса) здесь выполняет не формант, а «мотивирующее слово» (то есть Y в приведенной выше обобщенной формуле значения). Во-вторых, данный X, в сущности, не «результат номинации» (номинации здесь не происходит – производящее вполне справлялось с этой функцией самостоятельно), а только, так сказать, экспериенцер, объект квалификации. В-третьих, аппозитивное словосочетание семантически тождественно слову, что показывает аддитивность сформированного словообразовательного значения производного. Использование предиката здесь возможно, но только как дань традиции – аппозитивное словосочетание номинативно самодостаточно и без него.

Таким образом, модификационными следует считать только те словообразовательные пары, в которых ономаσιологический базис оформляется мотивирующим словом, а ономаσιологический признак – формантом, а само словообразовательное значение соответствует формуле «X характеризуется Y».

На основе вышеуказанных параметров мы можем уточнить традиционную, представленную в Грамматике-80, классификацию модификаций существительных [7, с. 265-267]. Первый шаг (сравнение с транспозиционным словообразованием) мы пропускаем, поскольку изначально рассматриваем только пары, компоненты которых относятся к одной части речи.

ОС, относимые к разряду модификационных

1. Без сомнения указанным выше параметрам соответствуют ситуации, когда производное слово называет [живое существо] женского пола, например, *пассажирка*, *любимица*, *библиотекариша*, *шалунья* и т.п. Во-первых, данные наименования являются маркированными и могут в тексте заменяться немаркированным наименованием мужского рода (пола): *Она была пассажиром (пассажиркой) этого поезда*. Во-вторых, носителем ОП в этих словах является формант, а носителем ОБ – производящее: [живое существо] + женский пол. Кстати, часто наименования женщин относятся к разговорной речи или к просторечию (*библиотекариша*, *пассажирка*), в то время, как соответствующие им «мужские» наименования

активно немаркированно используются в литературной речи.

Нужно уточнить, что не следует, на наш взгляд, относить к производным модификационного типа наименования «[жен] тех, кто обозначен мотивирующим словом», как это делается в Грамматике-80: *купчиха, солдатка, генеральша* и т.п. Во-первых, данные лексемы составляют с мотивирующим не привативную, а эквивалентную оппозицию, что подтверждается невозможностью замены в тексте «женского» наименования «мужским» (невозможно назвать *купчиху купцом, солдатку солдатом* и *генеральшу генералом*). Во-вторых, в ОС указанных производных ОБ связывается не с мотивирующим словом, а с формантом, а ОП – не с формантом, а с мотивирующим: «[жена того], кто назван мотивирующим словом». (ср. абсурдность модификационной интерпретации: *«живое существо, такое же, как названное мотивирующим словом»), но только *его жена*).

2. К модификационному типу относятся также обозначения **невзрослых существ**, например, *котенок, слоненок, подсвинок*. Указанные слова так же, как и в предыдущем случае, являются маркированными, могут в тексте заменяться немаркированным наименованием взрослого существа и имеют ОС модификационного типа *невзрослое* [живое существо].

3. Без сомнения, к сфере модификации относятся случаи, обозначенные в русской грамматике как **субъектно-оценочные** [7, с. 266], например, *домик, ручка, голосище, сверхчеловек* и т.п., а также близкие к ним **стилистические модификации** [7, с. 267], например, *зверюга, старушенция* и под. Все означенные единицы маркированы и вполне могут заменяться в тексте немаркированным мотивирующим. Единственным уточнением может быть только то, что данная группа требует другой классификации, отличающейся от представленной в Грамматике-80. Для нас актуальным является различие двух ОС: ОС¹ – [актант] + параметральная характеристика (*носик, домик*) и ОС² – [актант] + оценочная характеристика (*сверхчеловек, старушенция*). Правда, границы между данными ОС зыбки, по крайней мере, в направлении ОС¹ – ОС²: параметральный модификант может становиться оценочным (*домик* – *маленький дом* и *любимый дом*).

4. Однозначно относятся к модификационному типу единицы, имеющие ОС «[актант, обозначенный мотивирующим словом] по отношению к другому такому же актанту». Сюда мы относим производные, которые Грамматика-80 разводит по пяти группам:

1. Производные с идентификатором «дополнительность, вторичность» предиката «по отношению», например, *призвук, привкус, отзвук*. Вполне ощутима здесь привативность

отношения «производящее – производное» (*отзвук* – это *звук*, а *привкус* – это *вкус*) и связанность ОБ со значением производящего слова: «дополнительный или вторичный [актант]» (*призвук* – это дополнительный или вторичный *звук*, а *привкус* – это дополнительный или вторичный *вкус*).

2. Производные с идентификатором «противонаправленность», например, *противоракета, контрудар* и т.п. Здесь также отмечается привативность отношения «производящее – производное» (*противоракета* – это *ракета*, а *контрудар* – это *удар*) и связанность ОБ со значением производящего слова: «противонаправленный [актант, обозначенный мотивирующим словом]» (*противоракета* – это противонаправленная другой ракете *ракета*, а *контрудар* – это противонаправленный другому удару *удар*).

3. Производные с идентификатором повторности, например, *перевербовка, реактуализация* и под. Здесь также отмечается привативность отношения «производящее – производное» (*перевербовка* – это *вербовка*, а *реактуализация* – это *актуализация*) и связанность ОБ со значением производящего слова: «повторный [актант, обозначенный мотивирующим словом]» (*перевербовка* – это повторная *вербовка*, а *реактуализация* – это повторная *актуализация*).

4. Производные с идентификатором «первоначальности, древности», например, *прязык, протозвезда* и т.п. Такие производные связаны привативными отношениями с мотивирующими словами (*прязык* – это *язык*, а *протозвезда* – это *звезда*). ОБ в таких образованиях связан со значением производящего слова: «первоначальный, прототипический [актант, обозначенный мотивирующим словом]» (*прязык* – это прототипический *язык*, а *протозвезда* – это прототипическая *звезда*).

5. Производные с идентификатором, выражающим пространственно-временные значения, например, *предыстория, подзаголовок* и под., характеризующиеся привативными отношениями с мотивирующим (*предыстория* – это *история*, а *подзаголовок* – это *заголовок*) и имеющие в качестве ОБ значение производящего слова: «пространственно или по времени согласованный с таким же актантом [актант, обозначенный мотивирующим словом]» (*предыстория* – это предшествующая другой истории *история*, а *подзаголовок* – это *заголовок* более низкого уровня).

6. Производные с идентификатором «соучастие», например, типа *соавтор, профашист, соученик* и под., имеющие ОС «[актант, обозначенный мотивирующим]-соучастник».

ОС, не относимые к разряду модификационных

5. На наш взгляд, не все слова со значением **подобия**, выделенные Грамматикой-80 в отдельную группу модификационных производных [7, с. 265], можно отнести к модификационному типу. За его пределы должны быть вынесены метафорические обозначения типа **ножка** (стула), **ушко** (иголки), **носок** (ботинка) и т.п. Как отмечает З.И. Резанова, «к сфере модификационного словообразования в академических грамматиках русского языка отнесены и словообразовательные типы с метафорической словообразовательной семантикой (напр.: **нога – ножка** (мебели), **шляпа – шляпка** (гриба, гвоздя) <...>, что представляется несоответствующим идее частичного уточнения значения исходного слова, характерной для модификации» [6, с. 16]. По нашему мнению, в этих случаях нет прямой связи между предполагаемыми производными и производящими. Нет никаких доказательств тому, что слово **ножка** получило значение «ножка стола» в результате лексической деривации по суффиксальной модели. Нам представляется более обоснованной не связь **нога** → **ножка** (мебели), а связь **ножка** (маленькая нога) → **ножка** (мебели). Иначе говоря, образование метафорических производных, скорее всего, это акт не лексической, а семантической деривации (лексикализации) субъектно-оценочных производных по принципу подобия, это не словообразовательная, а семантическая метафора. Словообразовательная цепочка здесь должна быть представлена следующим образом: производящее → (лексическая деривация) субъектно-оценочное модификационное производное → (семантическая деривация / лексикализация) метафорическое производное (**нога** → **ножка** (маленькая нога) → **ножка** (мебели)).

В остальных случаях, относимых к моделям подобия, отношения модификации можно предположить, но можно и опровергнуть. Например, слово **отчим** можно посчитать маркированным по отношению к слову **отец** и предположить, что оно реализует модификационную модель [тот, кто обозначен мотивирующим словом] + не по физическому родству, но, скорее всего, мы здесь имеем мутационную модель «[некто], получивший статус того, кто обозначен главным словом». Вообще сама модель формирования идеи подобия является, по нашему мнению, мутационной: «[нечто], подобное тому, что обозначено мотивирующим словом». Таким образом, мы не склонны считать производные, относящиеся к данной группе, модификационными и относим их к разряду либо семантических дериватов, либо мутационных производных.

6. За пределы модификационного словообразования в

большинстве своем должны быть вынесены и производные слова со значением подчиненности, причем как те, которые имеют значение «[подразделение, составная часть] того, что обозначено главным словом» (**субконтинент** и под.), так и те, которые имеют значение «[лицо], подчиненное тому, кто назван главным словом» (**подполковник**, **подпасок**). Вполне очевидно то, что как в первом, так и во втором случае между производящим и производным устанавливаются не привативные, а эквивалентные отношения (в значении слова **континент**, например, не предполагается значение «субконтинент – крупная масса суши в составе какого-либо континента, которую по историческим и геотектоническим причинам отличают от остальных земель «материнского» континента»), и **субконтинент** ни в каком тексте не может быть заменен словом **континент**, а в значении слова **полковник**, например, не предполагается значение «подполковник», и **подполковник** ни в каком тексте не может быть заменен словом **полковник**). С другой стороны, приведенные выше словообразовательные значения вполне очевидно предполагают, что ОБ связан в них не с мотивирующим словом, а с формантом, что характеризует именно мутационный, а не модификационный мотивационный тип. По тем же причинам (не привативная оппозиция и актуализация ОБ при помощи форманта) мы вынуждены отказать в модификационном статусе производным со словообразовательными значениями «[стоящий над] тем, что названо мотивирующим словом» (**обер-прокурор**, **суперинтендант**) и «[второй по чину] после лица названного мотивирующим словом» (**вице-адмирал**, **проректор** и под.).

Единственное исключение здесь составляют термины классификации типа **подкласс**, **подгруппа** и т.п. Каждый из них входит в привативную оппозицию с мотивирующим (см.: *данная группа является подгруппой системы...*, где одно и то же явление обозначено как производящим, так и производным) и имеет модификационную ОС с ОБ, выраженным мотивирующим словом: «[объединение, обозначенное мотивирующим словом], входящее в состав объединения более высокого порядка».

7. Очень сложен вопрос об отнесении к модификационному типу мотивации собирательных существительных типа **зверье**, **аппаратура** и под. Такие единицы находятся в привативных отношениях не с мотивирующим словом целиком, а только с формами множественного числа (**зверье** – это **звери**, **аппаратура** – это **аппараты**), значение которых является ОБ для собирательных наименований: [множество актантов], трактуемое как **единство** (**зверье** – это **звери**, которые воспринимаются как некая общность, **аппаратура** – это **аппараты**, которые формируют единую

аппаратную структуру). Другое дело – возможно ли считать модификационным словообразованием образование единиц на базе только некоторых форм? Нам кажется, что нет. Скорее всего, собирательное существительное в этом случае должно быть интерпретировано как собирательная форма множественного числа, тем более, что значение собирательности у традиционно выделяемых форм множественного числа также отмечается (ср.: *англичане* «все представители этого этноса»: *англичане* – консервативная нация, *англичане* «несколько человек»: в бар вошли *англичане*).

8. Однозначно не являются модификационными производными сингулятивы, например, *горошина*, *мармеладка* и т.п. Несмотря на то, что их отношения с мотивирующим можно (с некоторой натяжкой) трактовать как привативные, их ОС явно построена по модели мутационного словообразования: [минимальная часть] того, что обозначено мотивирующим словом, где ОБ [минимальная часть] оформляется формантом.

9. Однозначно не являются модификационными производными слова со значением отсутствия того или противоположности тому, что названо мотивирующим словом, например, *неправда*, *дисгармония* и под. Такие лексемы имеют антонимичное значение значению мотивирующего слова, а следовательно, они имеют лексическое значение, отличающееся от лексического значения мотивирующего. Они находятся с производящим в эквиполентных отношениях. В их ОС ОБ формируется формантом «[нечто], противоположное тому, что названо мотивирующим словом». Как мы отмечали выше, все это характеризует не мутационный, а модификационный мотивационный тип.

Таким образом, наше понимание модификационного словопроизводства как процесса создания привативной оппозиции между производящим и производным словами с формированием ОС производного при помощи ОБ «семантика производящего» и ОП «семантика форманата» позволяет нам считать модификационными только производные слова, имеющие следующие ОС: [живое существо]+ женский пол: *героиня*, *поэтесса*; [живое существо]+ невзрослое: *поваренок*, *волчонок*; [актант] + параметральная характеристика: *столик*, *фонарик*; [актант] + оценочная характеристика: *подруженька*, *зверюга*; [объединение, обозначенное мотивирующим словом], входящее в состав объединения более высокого порядка: *субкатегория*, *подсемейство*; «[актант, обозначенный мотивирующим словом], трактуемый по отношению к такому же актанту: контрразведка, *противопоток*. Напомним, что отнесение той или иной

конкретной словообразовательной пары к модификационному словообразованию должно быть осуществлено только на основе трехшаговой процедуры определения частеречного тождества, привативности отношений и модификационности ОС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровиков А. А. Мутационные глаголы с приставкой про- со значением незапланированного негативного результата в истории русского языка [Текст] / А. А. Боровиков: автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык. – Ростов, 2012. – 28 с.
2. Вараксин Л. А. Функции словообразования в языке и типы словообразовательных значений [Текст] / Л. А. Вараксин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2011. – № 1. – С. 143-147.
3. Касимова, Г.К. Метафорические значения в структуре модификационных образований // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 275-278.
4. Косова В. А. Деривационно-семантическая типология словообразовательных категорий [Текст] / В. А. Косова // Ученые записки Казанского университета. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 141-151.
5. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 199 с.
6. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя [Текст] / З. И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. – 219 с.
7. Русская грамматика : в 2-ух тт. [Текст] / [гл. ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Наука 1980–. – Т.1. – 784 с.
8. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И. С. Улуханов. – М. : ЛКИ, 2008. – 232 с.
9. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учеб. пособие [Текст] / Л.С. Филиппова. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 248 с.
10. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozování slov [Text] / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

АННОТАЦИЯ

Теркулов В. И. О параметрах модификационной мотивации

В предлагаемой работе рассматривается методика определения модификационных мотивационных отношений. Модификационными признаются только те отношения, которые

предполагают привативную оппозицию между производным и производящим, относящимися к одной части речи, и формирование ономаσιологического базиса производного на основе семантики производящего.

Ключевые слова: модификационное, мутационное, ономаσιологический, базис, признак, привативность.

SUMMARY

Terkulov V. I. About the parameters of modification motivation

In this study the methodology for definition of modification motivation relationships is considered. The modification relationships are deemed to be only those relationships which assume privative opposition between derivative and generative words belonging to one and the same part of the speech, and formation of onomasiological basis of the derivative word on the ground of semantics of the generative word.

Key words: modification, mutative, onomasiological, basis, sign, privativity.

*О.В. Блюмина
(Горловка)*

УДК 811. 161. 1

ПОНЯТИЕ ВАРВАРИЗМ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Среди процессов, связанных с пополнением словаря любого языка, одно из наиболее важных мест занимает процесс заимствования.

Идею структурной дифференциации заимствованных слов выдвинул Э. Хауген. Исходя из степеней морфемной и фонетической субституции иноязычной модели средствами заимствующего языка, он группирует заимствования следующим образом:

1) слова без морфологической субституции, т. е. полностью соответствующие их прототипам в языке-источнике, например, рус. *пони* из англ. *Pony*;

2) слова с частичной морфологической субституцией или гибриды, т. е. слова лишь частично состоящие из иноязычных элементов, например, рус. *телевидение* из англ. *television*;

3) слова с полной морфологической субституцией, т. е. семантические заимствования или кальки, например, рус. *сверхчеловек* из англ. *superman* [12, с. 344-382].

Л. П. Крысин считает заимствованием процесс перемещения

различных элементов из одного языка в другой. Под элементами подразумеваются единицы различных языковых уровней: слова, морфемы, фонемы [5, с. 104-110].

Заимствование иноязычных слов не является простым механическим переносом отдельных слов из одного языка в другой. Это вместе с тем процесс органического освоения новых лексем, новых словообразовательных элементов к сложившейся в данном языке системе словарного состава [12, с. 344-382].

Традиционно среди заимствований выделяются особые группы слов, определяемые как недостаточно ассимилированные. Среди них **варваризмы**, т.е. перенесенные на родную почву слова, употребление которых носит индивидуальный характер.

Анализ **варваризмов** помогает выучить механизм вхождения иноязычного слова в активный состав языка. **Варваризм** представляет собой первый этап освоения, когда слово, как бы притирается к фонетической, грамматической и лексической системам языка.

Словарь лингвистических терминов определяет **варваризм** с точки зрения синхронных отношений в языке-реципиенте, относя его, скорее к книжной лексике, имеющим не более, чем стилистическое назначение, не учитывая самого процесса заимствования, при котором слово проходит несколько стадий ассимиляции в языке-заимствователе, на которых оно может изменять свой статус в зависимости от изменения частотности употребления, семантических сдвигов и т. д.

ЛЭС, напротив, при определении понятия **варваризм** рассматривает его как один из первых этапов усвоения иноязычного слова, при этом первый этап – это “иноязычные вкрапления”, которые ещё не достаточно часто употребляются в языке [6, с. 158].

Л. П. Крысин при определении понятия заимствованное слово формулирует несколько условий, соответствие которым позволяет считать слово вошедшим “в систему заимствующего языка”. Одно из этих условий – “передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами заимствующего языка”, если этого нет, то слово не является заимствованием и называется вкраплением. Слова, появление которых “обусловлено тематикой” текста, он называет экзотизмами. Понятия **варваризм** не используется вообще [5, с. 104-110].

Очевидно, что среди лингвистов нет единого мнения при определении понятия **варваризм**. Вопрос этот, во-первых, рассматривается с разных сторон, и, во-вторых, нет единого критерия, определённых условий, необходимых для того, чтобы

рассматривать то или иное слово иноязычного происхождения в качестве **варваризма**.

Среди не освоенных заимствованных слов Л. П. Крысиным выделяется одна группа – иноязычные вкрапления [5, с. 104-110]. В чём разница в выражениях, которые передаются средствами языка-источника и средствами языка-реципиента? Очевидно, что вариативность графического выражения свидетельствует о разных этапах заимствования слова. Передача слова чуждой графической формой – это первый этап ассимиляции его, например, *merci, madame*. Следующим этапом освоения будет передача слова средствами воспринимающего языка, например, мадам, мерси.

Среди иностранных слов, которые не освоены заимствующим языком выделяется ещё одна группа – экзотизмы. Традиционно, это слова, характеризующие специфические особенности жизни разных народов при описании их быта.

М.И. Фомина считает, что экзотизмы используются, в основном, “для создания местного колорита”, например *гейша, констебль, ксёндз* [9, с. 167-181].

Современный русский язык под ред. Л. П. Демиденко среди лексически не освоенных слов называет только экзотизмы, отдельно не выделяя **варваризмы**, например *фрау, сэр, леди, плов* [3, с. 67].

ЛЭС также определяет экзотизмы как обозначающие “свойственные чужим народам или странам понятия” [6, с. 158].

Итак, большинство лингвистов считает экзотизм словом, употребляемом “при описании чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта” [1, с. 70]. Однако многие исследователи не соотносят **варваризмы** и экзотизмы друг с другом как явления одного процесса, два этапа процесса, называемого заимствованием. И снова мы сталкиваемся с синхронным подходом при рассмотрении таких понятий как **варваризм** и экзотизм.

Вполне очевидно, что проблема рассматривается с разных сторон. С методологической точки зрения было бы целесообразно определить систему аспектов рассмотрения понятия **варваризма** и тем самым представить данную проблему более объёмно.

На наш взгляд, данная система имеет следующий вид:

- 1) объём и структура понятия **варваризм**;
 - 2) **варваризм** как стадия заимствования;
 - 3) степень ассимилированности заимствованного слова;
 - 4) причины, источники и пути проникновения варваризмов;
- В основу общепринятой классификации заимствованных слов

по степени их ассимилированности в языке легла классификация Шлейхера, развитая отечественными лингвистами. В научных трудах встречаются различные термины для обозначения степени адаптации заимствований: усвоенные слова, недоусвоенные слова, неусвоенные слова, освоения, **варваризм**, экзотизм и т. п.

Как мы видим, и как не раз отмечалось лингвистами [11, с. 34-67], данная классификация основана на разноплановых признаках – функциональном статусе (сфера употребления) и формальном статусе (степень ассимилированности слова).

Отсюда толкование проблемы неусвоенных слов с разных сторон, что не позволяет представить её в полном объёме и осветить все стороны вопроса.

Имеет смысл, на наш взгляд, разделить эти статусы и рассматривать отдельно диахронный процесс освоения слова и синхронные характеристики степени адаптированности слова.

Освоение слова языком – сложный диахронический процесс, в котором тесно переплетаются два типа связей:

- а) связь между языком-донором и языком-реципиентом,
- б) связь иноязычного слова с другими словами в языке-реципиенте.

Начальная фаза заимствования – проникновение – это собственно появление иноязычного слова в языке.

Семантической особенностью “проникших” слов является то, что они в большинстве случаев связываются с иноязычной действительностью. Например: “*мармелад* – варенье из айвы”, “*саквояж* – сумка для путешествий”.

Время прохождения первой стадии освоения слова языком зависит от многих факторов, в первую очередь – от необходимости в слове в языке-реципиенте.

Самый длинный первый этап освоения у слов, по смысловому содержанию несоотнесимых с русской действительностью: *кюре, клака, клакёр*.

Вторая стадия – заимствование – этап постепенной стабилизации формы заимствованного слова и приближение её к нормам заимствующего языка.

В этот период слово испытывает наибольшее семантическое влияние языка-донора. Это явление можно объяснить расширением сферы употребления слова применительно к русской действительности. При этом слово может получать иногда различную интерпретацию объяснительного и контекстуального характера. Сохранению семантической структуры заимствованного слова способствуют лица, знающие тот язык, откуда это слово пришло.

В результате распространения слова осуществляется третий

этап заимствования – укоренение. Для этого этапа характерно полное подчинение заимствующего слова нормам заимствующего языка, использование широких возможностей внутриязыковой эволюции (словообразование, аббревиация, валентность и т. п.).

Таким образом, эволюция слова может иметь сложный путь в заимствующем языке. Определение момента “рождения слова”, то есть его появления и укоренения в языке, часто представляет затруднения. Особенно сложна хронологическая атрибуция именно заимствованных слов, представляющих собой готовый лексический материал, который может быть взят из одного языка в другой в разное время. Только для тех заимствованных лексем, для которых ясно, когда они появились в языке-источнике, можно с полной достоверностью установить крайнюю точку, время, раньше которого они не могли появиться в языке, принявшем их.

В соответствии с этапами освоения иноязычные по происхождению слова по степени их адаптированности можно разделить на следующие группы:

1. Иноязычные вкрапления.
2. **Варваризмы**
3. Экзотизмы.

Иноязычные вкрапления – это окказиональное употребление иноязычного слова, обычно в максимально приближенном к оригиналу виде (с сохранением фонетики, графики, грамматики и т. п.). Например, *merci* – спасибо, *tête-à-tête* – наедине. Если рассматривать заимствование как процесс, то, скорее всего, иноязычные вкрапления относятся к первому этапу заимствования слова – проникновению, точнее, его начальной фазе.

Варваризм – иностранное слово, не получившее прав гражданства в литературном языке и бытующее обычно лишь в некоторых его социальных разновидностях. Положение **варваризма** двоякое: с одной стороны, этап **варваризма** проходят все иноязычные слова, ставшие затем заимствованиями, например *каламбур*, *гармония*, и в этом случае **варваризмы** должны быть отнесены, как и предыдущие слова, к этапу проникновения, с другой стороны в тех социальных диалектах, в которых употребляется **варваризм**, его уже можно считать заимствованным словом, поскольку он подчиняется законам оформления данного социального диалекта. Поэтому в последнем случае мы можем вполне закономерно говорить не только об этапе заимствования, но и об этапе усвоения слова, с той лишь оговоркой, что данное слово относится к определенной социально-коммуникативной сфере, например *шарманочка* – очаровательница. На наш взгляд, все эти аспекты не достаточно

разработаны при определении понятий заимствованное слово и **варваризм**.

Экзотизмы – иноязычные слова, употребляемые при описании чужеземных обычаев, особенностей жизни и быта. Таковы, например, слова *кюре*, *ажан* и т. п. Экзотизмы так же, как и **варваризмы**, занимают двоякое положение, хотя и на порядок выше. С одной стороны, этап экзотизма может относиться к стадии проникновения и даже заимствования в тех случаях, когда реалия, обозначенная им, получает дальнейшее распространение в жизни носителей языка-реципиента. Таковы, например, слова, *жюльен* – грибное блюдо, *гуляш* – мясное блюдо, которые первоначально характеризовали быт тех стран, откуда попали в русский язык. С другой стороны, некоторые экзотизмы должны быть отнесены к этапу усвоения, поскольку их значение может быть отнесено только к реалиям иноземной жизни, и в этом значении они и могут употребляться в языке-реципиенте, например, *су*, *минитель*, *флик*.

По своей семантической характеристике иноязычные слова и чистые экзотизмы очень близки: и те и другие в большинстве случаев обозначают чужую реалию. Именно потому, что в начале проникновения такие слова часто соотносимы лишь с чужой реальностью, они в этот период почти всегда однозначны. Некоторые слова в силу экстралингвистических причин так и сохраняют своё качество экзотизмов. Например, *кюре*, *гарсон* (официант) и т. п.

Как правило, варваризация языка проходит в два этапа. На первом этапе происходит интенсивное впитывание языком иноязычного материала. На втором этапе, когда насыщение языка уже произошло, начинается инерционное развитие. То есть непосредственной потребности в использовании иноязычных слов уже нет, но инерция продолжается.

Итак, при постановке вопроса о понятии **варваризм** необходимо учитывать функциональный (сфера употребления) и формальный (степень ассимилированности) статусы слова. И рассматривать отдельно процесс освоения слова и синхронные характеристики ассимилированности слова. Если рассматривать процесс освоения слова, то в соответствии с этапами освоения заимствованного слова можно выделить:

- 1) иноязычные вкрапления;
- 2) **варваризмы**;
- 3) экзотизмы;
- 4) освоенные слова или заимствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 606 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVIII – XIX веков. – М.: Высш. шк., 1982.
3. Демиденко Л. П., Козырёва Г. П., Хмелевская Е. С. Современный русский язык. Лексикология. – Мн.: Вышэйш. шк., 1990.
4. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – М.: Изд-во “Правда”, 1988. – 541 с.
5. Крысин Л.И. К определению терминов “заимствование” и “заимствованное слово” // С.104-110.
6. Лингвистический энциклопедический словарь – М.: Рус. Энциклопедия, 1990. – 518 с.
7. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. / Под. ред. Л.А. Новикова. – М.: Рос. язык, 1987.
8. Современный русский язык. Фонетика. Лексика и фразеология. / Под ред. П.П. Шубы. – Мн.: Изд-во БГУ, 1979. – 320 с.
9. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высш. шк., 1990. – 416 с.
10. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: в 3-х ч. – Ч.1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – М.: Просвещение, 1981. – 191 с.
11. Шахрай О.Б. К проблеме классификации заимствованной лексики // Вопр. языкознания. – 1961. – №2. – С. 34-67.
12. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6.: Языковые контакты. – С. 344-382.
13. Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 томах. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960-1963. – Т. 1 – 133 с.

АННОТАЦИЯ

Блюмина О. В. Понятие варваризм. Постановка вопроса.

Статья посвящена анализу вопроса о понятии варваризм. Предпринимается попытка определить структуру варваризма в синхронном и диахронном аспектах. Варваризм рассматривается не только как результат, не как достаточно освоенная лексика, но и как процесс, как один из этапов освоения заимствованной лексики.

Ключевые слова: варваризм, экзотизм, иноязычные вкрапления, функциональный, формальный статус слова.

SUMMARY

Blyumina O. V. The concept of barbarism. Formulation of the problem

The article is dedicated to the analysis of the denotation of barbarism. Efforts have been taken to define the structure of barbarism in synchronic and diachronic aspects. Barbarism is not considered only as a result of insufficiently assimilated vocabulary (lexical elements), but also as a process, as one of the stages in assimilation of the loan word.

Key words: barbarism, exoticism, foreign-language inclusions, functional, formal status of the word.

*Л.М. Бражник
(Горловка)*

УДК 81'373.2

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС «ОКАЯННЫХ» ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И. БУНИНА

«... сосредоточенность ... высоких сил
... заключена в некоторой мере в каждом
из нас – нечто «божественное», что есть
истинная суть человека»

Сократ

Происходящее вокруг заставляет снова обратиться к мемуарной прозе И. А. Бунина, которая является неотъемлемой частью русской культуры. Беспокойство за будущее побуждает искать в его дневниках и воспоминаниях нужное, спасительное слово. Таким словом стало имя. По страницам автобиографических записок писателя проходит галерея реальных исторических лиц и географических объектов. Имена собственные у И. Бунина – это особый способ передачи собственной пространственно-временной картины мира.

В. В. Виноградов, излагая концепцию символической структуры текста А. А. Потебни, утверждал, что «Каждое новое поколение читателей может подновить его по-своему ... «открыть» в нем глубокие идеи, новые воззрения и нормы, то есть вложить в него свое новое содержание по мере своего культурного развития» [2, с. 8]. За прошедшие годы творчество Ивана Алексеевича изучали лишь литературоведы [1. с. 5]. Работ, посвященных исследованию проприальной лексики в его произведениях, до сих пор нет.

Цель предлагаемой публикации заключается в раскрытии

механизма метафоризации имен собственных в идиостиле И. Бунина. Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие задачи:

- охарактеризовать бунинский ономастикон;
- установить имплицитные коннотации имен собственных.

И. Бунин в автобиографических заметках пишет: «Да что! Мне вообще суждена жизнь настолько необыкновенная, что я был современником даже таких кретинов, имена которых навеки останутся во всемирной истории, – тех «величайших гениев человечества», что разрушали целые царства, истребляли миллионы человеческих жизней» [1, с. 173].

Дневники писатель считал «одной из самых прекрасных литературных форм, полагая, что в будущем эта форма станет преобладающей» [1, с. 7]. А что «видел» И. Бунин в то время, о котором он пишет? Так, у Ивана Алексеевича читаем: «*Кстати, почему свой театр **Станиславский** и **Немирович** назвали «художественным» – как бы в отличие от всех прочих театров? Разве художественность не должна быть во всяком театре – как и во всяком искусстве? Разве не претендовал и не претендует каждый актер в каждом театре быть художником, и разве мало было и в России и во всех прочих странах актеров художников?» [1, с. 175]. Глубинный смысл первых строчек представляется трудноуловимым, однако дальше совершенно ясно открывается авторская позиция, скрытая в записках. Как известно, создатель знаменитой актёрской системы и основатель Московского Художественного театра в русском языковом сознании имеют позитивное «прямое» значение. Однако анализ приведенного фрагмента убеждает в том, что этионимы в минимальном контексте, который одновременно может быть эксплицитным (собственно текстовым) и имплицитным (внетекстовым), приобретают новые образно-смысловые ассоциации. Элементами, формирующими у рассматриваемых имен собственных невыраженные семантические метаморфозы, являются имя прилагательное «художественный» (заключенное в кавычки) и имена существительные *художественность*, *художник*. Дешифровку коннотаций антропонимов **Станиславский** и **Немирович** облегчает информативная прозрачность вопросительной частицы *разве* и вопросительного наречия *почему*. Таким образом писатель демонстрировал свое отношение к известным в то время деятелям искусства. Следует отметить, что критическая и колкая их характеристика косвенна, но в то же время она граничит с пренебрежительной и отрицательной оценкой объектов иронии, а также и тем, что И. Бунин, хоть и скрытым образом, но выражал свое превосходство, обогащая известные онимы дополнительным*

созначением «глупость».

А дальше писатель продолжает: «*Впрочем, Художественный театр называется теперь Художественным Театром имени Горького. ... Да что! Это капля в море. Вся Россия, переименованная в СССР, покорно согласилась на самые наглые и идиотские оскорбления русской исторической жизни: город Великого Петра дали **Ленину**, древний Нижний Новгород превратился в город **Горький**, древняя столица Тверского Удельного Княжества, Тверь, – в **Калинин**, в город какого-то ничтожнейшего типографского наборщика **Калинина**, а город Кенигсберг, город Канта, в **Калининград**, и даже вся русская эмиграция отнеслась к этому с полнейшим равнодушием» [1, с. 176]. Первые бунинские слова, содержащие эргоним, с последующими тремя строчками, как и в предыдущем фрагменте, акцентируют тему «глупость». Также очевидно то, что сюжетно-семантическая линия мемуарного текста концентрируется вокруг выделенных онимов. Кроме антропонимов, метафорическое превращение у Бунина претерпевают также топонимы, возникшие после Революции 1917 года. Уже с начальной строчки с помощью модального слова *впрочем* и фразы ... *Да что! Это капля в море...* автор компактно и полно передает информацию о своем отношении к называемым лицам и производным от них названиям городов. Далее отправной точкой формирования ассоциативного ряда служит словосочетание *идиотские оскорбления русской исторической жизни*, которое дополняют неопределенное местоимение *какого-то*, суперлатив *ничтожнейшего* и субстантив *наборщика*. Так Бунин сумел актуализировать у онимов *Ленин*, *Горький*, *Калинин* окказиональную коннотему «кретин», которая является одной из ведущих в его творчестве.*

Прозаическое и поэтическое мышление И. Бунина сформировалось задолго до тех событий, о которых он писал в своих произведениях. Так, в своих заметках он отмечает: «Моя писательская жизнь началась довольно странно. ... случайно в какой-то книжке ... я увидел ... картинку, изображавшую какие-то дикие горы, белый холст водопада и какого-то приземистого, толстого мужика, карлика с бабьим лицом, с раздутым горлом, то есть зобом ... а под картинкой прочел подпись, поразившую меня своим последним словом, тогда ещё, к счастью, неизвестным мне: «Встреча в горах с кретином». Кретин! ... В этом слове почудилось мне что-то страшное, загадочное, даже как будто волшебное! И вот охватило меня вдруг поэтическим волнением. ... будто некий пророческий знак был для меня в том, что наткнулся я в тот день на эту картинку, ибо во всей моей дальнейшей жизни пришлось мне иметь немало и своих

собственных встреч с крестинами ...» [1, с. 172].

Бунинский ономастикон на первый взгляд кажется простым, так как писатель не создает новую проприальную лексику, а используется имена собственные своих современников, при этом их игра в художественном пространстве произведений остается тонкой и незаметной. И здесь следует обратить внимание на подтекст, например, в «Окаянных днях». И так, Москва, 1918 год, 7 января: «*О Брюсове: все левеет, «почти уж форменный большевик». Не удивительно. В 1904 году перевозил самодержавие, требовал (совсем Тютчев!) немедленного взятия Константинополя. В 1905 появился с «Кинжалом» в «Борьбе» Горького. С начала войны с немцами стал ура-патриотом. Теперь большевик*» [1, с. 65]. Иван Алексеевич полагал, что взгляды Брюсова одно время были близки взглядам Ф. И. Тютчева, разделявшего воззрения славянофилов (славянофилы, русские общественные деятели и выразители идей Святой Руси, сыгравшие большую роль в развитии русского национального сознания и формировании национально-патриотической идеологии. Славянофилы обоснованно и твердо объявили об особом пути России, утвердились в мысли о спасительной роли Православия как единственно истинного христианского вероучения [5, с. 663]) [1, с. 391]. Кроме того, Тютчев развивал панславистские идеи (панславизм являлся националистической, реакционной, буржуазной, а также контрреволюционной идеологией [3, с. 69]) [1, с. 391]. А теперь вдруг **большевик** (большевики – левое революционное, левозкстремистское крыло Российской социал-демократической рабочей партии. Название «большевики» (переводилось за рубежом как «максималисты») произошло от «максимальной» программы (полное уничтожение буржуазного класса и создание чисто рабочего движения)) [4, с. 243]. Отметим, что усиленная частица *всё*, глагол *левеет* и нарицательное существительное *большевик*, начиная запись в дневнике, детерминирует всю её содержательную направленность. Все эти лексические детали акцентируют в антропонимах **Брюсов** и **Горький** референтные коннотации «*изменники, предатели России, убийцы*».

Далее Москва, 1918 год, 5 февраля: «*Вчера был на собрании «Среды». Много было «молодых». Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямоотой суждений, был в мягкой рубашке без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах ...»* [1, с. 65-66]. Условия

функционирования имени **Маяковский** дают простор для интерпретаций и позволяют вскрыть незаметную для читателя тему, которая становится у Бунина необходимой составляющей, как отмечалось выше, художественного содержания мемуарной прозы – «*кретинизм*».

По прочтении дневников Бунина можно предположить, что он был зол на весь свет. Однако следующие строки из тех же дневников, убеждают в обратном: «... если бы я эту Русь не любил, из-за чего же я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал непрерывно, так люто?»

В результате проведенного исследования было установлено, что Иван Алексеевич с помощью имени собственного пытался отразить происходящее в России. Онимы, которые использовал автор, не потеряли своей энциклопедической информации, а только увеличили её, то есть приобрели дополнительные значения.

Результаты исследования могут быть использованы в программе высших учебных заведений при чтении курса по литературной ономастике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / И. А. Бунин. – М., 1990. – 416 с.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов. – М., 1971. – 240 с.
3. Григорьева А. А. Проблема панславизма в советской историографии / А. А. Григорьева // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 4 (59). – С. 69-71.
4. Лельчук В. С., Тютюкин С. В. Большевики / В. С. Лельчук, С. В. Тютюкин // Политические партии России: история и современность. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – С. 243-259.
5. Философия. Энциклопедический словарь / [Под ред. А.А. Ивина]. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

АННОТАЦИЯ

Бражник Л. М. Метафорический генезис «окаянных» имен собственных И. Бунина

В статье рассматриваются проблемы функционирования собственных имен в мемуарной прозе И. Бунина. Раскрываются механизмы метафоризации онимов. Выявляются имплицитные коннотации, которые отражают пространственно-временную картину мира писателя.

Ключевые слова: коннотации, оним, метафорический

генезис, коннотема, імпліцитна коннотация.

SUMMARY

Brazhnik L. M. Metaphorical genesis of the «damned» proper names of I. Bunin

In the article the problems of functioning of the proper names are examined in literary memoirs of I. Bunin. The author of the present paper describes the mechanisms of creating metaphorical onyms and reveals implicit connotations that reflect the spatio-temporal picture of the world of the writer.

Key words: connotation, onym, metaphorical genesis, connothema, implicit connotations.

*Г.О. Васильєва
(Горлівка)*

УДК 81'367.7

КОМУНІКАТИВНІ ДЕВІАЦІЇ У ПОБУДОВІ Й СПРИЙНЯТТІ МОВЛЕННЕВОГО ЖАНРУ ЗАСТЕРЕЖЕННЯ

Розвиток лінгвістичної генології в наш час зумовив активізацію вивчення мовленнєвих жанрів. Так, В.В.Дементьев зазначає, що в останні десятиліття саме жанроцентризм як підхід до вивчення діалогічного мовлення претендує на лідерство й універсалізм (порівняно зі звукоцентризмом, словоцентризмом і риторичним напрямком) [2, с.109]. Превентив є одним із типів мовленнєвих жанрів, що характеризують розмовний дискурс. Перспективи дослідження превентива як мовленнєвого жанру окреслено у працях останніх років (Ф.Бацевич [1], М.В.Китайгородська й Н.Н.Розанова [4], Ю.С.Кленіна [5]). Одним із аспектів вивчення мовленнєвих жанрів постає аналіз комунікативних девіацій, що можуть їх супроводжувати. На сьогодні є актуальним створення відповідної класифікації комунікативних невдач, з'ясування факторів, що їх зумовлюють (див. [3, с.60-62]). Комунікативні невдачі, пов'язані з реалізацією превентивної семантики, у вітчизняній лінгвістиці не були предметом розгляду. Отже, висловлені міркування зумовлюють **актуальність** нашого дослідження. **Основні завдання** наукового пошуку полягають у тому, щоб, по-перше, з'ясувати причини комунікативних девіацій, що супроводжують мовленнєвий жанр застереження, по-друге, визначити роль семантичного синкретизму мовленнєвого жанру застереження у виникненні комунікативних невдач.

У розумінні комунікативної девіації спираємося на

тлумачення Ф.Бацевича [1]. Комунікативні невдачі – когнітивні за своєю природою [1, с.142]. Вони виявляються у порушеннях не стільки мовної, скільки комунікативної семантики (прагматики), зачіпають конвенціоналізовані у мовленні закони комунікації, зокрема імплікатури дискурсу, співвідношення асерції й пресупозиції, способів втілення комунікативних намірів мовців, логіки викладу тощо. Тобто, якщо мовець вибрав не „той” тип ілюкції чи її міру, то це його когнітивна помилка, помилка *вибору, орієнтації в спілкуванні, стратегії ведення розмови, правил комунікування* тощо [Там само]. Девіації, пов'язані з мовною компетенцією, багато в чому визначаються специфікою лексичної та граматичної семантики, а девіації, пов'язані з комунікативною компетенцією, – семантики комунікативної. Комунікативні невдачі можна розглядати як прагматичні девіації, пов'язані з комунікативними компетенціями мовців, законами їхньої мовленнєвої діяльності. З позиції процесу вербалізації мовлення комунікативні девіації мають, так би мовити, „надепаний” характер, і лише деякі з них чітко виявляються на окремих етапах породження мовлення [1, с.142-143].

Важливою умовою відсутності девіацій при побудові й сприйнятті мовленнєвого жанру застереження виступає щирість мовців. Ця умова полягає в тому, що: 1) адресант дійсно намагається допомогти адресатові уникнути негативних наслідків реалізації/нереалізації певної дії, виявляє турботу про співрозмовника; 2) адресат не має наміру обманути адресанта, неповно інформувати про певні обставини, події. Якщо слухач бере до відома застереження мовця й відповідно коректує власні дії або має намір це зробити за відповідних обставин (у випадку можливої реалізації ситуації у майбутньому), то можна вважати використання мовленнєвого жанру застереження вдалим, а мету мовленнєвої дії адресанта здійсненою. Наприклад:

Сяк-так поснідавши, Сабантуй став збиратися в дорогу.

– Бережи ж себе, батю!

„Берегтиму, аякже! Ще життя не набридло” (А.Дімаров. Сабантуй);

– Та не вибовкай десь про нашу розмову, – підитовхнув його [Троньку] Андрон у плече. – Дурнувата розмова вийшла, одне слово, щоб ні пари з уст. Зрозумів?

– Зрозумів... (Г.Кулеба. Терпка роса);

[Дядько Катратий:] – Доки не прописана, Єлько, побережись... Живи так, наче тебе й нема.

Так поставив, і так воно йде. За двір ані ногою (О.Гончар. Собор).

Особливо чітко результативність мовленнєвого жанру

застереження виявляється в ситуації, якщо застереження пов'язане з моментом мовлення і реакцією на нього є необхідний перлокутивний ефект. Наприклад:

Далі побрели. Ішли ходюю розм'явлених і знудьгованих. Позаду них пленталась це якась компанія запізнлих блукачів. Компанія голосно відзначала струнконогість Таратутиних спутниць, аж поки він обернувся:

– Ви жадаєте конфлікту, громадяни? Будьте обережні: я контужений.

<...>

Компанія після цього без опору відстала. <...> (О.Гончар. Собор).

При порушенні умови щирості можуть виникати різноманітні комунікативні девіації. Сприятливим моментом для останніх виступає така особливість мовленнєвого жанру застереження, як семантичний синкретизм. Розглянемо фрагмент розмовного дискурсу з твору О.Волкова „Лікарня на відлюдді”:

– Диви, які ми розумні, – у зава мало не перехопило дихання. – Я давно дивлюся, що ти останнім часом став дуже крутий. Дивися, Олешку, не заривайся. Не варто. Боком воно іноді вилазить.

– Я й не збираюся зариватися, – сказав Олег. – Але й сидати собі на голову також не дам.

– Ну, гаразд, – завідувачий недобре глянув на нього. – Ось і побалакали по душах. Рецензію можеш залишити собі на пам'ять. Завтра я однаково доповідатиму, що ти її не здав. Ось так.

Він важко підвівся і, часто дихаючи, вийшов у коридор, а Олег зовні незворушно витяг із пачки цигарку. От тільки пачка була кинута на стіл з такою силою, що перелетіла його і впала на підлогу. Не звернувши увагу на це, хірург запалив просто в ординаторській.

Завідувач лікарні висловлює застереження хірургові Олегу, але при цьому дбає про свої інтереси. Семантика застереження в цьому випадку поєднується із семантикою не тільки попередження, а й погрози. Олег не погоджується із начальником (*Я й не збираюся зариватися*) і відстоює свою позицію, оскільки вважає себе правим (*Але й сидати собі на голову також не дам*). Перлокутивний ефект, якого сподівався адресант (Олег мав погодитися із завом і змиритися з несправедливими міркуваннями щодо себе), не став результатом комунікації. Оскільки адресант не дотримується умови щирості у висловленні аналізованого мовленнєвого жанру, то адресат розуміє, що насправді завідувач виявляє не турботу про нього, а бажання мати підлеглого без свого права

голосу й гідності. Тому Олег висловлює незгоду із завом. Те, що очікуваного результату комунікації не досягнуто, засвідчують і відповіді зава (*Рецензію можеш залишити собі на пам'ять. Завтра я однаково доповідатиму, що ти її не здав. Ось так.*), і вказівки на особливості невербальної поведінки мовців. Невдоволення, навіть гнів зава відбивається в таких проявах: погляд (*завідуючий недобре глянув на нього*); характеристика рухових дій, ритм дихання (*Він важко підвівся і, часто дихаючи, вийшов у коридор*). Обурення Олега, яке не виявляється зовні, знаходить вихід у його поведінці з пачкою цигарок. Таким чином, маємо приклад комунікативної невдачі при реалізації синкретичного мовленнєвого жанру (застереження + попередження + погроза).

Причиною комунікативної невдачі може бути та обставина, що адресат не вважає аргументи адресанта слушними й виявляє своє сприйняття ситуації. Наведемо фрагмент розмовного дискурсу із роману М.Стельмаха „Правда і кривда”:

[Марко Безсмертний:] – Скажу одне: як ти хитро не крутишся, а твоє темне сонце заходить уже!

– Ти мені не дуже дзвони за упокій! – нарешті позлішав увесь вид Шавули, позлішала і його кабаніста постать. – Виніс кості з війни, то бережи їх тут, бо, чого доброго, розсиплються, мов драбиняк. І свою правду не дуже накидай іншому. Мені поки що вистачить і своєї правди і кривди. Я не знаю, що тобі партія сьогодні припише, але верховодити і на трибунах, і в селі ти вже не будеш. Ми постелили тобі криву доріжку по всіх законних органах, а мало буде, – це достелимо. Війна вчила тебе, але вчила й нас, бо жити хоче кожне створіння.

– Загрожуєш?

– Ні, навіть остерігаю тебе. Живи, коли хочеш, коли можеш і маєш як, але не заважай і мені: Шавула теж хоче жити, а не оглядатись. Можеш навіть головувати, вискакувати в передовики, в сяке-таке начальство, в Герої, в портрети, але тільки в іншому селі чи районі! Зрозумів, звідки вітер віє?

– Зрозумів, звідки сморід іде! Ну, спасибі хоч за те, що повністю розкрив свої карти, сам просвітив себе. Це згодиться, – спокійно сказав Марко і зсунувся з воза.

Фрагмент діалогу Марка Безсмертного із Шавулою демонструє той випадок, коли адресат відчуває труднощі у визначенні ілюктивного наміру адресанта (очевидно, через синкретичність семантики мовленнєвого жанру). Так, Марко Безсмертний уточнює комунікативну мету співрозмовника реплікою – *Загрожуєш?*, оскільки характер застереження, зверненого до Марка, й подальші висловлені Шавулою думки мають відчутну

семантику погрози.

Шавула заперече цей намір і підкреслює, що бажає остерегти Безсмертного. У цьому фрагменті розмови вбачається порушення умови ширості з боку Шавули. Реальну ілюктивну мету адресанта (Шавули) можна передати в такий спосіб: **погроза** + застереження (причому перша складова є більш виразною). Сам же адресант у діалозі визначає її як **застереження** (... *навіть остерігаю тебе*). Хоча, безперечно, не можна не враховувати, що Шавула добре розуміє: погроза, яку він бажає висловити Маркові, й так добре „прочитується” останнім. Саме тому Безсмертний говорить, що Шавула „повністю розкрив свої карти”. Таким чином, самовизначення Шавулою свого ілюктивного наміру не відповідає реальному стану справ і перформатив *остерігаю* не визначає повною мірою мету адресанта. Запланованого перлюктивного ефекту (умовити Марка не втручатися у справи влади в його селі) Шавула не досягає, оскільки Безсмертний вважає позицію Шавули хибною, що ґрунтується на неприйнятних для нього життєвих та світоглядних засадах.

Наступний фрагмент з роману М.Стельмаха „Правда і кривда” демонструє приклад комунікативної невдачі, зумовленої нещирістю з боку адресата:

– *А світанням [Поцілуйко], не дивлячись на Василю, сказав, що піде на пораду в район до однієї людини. Пора, мовляв, за живе діло братися, не вічно ж бути приймаком.*

– *І то правда, – відразу погодилась удова. – Тільки будьте обережним. Неодмінно довідочку захопіть із собою, що той чортів каламутник залишив. Якраз тепер стане в пригоді. <...>*

Василина не здогадується, що Поцілуйко говорить їй неправду, що він намірився видати її українській поліції, заявивши, що вона тримає зв'язок із партизанами. Жінка щиро прагне застерігти Поцілуйка (*Тільки будьте обережним*), радить, як краще вчинити (*Неодмінно довідочку захопіть із собою, що той чортів каламутник залишив. Якраз тепер стане в пригоді.*). У цій ситуації спілкування Василина є обманутою людиною, яка керується хибними уявленнями про дії співрозмовника. Тому для застереження, яке вона висловлює, немає об'єктивних підстав. Отже, зрозуміло, що мовленнєвий жанр застереження у цій ситуації не може мати запланованого перлюктивного ефекту.

Причиною девіацій може бути невідповідність використаних адресантом мовних засобів комунікативному наміру. Розглянемо приклад із твору Ю.Мушкетика „Жорстоке милосердя”:

– *Все 'дно Марійка буде моєю. – [Василь] підвів голову й так глянув на Івана, немов повів гострою бритвою – одразу ж оджартувався: – А не одступишся од неї – приріжжу. І будемо*

ходити з нею на твою могилу.

Жарт вийшов ковзкий, і щось було в ньому від справжньої, хоч і мимовільної погрози, й обом після того почувалося кепсько на душі.

До складу репліки Василя входять два мовленнєві жанри. Перший мовленнєвий жанр можна назвати констатацією факту (– *Все 'дно Марійка буде моєю*), а другий мовленнєвий жанр, за задумом адресанта, є жартом (– *А не одступишся од неї – приріжжу. І будемо ходити з нею на твою могилу*). Жартом Василь має намір пом'якшити категоричність і різкість своєї поведінки (вербальної та невербальної). Для висловлення жарту адресант використовує такі дві конструкції: 1-ша – безсполучникове складне речення з умовно-наслідковими відношеннями, 2-га – означено-особове речення (яке виступає приєднувальною конструкцією). Загалом така мовна побудова є типовою для вираження семантики попередження, застереження. Але таке попередження, застереження в цьому випадку не виконує функції жарту з кількох причин. По-перше, це загострена конфліктна ситуація між Василем та Іваном через кохання до Марійки. По-друге, використані лексеми, що створюють ефект погрози (*приріжжу, могила*). Крім цього, такого типу синтаксичне оформлення мовленнєвого жанру попередження, застереження є гарною умовою вияву семантики погрози (тобто досить часто аналогічні синтаксичні утворення формують синкретичний мовленнєвий жанр, у якому семантика попередження, застереження поєднується із семантикою погрози). Усі ці фактори зумовлюють те, що замість мовленнєвого жанру жарту мовець створює інший мовленнєвий жанр (попередження + застереження + погроза), семантика якого є синкретичною. Про це свідчить сприйняття реалізованого мовленнєвого жанру адресантом і адресатом (*Жарт вийшов ковзкий...*).

Отже, важливою умовою відсутності девіацій при побудові та сприйнятті мовленнєвого жанру застереження виступає щирість мовців: адресант дійсно намагається допомогти адресатові уникнути негативних наслідків реалізації/нереалізації певної дії, виявляє турботу про співрозмовника; адресат не має наміру обманути адресанта, неповно інформувати про певні обставини, події. Крім цього, важливе значення для уникнення комунікативних невдач має повнота розуміння й усвідомлення адресатом причини негативних наслідків і того, у чому вони полягатимуть. Причиною девіацій може бути невідповідність використаних адресантом мовних засобів комунікативному наміру. Як свідчать спостереження, синкретичність семантики аналізованого мовленнєвого жанру в окремих випадках виступає

передумовою для виникнення комунікативних невдач, оскільки через неї адресат може відчувати труднощі у визначенні локутивного наміру адресанта.

Перспективним напрямком подальших досліджень є створення класифікації комунікативних невдач на матеріалі українського розмовного дискурсу.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бацевич Ф. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи / Флорій Бацевич. – Львів: ПАІС, 2005. – 264 с.
2. Дементьев В.В. Изучение речевых жанров. Обзор работ в современной русистике / В.В.Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – №1. – С. 109-121.
3. Загнітко А.П. Сучасні лінгвістичні теорії: монографія / А.П.Загнітко. – Вид. 2-ге, випр. і доп. – Донецьк: ТОВ „Юго-Восток, Лтд”, 2007. – 219 с.
4. Китайгородская М.В. Современное городское общение: типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) / М.В.Китайгородская, Н.Н.Розанова // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им.В.В.Виноградова. – М.: Языки слав. культуры, 2003. – С. 103-126.
5. Кленина Ю.С. Превентив: семантика и способы выражения: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Кленина Юлия Сергеевна. – Рязань, 2003. – 207 с.

АНОТАЦІЯ

Васильєва Г.О. Комунікативні девіації у побудові й сприйнятті мовленнєвого жанру застереження

Стаття присвячена проблемі функціонування превентива в сучасній українській мові. Превентив розглядається як мовленнєвий жанр. Визначаються причини комунікативних девіацій, що супроводжують мовленнєвий жанр застереження, умови їх уникнення. Особлива увага приділяється з'ясуванню ролі семантичного синкретизму мовленнєвого жанру застереження у виникненні комунікативних невдач.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, превентив, застереження, комунікативна девіація, семантичний синкретизм.

АННОТАЦИЯ

Васильева Г.А. Коммуникативные девиации в строении и восприятии речевого жанра предотвращения

Статья посвящена проблеме функционирования превентива

в современном украинском языке. Превентив рассматривается как речевой жанр. Определяются причины коммуникативных девиаций, сопровождающих речевой жанр предотвращения, условия их предотвращения. Особое внимание уделяется определению роли семантического синкретизма речевого жанра предотвращения в возникновении коммуникативной неудачи.

Ключевые слова: речевой жанр, превентив, предотвращение, коммуникативная девиация, семантический синкретизм.

SUMMARY

Vasylyeva G. A. Communicative deviations in the composition and perception of the preventive as a speech genre

The article is devoted to a question of the preventive functioning in the present-day Ukrainian language. The preventive is considered as a speech genre. The reasons for communicative deviations that accompany the speech genre of warning and preconditions for their avoidance are determined. Special regard is given to the semantic syncretism and the role of the speech genre of warning in the process of communication failures.

Key words: speech genre, preventive, warning, communicative deviation, semantic syncretism.

*Н.В. Волкова
(Горловка)*

УДК 81'373.611-613.811.111.161

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА: ПРОДУКТИВНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ

В настоящее время пристальное внимание языковедов привлекает такой вопрос, как потенциал языковых единиц на уровне словообразования. Деривационные возможности слов были и остаются предметом теоретических и практических исследований в лингвистике начала XXI столетия. Общий уровень изученности проблемы словообразовательных возможностей лексических единиц в аспекте теоретических положений не является достаточным. В научных комментариях по вопросам реализации потенциальных возможностей той или иной единицы на уровне словообразования часто используют термины “словообразовательный потенциал”, “словообразовательная продуктивность”, “словообразовательная активность”, реже – “словообразовательные потенции”. Учеными разрабатываются положения о типах деривационных возможностей языковых

единиц, однако большинство ученых ограничиваются только отдельными аспектами этой проблемы. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного изучения исследований начала XXI века по вопросам деривационных возможностей единицы и необходимостью конкретизировать понимание терминов “словообразовательный потенциал слова”, “словообразовательная продуктивность слова” и “словообразовательная активность слова”.

Целью статьи является анализ лингвистической литературы первого десятилетия XXI ст. по вопросам словообразовательных возможностей языковых единицы определение сущности терминов “словообразовательный потенциал слова”, “словообразовательная продуктивность слова” и “словообразовательная активность слова”.

Отсутствие единого взгляда на понимание термина “словообразовательная продуктивность” отмечается Г. В. Комаровым. В своем исследовании деривационную продуктивность и активность ученый рассматривает как синонимические термины, обозначающие способность того или иного образования создавать новые слова [12, с. 12]. В энциклопедии русского языка раскрывается одно из значений термина “продуктивность” – это возможность тех или иных языковых средств создавать новые слова, формы, конструкции [22, с. 386]. Л. М. Устюгова описывает некоторые принципы определения словообразовательной активности основ с исконными и заимствованными корнями (с полногласными и неполногласными сочетаниями) и дает следующее определение: “словообразовательная активность – это словообразовательный потенциал, реализованный в виде узуально закрепившихся в языке слов, то есть количественный показатель реализованных возможностей” [27, с. 300].

Следует отметить, что в данный период продолжают изучаться словообразовательные возможности способов образования (Д. В. Мазурик, Э. В. Марейчева, Е. Матияшевич, Е. Э. Науменко, С. Ж. Нухов, С. А. Федорец), словообразовательных типов (Ш. Р. Басыров, В. Д. Калиушенко, Г. В. Комаров, А. Мединский), деривационных моделей (авторы работы “Сопоставительная грамматика русского и украинского языков”, Е. В. Огольцева, Т. А. Распопова, Н. П. Тропина, С. Ш. Шхалахо) и словообразовательных аффиксов (И. С. Улуханов, С. Гирняк, Э. Т. Дерди, Т. В. Максимова, К. Лефебр, И. Плаг, Г. Дж. Уидоусон). И все-таки, в отличие от предыдущих этапов исследования словообразовательных возможностей, все больше внимания уделяется анализу словообразовательных возможностей слов и

основ слов.

Объектами исследования дериватологов становятся словообразовательный потенциал ядерных лексем английского и немецкого языков (И. А. Галуцких) [6], словообразовательный потенциал четырехзонных парадигм в украинском и польском языках (Л. В. Сегин) [24], словообразовательный потенциал имен топологических зон верх/низ (Н. В. Пономарева) [20], полисемант ГОЛОВА и его словообразовательный потенциал (Н. Г. Ненилина) [16] и др.

Общая тенденция в исследованиях – это освещение деривационных возможностей слов и характеристика факторов, которые ограничивают или благоприятствуют развитию словообразовательных возможностей. Так, дериватологи делают попытки установить факторы, которые влияют на словообразовательный потенциал глаголов конкретного физического действия с семантикой создания объекта (И. Ф. Джочка) [9, с. 15-30], глаголов с семой “эмоция” (С. В. Артюхова) [1, с. 17], словообразовательного потенциала единичных существительных в украинском языке (Л. Б. Маргынова) [15, с. 54], существительных, которые обозначают орудия труда, части тела, металлы (И. С. Беркешук) [4, с. 2], словообразовательных потенциалов основ экономических терминов (В. И. Пушкар) [21, с. 14], словообразовательную активность производных антонимов в разных частях речи (О. И. Лыткина) [14], деривационный потенциал глаголов русского и татарского языков (В. Г. Фатхудинова) [28], словообразовательную продуктивность единиц звукоподражательной подсистемы английского языка (Е. В. Петухова) [18].

Особый интерес для нас представляет научная литература первого десятилетия XXI века, в которой определенным образом освещаются проблемы словообразовательных возможностей заимствованных слов. Эти исследования можно разделить на две условные группы. Первую группу составляют работы, в которых авторы, описывая ассимиляцию иноязычных слов на разных языковых уровнях, рассматривают их словообразовательную адаптацию и активность (И. Н. Багинская, Н. В. Ваганова, Л. В. Гребинный, В. М. Грязнова, А. И. Дьяков, Л. М. Коркмазова, Т. М. Полякова, А. А. Стишов) [3; 5, с. 30; 7; 8; 10, с. 10-12; 13; 19, с. 9; 25, с. 10-11].

Вторую группу научных работ составляют исследования, направленные на изучение словообразовательных возможностей иноязычной лексики и определение факторов, которые влияют на деривационные возможности слов. И. Ю. Суханова изучает словообразовательную активность заимствованных слов на

материале русской лексики рубежа XX–XXI ст. [26].

Л. М. Архипенко и Г. В. Павленко не только акцентируют внимание на том, что этап полного освоения заимствованного слова предполагает его участие в процессе словообразования (через посредничество продуктивных суффиксов и создание сложных слов на основе заимствованных) [2, с. 7; 17, с. 94], но и делают практические исследования адаптации англицизмов в русском и украинском языке, соответственно. Более того, авторы делают прогнозы закрепления некоторых слов в языке и речи.

Особенное место занимает диссертационное исследование Л. П. Кислюк “Словообразовательный потенциал заимствований в современном украинском языке” [11]. Под словообразовательным потенциалом заимствований автор понимает их способность формировать гнезда однокоренных слов в системе и по законам языка реципиента [11, с. 4]. Словообразовательный потенциал выражается количеством дериватов. Исследователь делает комплексное описание и сравнение словообразовательного потенциала немецких и английских заимствований в украинском языке, при этом уделяет внимание анализу лингвистических и экстралингвистических причин словообразовательных возможностей исследуемых лексем [11, с. 14].

Несмотря на значительное количество работ, изучающих словообразовательные возможности заимствованных слов, мы находим только одну работу, в которой заимствованные и исконные слова анализируются в сопоставительном аспекте. В. Р. Саркисянц исследует участие исконно английских и заимствованных глаголов в обогащении словарного состава современного английского языка. Ученый делает вывод, что словообразовательная активность исконно английских глаголов значительно выше, чем заимствованных из других языков [23]. Отметим, что анализируя словообразовательную продуктивность глаголов, автор рассматривает производные слова, созданные от заимствованных и исконных глаголов, и словосочетания. Последние, по нашему мнению, свидетельствуют не о словообразовательной продуктивности лексем, а об их сочетаемости на синтаксическом уровне.

Завершая анализ научной литературы первого десятилетия XXI ст., необходимо отметить неоднозначное понимание терминов “словообразовательный потенциал слова”, “словообразовательная продуктивность слова” и “словообразовательная активность слова”. Углубленное изучение теоретических основ этих терминов, начиная с лингвистических источников 60-х гг. XX ст., позволяют нам выделить общие и специфические черты

указанных терминов и объяснить их взаимосвязь.

Мы разделяем мнение тех ученых, которые под “словообразовательным потенциалом (потенцией)” понимают способность словообразовательного элемента образовывать новые слова. Считаем логичным, что “словообразовательный потенциал слова” – это его способность выступать в качестве производящей базы. Именно поэтому, мы считаем, что словообразовательный потенциал – это абстрактная категория, которая реализуется или не реализуется в понятиях активности и пассивности, продуктивности и непродуктивности.

Что касается терминов “словообразовательная активность” и “словообразовательная продуктивность”, то эти понятия имеют отличия. Мы отдаем предпочтение термину “словообразовательная активность” как качественной характеристике, а термину “словообразовательная продуктивность” как количественной характеристике деривационных возможностей слова. Считаем, что как понятия синхронического словообразования “словообразовательная активность слова” или “словообразовательная пассивность слова” дают оценку реализации словообразовательного потенциала слова на определенном промежутке времени. “Словообразовательная продуктивность”, в свою очередь, является понятием диахронического словообразования. Таким образом, “словообразовательная продуктивность слова” – это общее количество производных этой лексемы, однокоренных слов, которые входят в состав словообразовательного гнезда, в котором лексема является вершиной. Так, например, слово может характеризоваться высокой словообразовательной продуктивностью (иметь большое количество дериватов), однако в определенный период иметь низкую словообразовательную активность или даже характеризоваться пассивностью (производить мало дериватов или не производить новых дериватов).

Не имеет опровержений тот факт, что словообразовательный потенциал является категорией, связанной с понятиями реальности и потенциальности. Именно поэтому считаем допустимым различать реальную и потенциальную словообразовательную продуктивность. “Реальная словообразовательная продуктивность слова” является показателем количества производных лексемы, которые зафиксированы в языке и речи, а “потенциальная словообразовательная продуктивность” свидетельствует о производных, которые могут возникнуть в будущем. Здесь прослеживается связь между словообразовательной непродуктивностью и потенциальной словообразовательной

продуктивностью. Анализируя слова, от которых еще не образованы производные, более справедливо было бы говорить не об их словообразовательной непродуктивности, а о возможной, потенциальной словообразовательной продуктивности, так как практически нет грани между непродуктивностью и потенциальной продуктивностью слова.

Как правило, слово характеризуется языковым и речевым словообразовательным потенциалом. Поэтому реальная словообразовательная продуктивность слова находит отражение в языке и речи. “Языковая словообразовательная продуктивность слова” свидетельствует о том количестве дериватов, которое зафиксировано в словарях (кодифицированном языке), а “речевая словообразовательная продуктивность слова” – о дериватах, которые существуют в устной или устно-письменной речи, но еще не кодифицированы словарями.

Таким образом, деривационные возможности лексем реализуются в производных словах, количественным показателем которых является словообразовательная продуктивность. Как известно, прежде чем закрепиться традицией использования, слово проходит несколько стадий: потенциальное слово → слово, которое употребляется в речи (устной → письменной, иногда устно-письменной), → слово, которое стало нормативным в языке. Итак, словообразовательная продуктивность слова состоит из его языковой словообразовательной продуктивности, речевой словообразовательной продуктивности (устной, письменной, устно-письменной) и потенциальной словообразовательной продуктивности. Словообразовательная продуктивность не является статической характеристикой. Постепенный переход производных слов из категории потенциальных слов в категорию слов, которые кодифицируются словарями, приводит к изменениям показателей разных типов словообразовательной продуктивности слова: от потенциальной словообразовательной продуктивности к реальной (от речевой к языковой) словообразовательной продуктивности.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что комплексное исследование словообразовательных возможностей лексической единицы предполагает анализ словообразовательного потенциала лексемы, в частности, изучение ее словообразовательной активности или пассивности в создании новых слов в определенный период и определении общего количества производных этой лексемы, однокоренных слов, которые входят в состав словообразовательного гнезда, в котором лексема является вершиной, – словообразовательной продуктивности.

Перспективой дальнейшего исследования является

практическое изучение словообразовательного потенциала лексических единиц определенных групп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артюхова С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой “эмоция” в современном русском языке : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Артюхова Светлана Викторовна. – Махачкала, 2005. – 232 с.
2. Архипенко Л. М. Іншомовні лексичні запозичення в українській мові : етапи і ступені адаптації (на матеріалі англіцизмів у пресі кінця ХХ – початку ХХІ ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / Л. М. Архипенко. – Х., 2005. – 20 с.
3. Багинская И. Н. К проблеме ассимиляции заимствований (на материале английского и русского языков) [Электронный ресурс] / И. Н. Багинская. Режим доступа : <http://www.isuct.ru/konf/scherba/trud/baginskaya/01.04.2007>
4. Беркешук І. С. Дериваційний потенціал іменників у сучасній українській мові (назви знарядь праці, частин тіла, металів) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / І. С. Беркешук. – Івано-Франківськ, 2007. – 20 с.
5. Ваганова Н. В. Современные заимствования из английского языка : семантико-словообразовательный аспект : (на материале англицизмов конца ХХ – начала ХХІ в. в современном русском языке) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Ваганова Наталья Вячеславовна. – Н. Новгород, 2005. – 276 с.
6. Галуцких І. А. Особенности реализации словообразовательного потенциала ядерных лексем английского и немецкого языков / И. А. Галуцких // Записки з романо-германської філології : зб. наук. праць. – Одеса, 2005. – Вип. 16. – С. 21–30.
7. Гребінник Л. В. Німецькі запозичення у російській мові : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 “Російська мова” / Л. В. Гребінник. – К., 2007. – 20 с.
8. Грязнова В. М. Словообразовательное освоение заимствованной лексики в русском языке первой половины XIX века / В. М. Грязнова // Актуальные вопросы социальной теории и практики : сб. науч. трудов. – Ставрополь, 2001. – С. 188–194.
9. Джочка І. Ф. Дериваційний потенціал дієслів конкретної фізичної дії з семантикою створення об'єкта : дис. ... кандидата філол. наук : 10.02.01 / Джочка Ірина Федорівна. –

- Ивано-Франківськ, 2003. – 194 с.
10. Дьяков А. И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца 90-х годов XX века в функциональном аспекте : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / А. И. Дьяков. – Барнаул, 2001. – 23 с.
 11. Кислюк Л. П. Словотвірний потенціал запозичень у сучасній українській літературній мові : (на матеріалі англійських та німецьких запозичень) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.15 “Загальне мовознавство” / Л. П. Кислюк. – К., 2000. – 16 с.
 12. Комаров Г. В. Национально-культурная специфика новой лексики английского языка : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / Г. В. Комаров. – Краснодар, 2007. – 24 с.
 13. Коркмазова Л. М. Освоение в русском языке тюркизмов с неясными основами : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Л. М. Коркмазова. – Махачкала, 2004. – 22 с.
 14. Лыткина О. И. О взаимосвязи факторов словообразовательной активности (на материале производных антонимов в разных частях речи) [Электронный ресурс] / О. И. Лыткина. – Режим доступа : <http://www.philol.msu.ru/~rk2001/sec/slovoobr.htm> 19.04.2002.
 15. Мартинова Л. Б. Словотворчий потенціал одинних іменників у сучасній українській мові : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Мартинова Лілія Борисівна. – Одеса, 2004. – 180 с.
 16. Ненилина Н. Г. Полисемант ГОЛОВА и реализация его словообразовательного потенциала в русском литературном языке и народных говорах : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Ненилина Наталия Георгиевна. – Белгород, 2006. – 192 с.
 17. Павленко Г. В. Проблема освоения иноязычных заимствований : языковой и речевой аспекты : (На материале англицизмов конца XX в.) / Павленко Г. В. – Таганрог : Изд-во ТИУиЭ, 2002. – 142 с.
 18. Петухова Е. В. О словообразовательной продуктивности звукоподражательных основ [Электронный ресурс] / Е. В. Петухова. – Режим доступа : <http://www.phil.pu.ru/depts/02/anglistkaXX/01/47/htm>
 19. Полякова Т. М. Лексичні інновації іншомовного походження в сучасній російській мові (на матеріалі мови ЗМІ останнього десятиріччя XX – початку XXI ст.) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 “Російська

- мова” / Т. М. Полякова. – К., 2004. – 20 с.
20. Пономарева Н. В. Семантический и словообразовательный потенциал имен топологических зон верх/низ (на материале русского литературного языка) : автореф. дис. на соискание уч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 “Русский язык” / Н. В. Пономарева. – Кемерово, 2007. – 23 с.
 21. Пушкар В. І. Структура, семантика та словотворчі функції основ префіксальних дієслів : (На матеріалі англійської економічної термінологіки) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.04 “Германські мови” / В. І. Пушкар. – К., 2002. – 19 с.
 22. Русский язык : Энциклопедия / [под ред. Ю. Н. Караулова]. – М. : Больш. Росс. энциклопедия, 2003. – 704 с.
 23. Саркисянц В. Р. Участие исконно-английских заимствованных глаголов в обогащении словарного состава современного английского языка (на основе анализа словаря Chambers 21st Century Dictionary) [Электронный ресурс] / В. Р. Саркисянц. – Режим доступа : <http://www.rspu.edu.ru/science/conference/05.09.2006>
 24. Сегін Л. В. Структурно-семантична типологія словотвірних парадигм дієслів динамічно-просторової локалізації в українській і польській мовах : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.17 “Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство” / Л. В. Сегін. – Донецьк, 2003. – 20 с.
 25. Стишов О. А. Динамічні процеси в лексико-семантичній системі та в словотворі української мови кінця XX ст. (на матеріалі мови засобів масової інформації) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра філол. наук : спец. 10.02.01 “Українська мова” / О. А. Стишов. – К., 2003. – 35 с.
 26. Суханова И. Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной – иноязычным словом (на материале русской лексики рубежа XX – XXI вв.) : дис. ... кандидата филол. наук : 10.02.01 / Суханова Ирина Юрьевна. – М., 2005. – 208 с.
 27. Устюгова Л. М. Словообразовательная активность и методика ее исследования / Л. М. Устюгова // Лінгвістичні студії : зб. наук. праць. – Донецьк, 2005. – Вип. 13. – С. 299–305.
 28. Фатхудинова В. Г. Лингвистические основы сопоставительного анализа отглагольных словообразовательных гнезд в русском и татарском языках [Электронный ресурс] / Фатхудинова В. Г. – Режим доступа : <http://www.ksu.ru/fil/kn1/publications/index.php?SOD=203/20.04.2007>

Волкова Н. В. Словообразовательный потенциал слова: продуктивность и активность

Статья посвящена анализу содержания терминов, которые обозначают словообразовательные возможности лексем. Акцентировано внимание на общих и отличительных характеристиках понятий “словообразовательный потенциал слова”, “словообразовательная продуктивность слова”, “словообразовательная активность слова”.

Ключевые слова: словообразовательный потенциал слова, словообразовательная продуктивность, словообразовательная непродуктивность, словообразовательная активность, словообразовательная пассивность, реальная словообразовательная продуктивность, потенциальная словообразовательная продуктивность.

SUMMARY

Volkova N. V. Word-building potential: productivity and activity

The article focuses on the terms denoting the abilities of lexeme to serve as the basis for coining new words. Special attention is attached to the common and peculiar features of such terms as «word-building potential», «word-building productivity» and «word-building activity».

Key words: word-building potential, word-building productivity, word-building nonproductivity, word-building activity, word-building passivity, real word-building productivity, potential word-building productivity.

*С.П. Волосевич
(Горловка)*

УДК 81'373.7

**ТИПОЛОГИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ**

В настоящее время в лингвистике принято широкое понимание коммуникативной функции языка. Коммуникативная функция, имеющая две основные разновидности – номинативную и прагматическую – обычно выделяется лингвистами как первичная, ведущая функция языка. Фразеологизмы, наряду с выполнением основной, коммуникативной функции, способны выполнять и другие, менее существенные функции: текстообразующую, стилистическую, кумулятивную, директивную, фатическую, эстетическую. Кроме того, при речевых преобразованиях

фразеологических единиц им свойственны дополнительные функции, выполняемые фразеологизмами в речи: функция добавочного смысла, ослабления или уточнения значений исходных фразеологизмов и некоторые другие [4, с. 96 – 100].

Ведущие лингвисты считают, что способность языка служить средством коммуникации, при учете того факта, что язык и речь являются двумя сторонами онтологически единого объекта, свидетельствуют о неправомерности противопоставления коммуникативной функции, приписываемой исключительно речи, и номинативной функции, приписываемой исключительно языку. При этом указывается на невозможность сообщить нечто без названия, идентификации объектов, а также на невозможность реализации содержания языковых единиц вне процессов вербального общения. Номинация, таким образом, рассматривается как неотъемлемая часть процесса коммуникации. Справедливость утверждения о том, что без номинации нет коммуникации, предполагает справедливость обратного утверждения о том, что коммуникативные единицы не могут не быть номинативными. Коммуникативность номинации и элементы коммуникативности в самом понятии номинации признаются большинством ведущих лингвистов [1, с. 144], [2],[5].

Принимая во внимание то, что процессы коммуникации осуществляются на базе номинации, мы признаем коммуникативный подход к анализу идиом номинативно-коммуникативным по своей сущности. Такой подход отражает как знания говорящего об объективном мире, так и его намерения по отношению к слушающему. При таком подходе невозможно отделение или отграничение экспрессивной и эмоционально-оценочной функций фразеологизмов от номинативной функции. Признание за фразеологизмами эмоционально-оценочной функции совсем не подразумевает отсутствие или ослабление их номинативной функции.

При широком понимании языковой номинации номинативная и экспрессивно-оценочная функция языковых единиц не могут быть противопоставлены как взаимоисключение, так как коннотация, являясь опосредованным содержанием действительности, неразрывно связана с денотативно-сигнификативным содержанием и даже при её доминирующей роли в семантической структуре фразеологизма, коннотация не отменяет выполняемую им номинативную функцию [3, с. 89].

Интересна, на наш взгляд, мысль о том, что в номинативном соотношении экспрессивные слова также адекватно передают реальные денотативные признаки объекта, как и обычные нейтральные слова. Сигнификаты экспрессивных слов

отражают объективные свойства объекта именованя [1, с. 136]. Это высказывание служит подтверждением тому, что такие экспрессивные единицы языка как фразеологические единицы выполняют номинативную функцию и, так же как и соотносимые с ними экспрессивные лексические единицы, отражают реальные признаки денотатов.

Узуальные лексические номинации могут быть первичными, то есть непосредственно направленными на внеязыковую действительность, и вторичными, то есть опосредованными а) либо другим наименованием – косвенные номинации; б) либо предшествующим значением языковой единицы – непарные номинации. Фразеологические номинации, по сравнению с лексическими, более сложны и всегда вторичны ввиду того, что их значения опосредованы значениями составляющих их лексем. За ФЕ признаётся статус языковых единиц вторичной косвенной номинации, что предусматривает формирование смысла нового наименования под непосредственным воздействием смыслового содержания другого наименования, которое определяет характер отображения действительности в новом отношении именованя, задавая тот или иной ракурс её рассмотрения и тем самым опосредуя это изображение.

Узуальные фразеологические номинации подробно рассматривает А. В. Кунин. Он определяет основные виды таких номинаций – вторичные, третичные и смешанные номинации – и подчёркивает не только сам факт опосредованности значений фразеологических единиц значениями составляющих их лексем, но и ставит вопрос о степени (подчёркнуто нами – В. С.) опосредованности, отмечает, что она может быть различной и зависит от степени мотивированности фразеологизма. На этом основании выделяется особый тип фразеологической номинации – вторичная демотивированная номинация, характеризующаяся непосредственной направленностью на объект, что сближает этот тип номинации [3, с. 90 – 92].

Согласно другой точке зрения, демотивированные фразеологические единицы (сращения) не приближаются, а являются прямономинативными знаками, так как они выходят на прямую связь с объективной действительностью вследствие утраты внутреннего образа. У фразеологических сращений, следовательно, отсутствует основной признак, присущий косвенным номинациям – обозначение через обозначение.

Итак, демотивированные фразеологические единицы определяются либо как прямономинативные знаки, либо как номинации, приближающиеся к первичным номинациям, причём в обоих случаях признаётся их непосредственная направленность

на объект внеязыковой действительности. Демотивированные фразеологические единицы, по нашему мнению, в своей основной массе не относятся к прямономинативным знакам. Несмотря на то, что внутренняя форма в сращениях не поддаётся расшифровке без специальных этимологических исследований, при направленности на действительность они не лишены некоторого влияния системных значений лексем. В связи с этим можно привести высказывание известного лингвиста У.Л. Чейфа: «Если я употребляю идиому *red herring* (ложный след), то сознание мое полностью не свободно от представления о рыбе красного цвета [6, с. 86]. Но, в отличие от фразеологических единств, сращения на фоне свободного словосочетания такого же лексического состава не дают метафорического эффекта. Две картины внеязыковой действительности, которые номинируют сращение и свободное словосочетание, не совмещаются, а служат фоном друг для друга. Следовательно, и опосредующая роль составляющих сращения лексем носит минимальный характер. Нам представляется справедливым утверждение о приближении демотивированных фразеологических единиц к единицам первичной номинации. Следовательно, ослабление роли опосредствующего звена, его фоновый характер сказывается на статусе демотивированных фразеологических единиц.

Особенно важна роль опосредующего звена для единиц третичной номинации, основной закономерностью которой является наличие опосредованности значения фразеологизмов-дериватов через значения исходных фразеологических единиц. Так как связь дериватов с объектами внеязыковой действительности опосредована исходными фразеологизмами, которые в свою очередь соотносятся с действительностью через буквальные значения составляющих их лексем, фразеологизмы-дериваты определяются как единицы третичной номинации. Принадлежность фразеологических единиц к единицам третичной номинации, по нашему мнению, носит относительный характер, так как они могут переходить в единицы вторичной номинации. Происходит это в том случае, если производность таких фразеологизмов не осознаётся носителем языка.

Статус единиц третичной номинации признаётся за основной массой ФЕ-дериватов. Тем не менее, в лингвистической литературе высказывается точка зрения о том, что некоторые ФЕ-дериваты не относятся к третичным номинациям. Это, прежде всего, дериваты, у которых в процессе развития языка из фразеологического фонда выпало промежуточное звено, то есть исходная фразеологическая единица, а также дериваты, образованные по конверсии, и глагольные ФЕ-дериваты,

образованные от пословиц, употребляющихся в повелительном наклонении.

Связь с действительностью у таких дериватов опосредствуется соответствующим переменным сочетанием ввиду того, что образная основа таких дериватов не подвергается изменениям и связь с первичной ситуацией переосмысления остается прозрачной.

Как бы ни была ослаблена роль опосредующего звена во вторичных демотивированных номинациях, такое звено всегда выражено в синтагматике в виде составляющих фразеологическую единицу компонентов. При третичной номинации опосредующее звено имеется только в парадигматике. Оно может выпасть из фразеологического фонда языка. Не всегда имеется необходимость в таком звене при соотношении деривата с внеязыковой действительностью. Вот почему третичные номинации не только приближаются к вторичным, но многие из них, в конечном итоге, переходят в них. «Третичный» мир, следовательно, имеет тенденцию переходить во «вторичный».

При отнесении деривата к единицам вторичной или третичной номинации теоретически и практически сложным является решение вопроса о том, насколько существенна опосредующая роль исходной фразеологической единицы. Следует учитывать, что любая ФЕ-дериват, являясь единицей языка, имеет свой денотат, то есть некоторое сложившееся, типизированное и социально закрепленное представление о предмете, процессе, ситуации. Дериват, следовательно, способен соотноситься с объектом именованного непосредственно, а его производность не обязательно осознается носителем языка.

В заключение отметим, что опосредующая роль исходной фразеологической единицы, как представляется, носит характер императива только генетически, а в синхронии связь прототипа и деривата имеет ассоциативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации / Г. В. Колшанский // Языковая номинация: (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 99 – 146.
2. Кубрякова Е. С. О номинативном компоненте речевой деятельности / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 13 – 22.
3. Кунин А. В. О фразеологической номинации / А. В. Кунин // Фразеологическая семантика (Германские и романские языки): Сб. науч. тр. / Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им.

- М. Тореза. – М., 1983. – Вып. 211. – С. 88 – 100.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / Кунин А. В. – М.: Высш. школа, 1986. – 336 с.
5. Никитин М. В. Лексическое значение слова: (Структура и комбинаторика) / Никитин М. В. – М.: Высш. школа, 1983. – 128 с.
6. Чейф У. Значение и структура языка / Чейф У. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Типология окказиональных фразеологических номинаций

В данной статье номинация рассматривается как неотъемлемая часть коммуникации. Элементы коммуникативности содержатся в самом понятии номинации. Рассматриваются типы фразеологических номинаций, их мотивированность. Автор исследует такое явление, как мотивированные и демотивированные фразеологические единицы. Особый интерес это явление представляет в свете вторичной фразеологической номинации, то есть образование ФЕ-деривата от уже существующего в языке фразеологизма.

Ключевые слова: номинация, фразеологическая единица, вторичная номинация.

SUMMARY

Volosevich S. P. Nominative typology of nonce idioms

In this article the process of nomination is regarded as part and parcel of communication. The elements of communication are embedded in the notion of nomination. The types of idiomatic nomination are investigated as well as their motivation. The author looks into such phenomenon as motivated and demotivated idioms. This phenomenon is of particular interest when a new nonce idiom is derived from a traditional language idiom.

Key words: nomination, idiom, secondary nomination.

В.А. Вострецова
(Горловка)

УДК [811.11 : 811.161]'253 : 778.5

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО-
МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ
В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ**

Глобализация и другие магистральные международные тенденции способствуют установлению и укреплению контактов между странами, что, в свою очередь, знакомит представителей одной культуры с достижениями другой культуры. Неоспоримым фактом является то, что межкультурной коммуникации в значительной степени способствует перевод.

Переводу подлежат тексты разных жанров, типов и стилей. Такие тексты являются носителями информации об определенной стране, нации или народе и способствуют лучшему пониманию данной информации представителями других культур. Одним из носителей такой культурной информации является фильм (со всеми формами подачи информации: текст, звук и видеоряд). Для того чтобы донести указанную информацию до иноязычного реципиента, требуется владение конкретными стратегиями передачи такой информации на другой язык.

Необходимо отметить, что стратегии не ограничиваются только переводом единиц разных уровней, они затрагивают и другие способы передачи лексических единиц. Цель данной статьи состоит в рассмотрении стратегий передачи культурно-маркированной лексики в аудиовизуальном переводе на основе двух подходов – доместикации и форенизации. Проблемам аудиовизуального перевода посвящено много статей представителей разных стран, менее охваченным такой вопрос остается среди российских и украинских ученых, недостаточно внимания уделяется передаче культурно-маркированных единиц на русский или украинский языки (Karamitglou F., Leppihalme R., Pedersen J., Матасов Р.А., Горшкова В.Е., Куликова А.Е.).

Текст фильма, как и любой другой текст, насыщен лексическими единицами, относящимися к различным группам: стилистически-окрашенные единицы, термины, национально-маркированные единицы и т.д. Для каждого типа фильма (например, художественный, мультипликационный или документальный) характерен свой набор групп лексических единиц. Текст художественных и мультипликационных фильмов, как и текст печатных художественных произведений, характеризуется широким спектром стилистически-

маркированных единиц и идиом. Между двумя названными типами фильмов также существуют определенные различия в лексическом наборе. Мультипликационные фильмы рассчитаны на младшую возрастную категорию, для которой не характерно понимание многих стилистических приемов (например, игры слов или метафор). При этом мультипликационные фильмы выделяются обязательным созданием юмористических моментов, для которых могут использоваться такие стилистические приемы как гипербола и литота. Документальные фильмы традиционно отличаются использованием нейтральной лексики, либо же терминологической лексики, в случае, если фильм имеет научный или научно-популярный характер.

Ещё одной отличительной чертой мультипликационных фильмов должно быть наличие упрощенных лексических единиц, т.е. единиц, содержащихся в тезаурусе среднестатистического ребенка. Детский тезаурус, как известно, значительно отличается от тезауруса взрослого своим объемом.

Кроме окрашенной, терминологической или нейтральной лексики любой текст, в том числе и кинотекст, содержит в себе огромный ряд национально-маркированных единиц (другой термин – культурно-маркированные единицы). К таким единицам можно отнести чистые реалии, аллюзии, имена собственные и другие единицы. Мы остановимся на указанных. Под чистыми реалиями понимаем лексические единицы, используемые для названия специфических предметов и явлений, характерных для той или иной страны, нации, народа (классические примеры – матрешка, самовар, вареники и т.д.).

Аллюзии – это единицы-отсылания к известным личностям, событиям, фильмам, цитатам и т.д. (например, использование фразы из кинофильма „Служебный роман”: – Вы сегодня выглядите очень энергично. – *Теперь я буду выглядеть так всегда* (данная фраза сопровождается сценой, похожей на сцену из фильма-источника) в сериале „Деффчонки”).

Необходимо отметить, что имена собственные могут выступать как отдельной группой, так и считаться элементами двух названных выше групп. Имена собственные могут быть единицами, имеющими яркую национальную окраску (например, *Екатерина II, Richard the Lionhearted, Robin Hood; Ronald, Пётр, Алесь*) или выступать в качестве аллюзий (например, использование названия фильма *The Matrix* в сериале „The Simpsons” или имени *Alice Cooper* в телесериале „Schrubs”).

Значение использованных в оригинальном фильме культурно-маркированных единиц в большинстве случаев понятно зрителю страны-производителя. Например, такие единицы как аллюзии

интересны для носителей языка оригинала, т.к. они подобны игре, в которую режиссер приглашает сыграть зрителя. Зритель же любит отгадывать, понимать и оценивать аллюзии. Реалии и имена собственные также консолидируют зрителей и дают им ощущение особенности и неповторимости. Для иностранного зрителя большая часть рассматриваемых единиц будет непонятна, так как такой зритель является представителем другой культуры, в которой не представлены реалии фильма-оригинала. Для того, чтобы фильм имел такой же эффект на иностранного зрителя, как и на зрителя оригинала, переводчику необходимо проделать огромную и кропотливую работу.

При описании вопроса о передаче реалий, аллюзий, имен собственных и других, рассматриваемых в данной статье единиц, важно отдельно остановиться на таких переводческих стратегиях как доместикация и форенизация. Необходимость рассмотрения данных терминов обуславливается тем, что именно „стратегии доместикации и форенизации учитывают влияние культурных и идеологических факторов на перевод, а также рассматривают влияние переводов на читателей и культуру языка перевода” [8, с. 1576]. Итак, „доместикация – это стратегия приближения текста к культуре языка, на который он переводится, при этом может наблюдаться потеря информации текста оригинала. Форенизация – это стратегия сохранения информации текста оригинала, что предусматривает намеренное нарушение норм языка перевода” [4, с. 251-252]. Исследователи также считают, что в результате выбора первой из названных стратегий – доместикации – оригинал обрабатывается таким образом, что „все «чужие» ценности и символы погибают и оригинальный текст становится невидимым для читателя. Во втором случае, текст оригинала претерпевает минимальных изменений, таким образом, читатель даже в переводе видит перед собой оригинал и сам должен постигнуть его смыслы” [1, с. 250].

Практики и теоретики аудиовизуального перевода отмечают, что для передачи культурно-маркированных единиц при таком типе перевода существует определенный набор стратегий. Этот набор варьируется в зависимости от вида аудиовизуального перевода (дубляж, закадровый перевод или субтитрирование), и, в свою очередь, от подвидов аудиовизуального перевода (например, одnogолосый, двухголосый или многоголосый закадровый перевод; субтитрирование для людей с нормальным слухом или с нарушениями слуха и т.д.). Такое варьирование базируется на конкретных ограничениях, свойственных каждому виду аудиовизуального перевода.

Субтитрирование, например, можно считать наиболее ограниченным видом аудиовизуального перевода. В связи с тем, что основная цель субтитрирования – это передача текста с помощью компрессии (текст субтитров ограничен максимальными 35 знаками на строке и двумя строками для одной группы субтитров, а также временем нахождения каждой группы субтитров на экране), переводческие стратегии, направленные на расширение текста не могут широко использоваться при подготовке субтитров.

Дубляж, в свою очередь, имеет четкие ограничения, связанные с синхронизацией текста перевода с движением губ актеров (слова в тексте перевода должны при произнесении согласоваться с движениями губ актеров при произнесении оригинальных слов), поэтому для дубляжа не могут активно применяться как стратегии, направленные на расширение текста, так и стратегии, направленные на его сокращение.

Для закадрового перевода таких серьезных ограничений нет. Выбор стратегии в данном случае зависит от жанра фильма, от количества озвучивающих голосов и других факторов (например, для жанра экшн важными будут скорость смены событий и движения актеров, что позволяет во многих случаях при переводе жертвовать именами собственными); в то же время сохранение имен-обращений в переводе будет приветствоваться в одnogолосом закадровом переводе фильма того же жанра с целью разграничения говорящих).

Стратегии передачи культурно-маркированных единиц в аудиовизуальном переводе сводятся к восьми основным категориям: 1) опущение; 2) буквальный перевод; 3) заимствование; 4) эквивалентность; 5) адаптация; 6) замена культурного термина дейксисом; 7) генерализация; 8) экспликация [цит. по 3, с. 42].

От ученого к ученому может изменяться количество и название стратегий, но суть их остается той же. Например, классификация способов передачи рассматриваемых в статье единиц, представленная Ф. Карамитроглу, содержит пять пунктов: 1) культурная передача; 2) перенос; 3) перенос с объяснением; 4) нейтрализация; 5) опущение [5]. Классификация Р. Рамьер включает шесть пунктов: 1) заимствование; 2) калькирование; 3) толкование; 4) опущение; 5) нейтрализация; 6) культурная замена [цит. по 7, с. 2353]. Дж. Бастин распределяет способы передачи национально-маркированных единиц на семь категорий: 1) транскрипция (дословный перевод); 2) опущение; 3) расширение; 4) использование экзотизмов; 5) обновление; 6) ситуационная или культурная адекватность; 7) создание [цит. по 3, с. 42].

Как видно из представленных выше классификаций, лингвисты в основном сходятся во мнении об основных стратегиях передачи культурно-маркированной лексики в аудиовизуальном переводе. При этом необходимо отметить, что классификации стратегий, присущих аудиовизуальному переводу, в значительной степени основываются на традиционных классификациях способов передачи рассматриваемых в статье единиц при переводе печатных произведений любого жанра. Например, классические стратегии передачи реалий, предложенные С. Влаховым и С. Флориным, делятся на две группы: транскрипция и перевод. Последний включает такие позиции: 1) введение неологизма (а) кальки, б) полукальки, в) освоение, г) семантический неологизм); 2) приблизительный перевод: (а) родо-видовая замена, б) функциональный аналог, в) описание, объяснение, толкование); 3) контекстуальный перевод [2, с. 87-93].

В аудиовизуальном переводе выбор указанных выше способов передачи культурно-маркированных единиц основывается, прежде всего, на выборе переводчиком основной стратегии – доместикации или форенизации. При этом выбор, как уже было сказано выше, зависит в основном от вида аудиовизуального перевода и жанра фильма.

Важно сказать, что „в аудиовизуальном контексте стратегии доместикации и форенизации приобретают более сложный характер, т.к. требуют соотнесения переводческих решений с другими компонентами произведения: звуком и изображением <...> В сумме эти элементы составляют смысловую совокупность, которая распадается, если один из элементов отсутствует” [6, с. 17]. Интересным является тот факт, что в фильмах культурно-маркированные единицы (в основном реалии) иногда могут визуализироваться или озвучиваться. В таком случае, подход переводчика будет несколько меняться. Визуализированные и озвученные реалии сами по себе доносят информацию до реципиента, поэтому довольно частотным способом передачи таких реалий оказывается их опущение (например, при визуализации игры на таком инструменте как *маракасы*, адекватным окажется опущение данного слова в переводе). Таким образом, можно говорить о том, что для перевода визуализированных реалий в большинстве случаев переводчики прибегают к стратегиям доместикации.

Исследователи культурно-маркированных единиц в аудиовизуальном переводе отмечают, что доместикация, с её функциональными и социокультурными характеристиками, должна быть превалирующей при передаче таких единиц в субтитрах, т.к. чрезмерное использование приема форенизации

может вызвать трудности восприятия и толкования аудиовизуального произведения [6, с. 17]. Ограничение времени нахождения на экране группы субтитров, содержащей культурно-маркированные единицы, а именно иностранные имена и наименования, „может затруднить способность зрителя к ассоциации имен с персонажами” [6, с. 17].

Авторы вышеуказанных стратегий передачи культурно-маркированных единиц при аудиовизуальном переводе распределяют данные стратегии таким образом, что ни находятся на одном отрезке, противоположные точки которого и являются яркими проявлениями доместикации и форенизации. Между ними находятся стратегии менее выраженного характера. Например, транскрипция и заимствование – это характерные стратегии форенизации, а культурная/функциональная замена и опущение – характерные стратегии доместикации. Стратегии форенизации ориентированы на язык оригинала, а стратегии доместикации – на язык перевода. В аудиовизуальном переводе могут одновременно использоваться несколько стратегий, что является показателем адаптированности текста.

Таким образом, следующим аспектом, требующим рассмотрения при исследовании вопроса о способах и стратегиях передачи культурно-маркированных единиц в аудиовизуальном переводе, является адаптация. Адаптация, с одной стороны, может рассматриваться как одна из стратегий, при которой текст перевода приспособляется к языку и культуре перевода для того, чтобы вызвать подобные смыслы оригинала. В таком случае адаптация рассматривается как форма эквивалентности [3, с. 42]. С другой стороны, адаптация может рассматриваться как стратегия, направленная на приспособление текста перевода к определенным условиям. На установление таких условий влияют несколько факторов, часть из которых уже были указаны выше:

- 1) вид аудиовизуального перевода;
- 2) государственные нормы и традиции;
- 3) рекомендации компании-заказчика;
- 4) традиции компании-изготовителя перевода;
- 5) жанр фильма;
- 6) потенциальная аудитория:
 - а) возраст (взрослый : ребенок);
 - б) знания (профессиональные : общие);
 - в) физические возможности (наличие ограничений по слуху и зрению : отсутствие таких ограничений).

В отношении передачи реалий отдельно можно вынести такие факторы, влияющие на степень адаптации: „значимость реалии в контексте; характер самой реалии, её место в лексических

системах исходного языка и языка перевода; сами языки – их словообразовательные возможности, литературная и языковая традиция [2, с. 94].

Практика передачи культурно-маркированных единиц в аудиовизуальном переводе показывает, что традиционно редко наблюдается влияние только одного фактора на выбор стратегии передачи таких единиц – в основном имеет место объединение двух и более факторов. Таким образом, выбор стратегии переводчиком зависит как от объективных, так и от субъективных факторов. Каждый фильм с его набором культурно-маркированной лексики должен рассматриваться как отдельный особый случай, требующий тщательного и взвешенного подхода. Перспективным считаем рассмотрение каждой стратегии с учетом представленных факторов на материале определенных фильмов и определенных языков пар.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрейко Л. В. Можливості відтворення інтертекстуальності у перекладі / Л. В. Андрейко // Гуманітарний вісник. Серія : Іноземна філологія. – Число 13. – Черкаси : ЧДТУ, 2009. – С. 249-253.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 341 с.
3. DayanLiu. Subtitling cultural specificity from English to Chinese [Электронный ресурс] / Liu Dayan // American International Journal of Contemporary Research. – October 2012. – Vol. 2. – No. 10. – P. 39-46.
4. Gile D. Basic concepts and models for interpreter and translator training / Daniel Gile. – Amsterdam ; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co, 2009. – XV, 283 p.
5. KaramitroglouF.A Proposed Set of Subtitling Standards in Europe [Электронный ресурс] / F. Karamitroglou // Translation Journal. – 1998. – Vol. 2. – No. 2. – 16.10.2014. – Режим доступа : <http://translationjournal.net/journal/04stndrd.htm>.
6. Kolechko V. Доместикация и форенизация реалий в аудиовизуальном произведении / Victoria Kolechko. – Elokua, 2012. – 66 p.
7. Shirinzadeh S. A. Foreignizing and domesticating tendencies in Pazargadi's English translation of Hafez's Lyrics: Study a case / Seyed Alireza Shirinzadeh // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – No. 20. – Vol. 5. – P. 2350-2358.
8. Zare-Behtash E. A Diachronic Study of Domestication and Foreignization Strategies of Culture-Specific Items: in English-Persian Translations of Six of Hemingway's Works / Esmail

Zare-Behtash, Sepideh Firoozkoobi // World Applied Sciences Journal. – 2009. – Vol. 7 (12). – P. 1576-1582.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В. А. Стратегии передачи культурно-маркированных единиц в аудиовизуальном переводе

В статье рассматриваются основные стратегии передачи культурно-маркированных единиц, встречающихся в фильмах разных типов и жанров. Автор фокусирует внимание на двух основных стратегиях – доместикации и форенизации, отдельных частных стратегиях; характеризует переводческую адаптацию; рассматривает основные типы культурно-маркированных единиц, встречающихся в кинотексте; определяет основные факторы, влияющие на выбор переводчиком той или иной стратегии передачи культурно-маркированных единиц.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, культурно-маркированная лексика, доместикация, форенизация, адаптация.

SUMMARY

Vostretsova V. A. Strategies of conveying culturally-bound words in audiovisual translation

The article deals with the major strategies of conveying culturally-bound words, occurring in films of different types and genres. The author focuses her attention on two main strategies – domestication and foreignization, as well as separate particular strategies; characterizes translator's adaptation; considers the main types of culturally-bound words, arising in film dialogues; determines the major factors affecting a translator's choice of a certain strategy of conveying culturally-bound words.

Key words: audiovisual translation, culturally-bound words, domestication, foreignization, adaptation.

*Г.Г. Дрінко
(Горлівка)*

УДК 81'362 = 161.2 = 111

ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ МОВЛЕННЄВОГО АКТУ «ПРОПОЗИЦІЯ» В АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

1. Вступні зауваження. Останнім часом особливу увагу набувають зіставні дослідження спонукальних мовленнєвих актів у різноструктурних мовах [3, 4, 10]. Тому, це дослідження присвячене аналізу засобів експлікації мовленнєвого акту

“пропозиція” в англійській та українській мовах. Об’єктом дослідження цієї статті є мовленнєвий акт «пропозиція» (далі МАП) в англійській та українській мовах.

2. Метою дослідження є зіставний аналіз структурних та семантичних особливостей засобів вираження «пропозиції» в порівнянаних мовах. Досягнення цієї мети передбачає вирішення таких завдань:

- надати комунікативно-прагматичну характеристику МАП;
- визначити типи спонукальних речень, які використовуються для вираження МАП у зіставлюваних мовах;
- виявити подібності та відмінності у цих типах спонукальних речень;
- надати кількісну характеристику речень, які використовуються для вираження МАП в обох мовах.

3. Матеріалом дослідження слугувала картотека прикладів, зібраних методом суцільної вибірки з творів художньої літератури англійських, американських і українських авторів першої половини двадцятого сторіччя. Обсяг вибірки становить 2524 приклади спонукальних висловлювань в англійській мові та 2700 – в українській. З цього матеріалу виявлено 484 приклади МАП, що складає 19,2% від загальної кількості прикладів в англійській мові та 245 прикладів МАП в українській мові, що складає 9,1% від загальної кількості прикладів.

4. Комунікативно-прагматична характеристика мовленнєвого акту “пропозиція”

Аналізуючи МАП слід зазначити, що – це складний МА. Ще Дж. Серль звернув увагу на те, що пропозиція має характеристики директива та комісива [6]. В українському словнику дієслово “пропонувати” багатозначне: 1. Виявляти бажання, готовність допомагати кому-небудь чи віддати кого-, що-небудь у чийсь розпорядження. 2. Виявляти бажання, готовність продати, збути що-небудь. 3. Висловлювати кому-небудь якусь пропозицію, якість побажання з наміром залучити до чогось, запросити до долі в чомусь. 4. Ставити, давати що-небудь на розгляд, вибір комусь [1, с. 260]. У МАП мова йде про таку дію або поведінку Агенса, яку Прескриптор оцінює як можливу, при цьому (на відміну від поради) байдуже, у чийх інтересах дана дія відбувається – Прескриптора, Агенса чи когось ще [2, с. 188]. Пропозиція виходить від Мовця, але буде бажана вже для Слухача [5, с. 130]. Д. Койк відносить пропозицію до складних МА. Так, МА пропозиції, на його думку, характеризується такими умовами: 1) слухач стверджує, що для нього існує проблема, і мовець знає про цю проблему і робить пропозицію у відповідь: – *My throat hurts.* – *Why don't you drink some cough syrup?* – “У мене горло

болить. – Чому б тобі не випити ліки від кашлю?” 2) мовець вірить (широ або удавано), що його пропозиція допоможе слухачу розв’язати проблему; 3) мовець очікує, що слухач якийсь чином відповість на його пропозицію [9]. Пропозиція – це такий мовленнєвий акт, у якому мовець спонукає адресата до певної дії, так, в англ. мові: *Would you go, Dad?* – *asked Michael* (Galsworthy, p. 508). – ‘Може тобі сходити, тату?’ – запитав Майкл.’; в укр. мові: *Можє, ви роздягнетєся?* – *запропонувала дівчина, виконуючи, головне, обов’язки господарки* (Підмогильний, с. 593), а також спонукає адресата до спільної дії, наприклад, в англ. мові: *Then let us continue our conversation.* ‘Тоді давайте продовжимо нашу бесіду’, в укр. мові: *Проведемо дівчину додому?* – *запропонував Шугалій* (Самбук, с. 234).

5. Засоби вираження пропозиції в англійській та українській мовах

Засоби вираження пропозиції, які зустрілися в проаналізованій літературі, подані у таблицях 1 та 2. Розглянемо засоби вираження пропозиції, які спрямовані на спонукання адресата, а також на спонукання до спільної дії:

МАП, спрямований на спонукання адресата, можна поділити на дві групи: перша група – це запропонувати кому-небудь що-небудь чи кого-небудь та друга група – запропонувати кому-небудь виконання певної дії. Для вираження першого значення в англійській мові використовуються питальні речення з модальними дієсловами: *Can/Could I offer you ...?* ‘Можу я запропонувати вам ...?’ *Will/Won't you have some coffee?* ‘Не хочете ви кави?’ *Would/Wouldn't you like ...?* ‘Не хотіли б ви...?’ Типовим для такого роду пропозицій є речення з питальним словом *What*: *What will you have...?* ‘Що ви бажаєте...?’ *What would you like to have...?* ‘Що б ви хотіли мати...?’ *What would you prefer...?* ‘Чому ви віддаєте перевагу...?’

Для вираження пропозиції зробити яку-небудь дію також використовуються питальні речення, наприклад: *Will you/Won't you do...?* ‘Не зробите ви...?’ *Would you/Wouldn't you like to come for a walk?* ‘Не хочете ви прогулятися?’ *What would you like to do?* ‘Що б ви хотіли зробити?’ [8, с. 223]. Використання питальних речень для вираження пропозиції є найпоширенішим засобом в англійській мові (31%). Модальне дієслово *shall + I* найчастіше вживається для вираження пропозиції, яка буде виконуватись самим мовцем: *Shall I drive you?* *Asked Jean* (Galsworthy, p. 424). – ‘Вас підвезти?’ – запитала Джин.’ Слід звернути увагу на те, що пропозиція може адресуватися також особі, яка не бере участі у мовленнєвому акті: *Shall he (she) do it?* ‘Йому (їй) робити це?’

У ході дослідження засобів вираження пропозиції до дії в українській мові, була виявлена значна перевага речень із синтетичним (46,9%) над реченнями з аналітичним імперативом (18,8%) (див. табл. 1), які разом утворюють ядро семантичного поля пропозиції. Навколядерну зону репрезентують речення з дієсловом у формі умовного способу (12,5%) та питальні речення (10,9%). Ці речення є засобом вираження найбільш ввічливої пропозиції. Речення з перформативними дієсловами (4,7%) та бездієслівні речення (3,1%) є периферією семантичного поля пропозиції.

З таблиці 2 видно, що в англійській та українській мовах основним засобом вираження інклюзивної дії, тобто пропозиції до здійснення спільної дії, є імперативні речення. В українській мові синтетичний імператив є найчастотнішим засобом вираження пропозиції (69,6%) Навпаки, в англійській мові аналітичний імператив є найпоширенішим засобом (35,7%). В.С. Храковський відзначає, що аналітична форма виражає трохи менш категоричне волевиявлення, ніж синтетична [7, с. 252]. Це ще раз підтверджує той факт, що англійці схильні уникати категоричних тверджень.

Таблиця 1.

Засоби вираження пропозиції в англійській та українській мовах (спонукання адресата)

№	Засоби вираження	Англійська мова	Українська мова
1	а) імператив синтетичний б) імператив аналітичний	38 (20,3%) 18 (9,6%)	30 (46,9%) 12 (18,8%)
2	речення з модальними дієсловами	18 (9,6%)	-
3	речення з дієсловом у формі дійсного способу	23 (12,3%)	2 (3,1%)
4	бездієслівні речення	15 (8%)	2 (3,1%)
5	речення з дієсловом у формі умовного способу	16 (8,6%)	8 (12,5%)
6	питальні речення	58 (31%)	7 (10,9%)
7	речення з перформативними дієсловами	1 (0,6%)	3 (4,7%)
8	Разом	187 (100%)	64 (100%)

В англійській мові, крім імперативних речень, існують неімперативні засоби вираження пропозиції до спільної дії: речення з дієсловами у формі дійсного способу, питальні речення з дієсловом у формі умовного способу, речення з перформативними

дієсловами, що в загальному складають 43,4%. В українській мові неімперативні засоби вираження спонукання до спільної дії складають 1,7% від загальної кількості спонукальних речень до спільної дії.

Таблиця 2.

Засоби вираження пропозиції в англійській та українській мовах (до спільної дії)

№	Засоби вираження	Англійська мова	Українська мова
1	а) імператив синтетичний б) імператив аналітичний	62 (20,9%) 106 (35,7%)	126 (69,6%) 48 (26,5%)
2	речення з перформативними дієсловами	3 (1%)	2 (1,1%)
3	речення з дієсловом у формі дійсного способу	30 (10,1%)	2 (1,1%)
4	питальні речення	17 (5,7%)	2 (1,1%)
5	речення з дієсловом у формі умовного способу	44 (14,8%)	1 (0,6%)
6	речення з модальними дієсловами	35 (11,8%)	-
7	Всього	297 (100%)	181 (100%)

6. Висновки. Результати проведеного дослідження дозволяють зробити такі висновки.

6.1. МАП відноситься до реквестивних МА і є найбільш поширеним в українській мові (19,2%), в англійській мові – (9,1%).

6.2. Аналіз матеріалу показує, що у МАП наявні характеристики директива та комісива.

6.3. Пропозиція – це такий мовленнєвий акт, у якому мовець спонукає адресата до певної дії, або до спільної дії.

6.4. В обох мовах виявляється подібність у виборі імперативних конструкцій як основного засобу вираження спонукальності. Відмінність спостерігається у тому, що перевага віддається аналітичному імперативу у спонуканні до спільної дії в англійській мові (35,7%), в українській – синтетичному імперативу (69,6%).

ЛІТЕРАТУРА

1. Білодід І. К. Словник української мови: В 11 т. / І.К. Білодід. – К. : Наук. думка, 1971 – 1978. – Т.1 – 11.
2. Изотов А. И. К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных

- чешском и русском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / А. И. Изотов. – М., 1998. – С. 171-228.
3. Неустроев К. С. Способы выражения Побуждения и воздержания (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол., наук : спец. 10. 02.19 «Теория языка» / Неустроев Кирилл Сергеевич. – Ростов-на-Дону, 2008. – 22 с.
 4. Лобанова Е. В. Средства выражения побудительности в английском языке. Когнитивно-онтологический подход : автореф. дис. ... канд. филол., наук : спец. 10. 02. 04 «Германские языки» / Лобанова Елена Владимировна. – Самара, 2011. – 24 с.
 5. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики / Г. Г. Почепцов – К. : Вища шк., 1987. – 131 с.
 6. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике / Дж. Р. Серль. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170-194.
 7. Храковский В. С. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. Российская академия наук / В. С. Храковский. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – 449 с.
 8. Эрвин-Трипп С. Социолингвистика в США // Социально-лингвистические исследования / С. Эрвин-Трипп. – М. : Наука, 1976. – С. 181-199.
 9. Koike D. A. Negation in Spanish and English suggestions and requests: Mitigating effects // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 21. – P. 513-526.
 10. Kochergan A. M. Classification and ways of expression of suggestives [Электронный ресурс] / А. М. Kochergan // Modern Research of Social Problems. – 2013. – No 7 (27). – Режим доступа : <http://www.pgsga.ru>

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

1. Підмогильний В. Оповідання / В. Підмогильний. – К. : Наук. думка, 1991. – 800 с.
2. Самбук Р. Щаслива зірка полковника Кладо. Повісті / Р. Самбук. – К. : Веселка, 1978. – 360 с.
3. Galsworthy J. End of the Chapter. Foreign Publishing House / J. Galsworthy. – М., 1960. – 602 с.

АННОТАЦІЯ

Дринко А. Г. Сопоставительный анализ речевого акта «Предложение» (на материале английского и украинского языков)

В статье дается коммуникативно-прагматическая характеристика речевого акта «Предложение» в английском и украинском языках. Проанализированы способы выражения побуждения адресата к действию и побуждения к совместному действию. В статье приводятся статистические данные, иллюстрирующие частоту их употребления.

Ключевые слова: речевой акт, предложение, побуждение, императивные предложения.

SUMMARY

Drinko A. G. Contrastive analysis of speech act “Suggestion” in English and Ukrainian

The present paper deals with the description of the communicative and pragmatic characteristics of a speech act “Suggestion” in English and Ukrainian. Two groups of suggestion were analyzed. Imperative sentences are the basic way of expressing this speech act. The author defines the frequency of the use of the sentences in English and Ukrainian.

Key words: speech act, suggestion, inducement, imperative sentences.

*Т.О. Д'якова
(Луганськ)*

УДК 811.161.2

ВАРІАНТНО-СИНОНІМІЧНА ГРУПА ‘ЖИТИ ЗАМОЖНО (БУТИ БАГАТИМ), РОЗБАГАТИТИ’ ЯК СКЛАДОВА ЧАСТИНА ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ В УКРАЇНСЬКИХ СХІДНОСЛОБОЖАНСЬКИХ ГОВІРКАХ

Складовою частиною картини світу є уявлення про категорії матеріального добробуту. Вербальна й невербальна інформація, набута шляхом сприйняття й усвідомлення ситуацій, дій, явищ, ознак, предметів, є одиницею свідомості, фіксованою, зокрема, засобами фразеології. Прикладом цього слугує варіантно-синонімічна група (ВСТ) ‘жити заможного (бути багатим), розбагатити’, яка пов’язана з фразеологічним полем ‘Людина’. У різних аспектах це питання розглядали А. Івченко, О. Левченко, Л. Мельник, В. Мокієнко, В. Ужченко.

Мета розвідки – дослідити походження й функціонування висловів виокремленої групи, об’єднаних загальною для них смисловою домінантою (‘жити заможного’), визначити їхню

місце у фразеологічній репрезентації мовної картини світу в українських східнословобожанських говірках. Предметом дослідження обираємо насамперед відтворювані в ареалі надслівні мовні одиниці, які або відсутні в літературній мові, або являють собою видозмінені загальнонародні одиниці. Мовною базою дослідження стали ареальні фразеологічні одиниці, зібрані нами за спеціальною програмою, а також зафіксовані у „Фразеологічному словнику східнословобожанських і степових говірок Донбасу” [21]. Для порівняння залучаємо матеріали інших словників східнослов'янських мов та діалектів, а також окремі вислови інших європейських мов.

Соціальне становище людини мовці оцінюють за її матеріальним забезпеченням. Ставлення до категорій *бідний* – *багатий* не вичерпується позитивною чи негативною оцінкою: поняття *багатий* сприймають або з повагою, дещо – із заздрістю, або ж – із презирством та зневагою, водночас *бідний* – не лише зі співчуттям, а й з неповагою. Реалізацію сем категорії *багатий* розглянемо у фразеологічних одиницях (ФО), які входять до ВСГ ‘жити заможнo (бути багатим), розбагатіти’ як складової частини фразеологічної репрезентації мовної картини світу українських східнословобожанських говірок.

Заможне життя у свідомості пересічних мовців пов'язане передусім з певними продуктами харчування, якими є м'ясо, сало, червона ікра, екзотичні фрукти тощо. Наведені ФО з такими образними конкретизаторами переважно мають загальне значення ‘жити заможнo (бути багатим)’: *м'ясо [на столі (в холодильнику)] не виводиться* (Білк), *м'ясо на перве, м'ясо на второе* (Вільн); *Та тама вони живуть багато: м'ясо на перве, м'ясо на второе* (Вільн); *і собаки м'яса не з'їдають* (Марк). Внутрішня форма цих висловів пов'язана з традиційною системою господарювання та етносвідомістю українців. Через те, що продукти тваринництва були доволі дорогими, більшість селян прагнула продати не лише надлишки м'ясо-молочних продуктів, але й те, що було необхідне для власного харчування [11, с. 138], тому наявність м'яса в раціоні й розцінюють як ознаку заможного життя.

До цієї групи відносимо вислови з лексемою *ковбаса* (ковбаска): *ковбаска та горілочка – кожний день* (Біллуц), *варену ковбасу й за харчі не щитати* (СтЛ); *Та сусіди добренько живуть: варену ковбасу і за харчі не щитають* (СтЛ), пор. біл. діал.: *вароты кілбасами завязаны* ‘хто-н. багатий, заможний’ [6, с. 35]. Внутрішня форма наступних висловів репрезентує уявлення про багатство як безтурботне життя: *жити (кататися) як сир у маслі* (Луган, Марк), *як галушка в каструлі ‘т с’* (Ком-не): *Ім уже нічого*

не нада: все є, сидять як галушки в каструлі (Ком-не), пор. рос. дон.: *жить (кипéть) в масле (как в масле)* ‘жити добре, заможнo’ [2, с. 277].

Концепт *сало* в межах української фразеосистеми має „складну структуру символічного значення” (Л. Мельник), оскільки є символом чогось принадного, доброго, корисного (як *салом по губах* ‘кому-н. приємно, радісно’), бажаного, „ознакою достатку” (В. Жайворонок). Звернімося до реалізації цієї символіки у фразеології східнословобожанських говірок: *сало круглий год їсти* (Сич), *сало і в борщ і до борщу* (Гарас), *сало їсти і салом заїдати* (Луган), *салом об'їдатися [кожен день]* (Новпск), *і пирожки з салом [їсти, готувати]* (Донц): *Якщо всі в сім'ї роблять, то можна й пирожки з салом їсть* (Донц). Утілення національно специфічного концепту *сало* знаходимо в етнографічному дослідженні історичної Старобільщини кінця ХІХ ст. „Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края”: „Селяни дуже рідко споживають м'ясо й уважають, якщо є сало, то вони живуть добре: їдять із салом борщ” [9, с. 893]. Отже, концепт *сало* є своєрідним маркером етнокультурної конотації.

Іншу групу становлять вислови із загальним значенням ‘жити заможнo, багато’, що мають у своєму складі концепт *хліб*. Це зумовлено, з одного боку, тим, що ставлення до хліба традиційно шанобливе, він є основою життя й жодна людина на стане ним нехтувати, а з іншого – тим, що хліб був і є головним продуктом харчування, отже, не належить до делікатесів. Це – символ добробуту, „найвиразніший, найпопулярніший атрибут слов'янського харчування” [17, с. 228]. У східнословобожанських говірках побутують такі вирази: *їсти білий хліб* (Прост), *кожен день – свіжий хліб [їсти]* (Вільн), *хліба – до не хочу* (Гарас): *А як стали жить лучше: і хліба до не хочу, і забулось, як голодували, лебеду їли* (Гарас). *Хліб є „символом щастя взагалі”* (І. Огієнко), ознакою добробуту для всіх слов'ян, пор.: лемк. *рости на пікльванум хлібі* ‘жити в достатку’, *пікльваний хліб* – хліб з найвищого сорту білого борошна [3, с. 138], біл. діал. *вароты хлебам адкрываць* ‘багато, заможнo жити’ [6, с. 35], рос. дон. *хлебушка наелись* ‘стали жити заможнo’ (Міт).

Крім звичних продуктів харчування, заможне життя уособлюють і більш „екзотичні”: *ікру ложками їсти* (Луган), *можуть усякі авокади куплять* (Марк), *жити в шоколаді* (Луган), *не знає, яку конхвету з'їсть: Дитина там не знає, яку конхвету з'їсть, розбагатіли* (Бонд). На історичній Старобільщині уявлення про заможне життя асоціювалося також з напоями,

про що знаходимо свідчення в дослідженні В. Іванова: „...добре, вільно буде жити: мед та ще й горілочку будемо ми пити” [9, с. 641].

Не лише гарне харчування, а й комфортність життя сприймається як рівень добробуту. Семантика ФО як *кіт на печі* (Гарас), як *риба у воді* (Біллуц, Новпск) пов'язана з перебуванням у сприятливому середовищі, що розглядають як найсприятливіше, пор. цсл.: як *черв'як у яблуці* ‘жити добре, забезпечено, безтурботно’ [14, с. 14], лемк. *мати шя як п'яця в жыті* ‘добре, заможно, жити’, *жыти як рыба в добрій калубані* ‘т с’, *жыти як свіня в жыті* ‘т с’ [3, с. 99, 112, 118].

Ознакою заможного життя, мірилом добробуту є гроші: *гроші всюди хороші; без грошей, як без рук; за гроші тільки рідного батька не купиш* [22, № 1377, 1380, 1387]. У фразеології східнословобожанських говірок поширені такі „грошові” ФО: *від (од) стодоларової купюри прикурювати* (Білк, Луган): *До нього й не підійдеш: воно ж од стодоларової купюри прикурює* (Білк); *кури грошей не клюють* (Марк); *гроші з усіх карманів падають (виглядають, стирчать)* (Новпск): *У свата їхнього гроші з усіх карманів виглядають: багатий дядько* (Новпск); *грошам щоту не знати* (Вільн); пор.: літ. *гребти (загрібати, горнути) гроші лопатою*, зневажл. ‘без великих затрат праці дуже швидко багатіти, наживатися’, *міряти мірками (міркою, ковшем) гроші* ‘бути дуже багатим, мати великий капітал’ [19, с. 168, 394], лемк. *мати пінязи як старый хлоп* ‘дуже багатий’, *мати пінязи як ціган уш* ‘т с’ [3, с. 103]. Отже, вислови з концептом *гроші* є переважно негативно конотованими, що можна пояснити ставленням до *грошей* не лише як до загально визнаного мірила добробуту, а і як до маркера поведінки людини, збереження чи втрати нею певних морально-етичних якостей.

Поряд із *грошима* в ідіоматиці східнословобожанських говірок заможне життя символізують окремі предмети побуту, дорогоцінні метали: *по телевізору на кожного* (Гарас), *машини міняти як пірчатки* (СтЛ), *сидіти на красному стільці* [21, с. 225], *скільки шуб, не знати* (Ком-не), *у золоті ходити* (Білк, Марк, СтЛ), *на золоті їсти* (Біллуц, Бонд), *у золоті митися* [21, с. 106], пор.: цсл. *по шию у золоті сидіти* ‘жити дуже багато’, *із золота їсти* ‘т с’, *у золоті купатися* ‘т с’ [14, с. 9], біл. діал. *у золаце купатца* ‘бути заможним’ [6, с. 186]. *Золото* здавна означає заможність, могутність, „з одного боку воно є символом духовних скарбів, але з іншого – ідолопоклонства та світського багатства” [4, с. 202], воно уособлює багатство, але частіше нечесно нажите [8, с. 253].

Зажожне, щасливе життя характеризують компаративні фраземи, що містять номени, асоційовані з безтурботним життям,

багатством: *жити як у пана за пазухою, жити (сидіти) як у попа за пазухою, жити (сидіти) як у царя за дверима (за пазухою)* [21, с. 179, 184, 245], як у Бога за столом (Прост), *жити як у Бога під бородою* (Біллуц), як у Христа за пазухою (Білк, Луган), як у Бога за пазухою (Білк, Марк), як у Бога за дверями (Сич). Пор.: цсл. *жити як (мов) у Бога за дверьма (дверима)* ‘жити добре, забезпечено, безтурботно’ [14, с. 14], зволін. *йак в Бога за пазухойу* ‘дуже добре почуватися’ [1, с. 78], споліс. *багатий як батушка, багатий як попівська миша* [7, с. 118], а також лемк. *жыті як у раю* ‘дуже добре, заможно жити’ [3, с. 111]. Наведені вислови містять лексично неоднорідні групи *двері – пазуха – борода – стіл і пан – піп – цар – Бог*, елементи яких не є синонімами, і з лексичного погляду їх не можна трактувати як елементи одного тематичного ряду, проте вони об'єднані в межах однієї фразеосхеми, де зменшення номінативних функцій лексеми й підвищення її експресивних характеристик „обов'язково спричиняють розширене розуміння тематичної однорідності при лексичних замінах” [12, с. 34].

Матеріальне благо, талан пояснюють і допомогою нечистої сили: як *чорт (чортяка, сатана) помагає* (Марк), з *чортом подружився* (Мілов), *чорти помагають* (СтЛ), як *чорт з Лисої гори носить* (Білк), *багатому чорты дітей тишуть* [9, с. 378], пор.: *багатому чорт діти колише, багатому й чорт яйце носе* [22, № 1420, 1421], ннад. *чорт кашу мастить (поливає)* ‘у всьому щастить кому-н.’ [5, с. 178], біл. *змей гроши носиць* [10, с. 594]. У цих фразеологізмах сконденсовано типові для слов'ян уявлення про зв'язок багатства з надприродною й нечистою силою, великим багатствами наділені чорт, змії, домовик, а диявол купує за багатства людські душі [15, т. I, с. 202 – 203], демонологічна лексика, реалізована в конструкціях пейоративного плану, є виявом „національної інвективної стратегії” [20, с. 14].

Побутують також синонімічні вислови з компонентами-смагізмами: *жити на широку ногу* (Луган, НижВ), *і рукам, і ногам угождати* (Вільн), пор.: лемк. *жыти на високій (великуй) нозі* ‘багато, розкішно жити’ [3, с. 91], рос. пск. *одна нога в меду, другая в патоке* ‘про людину, яка живе заможно, багато’ [16, с. 56], рос. дон. *жить в две руки* ‘бути забезпеченим’ [2, с. 156], нім. розм. *auf großen Füße leben*, досл. ‘жити на великі ноги’ [13, т. I, с. 233] – у зазначених висловах простежуємо явище метонімії, заснованої на перенесенні „комфортного існування” окремих частин тіла людини на саму людину.

У складі аналізованої ВСГ виокремлюємо вислови зі значенням ‘розбагатіти, стати заможним’: *у люди вибиться (вийти)* (Гарас), *почувтовати себе хазяйкою* (Мілов): *До того дожилась, шо дітям чулочок не могла купить. А як на роботу*

устроїлась, я ж хазяйкою почувствовала себе (Мілов); перестати копійки щитать (Ком-не), у карманах зазвеніло (Вільн); на ноги стать (Білк, Луган, Марк); одяга путня появилася (Гарас), пор.: ннад. на ноги стати 'вибитися з нестатків, стати заможним' [5, с. 157], лемк. *поставити са на нѳгы* '2. Ставати заможним' [3, с. 92], жарг. *нефідово стояти* 'бути заможним, маги гарну роботу' [18, с. 211], рос. дон. *быть в щетине(шерсти), а стать в пуху 'розбагатіти'* [2, с. 599].

Отже, варіантно-синонімічна група 'жити заможно (бути багатим), розбагатіти' є вагомим складником фразеологічної репрезентації мовної картини світу в українських східнословобожанських говірках. У фразеологічних одиницях реалізовано й базові етнокультурні концепти (*Бог, хліб, борці, сало, шуба, золото, чорт* тощо), й ознаки сучасного життя (*телевізор, машина, стодоларова купюра, авокадо* тощо), що надійно ввійшли до менталітету мешканців східнословобожанського ареалу. Фраземи цієї групи дають наочне уявлення про розуміння мовцями ареалу та їхнє ставлення до суспільно-економічної категорії *багатство*, способи й шляхи фразеологізації зазначеного поняття. Близькі за семантикою та структурою вислови в інших мовах та діалектах свідчать про схожість ставлення в континуумі до поняття *багатий, багатство* та тотожність способів його реалізації у фразеологізмах.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Біл. – білоруська мова, **діал.** – діалектне, **дон.** – донські говірки, **досл.** – дослівно, **жарг.** – жаргонне, **зволін.** – західноволинські говірки, **лемк.** – лемківські говірки, **літ.** – літературне, **нім.** – німецька мова, **ннад.** – нижньонадніпрянські говірки, **пск.** – псковські говірки, **розм.** – розмовне, **рос.** – російська мова, **споліс.** – середньополіські говірки, **цсл.** – центральнословобожанські говірки.

СПИСОК НАСЕЛЕНИХ ПУНКТИВ ЛУГАНСЬКОЇ ОБЛАСТІ ТА ЇХНІХ УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

Білк – Білокуракине Білокуракинськ. р-ну, **Біллуц** – Білолуцьк Новопсковськ. р-ну, **Бонд** – Бондарівка Марківськ. р-ну, **Вільн** – Вільне Станично-Луганськ. р-ну, **Гарас** – Гарасимівка Станично-Луганськ. р-ну, **Донц** – Донцівка Новопсковськ. р-ну, **Ком-не** – Комишне Станично-Луганськ. р-ну, **Луган** – Луганськ, **Марк** – Марківка Марківськ. р-ну, **Мілов** – Мілове Міловськ. р-ну, **Міт** – ст. Мітякінська Тарасівськ. р-ну РФ, **Новпск** – Новопсков Новопсковськ. р-ну, **Прост** – Просторе Білокуракинськ. р-ну, **Сич** – Сичанське Марківськ. р-ну, **Ст.Л** – Станично-Луганське Станично-Луганськ. р-ну.

ЛІТЕРАТУРА

1. Аркушин Г. Сказав, як два зв'язав : народні вислови та загадки із Західного Полісся та західної частини Волині / Г. Аркушин. – Люблін ; Луцьк, 2003. – 177 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т. ; фак. филологии и журналистики ; каф. общ. и сравнит. языкознания. – М. : Рус. словари : Астрель : АСТ, 2003. – 608 с.
3. Вархол Н. Фразеологічний словник лемківських говірок Східної Словаччини / Н. Вархол, А. Івченко. – Братислава : Словац. пед. вид-во, 1990. – 160 с.
4. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – К. : Либідь, 2002. – 664 с.
5. Грица Т. Г. Матеріали до фразеологічного словника Гуляйпільського району Запорізької області / Т. Г. Грица // Фразеологія говорів Гуляйпільського району Запорізької області : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Грица Таміла Георгіївна. – Х., 1996. – С. 121 – 181.
6. Данілович М. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. Данілович. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 267 с.
7. Доброльожа Г. Краснеслово – як золотий ключ : постійні народні порівняння в говірках Середнього Полісся та суміжних територій / Г. Доброльожа. – Житомир : Волинь, 2003. – 160 с.
8. Жайворонок В. Знаки української етнопольтури : словник-довідник / В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
9. Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии : очерки по этнографии края / под ред. В. В. Иванова. – Х., 1898. – Т. I. – 1008 с.
10. Кузнецова И. В. Диалектная фразеология как отражение культурных универсалий / И. В. Кузнецова // Системное и асистемное в языке и речи : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. М. Б. Ташлыковой. – Иркутск, 2007. – С. 594-598.
11. Культура і побут населення України / В. І. Наулко, Л. Ф. Артюх, В. Ф. Горленко та ін. – К. : Либідь, 1993. – 288 с.
12. Мокиенко В. М. В глубь поговорки / В. М. Мокиенко. – К. : Рад. шк., 1989. – 221 с.
13. Німецько-український фразеологічний словник : у 2 т. – К. : Рад. шк., 1981. – Т. 1. А – К. – 1981. – 416 с.
14. Плетнева О. Л. Фразеологія говірок центральної Слобожанщини (культурно-семантичний аспект) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 „Українська мова” / Плетнева Ольга Леонідівна. – Х., 2004. – 20 с.

15. Славянские древности : этнолингвистический слов. : в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения. – Т. I. – 1995. – 579 с.
16. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 176 с.
17. Словник символів культури України / за заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. – К. : Міленіум, 2002. – 260 с.
18. Словник сучасного українського сленгу / упоряд. Т. М. Кондратюк. – Х. : Фоліо, 2006. – 350 с.
19. Словник фразеологізмів української мови / уклад. : В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 2003. – 1104 с.
20. Тяпкіна Н. І. Демонологічна лексика української мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 „Українська мова” / Тяпкіна Наталія Іванівна. – Запоріжжя, 2006. – 19 с.
21. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – 4-е вид. – Луганськ : Альма-матер, 2002. – 263 с.
22. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номис / Упорядкув., прим. та вступ. ст. М. М. Пазяка. – К. : Либідь, 2004. – 352 с.

АННОТАЦИЯ

Дьякова Т. А. Вариантно-синонимическая группа ‘жить богато (быть богатым), разбогатеть’ как составная фразеологической репрезентации языковой картины мира в украинских восточнословобожанских говорах

В статье рассмотрено происхождение и функционирование единиц вариантно-синонимической группы ‘жить богато (быть богатым), разбогатеть’, которые отражают этнокультурные представления словобожан о материальном положении. Языковой базой исследования стали ареальные фразеологические единицы украинских восточнословобожанских говоров.

Ключевые слова: ареальная фразеология, языковая картина мира, фразеологическая единица, семантическая структура, концепт, этнокультура, ментальность, житель.

SUMMARY

Dyakova T.A. Variation-synonymous group ‘live richly (being rich), get rich’ as a component of phraseological representation of linguistic picture of the world in Ukrainian Vostochnaya Slobozhanschina (East Sloboda) dialects

The article deals with the origin and function of units of variant synonymic row ‘live richly (being rich), get rich’, which reflect ethnic-cultural notions of residents of Sloboda region concerning material well-being. The areal phraseological units of Ukrainian Vostochnaya Slobozhanschina (East Sloboda) dialects have become the language basis of the research.

Key words: areal phraseology, phraseological picture of the world, phraseological unit, semantic structure, concept, ethnic culture, mentality.

*Н.А. Жихарева
(Горловка)*

УДК 81'367. 32

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Тексты драматических произведений как письменная стилизованная репрезентация непосредственного общения коммуникантов (персонажей) отличаются большим разнообразием нестандартных способов подачи информации (в терминологии Т. М. Шелингер «нетрадиционных коммуникативных единиц» [6, с. 1]). Употребление таких элементов в каждом отдельном случае обусловлено конкретной ситуацией коммуникации: нормами речевого этикета, различием позиционных статусов собеседников, их психологическим состоянием и т.п. Особое место в наборе таких способов наряду с равноуровневыми стилистическими приемами и выразительными средствами занимают косвенные речевые акты как эффективное средство речевого воздействия на собеседника. Как отмечают авторы учебника «Стилистика английского языка», «само возникновение коммуникативного акта всегда обусловлено потребностью говорящего достичь определенного прагматического эффекта... Достижение этого результата возможно только путем целенаправленного выбора и использования из всего многообразия средств, которыми располагает система данного языка, не только определенных стилистических средств, но и всех графических, фонетических, лексических, грамматических и синтаксических средств языка» [4, с. 10].

Цель данной статьи – проведение детального количественно-качественного анализа стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века. Как материал исследования используется

сплошная выборка 1000 высказываний из текстов драматических произведений на английском языке второй половины XX века (A. Fugard, J. Kani, W. Ntshona «Sizwe Bansi is dead» (1972), P. Shaffer «Equus» (1973), M. Norman «night, Mother» (1982), S. Shepard «Fool for love» (1985)).

Анализ языкового материала показал, что 25,7 % от общего количества рассмотренных высказываний составляют косвенные речевые акты. При этом 67,7 % косвенных речевых актов стилистически маркированы элементами одного или нескольких уровней языковой системы.

Как сигнал транспозиции одного прагматического типа высказывания в другой в 18,06 % косвенных высказываний используются графико-фонетические средства. Так, в следующих примерах именно употребление восклицательного знака, многоточия, выделение отдельных слов курсивом или кавычками указывает на негативную эмоциональную окраску всего высказывания взамен простой констатации фактов:

- *China gets in there...!* [9, с. 931];
- *I don't know!* [9, с. 942];
- *We'll just wait for this "man" to come over here* [7, с. 1144].

Зачастую негативная окраска высказывания усиливается благодаря констелляции графических и грамматических средств:

- морфологических (особая форма предикатного глагола):
- *And I'm watching it...in the paper* [9, с. 931] – эмфатическое употребление настоящего длительного и графическая паузация посредством многоточия;
- *You should have been home yesterday!* [9, с. 941] – форма сослагательного наклонения со значением упрека и восклицательный знак;
- *You don't have to* [7, с. 1112] – модальный оборот и выделение курсивом отдельного слова;
- синтаксических:
- *And of all nonsensical things – I keep thinking about the horse!* [9, с. 954] – инверсия, обособление, выделение курсивом отдельного слова и восклицательный знак;
- *There wasn't any fling with any Countess!* [7, с. 1138] – повтор неопределенного местоимения и восклицательный знак;
- *In the medicine cabinet!* [7, с. 1143] – эллипсис и восклицательный знак.

Транспозиция констативных высказываний в экспрессивные на фоне общей стилизации речи персонажей под живую, разговорную речь маркируется также констелляцией синтаксических и лексико-семантических стилистических средств:

- *Six years there. Six years a bloody fool* [9, с. 934] – повтор-анафора, эллипсис, интенсификатор-эпитет сниженного регистра и существительное с отрицательной коннотацией;

- *Silly question to ask* [9, с. 934] – эпитетизм-эллипсис;

- *Suckered me into some dumb little fantasy and then dropped me like a hot rock* [7, с. 1140] – эпитеты, сравнение и эллипсис.

Традиционный инвертированный порядок слов при отсутствии вопросительного знака служит маркером транспозиции квеситива в экспрессив: – *How should I know* [7, с. 1151] (= «I don't know») или в директив: – *Why don't you have a drink* [7, с. 1154] (= «Have a drink»).

Для маркирования косвенных высказываний в исследуемых текстах широко используются синтаксические выразительные средства, основанные на экспансии исходной модели – различного вида повторы (в том числе и параллелизм), конструкции с интенсификаторами и вставными элементами.

Частотность употребления повторов и параллельных конструкций особенно возрастает в ситуации конфликтного общения, где их основная стилистическая функция выражения «непосредственной и всегда экспрессивно-окрашенной реакции говорящего на сказанное (удивление, радость, удовлетворение, различные оттенки отрицательной реакции)» [4, с. 144] направлена на эффективное маркирование и, соответственно, распознавание собеседниками скрытой иллокуции косвенных экспрессивов и директивов как элементов эмоционального воздействия на адресата:

DYSART You know that's not true.

DORA Oh, I know. I know, all right! I've heard it all my life [9, с. 981];

MAMA And you can't use your father's gun, either. It's mine now, too. And you can't do it my house.

JESSIE Oh, come on.

MAMA No, you can't do it [7, с. 1110];

MAY I want you to leave.

EDDIE You didn't want me to leave before.

MAY I want you to leave now [7, с. 1145].

Использование в речи интенсификаторов и вставных элементов не только способствует эмоционально-экспрессивной актуализации отдельных компонентов высказывания, но и является маркированием «коммуникации, которая сопутствует собственно коммуникации и регулирует речевое общение средствами языка. Языковые выражения, представляющие комментарий говорящего к высказыванию, рассматриваются как элементы **метакоммуникации** – «коммуникации о

коммуникации» [2, с. 12]. Метакоммуникация составляет ту часть общения, «которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [3, с. 197]. При этом, «дискурсивные маркеры сигнализируют высокую степень прагматического контроля» [1, с. 27].

Обращение к единицам непрямой коммуникации зачастую продиктовано стремлением говорящего сделать свое высказывание более неопределенным с целью ограничить ответственность за сказанное и избежать обвинений в неправде. С.А. Торлакян полагает, что «чем больше обязательств налагает речевое действие на дискурсивное поведение говорящего в отношении адресата, тем больше семантическая структура данного акта подвержена коммуникативно-интенциональному варьированию» [5, с. 13]:

- *He didn't even look at the plant!* [9, с. 934];
- *That's an absolutely unwarrantable statement* [9, с. 934];
- *Anyway, all this dream nonsense is your fault* [9, с. 957];
- *He's at a most delicate stage of treatment. He's totally exposed* [9, с. 957];
- *All right! I wanted you to have a husband. – And I couldn't get one on my own, of course* [7, с. 1123];
- *You never had a hold of me, to begin with* [7, с. 1140];
- *What'd you have to go and run off for anyway... Why couldn't you just stay put* [7, с. 1140].

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что эмоционально-оценочные маркеры дискурса, с точки зрения прагматики, следует рассматривать как одну из дискурсивных стратегий интеракционного характера, направленную на организацию эффективного взаимодействия с адресатом; при этом следует обратить внимание на способность интеракционных маркеров эксплицитно выражать позицию автора высказывания, служить его «голосом»: «expression of a textual voice» [8, с. 49], иными словами, функционировать в качестве средства авторизации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о широком использовании разноуровневых стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века. В плане

дальнейшей разработки данной проблематики, на наш взгляд, представляет интерес анализ подобных маркеров на текстовом уровне, в частности, фатических элементов и авторских ремарок в их связи с различными типами косвенных высказываний в речи персонажей драматических произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергельсон М. Б. Дискурсивные маркеры как часть речи / М. Б. Бергельсон // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – С.Пб., 2007. – С. 25-28 с.
2. Катина Н. А. Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Наталья Александровна Катина. – М., 2014. – 162 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 197 с.
4. Стилистика английского языка : [учеб.] / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Вышш. шк., 1991. – 272 с.
5. Торлакян С. А. Косвенные речевые способы актуализации фактора адресата в информационно-когнитивной системе диалога : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Светлана Ардавазтовна Торлакян. – Ростов-на-Дону, 2008. – 160 с.
6. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. Н. Шелингер. – Л., 1986. – 15 с.
7. Hall D. To Read Literature, Fiction, Poetry, Drama / Donald Hall. – Second edition. – New York, 1987. – 1281 p.
8. Hyland K. Metadiscourse. Exploring interaction in writing / K. Hyland. – Continuum London, New York, 2005. – P. 25-49.
9. Masterpieces of the Drama / [composed by A. W. Allison, A. J. Carr, A. M. Eastman]. – New York: Macmillan Publishing Company, 1986. – Fifth edition. – 995 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А. Стилистические средства маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века

В статье представлены результаты количественно-качественного анализа стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй

половины XX века. Особое внимание уделяется роли конstellации стилистических средств разных уровней языковой системы и дискурсивных маркеров как сигналов транспозиции прагматических типов предложений в контексте письменной стилизованной репрезентации живой разговорной речи персонажей драматического произведения.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, транспозиция, стилистическое средство, конstellация, дискурсивный маркер, метакоммуникация.

SUMMARY

Zhikhareva N. A. Stylistic means of marking indirect speech acts in English dramas of the second half of the XXth century

The article presents the quantitative-qualitative analysis of stylistic means of marking indirect speech acts in English dramas of the second half of the XXth century. Special regard is given to the role of constellation of stylistic means at different levels of the language system and discourse markers as signals of transposing pragmatic types of sentences in the context of written stylized representation of actual informal speech of characters in dramas.

Key words: indirect speech act, transposition, stylistic means, constellation, discourse marker, metacommunication.

*Н.И. Иванова
(Горловка)*

УДК 81'373.2

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ОНИМОВ

*Язык оцупью пробирается
вокруг интенции обозначения.
Мерло-Понти*

При интерпретации роли онима следует иметь в виду, что он всякий раз по-разному проявляет особые свои качества. В данном исследовании предпримем попытку доказать следующее положение: собственное имя – это компактный языковой знак глубинного содержания, не умещающийся в привычные понятийные рамки, реализующий концептуальную идею.

Связь между онимом и денотатом не является непосредственной, так как имя репрезентирует вербальную сущность со сложным дополнительным ассоциативным комплексом. Эти конвенциональные отношения между собственным именем и денотатом и придают имени условный характер отражения

объекта. На уровне языка собственное имя является абстрактным вторичным названием. Такая закодированность свойственна не только ониму, она присутствует в других жизненных сферах, так как это – вполне естественный для человеческой ментальности способ предметно-образного мышления. И в этом свойстве онима усматривается его символичность. Но в то же время оним находится и в реальной связи с денотатом, иначе он не смог бы обозначить, называть, т. е. оним вполне конкретен. Он даже информативен, в том смысле, что предстаёт как единственное номинативное значение, денотативно закреплённое и реализуемое на уровне речи, а значит, имеющее ситуативный характер.

Такая дуалистичная специфика собственного имени, создающаяся пересечением его семантической структуры кодовой, символической составляющей и информативно-индексального компонента, и делают его весьма сложной категорией. Ещё более усложняет понимание онима его дейктическая функция. Ведь оним в первую очередь указывает на объект, выделяя при этом его из видовой группы. Использование онима детерминировано социально, а значит, у говорящего всегда есть возможность выбора того или иного способа номинации объекта, и, кроме того, что онимная номинация – самый индивидуализирующий, конкретизирующий способ, он, как оказывается, и не всегда может быть заменен. И речь в данном случае не идёт о таких семантически объёмных именах-символах, как *А. Пушкин, Иван Грозный, Дмитрий Кармазов* и т. д.

Концептологическая природа собственного имени (особенно если это имя мифологическое, художественное, историческое) позволяет ему занять особое место и в системе языка (как формального знака, значение которого задано системой отношений со значениями других знаков и вне этой системы не существующего), и в системе лингвокультурологии (как ментальной сущности, содержащей энциклопедическое, понятийное, эмотивно-оценочное, эстетическое представление). Как формальная единица языка оним подчиняется всем законам языка и может функционировать только в рамках этой системы, и в то же время оним – наиболее обособленная, индивидуализированная единица, связанная с психическими ресурсами человеческого сознания. Учитывая определение концепта, предложенного В. И. Болотовым, как совокупности «каких-то признаков феномена в сознании индивида о чём-то, в определённом месте, в определённое время, в определённой ситуации общения» [1, с. 93], вполне можно говорить о собственном имени в концептологическом аспекте, выделяя при этом их персонифицированную маркированность.

Собственное имя, называя лицо, выделяет его из массы других, – т. е. выполняет первичную функцию. Но многие имена, как бы сканируя личность, дают ещё и вполне конкретные, особые представления о ней.

Если язык самым непосредственным образом связан с выражением личностных качеств человека, а в грамматической системе многих языков закреплено отношение личности к той или иной её ипостаси [4, с. 562], то оним как слово, в наибольшей степени связанное с конкретным лицом (в какой-то степени его условная «калька»), безусловно, представляет его качественную определённость, семантическую фотографию.

Наполнение содержательной семантикой имени собственного – процесс, растягивающийся во времени, и чем больше исторического времени проходит, тем более метафорическим смыслом обрастает имя, больше ассоциаций с ним связывается. Возникает семантическая аттракция (уподобление) онима и денотата, и в «когнитивной памяти» (терминологическое определение С. Воркачёва [2, с. 66]) собственного имени навсегда закрепляются характеристики денотата, комплекс его психофизических свойств, возможные модели поведения, предвидимые ассоциативные парадигмы, – словом, та самобытность и узнаваемость, которая и составляет сущность индивида. В языковом сознании говорящего собственное имя маркировано своей персонцентричностью. И поэтому в общей языковой картине мира, который связан с концептуализацией лица, индивида, онимы уникальны, незаменимы в силу своей предельной сосредоточенности на единичном объекте.

Подтверждение сказанному можно найти в многочисленных примерах: *Гомер, Моцарт, Наташа Ростова, Александр Македонский*, – нет смысла продолжать ряд и подтверждать цитатами, «когнитивная память» человека сразу рефлексировать на подобные имена. В них реализуется свойство антиципации – опережения представлений, предвидение дальнейшего содержания. Е. С. Отин отмечает, что с помощью онимов, обладающих метафорическим или символическим значением, «“переносно” именуется то, что при нейтральном стиле выражения могло быть обозначено посредством апеллятивов. При этом такие слова продолжают оставаться онимами» [3, с. 5].

Художественные и публицистические тексты – это то пространство, где онимы в наиболее яркой форме проявляют свои семантические амбиции. К тому же, собственные имена здесь являются константами субъективного авторского мироощущения. В индивидуально-авторской картине мира собственные имена являют собой сферу, которая поглощает всё действительное (или

воображаемое) пространство. Так, у А. Белого («Петербург») смысловой объём повествования расширяется «одушевлением» топонимов: «... оттуда вонзается Петербург и проспектными стрелами и ватагою каменных великанов. Оттуда вставал Петропавловский шипец бросил выблеск»; «Хмурился Летний сад»; «Над зеленоватою мутью в тумане гремел и дрожал Николаевский мост. ... оттуда испуганно поглядел Васильевский остров»; «Адмиралтейство продвинуло великолепный свой бок: порозовело»; «Там, где взвесилась только однодуманная сырость, матово намечался сперва, потом с неба на землю спустился грязноватый, черновато-серый Исаакий».

А для Достоевского («Дневник писателя») вульгарность и пошлость современного ему общества без каких бы то ни было комментариев воплощается в названии модного курорта: «Идея о Константинополе и о будущем восточного вопроса есть идея старая, и вовсе не славянофилами сочинённая. И не старая даже, а древняя историческая идея, а потому реальная, а не фантастическая, и началась она с Ивана III-го. Кто ж виноват, что у вас теперь везде и во всём **Баден-Баден**».

Вот ещё один пример онимной эмотивности, когда собственное имя не просто упоминается, а преломляется, перерабатывается и субъективируется автором: «В ореоле советского семидесятилетнего официоза имя Надежда Константиновна Крупская, длинное, как забор перед чем-то, куда не хочется заглянуть, наводило елейную скуку на поколения» (Л. Васильева. Кремлёвские жёны).

Художественные тексты, представляя собой вторичную моделирующую систему, где рефлексия об объективном мире сочетается с вымыслом, становятся способом передачи авторского мироощущения. Они отражают художественную модель реальности в системе субъективно-авторских образов. Когерентность, как существенный признак текста, обеспечивает ему семантическую целостность и тематическое развитие. Среди факторов текстовой когерентности особое место занимают различные средства актуализации смыслов, на которых концентрируется авторское внимание. Одним из таких стилистических маркеров и являются собственные имена. Подчас именно они создают зону активного эмоционального напряжения, манифестируя свободу авторского самовыражения: «Какая судьба у Есенина! От этого дома и лопухов – к всемирной славе. **Москва, Париж, Нью-Йорк, Айседора Дункан**» (И. Гофф. Кругосветка); о друге Обломова Алексееве: «Природа не дала ему никакой резкой, заметной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многие называли

*Иваном Ивановичем, другие – Иваном Васильевичем, третьи – Иваном Михайлычем. Фамилию его называли тоже различно: одни говорили, что он **Иванов**, другие звали **Васильевым** или **Андреевым**, третьи думали, что он **Алексеев**. ... Весь этот **Алексеев, Васильев, Андреев**, или как хотите, есть какой-то неполный, безличный намёк на людскую массу, глухое отзвучие, неясный её отблеск» (Гончаров. Обломов); о лакее: «Из хорошей дворцовой семьи, да оно и по имени-отчеству видно – **Дормидонт Кузьмич**. Все наши, из природных слугителей, получают при крещении самые простые, старинные имена, чтоб в мире был свой порядок и всякое человеческое существо имело прозвание согласно своему назначению. А то что лакей или официант, если его зовут каким-нибудь Всеволодом Аполлоновичем или Евгением Викторовичем? Один смех да путаница» (Б. Акунин. Коронация или последний из Романов).*

А вот случаи, когда собственные имена не привязаны к определённой контексту, но тем не менее являются центром «концептуальной тяжести» для подавляющего большинства национально-языковой общности: «**Достоевский** любим с молодости, с юности он на устах – как член общего философского братства, где обращаются друг к другу по имени и отчеству: для С. И. Фуделя (как и для Андрея Белого, Вячеслава Иванова) автор «Братьев Карамазовых» – это «**Фёдор Михайлович**», и все они чувствуют обаяние этой стилистической тонкости» (Л. Сараскина. Достоевский в созвучиях и притяжениях); «Один из моих друзей побывал у В. Нащокиной. Прощаясь, он поцеловал ей руку в ладонь. Старушка взволновалась: «Вот, – припомнила она, – и покойник **Александр Сергеевич** всегда так целовал руку». Для нас – **Пушкин**, для неё – покойник **Александр Сергеевич**» (П. В. Нащокин // Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники); «Вдоль белого борта теплохода шла надпись: «**Добрыня Никитич**». А на корме то же название, но в сокращении, слишком **фамильярном** для былинного богатыря: «**Д. Никитич**»» (И. Гофф. Охота).

Культурный код жёстко определяет поведение человека, а собственное имя – одна из важнейших составляющих культурного кода. Поэтому в каждом языке есть пласт имён, с полным правом могущий называться если не сакрально-магическим (всё-таки обозначение довольно далёкое от точности и однозначности научных терминов), то базовым в национальной концептосфере. Не нуждаются в объяснении и конкретизации имена: «У каждого **Пушкина** должен быть свой **Булгарин**» (С. Жожикашвили. Заметки о современном достоевсковедении); «Как интересно смотреть произведение талантливой оригинальности, как

интересно слушать **Шаяпина**: всегда ново. Даже применимо ли к **Шаяпину** слово «ново». Нет, надо сказать одно слово: **Шаяпин**, и это всё» (К. Коровин. Записки о ранних годах жизни, учителя и об искусстве); «Никто еще не знал, что имя этого острова – **Цусима!** – скоро войдёт в сердце каждого русского болью, горечью и безнадежностью. И тогда в богатых гостиных залах руки старые дамы. И глухим стоном отзовется **Цусима** в подвалах» (В. Пикуль. На задворках великой империи); «- Прекрасное вечно. Но представление о прекрасном меняется. В детстве мы любили Репина, он казался нам прекрасным. – Мне он и теперь кажется прекрасным, – сказал Стах. – Для тебя он ещё прекрасен, а для меня уже нет. – Кто же прекрасен для тебя? – Для меня прекрасно всё, что оставляет простор для размышлений, **Кустодиев, Пикассо, Ван Гог**» (И. Гофф. Телефон звонит по ночам).

Такие СИ вполне можно назвать понятийными категориями, но они к тому же создают законченные целостные образы – гештальты. Именно эта их партитивная структура позволяет осмысленно и ассоциативно воспринимать окружающий мир. И поскольку основное назначение языка – эксплицитно описывать этот мир, то логично полагать, что в языковых единицах заложена способность реализации общезначимых и общепонятных категорий, дающих конкретное представление о мире. И собственные имена, кроме того что полностью отвечают этой функции, выполняют ещё и сверхзадачу: формируют концептуальный мир.

Возводя некоторые имена на столь высокий пьедестал в лингвальном мире социума, мы, конечно, отдаём себе отчёт в том, что они – только часть словника каждого языка. С утверждением А. В. Суперанской не поспоришь: «Мысль, согласно которой собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные, или их значение бесконечно, справедлива лишь в том случае, если имя как языковую категорию подменить нашими сведениями об именуемом объекте» [6, с. 89].

И тем не менее многие собственные имена понятийны. Каким глубоким содержанием наполнены имена в «Синей книге» З. Гиппиус: «14 декабря 1914 года. Люблю этот день, этот горький праздник "первенцев свободы". В этот день пишу мои редкие стихи. Сегодня написался "**Петербург**". Уж очень мне оскорбителен "**Петроград**", создание "растерянной челяди, что, властвуя, сама боится нас"». А. Найман о поездке А. Ахматовой в Италию: «Это был немножко "визит старой дамы": ехала не Анна Андреевна – Анна Ахматова. Она должна была вести себя, и вела себя, как "**Ахматова**".»

К тому же, и ментальная деятельность человеческого сознания не в последнюю очередь фиксируется именами собственными. Они как вербальные репрезентанты деятельности коллективного сознания формируют культурное знание. Русский, француз, англичанин, испытывая партиципацию (мистическую сопричастность, специфическое мироощущение приобщения к прошлому), в первую очередь вспомнит *Москва, Пушкин; Париж, Наполеон; Тауэр, Диккенс*. В ценностно-смысловом лингвокультурном фонде многие онимы выступают единицами постоянной социокультурной значимости. В зоне этнического сознания актуализированные смыслы их семантической структуры дают основания для включения таких слов в число ключевых ментальных единиц. Они формируют национальную концептосферу.

Такие онимы составляют не просто актуализированную лексику, а её центральную, сакраментальную часть. Эта группа не может быть многочисленной; она ограничена единицами, реализующими социально, культурно значимые компоненты смысла, а также единицами коммуникативно релевантными и поэтому – высокочастотными в речевой практике. У культурно-значимых именах богатый текстовый план: «*Что я знаю о Польше? Мицкевич. Шопен. Мазурка. Краковяк*» (И. Гофф. Телефон звонит по ночам); «*Москвичи знают, что Верхняя Масловка – это улица, где сосредоточены мастерские художников и скульпторов, это такой московский Монмартр*» (А. Фрейндлих. Аргументы и факты); «*Я смотрю вниз, на людской водоворот, именуемый Парижем*» (И. Гофф. Балкон над Парижем).

Над подобными собственными именами не властно время, никакие внешние факторы не способны нарушить и изменить их метафизику. Названные онимами явления столь широкие, что помещённые в оболочку собственных слов, как будто стремятся выпрыгнуть из неё, эта оболочка так узка для них, что слова вовлекают в свою ассоциативную орбиту всё новые и новые понятия, расширяющие концептуальное пространство: «*Вот так-то я и изобразил Пушкина. Барская усадьба с колоннами и деревянные избы на фоне: Россия!*» (К. Коровин); «*Мальчик растёт, окружённый обожанием и нежной заботой матери, бабушки, тёток. Золотое детство, ёлка, дворянское баловство, няня, Пушкин*» (В. Орлов. Гамаюн); «*В уездном городе Запереченске в запахах самоварных лучин и дёгтя томятся дремучие, как сыр-бор, души обывателей. Одна улица, главная, как всегда, зовётся Дворянской, от неё же бегут, пропадая в оврагах или на*

козых выгонах, переулки – всякие там Липовые, Мещанские, Артюховские да Маслобойные» (В. Пикуль. На задворках великой империи); «*С. И. Фудель прибегает к примерам из русской классики с мучительной для него задачей – честно увидеть бессилие искусства: «Разве мы не видим, что, несмотря на все старания Гоголя, Собакевичи и Хлестаковы не только не уменьшились, но ещё больше расплодились после «Мёртвых душ» и «Ревизора»? И разве Россия не видела множества Смердяковых уже после того, как Достоевский его повесил? Всё остаётся, как было»*» (Л. Сараскина. Достоевский в созвучиях и притяжениях).

Почему основные мировоззренческие, культурные и иные концепты национальных сообществ не в последнюю очередь представлены в собственных именах? Концепты – ведь категория ментальная, не языковая, они нам даны как некие сущности раз и навсегда, они отображают в нашей памяти *переживаемое* знание. Это категория скорее экзистенциальная, иррациональная, нежели рассудочная, рациональная. И. Стернин пишет: «Мышление народа не опосредуется его языком, что можно считать в современной науке установленным фактом, однако оно выражается, фиксируется, номинируется, овнешняется языком» [5, с. 4].

В языках есть уникальный пласт идентификаторов национальной картины мира, являющихся, по замечанию И. А. Стернина, с одной стороны – некоторой абстракцией, а с другой – когнитивно-психологической реальностью, обнаруживающейся как в мыслительной деятельности народа, так и в вербальном поведении. Часть этого пласта – собственные имена.

В фонде русских базисных онимных ценностей *Москва* – оним-рhита. В системе значимых для этнокультурного сообщества единиц слову *Москва*, пожалуй, ничто не составит конкуренции, в русской культуре мира *Москве* можно отдать безусловное первенство. Подобными именами не в последнюю очередь фиксируется ментальная деятельность человеческого сознания (т.е. классифицирующая, обобщающая, структурирующая, оценочная). Они как вербальные репрезентанты деятельности коллективного сознания формируют культурное знание.

Оним *Москва* информативно чрезвычайно активен: в нём его история (настолько широкая и ёмкая, что её хватило бы на целое государство), этапы, эпохи жизни (каждая из которых состоит из таких судьбоносных реалий, что они навсегда запечатлелись в социальной памяти этноса). И как и любое большое явление не односторонне, так и *Москва* являет собой целый мир.

Оним *Москва* уже давно приобрёл особые ассоциации и, выражая высшую степень обобщённости и символичности, сформировал своеобразную модель лингвокультурного концепта. Понятийное ядро этой ментальной единицы, хранящейся на глубинном уровне сознания языкового сообщества, активизируется в художественных текстах (явление это обычное: поэтические концепты являются авторским преломлением коллективного отражения мира в этноязыковом сообществе).

Весьма интересна группа онимов, само образование которых вызвано потребностью усилить суггестивно-ассоциативный потенциал. Речь идёт об отонимных окказионализмах. Окказиональные созначения известных онимов возникают как результат актуализации коннотативных возможностей собственного имени, обусловленных его референтными свойствами. Значение этих слов является понятийным. Возможность окказионализации онимов определена тем, что в их семантической структуре есть символическая составляющая, которая в некоторых условиях может возобладать: «*А в зеркале двойник бурбонский профиль прячет / И думает, что он незаменим, / Что всё на свете он переименит, / Что Пастернака перепастерначит, / А я не знаю, что мне делать с ним*» (А. Ахматова); «*По прочтении Гоголя глаза могут гоголизироваться, и человеку порой удаётся видеть обрывки его мира в самых неожиданных местах*» (В. Набоков. Лекции по русской литературе); Чехов на недоумённые вопросы и упрёки, что он после поездки на Сахалин не пишет о нём, отвечал: «*У меня всё просахалинено*».

Такие образования продуктивны и довольно многочисленны. Это свидетельствует о семантической амбициозности онимов, что позволяет им не только естественно входить в концептуальное пространство, но и самим его образовывать. Несмотря на спонтанность, оригинальность подобных отонимных окказионализмов, существенным представляется то, что случайность этих образований только кажущаяся. Их появление в языке высвобождает ту внутреннюю энергию, которая является источником саморазвития языка. Эти отонимные слова не составляют какой-то особой группы онимных образований, принципиально отличающихся от них понятийным содержанием. Они лишь, возможно, в большей степени раскрывают персонализированную маркированность значения слова.

Исследование собственных имён в плане их функционирования как особой эстетической реальности – перспективный путь их изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В. И. А. А. Потебня и когнитивная лингвистика / В. И. Болотов // Вопросы языкознания. – 2008. – № 2. – С. 82-96.
2. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-71.
3. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
4. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е. А. Селиванова. – К., 2002. – 237 с.
5. Стернин И. А., Попова З. Д. Язык и национальная картина мира // И. А. Стернин и др. – Воронеж: Истоки, – 2003. – 60 с.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 364 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. И. Концептологическая ориентация онима

В статье поставлена проблема статуса онимов в языковой системе, который определяется пересечением в его семантической структуре символической составляющей и информативного компонента. Собственное имя – компактный знак глубинного содержания. Когда в ониме реализуется смысловая, концептологическая ориентация, тогда он становится категорией креативной.

Ключевые слова: ассоциативные парадигмы, креативность, концептологическая природа, маркированность, оним, эгоцентричность.

SUMMARY

Ivanova N. I. Conceptual orientation of nomina propria

The article deals with the problem of the onyms status in the language-as-a system which is determined by the intersection of the symbolic constituent and the informative component in its semantic structure. A proper name is a compact sign of the kernel content. If content-conceptual orientation is realized in the onym it becomes a creativity category.

Key words: associative paradigms, creativity, the conceptual nature, markedness, onym, the egocentric character of onyms.

Н.А. Иванова
(Горловка)

УДК 81.0

АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Одним из центральных вопросов современной теории перевода является решение проблемы переводческой эквивалентности, соответствия содержания оригинала и перевода, а также средств языка, которые выражают это значение. В рамках этой проблемы значительный интерес уделяется передаче английских юридических терминов, которые употребляются в официально-деловом и публицистическом стилях, на русский язык.

Актуальность темы нашего исследования обуславливается тем фактом, что юридическая терминология считается одной из наиболее значимых отраслевых терминосистем. Терминология права широко употребляется не только в профессиональной среде, но и в других сферах языковой коммуникации, которая требует от переводчика знания стратегии и тактики передачи ее значений на язык перевода.

Проблемами терминологии занимались такие лингвисты, как: Г.А. Винокур, А.А. Реформатский, О.С. Ахманова, Н.З. Котелова, С.В. Гринев и другие. Большинство исследователей признают, что терминологизация является одной из основных черт научного стиля, информативным ядром лексики языка науки. Под термином, обычно понимают языковое средство выражения специального понятия. О.С. Ахманова определяет термин как «слово или словосочетание специального (научного, технического) языка, которое создано, получено или заимствовано для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных терминов» [1, с. 95-96]. В.П. Даниленко также придерживается точки зрения, что «термин – это слово (словосочетание) специальной области применения, которое называет специальное понятие» [2, с. 11-13]. Но существуют случаи, когда одно и то же понятие имеет точное выражение с помощью нескольких слов или словосочетаний, которые являются синонимическими, то есть выражают одну реалию. В.И. Карабан определяет термин как языковой знак, который представляет понятие специальной, профессиональной сферы науки и техники. Он считает, что научно-технические термины являются существенной составляющей научно-технических текстов [4, с. 54]. Н.И. Мостовой отмечает, что «термин – это слово или словосочетание с исторически мотивируемым или условно закрепленным значением, которое

отображает одно понятие в специализированной отрасли знания или производства» [6, с. 191].

Проанализировав разные точки зрения на природу термина, можно сформировать принцип, которым следует руководствоваться для определения этого понятия. Во-первых, термин представляет сжатую характеристику определенной реалии, потому в его основе должна быть заложена конкретная дефиниция, присущая лишь этой реалии. Во-вторых, каждая научная отрасль имеет собственную терминологическую систему, но это не ограничивает сферу использования терминов лишь одной отраслью деятельности человека. В-третьих, срок должен касаться лишь одного понятия, которое в свою очередь не всегда ограничивается одним термином. В условиях, когда нужно давать названия новым явлениям и понятиям, много общеупотребительных слов приобретают определенную специфику. Происходит также специализация их значения при передаче на другой язык и унификация переводных эквивалентов. Иногда в тексте встречаются слова и словосочетания, которые принадлежат к разным функциональным системам и, соответственно, разным отраслям.

Законодательные термины, как и все остальные, могут быть образованы на основе родного языка или быть заимствованными как из нейтрального терминологического банка (международные греко-латинские терминологические элементы), так и из другого языка, но они должны отображать признаки понятия.

В системе англоязычной юридической терминологии выделяется значительный процент терминов, образованных синтаксическим способом. По количеству компонентов термины можно разделить на :

I. Двухкомпонентные:

1. прилагательное + существительное в единственном числе: *nonprejudicial character; initial disclosure;*
2. прилагательное + существительное во множественном числе: *port charges; retroactive laws; civil damages;*
3. существительное + существительное без предлога: *adult charge; corrupt activity;*
4. существительное. + предложная конструкция: *arrangements for custody; violation of rights.*

II. Трехкомпонентные синтаксические типы:

1. прилагательное + существительное + существительное: *domestic relations cases;*
2. существительное + существительное + существительное: *credit for jail time; state affair administration;*

3. наречие + прилагательное + существительное: *blatantly improper evidence*.

III. Многокомпонентные термины могут включать четыре, пять, шесть или больше единиц: *fashion a solution especially suited to the particular disputants; damages for loss of future earnings power; pay off the balance completely before the final payment is due*.

Особенностью синтаксической структуры сложного термина является то, что по связности элементов его можно считать свободным (компоненты сохраняют свое прямое значение) и в то же время закрытым (при произвольном включении в его состав других слов, он теряет свою терминологичность [7, с. 34]. Сравним: *legal and procedural aspects* и *complex legal and procedural aspects*, *соблюдение прав человека* и *соблюдения основных прав человека*.

Поскольку среди юридических терминов преобладают в основном термины-словосочетания, то именно они представляют основную проблему при переводе юридического текста. Важнейшим признаком термина-словосочетания является его воспроизводимость в сфере профессионального употребления для выражения конкретного специального понятия. За пределами конкретной терминологической системы такое словосочетание не является стойким и не воспринимается как связанная языковая единица. Следовательно, за каждым составным термином (термином-словосочетанием) стоит стойкая, стандартно воссоздаваемая структура сложного (расчленяющего) профессионального понятия. Терминология для термина является тем полем, которое дает ему точность и однозначность, и за пределами которого слово теряет признаки термина. Рассмотрение факторов передачи любого текста в условиях межкультурной коммуникации строится с учетом основных особенностей языковой культуры, типа и механизма социальной кодировки родного (русского) и иностранного (английского) языков. Такой подход позволяет выявить новую точку зрения на решение практических задач, связанных с проблемами перевода юридического текста. Главную роль в этой связи играет не только обладание социальными знаниями правовых норм, юридической терминологии, судебно-процессуальных систем, но и личностные качества переводчика, потому что передача любого текста допускает взаимодействие национальных языков, и, соответственно, культурных концептов. Степень реального сближения двуязычной коммуникации и перевода с коммуникацией одноязычной, естественно, зависит не только от мастерства переводчика, но и от ряда объективных обстоятельств. К таким принадлежат свойства текста, который

переводится, и способ выполнения перевода [5, с. 17]. Например, юридический документ является особым переводом, где язык должен обеспечивать реализацию общественного назначения и соответствия правовому узусу. В процессе перевода англоязычных юридических терминов определяют 2 этапа: выяснение значения термина в контексте и передача этого значения на язык перевода.

Основным приемом передачи юридических терминов является перевод с помощью лексического эквивалента, то есть путем использования постоянного лексического соответствия, которое точно совпадает со смыслом слова. Такие термины служат опорными пунктами в тексте, от них зависит раскрытие значения других слов, они дают возможность выяснить характер текста. Поэтому переводчику следует владеть умением находить соответствующий эквивалент в языке перевода. Но поскольку юридические термины – это преимущественно сложные термины, которые являются атрибутивными препозитивными словосочетаниями, то именно они вызывают трудности при переводе юридического текста.

Большую роль при переводе терминов-словосочетаний играет аналитический этап – перевод отдельных компонентов. Для этого необходимо верно определить компоненты сложного термина, поскольку ими могут быть не только слова, но и словосочетания, которые входят в состав термина. Важно также установить, в каких семантических связях состоят компоненты между собой и с главным компонентом термина-словосочетания. Характер этих отношений определяет порядок и содержание перевода сложного термина. Синтетический этап перевода предусматривает построение компонентов в зависимости от семантических отношений и получения окончательного варианта перевода [3, с. 18].

Анализ практического материала позволяет выделить такие способы перевода англоязычных терминов законодательной сферы на русский язык:

1. Прием описательного перевода – передача с помощью распространенного объяснения значения английского термина. Этот прием употребляется как в случае отсутствия соответствующего по значению термина в языке перевода, так и при объяснении слова в словаре: *account* – *неуплаченное долговое требование*; *official accusation* – *официальное обвинение в совершении преступления*; *on account of whom it may concern* – *за счет тех, кого это может касаться*; *eminent domain* – *право государства на отчуждение частной собственности*; *relevant evidence* – *доказательства, которые имеют отношение к делу, которое рассматривается*; *foreclosure of a judgement lien* –

переход арестованной недвижимости должника в собственность кредитору на выполнение решения суда.

2. Прием калькирования – перевод английского термина по частям с последующим складыванием этих частей: *multiple accredit* – множественное аккредитование; *accomplice of attempt* – соучастник в покушении; *according to law* – в соответствии с законом; *opening statements* – предыдущие заявления; *send to jail* – доставить к тюрьме; *social security* – социальная защита; *entry of judgement* – вынесение решения.

3. Прием транслитерации/транскрибирования – передача в языке перевода орфографической/звуковой формы английского термина: *Special Systems Industry* – Специал Систем Индастри; *verdict* – вердикт.

4. Прием практического транскрибирования: *criminal* – криминальный; *penitentiary* – пенитенциарный; *Commercial Code* – Коммерческий код.

Наиболее сложными для перевода являются термины, которые имеют разные значения не только в разных областях науки и техники, но и даже в одной отрасли:

Charge – 1. залоговое право, обременять залогом; 2. обязательство, ответственность; возлагать ответственность; 3. распоряжение, требование, поручение; поручать, требовать; 4. обвинение, пункт обвинения; обвинять; 5. аргументирование в исковом заявлении в опровержении предсказуемых доводов ответчика; 6. письменная детализация требований стороны относительно заведенного дела; 7. заключительное обращение судьи к присяжным (перед провозглашением вердикта);

Account – 1. счет; расчет; 2. надлежащий платеж; неуплаченное долговое требование; 3. отчет; делать отчет; объяснять; 4. иск с требованием предоставить отчет; 5. отвечать; нести ответственность.

Термин, который имеет несколько словарных соответствий, переводится путем выбора варианта-аналога, который точнее всего передавал бы значение термина в зависимости от контекста: *Notice in writing* – письменное предупреждение; *notice to admit* – требование в признании (с целью сокращения расходов по предъявлению судебных доказательств); *to give notice to* – сообщать кому-то что-то; *to have notice of* – знать о чем-то; *notice to produce* – предложение противоположной стороне предоставить в суд документ; *notice to quit* – предупреждение нанимателю о расторжении договора найма жилого помещения; *to take notice* – получить сообщение; *with notice* – быть предупрежденным; *without notice* – без предыдущего сообщения; *notice of action* – сообщение о подаче

иска; *notice of alibi* – предупреждение о намерении заявить об алиби; *notice of allowance* – официальное сообщение об акцептовании заявления на патент; *notice of amendment* – сообщение об исправлении.

Таким образом, можно сделать вывод, что главной проблемой перевода юридических терминов-словосочетаний является их многозначность не только в пределах разных областей науки, но и внутри самой законодательной отрасли. Точное значение термина в данном случае можно выявить лишь с помощью контекста и связей между компонентами. Все вышеупомянутое побуждает к проведению дальнейших исследований в этой отрасли, а именно: изучение взаимосвязей в пределах законодательной терминосистемы путем анализа соответствующих терминологических полей, а также исследования межсистемного соотношения терминов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М., 1957. – 157 с.
2. Даниленко В. П. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / В. П. Даниленко. – Свердловск, 1991. – 155 с.
3. Дерди Э. Т. Словообразовательные и структурно-семантические характеристики английских юридических терминов : Дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : 10.02.04 / Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко. – К., 2003. – 284 с.
4. Карабан В. І. Переклад англійської наукової і технічної літератури. Учбов. посібн. / В. І. Карабан – Вінниця : Нова книга, 2001. – 303 с.
5. Латышев Л. К. Курс перевода. Эквивалентность перевода и способы его достижения / Л. К. Латышев. – М. : Рус. яз., 1981. – 179 с.
6. Мостовий М. І. Лексикологія англійської мови. Підруч. для студентів ін-тів і фак. іноз. Мови / М. І. Мостовий. – Харків : Основа, 1993. – 255 с.
7. Швейцер А. Д. Опыт контрастивного стилистического анализа : язык русских и англо-американских средств массовой информации / А. Д. Швейцер. – ФН. – 1994. – № 1. – С.103-110.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н.А. Англоязычная юридическая терминология и способы ее адекватной передачи на русский язык

Статья посвящена проблеме определения терминов и анализа их структурных особенностей. Особое внимание уделяется передаче значений юридических терминов на русский язык. Определяются и описываются наиболее часто употребляемые способы перевода терминов-словосочетаний, как однозначных, так и многозначных.

Ключевые слова: термин, язык-оригинал, язык перевода, описательный перевод, калькирование, транслитерация, транскрибирование, практическое транскрибирование.

SUMMARY

Ivanova N.A. English juridical terms and means of their adequate translation into Russian

The article deals with the problem of defining terms and analysing their structural peculiarities. Special emphasis is placed on rendering meanings of juridical terms into Russian. We specify and describe the most frequently used ways of translation of multicomponential terms, both monosemantic and polysemantic.

Key words: term, source and target languages, descriptive translation, loan translation, transliteration, transcribing, practical transcribing.

*С.М. Кишко
(Горлівка)*

811.111'367.32:81-116.3

ДО ПИТАННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОГО ЯВИЩА «UNDERSTATEMENT» В АНГЛОМОВНОМУ ДИСКУРСІ

На сучасному етапі розвитку лінгвістики актуальним залишається аналіз особливостей мовленнєвої поведінки англомовної особистості. До останніх належить явище «understatement», яке цікавить дослідників насамперед як мовленнєвий феномен, за яким стоять історично сформовані культурні традиції англосаксонського суспільства та обумовлений ними британський національний характер. Хоча деякі лінгвісти вважають, що переклад терміну «understatement» не може у повному обсязі передати усіх аспектів його денотативного та конотативного значень, у нашій роботі ми пропонуємо термін «недомовленість», який, на нашу думку, може передати сутність цього лінгвокультурологічного явища як такого, що віддзеркалює особливості національного менталітету представників англомовних соціумів.

Дослідники неодноразово відзначали той факт, що для

мовленнєвої поведінки англомовної особистості характерною є стратегія вияву стриманості, яка полягає у певній недомовленості, незавершеності висловлення власної думки, ставлення до об'єкта обговорення, ситуації тощо [13; 14; 17]. Цей комунікативний феномен, позначуваний у зарубіжній лінгвістиці терміном «understatement», був досить детально описаний У. Боллом [13; 14], який одним з перших привернув увагу лінгвістів до цього явища. У. Болл вважає, що understatement – це кращий засіб збереження дружніх і ділових відносин між співрозмовниками та компроміс між гарними манерами і правдою [14].

У вітчизняній лінгвістиці цей феномен переважно розглядався суто в стилістичному плані, а саме – у зв'язку з використанням таких стилістичних прийомів, як літота й мейозис [4]. Н.Д. Арутюнова, вивчаючи проблему градуїованих значень, розглядає understatement з-поміж способів пом'якшення ствердження [1, с. 248]. Ю.М. Скребнев [10] і В.І. Карасик [6] трактують understatement як лінгвокультурологічний феномен – маніфестацію національного характеру представників англомовних соціумів.

Попри значний інтерес до вивчення недомовленості як лінгвокультурологічного явища, особливості останнього як прагматичного варіанта комунікативно-прагматичної категорії модерації не розглядалися.

Об'єктом цієї статті є недомовленість як прагматичний варіант комунікативно-прагматичної категорії модерації, що реалізується в мовленнєвій діяльності представників англомовних спільнот у модерованих висловленнях; предмет статті становить аналіз особливостей вживання недомовленості в різних типах модерованого висловлення.

Мета цієї роботи є висвітлення особливостей вживання недомовленості у так званих модерованих висловленнях англомовного дискурсу.

Модерація являє собою комунікативно-прагматичну категорію англомовного дискурсу, змістову основу якої складає комунікативна інтенція стримування [7]. Остання знаходить своє вербальне вираження в мовленні англомовної особистості у вигляді п'яти прагматичних варіантів, а саме мітигації, стратегічної невпевненості, апроксимації, девальвації та недомовленості.

У нашому дослідженні недомовленість розглядається як прагматичний варіант модерації, за допомогою якого мовець навмисно повідомляє інформацію або висловлює своє ставлення до предмета висловлення або його оцінку недостатньо повно, конкретно або однозначно, що створює ефект невідповідності

між пропозиційним змістом висловлення і реальним станом речей у дійсності.

Недомовленість відображає поведінковий аспект англосмовної особистості, оскільки свідомо і цілеспрямовано використовується мовцем як у своїх власних інтересах, так і в інтересах співрозмовника. В англосмовних етнокультурах, як показує наше дослідження, недомовленість використовується в модернованих висловленнях (далі МВ). МВ – це особливий тип висловлення, диференційною ознакою якого є наявність в модусі пропозиції модератора, тобто іллокутивного показника реалізації мовцем комунікативної інтенції стримування в тому чи іншому її прагматичному різновиді [7].

Як показує наше дослідження, засобами маніфестації недомовленості є модератори-сигнали недомовленості, до яких належать засоби літоти та мейозису, евфемізми, структури перифрастично-евфемістичного типу, кваліфікатори *a bit / a little, hardly, scarcely, barely, kind of / sort of, quite, rather, more or less*, мовленнєві стереотипи модусу припущення, стереотипи зі значенням невизначеності, структури умовного способу, які імплікують недомовленість тощо [7].

МВ недомовленості становлять 23% (690 прикладів) від загальної кількості висловлень, в яких актуалізується модерація (3000 прикладів).

Однією з особливостей недомовленості є її вживання як в оцінних МВ зі значенням «добрий» / «поганий» (83% випадків – 518 прикладів оцінних висловлень (ОВ)), так і в нейтрально-оцінних МВ (17% – 172 приклада). Так, у негативно-оцінних МВ (71% випадків – 368 прикладів з 518 ОВ) недомовленість перешкоджає образі адресата / третьої особи, виконуючи, таким чином, «щадну» функцію для іміджу адресата. У фокусі інтенції мовця під час продукування «оцінної» недомовленості, як правило, знаходяться такі аспекти зазначеного денотата, як фізіологічні особливості / зовнішність та етичні вияви адресата / третьої особи. (1) *He wasn't a handsome man* (Lesley, p. 690). Приклад (1) ілюструє використання мовцем недомовленості в описі зовнішності третьої особи. Дотримуючись соціокультурного табу на експліцитне вираження негативної оцінки зовнішності, мовець діє згідно з принципами кооперації та ввічливості. (2) *“But Mr. Bleibner, I understand, was more or less of an amateur?”* (Christie, 1976, p. 59). У прикладі (2) мовець, висловлюючи свій погляд на рід діяльності м-ра Блейбнера, використовує сигнал недомовленості *more or less*, щоб тактовно натякнути на його недостатній професіоналізм. Висловлення містить імлікацію: м-р Блейбнер робив своє діло непрофесійно.

(3) *“I've got us lodgings”, she said, picking up Matilda's bag with one hand and tucking the other through her arm. “They aren't very nice, I'm afraid* (Pearse, p. 660). У прикладі (3) різкість негативної оцінки модерується через заперечення позитивної. Хоча оцінка запропонованого житла в цьому МВ беззусильно інтерпретується адресатом зі знаком «мінус», сприймається вона менш «болісно», ніж пряма негативна оцінка «*lodgings are bad*», чому сприяє також модератор *I'm afraid*.

(4) – *Oh, yes. I like men better than women. Women are never really nice to me. I can't think why. – Perhaps you are too nice to their husbands* (Christie, 1989, p. 309). У висловленні (4) мовець натякає на своє несхвалення моральної поведінки співрозмовниці: висловлення містить імплікатуру: +>stop flirting with other women's husbands.

Спрямованість інтенції на власне «Я» в оцінних МВ недомовленості являють собою випадки позитивної самопрезентації, самоствердження (self-assertion) мовця, який ухиляється від прямого вираження негативної оцінки особистих здібностей, вчинків, поведінки тощо. Не вдавшись до модерації, мовець вчинив би «іллокутивне самогубство» [9], оскільки вважається, що мовець не може характеризувати себе негативно без вагомості на те причини [19]. (5) *Not that I'm much of a dancer. I don't dance awfully well* (Christie, 1983, p. 48). Мовцю соромно зізнатися, що він не вміє танцювати, тому він вдається до використання непрямої номінації заради збереження власного позитивного іміджу.

(6) – «*You okay?*» Bradford asked.

– «*More or less.*” Rune opened another file. Her life had become an endless circle of long hours by herself, of flying on airplanes and staying in hotels, of tense meetings at the Network, of interviews that sometimes careened out of control, of a lonely houseboat. She gave up late-night clubs, West Village writer's bars. Even she gave up seeing Sam Healy much (Deaver, p. 136). У прикладі (6), відповідаючи на турботливе запитання співрозмовника про її життя, жінка, не бажаючи скаржитися, вдається до недомовленості (модератор *more or less*), щоб дати адресатові зрозуміти, що справи зовсім не такі вже гарні. Останнє експліцитно впливає з подальшого контексту: життя її змінилося на гірше, вона втомилася від самотності, постійних перельотів, готелів, напружених зустрічей, інтерв'ю тощо.

Маркери недомовленості, а саме евфемізми та засоби перифрастичної номінації, вживаються для ослаблення емоційного удару, що неминуче загрожує адресату висловлень, в яких йде мова про трагічні події – смерть, загибель, вбивство

і под. [2; 5; 8; 11]). На думку Є.І. Шейгал, перифрастична номінація являє собою «результат своєрідного компромісу між семантикою (відображенням сутності денотата) і прагматикою (відображенням інтересів мовця). Евфемізмом позначається те, що за логікою речей слід було б оцінити негативно, проте інтереси мовця змушують оцінити його позитивно, і в той же час максима якості не дозволяє видати чорне за біле» [12, с. 189].

(7) *'It's certainly a very unpleasant business* (Christie, 1989, p. 318). У прикладі (7) мовець запобігає психологічному шоку, що загрожує адресату, за допомогою використання евфемістичної номінації: під словом *business* мається на увазі вбивство. (8) *I thank God – you can't know how grateful I am – that Daddy spoke to me before he ... left. I couldn't have borne it if he'd died without our making contact. Even though he's gone, I feel as though I have my father back again* (Bartel, p. 416). Мовець вдається до евфемізмів *left, gone*, оскільки тема смерті є однією з табу йованих в англомовних соціумах. (8) *My dear Colonel Melchett. You know what young women are nowadays. Not ashamed to show exactly how the creator made them* (Christie, 1977, p. 231). У прикладі (8) мовець використовує перифрастичну номінацію (*showing exactly how the creator made them*), яка імплікує «показатися оголеною». Подібна недомовленість допомагає адресату непрямо висловити своє несхвалення манер, притаманних «сучасним молодим жінкам».

(9) – *So you killed her too.*

– *Let's put it this way: I let her join her miserable husband* (Baldacci, p. 449). У прикладі (9) мовець використовує перифрастичну номінацію *I let her join her miserable husband*, маючи на увазі «приєднатися до покійного чоловіка», тобто померти. У подібних випадках виражена у формі перифрастичної номінації недомовленість створює, як вважає В.І. Говердовський, когнітивний ефект концептуального «затемнення» або «дефокусації» небажаних референтів (об'єктів, дій тощо) і реалізує «захисну» функцію [3, с. 81]. Своєрідна взаємодія семантики і прагматики у випадках перифрастичної номінації позначається на локутивному та іллокутивному аспектах висловлення, тому МВ недомовленості характеризуються певною пропозиційною невідповідністю.

Отже, мета мовця в негативно-оцінних МВ – ослабити негативний вплив на адресата / третю особу за допомогою використання імплікації, що, тим самим, водночас спонукає адресата / третю особу самостійно вивести імплікований продуцентом смисл.

Значно рідше недомовленість використовується в позитивно-

оцінних МВ – 29% (150 прикладів з 518 ОВ) для вираження позитивних аспектів комунікативної ситуації.

(4) – *A pleasant thought.*

– *Not unpleasant. I think of you all the time* (Grisham, p. 178).

У прикладі (4) мовець вдається до використання літоти *not unpleasant* як сигналу-недомовленості. Недомовленість є в цьому разі ознакою збентеження (a sign of embarrassment, за У. Боллом [13]): мовець не наважується прямо зізнатися, що він закоханий, висловлюючи свої почуття у формі натяку.

Вдаючись до недомовленості, мовець імплікує позитивну оцінку: (109) – *Do you think I haven't done all that again and again? I'm not a bad woman, really I'm not* (Christie, 1977, p. 193). Приклад (109) ілюструє, що жінка прагне похвалитися своїми чеснотами, але оскільки самовихваляння не вітається соціокультурною традицією, вона вдається до «прихованої самореклами» за допомогою використання недомовленості. Перлокутивний ефект таких висловлювань може бути описаний словами Фаулера, який вважає, що недомовленість використовується для створення певного ефекту – “understatement is a device used deliberately to create a certain effect”. Мовознавець слушно зауважує, що мета використання мовцем недомовленості – не ввести слухача в оману, а справити на нього позитивне враження своєю стриманістю – “not to deceive, but... to impress by moderation” [18].

Нейтрально-оцінні МВ недомовленості складають 17% – 172 приклади з 690. Відмінна риса нейтрально-оцінних МВ недомовленості полягає в пом'якшенні іллокутивної сили ствердження зазначеного стану речей реальної дійсності через породження імплікації. (7) *It is not impossible, my dear. It's just a very remarkable coincidence* (Christie, 1982, p. 29). У прикладі (7), використовуючи літоту *not impossible*, мовець імплікує пропозицію: «Ситуація цілком імовірна». Приклад ілюструє механізм дії заперечення, який веде до взаємної нейтралізації негативних значень і виникнення на цій основі позитивного значення: *no impossible +>possible*. Імплікації, що виникають у наслідок цього, сприяють зниженню категоричності висловлення.

Таким чином, недомовленість як прагматичний варіант КПК модерації є досить поширеною в англомовному художньому дискурсі – 23% (690 прикладів) від загальної кількості висловлень, в яких актуалізується модерація (3000 прикладів). Найчастіше вживаною є недомовленість в оцінних МВ зі значенням «поганий» – 368 прикладів з 518 оцінних висловлень. Значно рідше недомовленість використовується для вираження позитивних аспектів комунікативної ситуації (150 прикладів з 518

оцінних висловлень). Вживання недомовленості в нейтрально-оцінних МВ майже утричі менше, ніж в оцінних (172 приклади).

Аналіз недомовленості як прагматичного варіанта модерації дозволяє дійти висновку, що вона є одним із засобів непрямой комунікації, використовуваних для передачі як оцінної, так і нейтрально-оцінної ставлення продуцента до об'єкта висловлення. Із погляду принципу кооперації Г.П. Грайса [16], недомовленість, природно, порушує максими способу: «Формулювати думку ясно і недвозначно» і кількості: «Не говорити більше, ніж це необхідно», хоча цілком відповідає правилам негативної ввічливості П. Браун і С. Левінсона [15], зокрема, вказівці: «Використовуй конвенційно непрямі висловлення» [20, с. 14]. Недомовленість нерідко дозволяє мовцеві уникнути відповідальності за зміст висловлення, яке потенційно може завдати шкоди іміджу адресата. В основі недомовленості як механізму створення імплікації лежить переосмислення комунікантами істинних властивостей предметів і явищ на пропозиційному рівні. Продукуючи МВ недомовленості, мовець говорить, що р (де р – оцінювана пропозиція), маючи на увазі, що q (де q – інший смисл). Свідомо порушуючи максими кооперації, мовець дає привід адресату задуматися над причинами такого порушення і дійти висновку про те, що він вкладає у свої слова дещо більше, ніж вони конвенційно позначають.

ЛІТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1984. – С. 17-28.
2. Голубкова Е.В. Номинативное варьирование как средство речевого этикета (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Е.В. Голубкова. – М., 1982. – 180 с.
3. Говердовский В.И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.И. Говердовский. – М., 1977. – 165 с.
4. Гюббенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И.В. Гюббенет – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. – 205 с.
5. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик – М.: Ин-т языкозн. РАН, Волгогр. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
7. Кишко С.М. Коммуникативный феномен модерації в сучасному

- англомовному художньому дискурсі: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / С.М. Кишко. – Донецьк, 2011. – 204 с.
8. Порохницкая Л.В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в САЯ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. / Л.В. Порохницкая. – Москва, 2004. – 195 с.
 9. Серль Дж. Природа интенциональных состояний / Дж. Серль // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 96-127.
 10. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнев. – М.: Астрель, 2000. – 224 с.
 11. Сидоров И.А. О лимитивной перифразе в газетном тексте / И.А. Сидоров // Языковая личность: Проблемы креативной семантики. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 150-157.
 12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
 13. Ball W.J. Understatement and Overstatement in English / W.J. Ball. // English Language Teaching. – 1970. – Vol. XXIV. – № 3.
 14. Ball W.J. Conversational English / W.J. Ball. – London, 1953. – 321 p.
 15. Brown P. Politeness: some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Univ. Press, 1987. – 345 p.
 16. Grice H.P. Logic and Conversation / P. Cole, J. Morgan (Ed.) // Syntax and Semantics. – Vol. 3. – New York, 1975. – P. 41-58.
 17. Hubler A. Understatement and hedges in English / Axel Hubler. – Amsterdam: Philadelphia: Benjamins, 1983. – 192 p.
 18. Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Sec. Ed. (Entries on “Litotes” and “Meiosis”) / H.W. Fowler. – Oxford University Press, 1980. – 725 p.
 19. Festinger L.A. Theory of cognitive dissonance / L.A. Festinger. – Stanford University Press, 1957. – 293 p.
 20. Leech G. Explorations in Semantics and Pragmatics / G. Leech. – Amsterdam: Benjamins, 1980. – 178 p.

АННОТАЦИЯ

Кишко С. Н. К вопросу о лингвокультурологическом явлении «understatement» в англоязычном дискурсе

В статье анализируется сущность речевого феномена недоговоренности (understatement) как прагматического варианта коммуникативно-прагматической категории модерации англоязычного дискурса, рассматриваются особенности использования данного явления в модерированных высказываниях. В статье подчеркивается, что недоговоренность используется говорящим сознательно и целенаправленно как в своих собственных интересах, так и в интересах адресата, тем

самым отображая поведенческий аспект англоязычной языковой личности.

Ключевые слова: недоговоренность, прагматический вариант, коммуникативно-прагматическая категория модерации, модерирующее высказывание, модератор.

SUMMARY

Kishko S. N. To the problem of linguistic-cultural phenomenon of understatement in English discourse

The article focuses on understatement as a pragmatic variant of the communicative-pragmatic category of moderation in English discourse with a special attention being paid to the peculiarities of its use in moderated utterances. The accent is made on the fact that understatement reflects the English speaker's behaviour aspect since it is intentionally used either in the speaker's own interests or / and the interlocutor's ones.

Key words: understatement, pragmatic variant, communicative-pragmatic category of moderation, moderated utterance, moderator.

*Н.В. Лешкова
(Горлівка)*

УДК 81'366.54+811.161.1

ПРИЙМЕННИКОВО-ВІДМІНКОВА ПАРАДИГМА СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Актуальне і до цього часу питання про взаємовідношення прийменника і відмінка у складі прийменниково-відмінкової форми по-різному розв'язуються дослідниками. У нашій статті зроблена спроба порівняти дослідження багатьох лінгвістів та дійти логічних висновків. Деякі з них, зокрема Р. Якобсон і А.В. де Гроот, розчленовують прийменниковий зворот на прийменник і відмінкову форму, руйнуючи тим самим морфологічну єдність прийменника і відмінка. У сучасній білорусистичі аналогічних поглядів дотримується А.М. Шаранда.

Неоднозначно розв'язується проблема можливості/неможливості керування відмінком з боку прийменника. Думку про призначення прийменника як керуючого компонента щодо відмінкової форми свого часу категорично висловив Д.М. Овсянко-Куликовський, який вважав прямим обов'язком прийменників керувати відмінками і вбачав у цьому синтаксичне покликання їх. Виразне ствердження цієї думки зустрічаємо у М.О. Лаврова «Прийменника вимагають після себе певного непрямого відмінка, тобто вони керують відмінком». В

україністиці ці погляди поділяє О.С. Мельничук.

Більш аргументованим є погляд про відсутність у прийменника граматичних ознак керування, оскільки прийменниково-відмінкова форма являє собою єдиний, нерозкладний у граматичному плані компонент.

Окремі граматисти переоцінюють функціональне значення відмінка і недооцінюють семантику прийменника у прийменниково-відмінковій формі: прийменник кваліфікується ними як «відгалуження» від відмінкової системи, як «подовжена рука» категорії відмінка [6, с. 322].

Дещо вільнішої площині розв'язується питання взаємовідношення прийменника і відмінка тими дослідниками, які вважають, що зв'язок прийменника з тим чи іншим відмінком залежить від відповідності значень прийменника і відмінка [6, с. 504]. Подібна відповідність трактується інколи як збіг у загальному (інваріантному, незмінюваному в різних контекстах) значенні відмінка і прийменників, що вживаються з цим відмінком.

В україністиці існують різні підходи щодо розв'язання складної проблеми домінування прийменника або відмінка у складі прийменниково-відмінкової форми: одні вчені вказують на те, що прийменник часто розвиває, доповнює, посилює значення відмінкової форми або уточнює, спеціалізує, ускладнює її, інші, навпаки, визначають, що відмінкові форми завжди доповнюють і часто уточнюють прийменники.

Значний внесок у розв'язання складної проблеми взаємовідношення прийменника і відмінка у складі прийменниково-відмінкової форми зробив Є. Курилович. Він вважає, що прийменник не можна ставити «рангом вище від закінчень відмінка, адже прийменник не є керуючим відмінковою формою, а представляє собою субморфему, хоча й основну, складної морфеми» [5, с. 180] – прийменниково-відмінкової форми. Ці погляди відбивають основну функціональну сутність прийменниково-відмінкової форми, єдність і нероздільність її складових елементів.

Послідовно відстоюючи концепцію Є. Куриловича щодо морфемного статусу прийменника, І.Р. Вихованець подає більш точне термінологічне визначення прийменника, кваліфікуючи його як аналітичну синтаксичну морфему [2, с. 4], призначення якої – трансформація субстантива в аналітичний прислівник. При переведенні субстантива у прислівник нейтралізується визначна для субстантива морфологічна категорія – відмінок. Пор. твердження Є.К. Тимченка про те, що прийменник іноді пересуває центр уваги з відмінкової форми на себе і тим самим стає одним із факторів руйнування флексії, а також висновки

сучасних мовознавців про те, що вживання форми субстантива з прийменником призводить до ослаблення відмінкової флексії і посилення ролі прийменника як засобу смислової диференціації.

Хочемо зауважити, що у зв'язку зі зростанням наукового інтересу до вивчення прийменника, проблема його лінгвістичного статусу знаходить нове висвітлення в літературі. Один з провідних науковців проекту «Східнослов'янські прийменники в синхронії та діахронії: Морфологія і синтаксис» (проект здійснюється науковими силами Московського, Донецького, Гродненського університетів) М.В. Всеволодова, спираючись на положення про те, що для частин мови важливі тільки граматичні, а не лексичні показники, відносить прийменник до частин мови, яка на правах субморфеми входить до словоформи іменника (але при цьому не є морфемою), визначає відмінкову форму останнього і разом із закінченням утворює аналог конфікса.

Польову структуру функціонального поля прийменника досліджує М. Й. Конюшкович [4]. Вона в межах поля виділяє певні зони.

Ядро поля утворюють власне-прийменники – всі одиниці, що виступають тільки у функції прийменника (це первинні прийменники *в, на, під, за, над, при, через* тощо). Приядерну зону формують амбівалентні (біфункційні) прислівники-прийменники типу *мимо, близько, вслід, аналогічно, назустріч* тощо.

Зона «слова, вжиті в функції прийменника» – це випадки, коли словоформа, залишаючись у своєму категоріальному класі, в певній позиції, наприклад, при імені виступає у функції прийменника: *Коло з радіусом одна десята метра; Загін числом більше десяти чоловік.*

Четверта зона (більш периферійна) – це слова, що за аналогією виступають прийменниками (*під егідою доброчинності, під іменем, на допомогу викладачеві, в оздоровлення мікроклімату на кафедрі*).

Дальню периферію складають слова, вжиті okazіонально як прийменники: *на горизонті сучасного наукового світу, у нетрях бізнесових ігрищ.*

Вивчення всебічних відношень, в яких перебувають прийменникові конструкції, ґрунтується на двосторонньому зв'язку парадигматичного і синтагматичного планів мовної структури, адже для дослідника важливим є визначення як змісту синтаксичних елементів, так і форми, в якій він проявляється.

Парадигматичний аспект дає можливість установити

диференційні семантико-синтаксичні ознаки, якими відрізняється одна прийменникова конструкція в конкретних випадках її вживання від інших конструкцій в тій чи іншій позиції.

Дослідження однорідних синтаксичних елементів у парадигматичному плані передбачає виявлення структурних зв'язків як у системі варіантних, так і синонімічних відношень. Варіантами у лінгвістиці називають синтаксичні структури, які розрізняються формально, але виражають тотожне значення. Під тотожним значенням розуміють таке значення, яке не відрізняється від даного жодним семантичним множителем у змісті певних відношень.

Парадигматичний план мовної структури охоплює, крім виявлення варіантних (еквівалентних) зв'язків, також і аналіз синонімічних зв'язків прийменникових конструкцій. Синтаксичні синоніми визначаються як ряди різних за формою структур чи моделей, які мають близьке значення чи виражають однорідні відношення і зв'язки між явищами реальної дійсності. Досить своєрідно трактує поняття синтаксичних синонімів Л.С. Бархударов, досліджуючи глибинну (смислову) і поверхневу (формальну) структуру речення. До синтаксичних синонімів він відносить конструкції, що мають різну поверхневу структуру при однаковій глибинній [1, с. 55]. При всій близькості значення синтаксичні синоніми ніколи не збігаються повністю. Відмінність між ними підтримується не лише різноструктурністю, але й різним обсягом і характером змісту. Характер додаткових диференційних ознак визначається денотативними і конотативними оцінками. Основна відмінність між функціональними синтаксичними еквівалентами (варіантами) і синтаксичними синонімами полягає в тому, що для перших вирішальним фактором виступає значеннєва тотожність, тоді як для других – додаткові відтінки значення. Порівнюючи, наприклад, прийменникові конструкції *в+зн. в. і на+зн. в.* у значенні неозначеної тривалості часу (*зустрітисся у той день – зустрітисся на другий день*), бачимо, що конструкція знахідного відмінка з прийменником *на*, крім основного значення, передає ще час, визначуваний по відношенню до попереднього періоду, тобто містить у собі вказівку на часову наступність. Конструкція *в+зн. в.* чітко передає основне значення неозначеної тривалості часу і виступає домінантою по відношенню до конструкції *на+зн. в.* Отже, ці конструкції є синонімічними.

Аналіз прийменникових конструкцій у плані граматичної синонімії вимагає умов однорідності порівнюваних структурних одиниць, тобто він повинен бути одноаспектним і мати справу лише з граматичними (синтаксичними) формами і їх значеннями.

Вивчення парадигматичних рядів прийменникових

конструкцій певного значення (тобто всієї сукупності цих конструкцій на одному синхронічному мовному зрізі) дозволяє користуватися трансформаційним методом. Під трансформацією розуміють перетворення конструкцій із певною морфологічною структурою в інші конструкції, ідентичні перетворюваням за семантичним відношенням. Слід сказати, що експерименти – перетворення досліджуваних конструкцій широко застосовується лише в межах варіантних синтаксичних структур. При визначенні синтаксичних синонімів критерій взаємозамінності, на який часто посилаються як на основний, не може бути задіяним, оскільки наявність додаткових ознак а також відмінності в обсязі значень виступають як диференціюючий фактор. Дуже слушним, на наш погляд, є твердження З. І. Іваненко про те, що «доцільніше говорити про вибір однієї конструкції з ряду синонімічних, а не про взаємозамінювання їх, оскільки заміна в більшості випадків нівелює той специфічний семантичний відтінок, який протиставляю одну конструкцію іншій» [3, с. 18].

Крім семантико-синтаксичних ознак, що виявляються в парадигматичному плані, прийменниковим конструкціям властиві ознаки в іншому плані мовної структури – синтагматичному. Синтагматичний аспект визначається відношенням між елементами синтагми. Синтагма, на думку А. М. Мухіна, це мовний відрізок, який включає тільки ті члени, без яких не може бути висвітлена природа аналізованого елемента. Семантико-синтаксичну природу прийменникової конструкції можна встановити в межах найпростішої «рамочної одиниці» – сполучення двох синтаксичних елементів, де один із них, залежний (прийменниково-відмінкова форма) виступає об'єктом дослідження, а другий, по відношенню до якого проводиться аналіз залежного компонента, є опорним. У практиці дослідження «рамочна одиниця», утворена з двох основних компонентів, «обростає» іншими синтаксичними елементами, які можуть відноситися як до аналізованого, так і до опорного компонента у складі синтагми. При вивченні властивостей прийменникових конструкцій у синтагматичному плані необхідно звернути увагу на сполучуваність прийменниково-відмінкової форми з іншими словесними формами синтагми, лексико-семантичне вираження досліджуваної форми і зв'язаних із нею синтаксичних елементів, позиційні можливості залежного компонента щодо опорного. Синтагма у нашому дослідженні умовно прирівнюється до вільного словосполучення, і тому прийменниково-відмінкові форми аналізуються в межах цієї синтаксичної одиниці. Синтагматичні відношення лежать в основі методу дистрибутивного аналізу, тобто об'єктивного

аналізу синтаксичних одиниць за їх валентними властивостями й оточенням.

Парадигматичний аспект, який розкривається при виділенні у змісті прийменникових конструкцій семантико-синтаксичних ознак, робить можливим вивчення системних відношень цих синтаксичних елементів. Системний підхід, який передбачає встановлення закономірних стійких зв'язків між усіма частинами досліджуваного явища, тісно взаємодіє з функціональним аспектом опису мови, найважливіше завдання якого – вказати на роль кожної синтаксичної одиниці, кожного синтаксичного елемента у процесі комунікації. Функціональний підхід у нашому дослідженні здійснюється за принципом «від змісту до форми» і спрямований на граматику мовця (активну граматику). В активній практиці, «що виходить із семантичного боку» і «ставити питання про те, як виражається та або інша думка», провідним началом виступає смисл на відміну від граматики слухача (пасивної), що пов'язана з описом, вихідним пунктом якого є форма.

Тісний взаємозв'язок системного і функціонального підходів сприяє кращому розумінню синтаксичної структури як єдності елементів об'єкта і їх взаємовідношень.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бархударов Л.С. К вопросу о поверхностной и глубинной структуре предложения / Бархударова Л. С. // Вопр. языкознания. – 1973. – № 3. – С. 50–61.
2. Вихованець І.Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові / Вихованець І. Р. – К. : Наук. думка, 1971. – 120 с.
3. Іваненко З. І. Система прийменникових конструкцій адвербіального значення / Іваненко З.І. – К.; Одеса : Вища шк., 1981. – 143 с.
4. Конюшкевич М. О механизме предложивания знаменательной лексики / Конюшкевич М. // Лінгвістичні студії. Зб. наук. праць. Випуск 13 / Укл. Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – С. 65–70.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Курилович Е. – М. : Изд-во иностр. лит., 1962. – 456 с.
6. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка / Шахматов А. А. – 2-е изд. – Л. : Учпедгиз, 1941. – 620 с.

АННОТАЦІЯ

Лешкова Н. В. Предложно-падежная парадигма современного украинского языка

В статье делается попытка анализа взаимоотношений

предлогов и падежей в составе предложно-падежной формы, исследуются взгляды языковедов относительно поставленного вопроса.

Ключевые слова: грамматические признаки, падежная парадигма, предлог, морфема.

SUMMARY

Leshkova N. V. The prepositional-case paradigm of modern Ukrainian

The article presents an attempt to analyse mutual relations of prepositions and cases in the composition of a prepositional-case form, the views of linguists are probed in relation to the point under consideration.

Key words: grammatical signs, case paradigm, preposition, morpheme.

*И.В. Решетарова
(Горловка)*

УДК 81'271:82-92

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Современная научная мысль объясняет и выделяет характерные стилевые доминанты сегодняшнего медиадискурса, к которым в первую очередь относит его «игровой» характер, то есть склонность к широкому употреблению языковой игры, неологизмов, окказионализмов, некодифицированной лексики или элементов интертекстуальности. Игры со словом являются одной из главных и показательных тенденций языка СМИ, причем языковая игра сегодня приобрела популярность среди журналистов и в коммуникативной среде в целом, чем и обусловлена актуальность данного исследования. Изучение теоретических основ языковой игры освещается в трудах многих ученых: Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, К.С. Седовой, А.Д. Шмелевой и других.

Прагматика является основополагающим направлением сегодняшнего медиадискурса. В рекламном дискурсе, например, прагматика очевидна. Задача рекламодателя состоит в привлечении внимания покупателя/потребителя к определенной группе товаров, в расширении сферы своего влияния, в завоевании новых покупателей/потребителей. Решение этой задачи провоцирует медийных экспертов применять все более специфичные способы привлечения

внимания аудитории за счет смещения стилистических норм в сторону более свободного обращения со словом в том числе. Таким образом, использование элементов некодифицированной нормы в языке рекламы оправдывается прагматической целью автора. Например:

русс.: *Грядет день, когда даже самые смелые пилоты намочат штаны!* (о конкурсе летательных аппаратов в Москве).

В данном рекламном тексте фраза *намочить штаны* использована в неоднозначном, двойственном значении. С одной стороны, использована прямая коннотация: рекламируется приближающийся конкурс самодельных летательных аппаратов среди энтузиастов. В целях безопасности пилотов, конкурс будет проведен у воды, которой отведена роль своеобразной подушки безопасности. То есть пилот летательного аппарата в любом случае намочит одежду, так как посадка запланирована на водную поверхность. С другой стороны, каждый носитель русского языка понимает, что у данной фразы есть активная вторичная, эвфемистическая коннотация – *справлять малую нужду, мочиться в одежде* (обычно от страха, переизбытка эмоций – восторга, изумления, восхищения). Автор рекламного текста добивается заданной прагматической цели – привлечения внимания аудитории за счет смещения стилистической нагрузки в сторону вторичного значения используемого языкового материала. Он будто намекает, что событие обещает быть настолько зрелищным, интересным и эмоционально заряженным, что зрители наряду с участниками (*самыми смелыми пилотами*) потеряют контроль над своими чувствами. Больше того, автор искусно играет на тонких струнах русской души – едва ли кто-то откажется присутствовать на мероприятии, где обещают испытать силу духа и стойкость характера. Ведь это очень характерно русскому человеку – пройти испытание, щекочущее нервы, и остаться при этом в сухих штанах.

В стремлении достичь цели рекламодатель пытается отойти от традиционных клише, «оживить» или «освежить» язык, обратить внимание на свой продукт любой ценой, что приводит к игнорированию табу на личностное отображение событий и фактов. То есть автор рекламного текста становится не просто ретранслятором чьего бы то ни было восприятия, он позиционирует себя как личность, способную давать категоричные оценки, критически анализировать явления и факты, использовать эмоционально-выразительные слова, играть со стилем и вовлекать адресата в категорию «своих среди своих».

Например:

русск.: *Paradontax*. Для тех, кто замечает кровь, когда чистит зубы.

русск.: *Дизал знает Вашу аллергию от А до Я*.

англ.: *Life's Good (LG) – Жизнь хороша*.

англ.: *Everybody feels good in Lenor*.

англ.: *Duracell lasts longer, much longer*.

Бурная общественно-политическая жизнь в нашем регионе и в Украине в целом является причиной стойкого медийного интереса к ней. Лексический арсенал языка средств массовой информации довольно быстро реагирует на изменения в различных сферах жизни, особенно в общественно-политической сфере (напр., русск.: *гуманитарный конвой, мониторинговая миссия, «нормандская четверка», контактная группа, эскалация/дескалация ситуации, имплементация Минских соглашений, дорожная карта по разрешению кризиса, выражать свою озабоченность*; англ.: *sophisticated logistic support, 'party of war', Donbas freedom fighters, 'temporarily occupied territory', the Minsk agreements, de-escalation of the east Ukraine crisis*).

Военные действия, бесспорно, также вносят свои коррективы в лексикон среднестатистического гражданина (напр., русск.: *беспилотник, «военторг», минометные дуэли, артиллеристский диалог*; англ.: *the war-torn east of the country, militants, all-for-all prisoner swap*). Слово *крайний* в регионе, охваченном военными действиями, решительно заменило слово *последний*. Даже такое «гражданское» слово, как *лифчик*, здесь приобрело сугубо милитаризированное значение, сдвинувшись от 'предмета женского туалета, поддерживающего бюст' к части военной амуниции 'разгрузке'. Да и само слово *разгрузка* – 'разгрузочный жилет' (элемент одежды, предназначенный для комфортного ношения большого количества мелких вещей военнослужащим или туристом) не было частотным до начала конфликта.

Именно в сфере массовой коммуникации, подхватывающей оценочные неологизмы и индивидуально-авторские новообразования, происходят некие речевые трансформации, содействующие размыванию четких границ между личной и массовой коммуникацией, сдвигающие рамки в сторону снижения официальности. Вследствие таких смещений в официальную сферу общения проникают элементы, характерные для разговорной речи.

Например:

русск.: *АТОбус* – автобус, везущий жителей из/в зону проведения так называемой АТО.

русск.: *МоГилизация* – сращивание слов *мобилизация* и *могила*

для подчеркивания количества погибших служащих ВСУ из числа призванных на срочную службу.

укр.: *Хробацьке ТБ* – демонстративное оценочное (негативное – укр. 'хробак' переводится как 'червь', 'червяк') отношение к информационному агентству *Громадське Телебачення*.

укр.: *Бреховна Рада* – демонстративное оценочное (негативное – укр. 'брехня' переводится как 'ложь', 'вранье') отношение к верховному органу законодательной власти страны – Верховному Совету (Верховній Раді).

русск.: *ГЕИропейские/евроГЕИские ценности* – демонстративное оценочное (негативное – англ. 'gay' переводится как 'гомосексуальный') отношение к толерантным к сексуальным меньшинствам законам, принятым в европейском сообществе.

русск.: *Президент ПоТрошенко* – демонстративное оценочное (негативное – сращивание фамилии президента Украины П.Порошенко и глагола *потрошить*) отношение к военным действиям украинских властей в юго-восточных регионах.

Современный медиадискурс небезосновательно характеризуется усилением проявления языковой личности в тексте. Слово, как единица языковой картины мира человека, несет собеседнику не только информацию, но и личностную эмоционально-оценочную характеристику той или иной ситуации, ее социально-политическую и культурологическую нагрузку. Текст становится главным отображением языковой индивидуальности, так как процессы, происходящие в дискурсе (как например, мощная волна порождения неологизмов, использование диалектизмов и слов, относящихся к разговорному стилю), в значительной степени демократизируют язык и освобождают творческие ресурсы языковой личности. Язык СМИ, а особенно язык интернет-изданий и блогеров, сегодня стремится избавиться от давления устаревшей нормы, максимально сблизить литературную и нелитературную формы, что свидетельствует о рождении новой нормы, о социально-психологической эволюции языка. Примером может послужить следующий новостной заголовок:

русск.: *Силовики сходили в атаку на Донецк минувшей ночью и «огребли»* [4].

Процессы наименования новейших общественно-политических реалий провоцируют появление бесчисленного количества вариативных наименований, которые могут употребляться как нормативные лексические единицы или как нестандартные варианты наименований, характеризующие особенности определенного периода и задерживающиеся в языке ограниченное время. То есть, параллельно с объективными процессами развития языка идет индивидуальный словообразовательный процесс. Использование эвфемизмов и

дисфемизмов является одним из самых эффективных способов отражения непрямо́й оценки в СМИ, что дает возможность рассматривать их как средства воздействия на адресата с целью спровоцировать его на действия, желаемые/выгодные отправителю сообщения, то есть как средства манипуляционного характера.

На фоне таких ассоциативных определений, как «информационная война», «психологическая атака», «промывание мозгов», «зомбирование», «языковая агрессия», фактор воздействия на адресата приобретает весьма негативный оттенок. Между тем, существует мнение [1, 2, 3], что речевое воздействие можно охарактеризовать как процесс речевой коммуникации в свете ее целенаправленности. В этом смысле суть воздействия, предполагающего высказывание индивидуальной оценки и личного мнения автора, состоит в таком использовании языковых средств, которое позволяет ввести в модель мира адресата новую информацию или откорректировать уже существующую. При этом выбор языковых средств зависит от намерений отправителя сообщения.

Воздействие на адресата сообщения может осуществляться разными способами – как экспрессивными, так и нейтральными средствами, то есть маркированными и немаркированными. Вслед за У. Эко мы считаем, что «чистой» объективной информации не существует и существовать не может [5, с. 49], так как адресат всегда получает авторскую интерпретацию последней (напр., русск.: *зомбоязык; радикально настроенная молодежь; пророссийские повстанцы; снизить градус напряжения; чересчур компромиссное решение; провластные организации; демократия массового поражения; ползучая капитуляция; информационные войска; цифровой самиздат; «отпускники»; осторожный оптимизм; «северный ветер»; добровольцы (женщины/мужчины в гражданском); пенсионный туризм; текущий раунд перемирия; англ.: the ceasefire violation; the lengthy sanctions saga; the atmosphere of information hysteria; the unpunished economic banditry).*

Нужно понимать, что экспрессивные средства оценки требуют значительной активности аудитории. Потребителю предоставляется возможность якобы самостоятельно оценить ситуацию. Сообщение будто приглашает аудиторию к совместному обдумыванию фактов. При этом СМИ остаются как орудием идеологии, так и рупором бизнес-элит. Концептуализация того или иного образа в общественном сознании зависит от коммерческих целей и/или политических взглядов определенных личностей; однако, роль СМИ в этом процессе невозможно переоценить, так как информация, на основе которой получатель информации

делает выводы, пропагандируется именно через СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Аргументация как языковой и когнитивный феномен / А. Н. Баранов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М. : Наука, 1990. – С. 40-52.
2. Безменова Н. А. Риторическая модель речевой деятельности / Н. А. Безменова // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. – М. : Наука, 1990. – С. 15-26.
3. Прядильникова Н. В. Прагматика эвфемизмов в языке СМИ / Н. В. Прядильникова // Вестник Самарского филиала Московского государственного университета печати (СФ МГУП). – Серия : гуманитарные науки. – М. : МГУП, 2005. – Вып. 5. – С. 18-22.
4. Силовики сходили в атаку на Донецк минувшей ночью и «огребли» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://riafan.ru/242370-siloviki-shodili-v-ataku-na-donetsk-minuvshey-nochyu-i-ogrebli/>.
5. Эко У. Отсутствующая структура : Введение в семиологию / У. Эко. – СПб., 1998. – 432 с.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. Языковая игра в сфере массовой коммуникации

В статье анализируются стилевые доминанты современного медиадискурса, роль игры слов и роль личностной оценки в текстах средств массовой коммуникации, а также проведены исследования приемов манипуляционного воздействия в медиадискурсе.

Ключевые слова: игра слов, личностная оценка, медиадискурс, манипуляционное воздействие.

SUMMARY

Reshetarova I. V. The linguistic play on words in the mass media communication sphere.

The article speculates on the style dominant of the modern media discourse, the role of the linguistic play on words and manipulative impact in media texts. The impact of the personal assessment in media texts is also analyzed.

Key words: linguistic play on words, personal assessment, media discourse, manipulative impact.

С. А. Скороходько
(Симферополь, Россия)

УДК 398.2.811-81

УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДА

Известно, что само существование фольклорных текстов и жанров, живущих на протяжении веков в форме многократного воспроизведения разными сказителями, возможно благодаря двум противоположным, но и взаимосвязанным их свойствам: устойчивости и вариативности, которые одновременно ограничивают исполнителя и дают ему свободу. Цель данной статьи – выяснить, какие возможности дают переводчику названные свойства фольклорного текста и как они его ограничивают. Материалом исследования стала русская и английская народная волшебная сказка.

Устная форма бытования требует, чтобы в произведении фольклора всё было выражено средствами, способствующими легкости запоминания текста сказителями и передачи его слушателям. Именно поэтому одной из важнейших особенностей языка фольклора является формульность, предполагающая использование большого количества устойчивых оборотов, клише, общих мест (*loci communes*). Представляя собой своеобразные скрепы сказочного текста, устойчивые формулы позволяют передавать его от поколения к поколению, и являются таким образом одним из важнейших средств, обеспечивающих существование фольклорной традиции. С точки зрения перевода большое значение имеет то, что устойчивые формулы входят в число наиболее репрезентативных единиц, характеризующих фольклорные жанры, а это значит, что они должны быть максимально полно и верно воссозданы в переводном тексте.

Нельзя упускать из виду и то, что устойчивые формулы принадлежат не только тому тексту, с которым переводчик работает в данный момент, но и всему корпусу текстов данного жанра, а ряд *loci communes* функционирует и в других фольклорных жанрах. Становясь таким образом узнаваемыми, они позволяют слушателю / читателю идентифицировать текст как фольклорный, а также распознать соответствующий жанр. Кроме того, данное обстоятельство включает механизм интертекстуальных связей уже в переводных текстах и во многом определяет действия переводчика. Так, подбирая соответствия, которые могут стать адекватной заменой оригинальных устойчивых формул в тексте перевода, он должен учитывать

то, каким образом была переведена та или иная формула ранее в других сказках переводимого сборника, в других сборниках сказок, и, желательно, в текстах других фольклорных жанров. Решения переводчика в рамках одного текста и одного сборника, включающего фольклорные произведения того или иного жанра, достаточно жестко регламентированы: ему следует выдерживать единообразие способов перевода устойчивых выражений. Если же речь идет о разных сборниках или о текстах, стоящих особняком, ответ на вопрос о том, стоит ли придерживаться уже сложившейся традиции передачи устойчивых формул, не столь однозначен.

Еще одна черта фольклорного текста – вариативность, являющаяся, по мнению Б. Н. Путилова, одним из «самых очевидных, ярко выраженных, постоянных качеств фольклора, с исключительной обязательностью обнаруживаемых на самых разных его уровнях» [4, с. 190], и позволяющая вносить в текст разного рода изменения, варьирующие его в духе верности традиции. Именно вариативность, позволяет переводить одну и ту же формулу по-разному и отказаться от использования соответствий пусть и ставших традиционными, однако не являющимися адекватными в данном случае.

А. Б. Лорд высказывает мысль, важную для понимания того, как соотносятся устойчивость и вариативность в переводном тексте и каковы границы варьирования в нем. Говоря о роли сказителя в сохранении и передаче фольклорного текста, А. Б. Лорд выделяет два способа появления устойчивых фольклорных формул: сказитель либо помнит уже существующую формулу, либо образует ее по аналогии с другими, причем, как отмечает исследователь, эти два способа не всегда можно разграничить [1, с. 56]. Такое свойство фольклорной традиции позволяет переводчику варьировать соответствия, руководствуясь тем не менее высказанными выше аргументами.

С позиций перевода целесообразно различать два вида вариативности: вариативность внутри национального варианта жанра и варьирование национальных версий одного итого же жанра фольклора.

Вариативность первого вида проявляется на всех уровнях текста, однако наиболее явно она заметна на характерологическом и хронотопном уровнях. Так, например, главным героем волшебной сказки может быть царский / кузнецкий / крестьянский / мужицкий / вдовый / кухаркин сын; (реже) царская / купеческая / старикова / старухина дочь; падчерица. При том, что неизменным и универсальным признаком сказки остается четкое деление сказочного пространства на свое / чужое, реальное / вымышленное,

внутри каждого из этих топосов наблюдается вариативность. Свое пространство обычно представлено царством /государством / королевством (редко), а чужое – медным / серебряным / золотым / огненным / тридесатым / подземным царством; чужедальной стороной / чужой землей. Как время, так и пространство измеряются обычно особыми, фольклорными, мерами: «три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугуных изломаешь, три просвиры каменных изложешь (прежде чем найдешь меня)», «за тридевять земель», «(проспал) три зари утренних да три зари вечерних», хотя могут использоваться и обычные меры («верста», «сковали палицу в шесть часов»).

Как фольклористы, так и сами сказители признают все варианты исполнения одного и того же текста одинаково «правильными», равноправными [7]. Отсюда следует важное для переводчика положение: фольклорный текст предоставляет переводчику значительную свободу в поиске и выборе соответствий. Народная сказка дает переводчику достаточно широкие возможности использования компенсации – «замены непереводяемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника и там, где это представляется удобным по условиям» языка перевода [5, с. 58], либо воссоздания функции той или иной единицы другими средствами или в другом фрагменте текста. Так, например, при переводе сказки функции опущенной в переводе реалии или диалектизма могут быть сохранены через использование в переводе характерных для фольклора параллельных конструкций, повторов или других средств поэтического синтаксиса.

Вариативность второго вида – варьирование национальных версий одного и того же жанра фольклора – также требует учета при переводе. Данный вид вариативности, так же, как и вариативность первого вида, обнаруживается на всех уровнях текста. Варьирование национальных реализаций жанра волшебной сказки особенно отчетливо видно на композиционном уровне. И для русской, и для английской сказки характерно наличие четко обозначенного устойчивыми формулами начала и финала текста, композиционных повторов, ретардации и градации. В сказках обоих народов развитая система различного рода повторов и параллелизмов способствует поддержанию устойчивости устной традиции. В то же время их использование в разных национальных вариантах жанра не вполне совпадает. Так, например, русская волшебная сказка обычно использует троичный повтор, сопровождающийся градацией, а в английской сказке повторов может быть от двух до пяти и даже более, а градация в повторах встречается сравнительно редко.

Отметим еще два расхождения национальных версий. Для сказки как фольклорного жанра характерна ритмичность и использование рифмы, особенно в традиционных формулах: «С того времени жил он со своею женою по-царски, ездил в коляске, пиры задавал; на тех пирах и я бывал, мед-вино пивал; сколько ни пил – только усы обмочил». Рифмованными могут быть и русские, и английские сказочные формулы, однако в английской традиции это их общефольклорное свойство проявляется чаще и отчетливее [3]. В английских сказках чаще, чем в русских встречаются фрагменты, представляющие собой песенки или стишки: «*My wicked mother slew me, My dear father ate me, My little brother whom I love sits below, and I sing above Stick, stock, stone dead.*» [8]. Различаются также типы инициальных, финальных и медиальных устойчивых формул, доминирующих в каждом национальном варианте жанра: если в русской сказке преобладают пространственные инициальные формулы («*В некотором царстве, в некотором государстве*»), то в английской – временные («*More than a hundred years since*»); в английских формулах могут присутствовать географические названия («*Down in the West, somewhere by the borders of the Tavy*»). В целом «традиционная “обрядность” сказки (украшение ее поэтическими формулами-присказками» [6]) более характерна для русской сказки, чем для английской.

Сказанное выше позволяет выдвинуть следующие предположения. Во-первых, с точки зрения перевода оказывается продуктивным разделение характерных жанровых признаков волшебной сказки на универсальные и национальные. Это поможет переводчику отчетливо представлять и осознанно использовать те ресурсы каждой из участвующих в переводе сказочных традиций, которые являются взаимозаменяемыми (универсальные единицы), и отграничивать от них единицы, которые не могут быть признаны адекватными соответствиями при переводе (в первую очередь это единицы, обладающие национальным колоритом). Выявление универсальных, общих для обеих национальных традиций единиц, позволяет увидеть источник потенциальных переводческих соответствий, к которым можно обратиться в процессе перевода.

Во-вторых, поскольку жанрово-стилистические особенности волшебной сказки как жанра жесткого легко прогнозируются и определяются, переводчику достаточно легко представить себе, каким *может* быть переводной текст. А вот понять, каким он *должен* быть, возможно только с учетом особенностей принимающей традиции и специфики обоих национальных вариантов жанра.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Волшебные сказки присутствуют в фольклоре многих народов, а национальные варианты жанра обнаруживают значительное типологическое сходство. Фольклорная сказка относится к жанрам, в отношении которых читательское ожидание сформировано достаточно четко, а жанр отвечает ему в полной мере. В то же время, обладая устойчивыми общими чертами, волшебные сказки разных народов все же различаются по ряду параметров. Выстраивая стратегию работы над текстом, переводчик всегда учитывает жанровые и стилевые особенности не только того текста, который переводит, но и соответствующего (близкого по жанровым свойствам, выполняющего аналогичную функцию) текста принимающей традиции.

Весьма жесткий жанровый канон сказки дает тем не менее возможность широкого выбора стратегий и способов перевода. Это обусловлено таким свойством фольклора, как вариативность. Именно поэтому переводчику важно знать те универсальные, общие для русской и английской волшебной сказки ресурсы, которые он может использовать в своей работе.

Вариативность фольклора позволяет использовать при переводе вместо такой единицы традиции оригинала, которую трудно или невозможно передать адекватно, другую единицу, близкую первой по семантике, функциям или ассоциативности и одновременно более известную или более легко поддающуюся переводу.

Очевидно, что вариативность дает переводчику фольклора значительную свободу выбора и возможность творчества, однако она и ограничивает его: варьировать можно в рамках традиции народной и в условиях уже сложившейся переводческой традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лорд А. Б. Сказитель / Лорд А. Б. – М. : Восточная литература РАН, 1994. – 269 с.
2. Народные русские сказки. Из сборника А. Н. Афанасьева / Тексты для настоящего издания отобраны В. П. Аникиным ; [вступит статья и словарь малоупотребительных и областных слов В. П. Аникина]. – М. : Худож. лит., 1982. – 319 с.
3. Петрова А. А. Фольклорная рифма как прием : синтактика, семантика, прагматика / Петрова А. А. – Франкфурт : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 264 с.
4. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. – С.Пб. : Наука, 1994. – 239 с.

5. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – М : Междунар. отношения, 1974. – 215 с.
6. Соколов Ю. Сказка [Электронный ресурс] / Соколов Ю. // Словарь литературных терминов. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-8024.htm>.
7. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор [Электронный ресурс] / К. В. Чистов. – Л. : Наука, 1986. – 304 с. – Режим доступа : <http://bookcheba.com/russkiy-folklor/variativnost-poetika-folklorного-33723.html>.
8. Jacobs J. The Rose-Tree [Electronic Resource] / J. Jacobs // English fairy tales. – Pennsylvania : The Pennsylvania State University, 2005. – 169 p. —Mode of access :URL : <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/eft/eft04.htm>.

АННОТАЦИЯ

Скореходко С. А. Устойчивость и вариативность фольклорной волшебной сказки с точки зрения перевода

В статье рассмотрены такие важнейшие свойства фольклорного текста, как устойчивость и вариативность. На основе анализа русской и английской волшебной сказки установлено, какие возможности дают переводчику названные свойства фольклорного текста и в чем они его ограничивают. Доказано, что весьма жесткий жанровый канон сказки дает возможность широкого выбора стратегий и способов перевода.

Ключевые слова: перевод, фольклорная волшебная сказка, русская волшебная сказка, английская волшебная сказка, устойчивость, вариативность.

SUMMARY

Skorokhodko S. A. Constancy and variation of a folk tale from the point of view of translation

In the article such key peculiarities of a folk text as constancy and variation are examined. Through the analysis of Russian and British folk tales constancy and variation are treated as factors influencing a translator's decisions. It is proved that being a strict genre a folk tale does not preclude the possibility of a different choice and suggests a variety of translation strategies.

Key words: translation, folk tale, Russian folk tale, English folk tale, constancy, variation.

*В.В. Фефелова,
В.А. Карнова
(Горловка)*

УДК 37.035.6

ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА СЛОВ-РЕАЛИЙ НА СЕМАНТИКУ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Целью статьи является анализ роли семантики слов-реалий (непереводимых этнокультурных лексических единиц) в формировании лингвокультурного аспекта публицистического текста.

Тексты для переводов чрезвычайно разнообразны по жанрам, стилям и функциям. Поэтому переводчику важно знать, какой вид текста ему следует переводить. Типы текстов определяют подход и требования к переводу, влияют на выбор приемов перевода и определение степени эквивалентности перевода оригиналу. Цели и задачи переводчика оказываются различными в зависимости оттого, что он переводит, поэму или роман, научную статью или газетную информацию, документ или техническую инструкцию. И закономерности перевода каждого из жанров имеют свои отличия.

Функция общения основная в сфере повседневного общения людей. Текстам, информирующим о чем-либо носителей языка, свойственна преимущественно функция сообщения. Воздействие также чрезвычайно важно для художественных и публицистических текстов, которые не только обращены к разуму, но и к чувствам человека. Они рассчитаны на то, чтобы определенным образом воздействовать на реципиента, на того, кто их воспринимает.

Принимая во внимание стили языка и речи, целесообразно выделить шесть основных функционально-стилевых типов текстов: разговорные, официально-деловые, общественно-информативные, художественные, научные, религиозные сочинения [1, с. 9].

В настоящее время существуют различные источники для изучения слов-реалий иностранного языка. Так, в русском языке – это, в первую очередь, фольклор: сказки, пословицы, поговорки. Авторы исследований по выявлению слов-реалий часто используют научные, дипломатические, юридические или другие профессионально ориентированные тексты, которые позволяют прийти к более точному пониманию особенностей языка. При этом, универсальным остается публицистический материал, или общественно-информативные тексты. Именно

публицистические тексты посвящены разнообразной тематике: истории, традициям, быту, религиозным устоям, политическим проблемам и т. д., словом, всему тому, что может представлять интерес для выявления реалий языка.

Сегодня средства массовой информации оказывают значительное влияние на жизнь общества, они зачастую формируют сознание и представления людей, являются отражением особенностей национальных языков и культуры, при этом многое зависит от оперативности и адекватности передачи информации, что делает проблему перевода текстов публицистического стиля особенно актуальной. Причем в свете переводческих задач под понятием «публицистический текст» – в самом широком толковании этого слова – следует понимать не только газетно-журнальные тексты (то есть произведения представителей так называемой «пишущей прессы»), но и разнообразные звуковые материалы: радио- и телерепортажи, интервью, различные программы, ток-шоу, фильмы, а также то, что иногда называют «электронной прессой». В последние годы в связи с развитием интернет-журналистики интенсивное развитие получила интернет-публицистика, характеризующаяся интерактивностью, то есть возможностью оперативно вступать в диалог с заинтересованным читателем при помощи форумов или гостевой книги, которыми оснащены многие электронные периодические издания.

Существующие в публицистике жанры принято делить на три группы: информационные; аналитические; художественно-публицистические. В качестве основания деления при этом выступает степень выражения индивидуального авторского стиля, отношение автора к описываемому явлению. Так, если в произведениях информационного жанра автор лишь сообщает о некотором событии, процессе, явлении и т.п., то в аналитических он дополняет такое сообщение анализом, осмыслением, оценкой того, о чем идет речь. Третья разновидность жанров, художественно-публицистический, носит смешанный характер, в нем сочетаются элементы художественного и публицистического стиля, причем авторская позиция выражается максимально.

Анализируя публицистические тексты, можно выявить также собственные языковые и стилевые особенности этих текстов [3, с. 156]:

- высокая степень стандартизации используемых средств: большой процент устойчивых и клишированных выражений, различные журналистские штампы, лексикализованные метафоры, стандартные термины и названия и т.п. (эта

особенность, в первую очередь, характерна для новостных материалов и отражает стремление их авторов создать впечатление абсолютной объективности и беспристрастности);

- экспрессивность языка как способ привлечения внимания читателя, выражения отношения к передаваемой информации, расстановки оценочных акцентов и т.п. (среди экспрессивных, т.е. обладающих особыми коннотациями выражений, можно также встретить речевые клише и штампы); наличие оценочных эпитетов; прямых обращений к читателю (эти особенности чаще всего характеризуют авторские, подписные материалы);

- насыщенность самыми разнообразными реалиями (общественной, политической и культурной жизни), аллюзиями (к литературе, истории, кино и т.п.) и цитатами (реалии характерны как для «анонимных», в том числе новостных материалов, так и для авторских, аллюзии и особенно цитаты – прежде всего для авторской журналистики);

- использование разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики (последняя более характерна для письменных текстов СМИ и используется с целью выражения определенного отношения, например, иронического, автора материала, создания определенного образа и стилистического, например, юмористического эффекта, а в так называемой «бульварной прессе» – еще и для эпатажа аудитории и/или привлечения определенной категории читателей);

- широкое использование образной фразеологии и идиоматической лексики (как литературной, так и разговорной и просторечной), в том числе «деформированных» идиом, игры слов, каламбуров, пословиц и поговорок. Идиоматическая лексика в «деформированном» виде характеризует как подписную, так и «анонимную» журналистику;

- широкое использование иных стилистических средств, приемов и фигур речи, таких как гиперболы, литоты, образные сравнения, метафоры, в том числе развернутые и «застывшие», лексикализованные, метонимия, паронимическая аттракция (особенно в рекламных текстах), иносказания, эвфемизмы и др. (чаще характеризует авторские материалы, комментарии, статьи и заметки на различные темы и т.п.);

- особая черта письменных текстов СМИ (и особая переводческая проблема) – это газетные и журнальные заголовки, построенные на игре слов, на каламбурах, цитатах, аллюзиях и деформированных идиомах. Очевидно, что такие заголовки нельзя переводить буквально. В качестве переводческого «ответа» на каламбур в исходном тексте в идеале необходимо

видеть значимый каламбур и в тексте перевода. Иногда этого удается достичь. В случае, если подобного решения проблемы найти не удастся (что бывает довольно часто), лучше изменить заглавие полностью и сделать его нейтральным, но доступным по смыслу и связанным с тематикой текста.

В зависимости от широты ареала, от распространенности употребительности, «свои» реалии могут быть национальными, локальными или микрореалиями, а «чужие» – интернациональными и региональными [2, с. 57].

Национальные реалии называют объекты, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны: таково подавляющее большинство реалий. Наличия в тексте национальной реалии порой бывает достаточно, чтобы породить ассоциации, связанные с данным народом и данной страной. Яркими национальными реалиями можно считать: лапти, блины, пирожки, мужик.

Национальная реалия является исходным пунктом для местного деления: прежде чем стать интернациональной или региональной, она должна была иметь национальный характер; локальные реалии и микрореалии в той или иной степени также обладают национальной окраской.

Локальные реалии (их можно было бы назвать еще «местными» и «областными») принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, наречию его, либо языку менее значительной социальной группы [там же].

С другой стороны, будучи диалектизмами, они обозначают и специфические для данной области объекты или отношение к ним, обладая поэтому признаками типичных реалий. Примерами таких реалий являются такие слова, как: галушки, ручник.

Таким образом, публицистический стиль является универсальным для изучения особенностей языка, выявления фоновых реалий, и проблема адекватности перевода публицистических текстов и сохранения колорита является актуальной, для переводчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С. Виноградов. – М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе: моногр. / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Высш. шк., 1986. – 384 с.
3. Гак В.Г. Теория и практика перевода: французский язык / В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев. – М.: Интердиалект, 1997. – 455 с.

АНОТАЦІЯ

Фефелова В. В., Карнова В. О. Вплив лінгвокультурного аспекту слів-реалій на семантику публіцистичного тексту

В статті розглядається роль лінгвокультурного аспекту у семантичному оформленні публіцистичного тексту. Метою статті є виявлення лінгвокультурологічних чинників перекладацького аналізу фонових слів-реалій в змістовому контексті публіцистичних текстів як основи адекватного письмового/усного перекладу, що є результатом правильного вибору метода та стратегії перекладу. Важливою властивістю професійної компетенції перекладача є положення про взаємний зв'язок вміння здійснювати перекладацький аналіз тексту та дискурсивної соціокультурної компетенції перекладача.

Ключові слова: лінгвокультурний аспект, слова-реалії, публіцистичний текст, стратегія перекладу, соціокультурна компетенція перекладача.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В., Карнова В. А. Влияние лингвокультурного аспекта слов-реалий на семантику публицистического текста

В статье рассматривается роль лингвокультурного аспекта в семантическом оформлении публицистического текста. Целью статьи является выявление лингвокультурологических факторов переводческого анализа фоновых слов-реалий в смысловом контексте публицистических текстов как основы адекватного письменного / устного перевода, являющегося результатом верного выбора метода и стратегии перевода. Важным качеством профессиональной компетенции переводчика является положение о взаимосвязи умения осуществлять переводческий анализ текста и дискурсивной социокультурной компетенции переводчика.

Ключевые слова: лингвокультурный аспект, слова-реалии, публицистический текст, стратегия перевода, социокультурная компетенция.

SUMMARY

Fefelova V. V., Karnova V. A. The influence of the linguistic-cultural aspect of words-realities on the semantics of a publicistic text

The article discusses the role of linguistic-cultural aspect in a semantic configuration of a publicistic text. The aim of the article is to identify the linguistic-culturological factors of the translation analysis of background words-realities in the semantic context of publicistic texts as the basis for an adequate translation / interpretation, which is the result of the correct choice of methods and strategies of translation.

An important property of the translator's professional competence is the integration between skills to carry out the translation analysis of the text and discursive social competence of the interpreter.

Key words: linguistic-cultural aspect, words-realities, publicistic texts, strategy of translation, social-cultural competence.

*С.В.Чевичалова
(Луганськ)*

УДК 378.147:81'33:004

**СУТНІСТЬ І ЗМІСТ ІНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГІЙ
У КОНТЕКСТІ ПРОФЕСІЙНОГО СТАНОВЛЕННЯ
МАЙБУТНІХ УЧИТЕЛІВ-ФІЛОЛОГІВ**

Технологізація усіх сфер діяльності суспільства, необхідність підвищення якості професійно-педагогічної освіти зумовлюють посилену увагу до розробки та впровадження сучасних освітніх технологій у вишах, зокрема у процесі професійної підготовки майбутніх учителів-філологів. Особливостям інтернет-технологій, їхнім впливам на професійні вміння майбутніх учителів-філологів присвячено дослідження Д. В. Агальцової [1], О. В. Зайцевої [2], О. В. Птущенко [4], О. Є. Фаєвцової [6].

Ціль статті – проаналізувати сутнісні характеристики та зміст інтернет-технологій як основи формування професійних умінь майбутніх учителів-філологів.

Інтернет-технології – це автоматизоване середовище здобуття, опрацювання, збереження, передачі й використання знань у вигляді інформації та їхнього впливу на об'єкт, реалізовані в мережі Інтернет, яка містить машинний і людський (соціальний) елементи [6, с. 25]. Інакше кажучи, інтернет-технології – це використання мережі Інтернет у навчанні мови.

Основою інтернет-технологій є інтернет-ресурси. Слідом за О. Є. Фаєвцовою [6, с. 33], під поняттям інтернет-ресурсів будемо розуміти сайти, тематично зумовлені та спрямовані на конкретного користувача. Відповідно до мети дослідження, спираючись на класифікацію, запропоновану П. В. Сисоєвим [5], виділяємо дидактичні властивості інтернет-ресурсів, які впливають на формування основних професійних умінь майбутніх філологів та інтенсифікацію освітнього процесу:

1. Багатомовність та полікультурність. Вивчення, порівняння й зіставлення матеріалів про різноманітні культурні групи, а також варіанти мови, яку вивчають, дозволяє реалізувати принцип діалогу культур, а також створювати у студентів уявлення про мовну й культурну багатоманітність країни, мову якої вивчають,

та про культурне розмаїття як норму співіснування культур у сучасному полікультурному світі.

2. Багаторівневість. П. В. Сисоєв зауважує [5], що різний рівень мовної складності, а також різна глибина висвітлення обговорюваних культурних і соціально значимих питань у різних джерелах дозволяє використовувати інтернет-ресурси на всіх етапах навчання. При цьому важливо, щоб, відбираючи навчальний матеріал, викладач спирався на критерії, спеціально розроблені з урахуванням властивостей і функцій інтернет-середовища. До таких критеріїв відбору інтернет-ресурсів належать мовна та культурно-історична складність матеріалу, джерело інформації, надійність, актуальність, культуровідповідність та об'єктивність інформації.

3. Багатоманітність функціональних типів інтернет-ресурсів: текстові, графічні, аудіовізуальні матеріали, різноманітні за стилем, електронні бібліотеки, музеї та галереї, Інтернет-ЗМІ та ін. П. В. Сисоєв наголошує [5], що використання в навчальному процесі інтернет-ресурсів різних функціональних типів дозволяє сформувати вміння студентів працювати з різними типами інтернет-джерел з метою вилучення необхідної інформації та значно збагатити їхню мовну й культурну практику.

4. Мультимедійність ресурсів, представлення об'єктів і процесів не традиційним текстовим описом, а за допомогою фото, відео, графіки, анімації, звуку, тобто в усіх відомих формах; здатність до моделювання, передусім це моделювання реальних об'єктів і процесів з метою їх дослідження [3]. Мультимедійність створює психологічні умови, які допомагають сприйняти й запам'ятати матеріал. Під час використання нових інформаційних технологій в освіті наявна так звана психофізіологічна орієнтованість навчання, яка передбачає підвищення ефективності навчання за рахунок створення оптимальних функціональних станів, які підвищують здатність мозку до засвоєння інформації. Воно спирається на використання відомих нейрофізіологічних механізмів, які лежать в основі опрацювання мозком інформації, забезпечуючи тим самим більш повну реалізацію потенційних можливостей мозку до навчання. Мультимедіа забезпечують одночасну роботу кількох каналів подачі інформації та створюють умови, коли різноманітні середовища доповнюють одне одного. Перед тими, хто навчається, відкриваються широкі можливості щодо творчого використання багатьох інформаційних джерел, кожне з яких має власну мову. Одні з цих мов просторово-орієнтовані (текст, графіка), інші орієнтовані на час (звук, анімація, відео) [3]. Дослідники наголошують на ефективності їх використання для розвитку видів мовленнєвої діяльності та

формування соціокультурної й міжкультурної компетенції [5].

5. Гіпертекстова структура документів, яка активізує здобуті раніше знання, сприяє розвитку логічного мислення, дозволяє посилити творчий складник навчальної праці [3], створює умови для швидкої навігації по ресурсах мережі Інтернет та для збагачення мовної й соціокультурної практики тих, хто навчається [5].

6. Можливість створення особистої зони користувача. Кожен користувач мережі Інтернет на різних соціальних сервісах Веб 2.0 (блог, вікі, підкасти) та в соціальних мережах (vkontakte.ru, facebook.com, etc.) може створювати власну зону й розміщувати інформацію з теми, яка його цікавить, будь-якого формату (текст, фото, відео, аудіо) для загального доступу та збереження. За необхідності в розміщеному контенті користувача можна робити доповнення та зміни, його можна видалити та ін. [5].

7. Можливість організувати синхронне (чат, технологія Skype) та асинхронне (електронна пошта, веб-форум, блог) спілкування між користувачами мережі Інтернет. Дослідники підкреслюють його вплив на розвиток комунікативних умінь студентів, оскільки за допомогою цих технологій вони можуть спілкуватися з носіями мови, яку вивчають.

8. Можливість автоматизації процесів інформаційно-методичного забезпечення й організації управління навчальною діяльністю студентів та її контролю. Навчальні ресурси мережі Інтернет (з проблемними пошуково-дослідницькими завданнями) разом з пошуково-довідковими ресурсами можуть бути інформаційно-методичним забезпеченням навчального процесу. Крім того, мережне програмне забезпечення (ПЗ) (ПЗ управління процесом Moodle, ПЗ зі створення мережних мовних тестів Hot Potatoes <http://hotpot.uvic.ca>) може бути використано для організації управління навчальною діяльністю й автоматизованого контролю сформованості мовних навичок і розвитку мовленнєвих умінь [5].

Отже, здійснений аналіз дидактичних функцій і властивостей інтернет-технологій свідчить про те, що ці технології сприяють створенню інформаційного освітнього середовища, у якому учні можуть формувати професійні вміння. Як показують наведені приклади, сучасні інтернет-технології „здатні збагатити мовну й соціокультурну практику студентів, що не завжди можливо зробити, використовуючи традиційні засоби навчання” [5].

ЛІТЕРАТУРА

1. Агальцова Д. В. Типизация авторских приложений по иностранному языку, реализующих методическое назначение

- электронных образовательных ресурсов / Д. В. Агальцова // Информатика и образование. – 2007. – № 4. – С. 122 – 124.
2. Зайцева Е. В. Принципы доступности и коммуникативной направленности обучения студентов в условиях применения инфокоммуникационных технологий : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Зайцева Елена Владимировна. – Ставрополь, 2004. – 169 с.
 3. Протоколова В. В. Медиapedагогика : лекц. курс (тезисы). 2009 [Электронный ресурс] / В. В. Протоколова. – Режим доступа : <http://www.media-pedagogics.ru/lectures.html>
 4. Птущенко Е. Б. Формирование профессиональной информационно-технологической компетентности студентов-филологов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Птущенко Елена Борисовна. – Майкоп, 2007. – 217 с.
 5. Сысоев П. В. Языковое поликультурное образование в XXI веке [Электронный ресурс] / П. В. Сысоев. – Режим доступа : www.lib.tsu.ru/mminfo/000349304/06/image/06 – 096.pdf
 6. Фаевцова О. Е. Дидактические аспекты использования интернет-ресурсов при изучении иностранного языка : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08; 13.00.02 / Фаевцова Ольга Евгеньевна. – Курск, 2006. – 159 с.

АННОТАЦИЯ

Чевычалова С. В. Сущность и содержание интернет-технологий в контексте профессионального становления будущих учителей-филологов

В статье раскрыты сущность и содержание интернет-технологий в контексте профессионального становления будущих учителей-филологов. Их использование обеспечивает ускорение процесса обучения, способствует его интенсификации, стимулирует творческую активность. Данные технологии направлены на формирование профессиональных умений у будущих учителей-филологов, актуализацию полученных знаний и умений, использование приёмов, методов и средств овладения предметами филологического цикла.

Ключевые слова: интернет-технологии, содержание, учителя-филологи, профессиональные умения.

SUMMARY

Chevychalova S. V. The essence and content of Internet-technologies in the context of professional development of teachers to be in the field of philology

In the article essence and content of Internet-technologies are exposed in the context of the professional development of teachers to

be in the field of philology. Internet-technologies accelerate teaching process. They are instrumental in its intensification. They stimulate creative activity of teachers to be. These technologies are directed to forming professional skills of future teachers-philologists, to updating the acquired knowledge and skills, to the use of ways, methods and means of mastering disciplines of the philological cycle.

Key words: Internet-technologies, content, teachers in the field of philology, professional skills.

*О.В. Шкурин
(Луганск)*

УДК 811. 161. 2'282. 2

ХРИСТИАНСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ «СИЛЬНЫЕ ДУХОМ»: ЭТИМОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТАЛОНИЗАЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В XX в. в мировом научном пространстве складывается новое, неклассическое направление в языкознании – теолингвистическое. В настоящее время все больше ученых, особенно представителей гуманитарных наук, интересуются вопросами, связанными с религией. Этот процесс наблюдается и в области лингвистики – украинской (Е. В. Михайлова, Н. В. Черкас, П. В. Мацькив, И. М. Выгнанская и др.), российской (В. И. Алексеев, В. И. Постовалова, В. А. Степаненко и др.), европейской (Ж. П. ванн Ноппен, Ф. В. Диллистоун, Х. Э. Мэйндл, В. А. де Патер, М. Тиль и др.).

В 1981 г. на Западе появляется коллективная монография «Theolinguistics» под редакцией Жана Пьера ван Ноппена на английском, французском и бельгийском языках. В 2008 г. в Германии выходит первый том серии «Theolinguistik», которая открывается монографией Михаэля Тили «Ö ffentliche Rede im kirchlichen Raum» (Публичная речь в церкви). Именно эти труды сподвигли многих ученых мира задуматься над новыми научными исследованиями в области религиозного языкознания. Отечественные ученые иллюстрируют общетеоретический характер и фиксацию результатов филологических поисков в различных славянских и неславянских языках, репрезентируют культурологические особенности англоязычных версий Библии, стилистические особенности изображения библейских мотивов в художественных произведениях, особенности концептосферы «Бог» в языковой картине мира, семантику и прагматику фразеологических библейских единиц в

современном французском публицистическом дискурсе и др. По словам ученых, «несмотря на то, что религия в повседневной жизни, без сомнения, переместилась на задний план, в культуре наблюдается ее мощное возрождение» [2, с. 18]. Благодаря этому складывается прочная основа для новой научной парадигмы, в которой религиозные идеи имеют первостепенное значение.

Поэтому в современном отечественном гуманитарном познании формируется новое направление прикладной лингвистики, где соединяются религиозная антропология, лингвистика и богословие – теолингвистика, направленная на изучение взаимосвязи языка и религии. Такая интеграция возвращает исследователей к своим религиозным началам. А.К. Гадамский считает, что теолингвистика (греч. *theos* «Бог» и лат. *lingua* «язык») – это «наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке; раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина» [2, с. 24]. Кроме термина «теолингвистика» в зарубежном и отечественном языкознании употребляются стилистические синонимы «лингвистическое религиоведение», «метафорическая теология», «православная лингвистика», «религиолингвистика», «сакролингвистика», «теопоэтика», «теологическое языкознание» и др., которые, на наш взгляд, не могут таковыми являться [2, с. 16-24].

Благодаря наблюдаемому в лингвистике «ренессансу религий» в нашем исследовании мы попытаемся определить такую задачу: выделить христианский фразеологизм «сильные духом», проанализировать его происхождение и проиллюстрировать современную интерпретацию в СМИ.

Обращение к христианской картине мира обусловлено тем, что христианство, являясь традиционной формой мировоззрения восточных славян, приобретает сегодня в мировом пространстве новое духовное начало. Религиозный фактор в жизни наших народов настолько важен, что без учета знаний его особенностей сложно представить картину развития и становления культуры. Религиозная картина мира восточных славян формирует философское и нравственное сознание этноса, его мировоззрение, определяет национальную точку зрения на мир.

Актуальность темы исследования связана и с пониманием, и с признанием культурной доминанты языка, которая раскрывает традиционализм мышления через рефлексивность религиозных картин мира русского православия. Она определяется перспективностью изучения: православных фразеологизмов

(устойчивых словосочетаний) изучаемых восточнославянских языков в аспекте межкультурной коммуникации.

Фразеологизм «сильный духом» интерпретируется по-разному: в зависимости от духовно-нравственных ценностей каждый вкладывает в него свое значение. В результате наблюдается крайняя смысловая пестрота. Это легко увидеть на примерах. В художественной литературе 19-го века это выражение применялось к людям бодрым, далеким от уныния.

Ф. Ницше всех людей распределил на три типа: «сильных духом», «сильных мускулами и темпераментом» и «не выдающихся ни тем, ни другим – посредственных». Первые составляют «элиту». Говоря о них, он проявляет болезненную озлобленность против христианства за его сочувствие и сострадание к слабым:

– Что хорошо?

– Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

– Что дурно?

– Всё, что происходит из слабости.

– Что есть счастье?

– Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия. Не удовлетворённость, но стремление к власти, не мир вообще, но война, не добродетель, но полнота способностей... Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должны ещё помочь в этом.

– Что вреднее всякого порока?

– Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым» [5, с. 4].

Любят это выражение и современные оккультисты. Они уверяют, что «сильные духом» перемагничивают более слабые ауры.

Фразеологизм «сильные духом» не встречается ни в Священном Писании, ни у святых отцов. Библейский язык образный, поэтический, но при этом очень точный. Понятия и выражения самым определенным образом характеризуют духовные реалии. Господь говорит сынам Израилевым: «Будьте тверды и мужественны, не бойтесь, и не страшитесь их, ибо Господь Бог твой Сам пойдет с тобою [и] не отступит от тебя и не оставит тебя» [1, с. 6]. Бог повелевает приемнику Моисея Иисусу Навину: «Будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь» [1, с. 9]. Мужество означает внутреннюю крепость (в противоположность безволию, растерянности) и умение действовать уверенно в

трудных обстоятельствах. У библейских праведников, а позже у христиан мужество всегда имело и имеет в своей основе глубокую и сильную веру: «Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедеоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» [1, с. 32-34]. Понятием мужество пользовались святые отцы-аскеты: «Посему, возлюбленные, совлекшись всякого предубеждения, нерадения и обленения, как чада Божии, постараемся соделаться мужественными и готовыми идти во след Его...» [4, с. 3].

В новозаветных текстах к понятию мужество близкими по смыслу являются «смелость» («И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостью говорить слово Твое», [1, с. 29], «отвага» [1, с. 11; 1, с. 17], «дерзновение»: «Господь, явившись ему, сказал: дерзай, Павел; ибо, как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» [1, с. 11]. Малодушие есть отсутствие мужества и решительности. Понятие это встречается в библейских текстах: «И стал малодушествовать народ на пути» [1, с. 21]; «Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем» [1, с. 514]. Малодушен тот, кто теряет твердость духа и унывает во время гонений, скорбей, болезней, испытаний. В библейском понимании малодушие, прежде всего, есть проявление неверия или маловерия. «Трусливой и робкой делает душу отсутствие просвещения» [3, с. 74]. Словом просвещение святитель Иоанн называет озаряющую силу Божественной истины. Совершенные в вере христиане не боялись ни жестокости гонителей, ни коварства и злобы демонов. «Шел однажды авва Макарий из скита в Теренуф, и на пути зашел в капище отдохнуть. В капище находились древние языческие мумии. Старец взял одну из них и положил себе под голову, как подушку. Демоны, видя такую смелость его, позавидовали и, желая устрашить его, кликали будто женщину, называя ее по имени: «Такая-то, иди с нами в баню!» А другой демон из-под Макария, как будто мертвец, отвечал им: «На мне лежит странник, я не могу идти». Но старец не устрашился, а смело ударил труп и сказал: «Встань, если можешь, ступай во тьму!» Демоны громко закричали: «Победил ты нас!» И со стыдом убежали» [6, с.145].

Таким образом, фразеологизм «сильные духом» репрезентирует такую семантику: верность Богу, выражающаяся в твердости веры, преодолении всяческих физических и духовных трудностей.

В каком контексте выше названный фразеологизм используется современным социумом?

СМИ иллюстрируют следующую интерпретацию данной фразеологической единицы: весьма популярный американский финансово-экономический журнал *Forbes Women* (основан в 1917 году Б. Ч. Форбсом), одно из наиболее авторитетных и известных экономических печатных изданий в мире, имеет собственные представительства на территории христианских государств: Грузии, Польши, Украины, России и др. Общая аудитория *Forbes Women* и его составляет около 5 млн. человек, наиболее продаваем в России, Украине. В рубрике «Сильные духом» авторы издания определяют такие правила. Их тринадцать и прокомментированы они американским психотерапевтом Эми Морин. Для статусности «сильных духом» необходимо быть успешными в карьере, обладать упорством, твердым характером и разумным оптимизмом, напр.: 1) не тратить время на жалость к себе; 2) не пользоваться властью; 3) не бояться перемен; 4) не тратить энергию на то, что не в состоянии контролировать; 5) не беспокоиться о том, чтобы всем понравиться; 6) не бояться разумного риска; 7) не жалеть о прошлом и т.д. Таким образом, идет полное искажение семантики фразеологизма «сильные духом». И если этимология устойчивого сочетания определяет большую веру в Богочеловека и перенесение всяческих страданий ради любви, то современные средства массовой информации манифестируют привязанность к земным благам, желание к доминированию в социуме. Хотя правила демонстрируют мелиоративное коннотативное значение, но имеющее обратный направленный вектор духовного состояния.

Одно из украинских интернет-изданий инициирует название «Сильные духом» таким образом: *У весняний теплий день, громадські активісти Благодійної організації „Люди сильні духом” звернулись до „зомбі” з метою спільного порятунку життя. Громадські активісти, перевтілюючись у містичну істоту „зомбі”, зверталися до громади по допомогу, закликаючи простих людей рятувати життя разом. Люди, бачивши „зомбі” на вулицях міста, приєднувалися та висловлювали свою підтримку.* Необходимо прояснить, как образ «зомби» перекликается с христианским понятием «сильные духом».

Зомби – 1) в африканской мифологии – мертвец, выполняющий волю того, кто вызвал его дух; 2) тот, кто неосознанно и беспрекословно выполняет волю другого (других); действующий по чужой и, как правило, злой воле *перен.* [8, с. 1] Понятно, что этот мифический персонаж используется в качестве рекламы. Но в духовном понимании это несовместимые

понятия. Соответственно, это способствует антиформированию правильного христианского миропонимания.

В советское время идеологи устремили семантику фразеологизма немного в другом направлении – уничтожение инстинкта самосохранения и риск собственной жизнью ради идеи или, как в популярном художественном фильме Дмитрия Медведева «Сильные духом», снятого по одноименному роману Виктора Георгиева, – проникновение в тыл фашистского врага главного героя Николая Кузнецова для выполнения воинского и патриотического долга в годы Великой Отечественной войны. Это поистине аргументированное идеологическое значение инициируется и сейчас в сознании поколения «советских детей».

Стойкое словосочетание употребляется в современных СМИ и в первоначальном понимании, напр.: социальные сети комментируют события в Донбассе: *Люди молятся на руинах храмов. Удивительно сильные духом люди! Новороссия будет жить или Донбасс не сдастся – он сильный духом!*

Нами был проведен психолингвистический эксперимент среди студентов Луганского университета имени Тараса Шевченко специальности «Украинская и русская филология». В ходе исследования принимало участие семьдесят юношей и девушек возрастом от 16 до 22 лет. Им было предложено назвать первые три ассоциации с фразеологизмом «сильные духом». Результаты эксперимента такие: 1) физически и духовно здоровые люди, которые достигают такого состояния благодаря работе над собой – 23 чел.; 2) упорные люди при достижении большой прибыли и карьерного роста – 21 чел.; 3) люди, жертвующие собой ради других – 14 чел.; 4) любящие и не требующие взамен ничего – 6 чел.; 5) физически не здоровые люди, которые смогли себя реализовать – 6 чел. Из респондентов никто не смог назвать первоначальное значение фразеологизма. Это можно объяснить следующими факторами: отсутствие полного представления о содержании Библии и др. христианской литературы; идеологическое влияние государственных стандартов нравственности; полный контроль сознанием подрастающего поколения средствами массовой информации и др. Радует тот факт, что все-таки некоторые студенты ассоциируют фразеологизм «сильные духом» с понятием жертвенности. Что ближе к первоначальному значению этого стойкого словосочетания.

Подводя итог сказанному, можно привести пример первого российского бизнес-телевидения «Сильные духом»; XI Паралимпийских зимних игр в г. Сочи под названием «Сильные духом»; жизнедеятельности современного слепого художника Джона Брамблитта, который пишет картины, чувствуя на краски

ощупь и др. Но повысить интерес подрастающего поколения к этимологии широко используемых фразеологизмов или паремий (*Все свое ношу с собой; Много званых, да мало избранных; Вносить свою лепту* и др.) является долгом современных педагогов-филологов и ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 1372 с.
2. Гадомский А. К. Критерии определения религиозного стиля / А. К. Гадомский // Восточнославянская филология: сборник научных работ. – Горловка : ГПНИИЯ, 2007. – Вып. 11. – Ч. 1. – Языкознание. – С. 16-24.
3. Иоанн Златоуст. О мужестве и храбрости / Иоанн Златоуст. – Полн. собр. творений. – М. : Радонеж, 2004. – Т. 12. – Кн. 2. – 774 с.
4. <http://pravbeseda.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: library / index. book
5. <http://www.nietzsche.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /works/main-works/antihrist/
6. <http://lyudysylniduhom.org/> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Люди Сильні Духом – Міжнародний Благодійний Фонд.
7. <http://forbes.ua> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news
8. <https://www.google.com.ua> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /wikipedia.org/wiki/Зомби. Толкование.
9. <http://www.pravoslavie.ru> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / Духовные беседы Макария Великого. Беседа 4.

АННОТАЦИЯ

Шкурин О. В. Христианский фразеологизм «сильные духом»: этимология и современная эталонизация в средствах массовой информации

В статье позиционируются христианские фразеологизмы, этимология которых не учитывается при введении данных языковых единиц в контексты средств массовой информации. Поэтому преднамеренно искажается первоначальное значение стойких словосочетаний с целью формирования человека-потребителя, заикленного на материальном обогащении и карьерном росте. Психолингвистический эксперимент подтвердил семантическое искажение христианских фразеологизмов. Респонденты представили иные ассоциации, не соответствующие этимологии. Поэтому современным педагогам-филологам и ученым следует популяризировать разъяснительную работу.

Ключевые слова: православная лингвистика, фразеологизм, этимология, мелиоративное окрашивание, средства массовой информации, психолингвистический эксперимент.

SUMMARY

Shkuran O. V. Christian idiom “strong in spirit”: etymology and modern standardization in the media

The article positions Christian idioms, the etymology of which is not included in the introduction of these linguistic units in the context of the media. Therefore it deliberately distorts the original meaning of set phrases to form a human user fixated on material enrichment and career growth. Psycholinguistic experiment confirmed semantic distortion of Christian phraseology. Respondents present other associations that do not belong to the etymology of such units. Therefore, the modern teacher-philologist and scientist should promote the regular explanatory work.

Key words: orthodox linguistics, idiom, etymology, reclamation staining, media, psycholinguistic experiment.

*Л.О. Штакіна
(Горлівка)*

УДК 801'612:811.111

ПРОСОДИЧНА АКТУАЛІЗАЦІЯ СУПЕРСИНТАКСИЧНИХ МОДЕЛЕЙ ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСУ

Сучасний етап розвитку лінгвістичної науки довів суттєвий вплив засобів супрасегментного рівня мови на коректне просодичне оформлення зв'язного мовлення, яке забезпечує цілісність його сприйняття. При цьому особлива увага приділяється вивченню просодичних технік маркування жанрових характеристик дискурсу та його компонентів [2, с. 77-78], що дозволяє з'ясувати системи семантичних, прагматичних і стилістичних дескрипторів. Тому питання просодичної зв'язності озвученого дискурсу є складовою частиною цієї проблеми.

Складність цієї проблеми полягає в тому, що її вирішення потребує застосування системного підходу, на ґрунті якого лише й можливе виявлення складних взаємозв'язків між логічним та емоційним початками свідомості мовця, що забезпечують реалізацію зв'язності озвученого дискурсу [1, с. 273].

В межах цієї публікації викладено результати наших спостережень щодо перцептивних й акустичних характеристик нарративних блоків авторської складової озвученої версії англомовного художнього твору Дж. Р.Р. Толкіна “The

Hobbit”. Виокремлені найтипівіші кумулятивні моделі, які віддзеркалюють суперсинтаксичну репрезентацію творчого задуму, було проаналізовано на рівні часової та тональної підсистем просодії.

У ході першого етапу аудитивного аналізу передбачалось встановлення специфіки делімітації вербального контексту й виокремлення фонофраз та фоносинтагм з урахуванням тривалості фізичної паузи, що сигналізує фонаційну перерву. На наступному етапі аудитивного аналізу була виокремлена специфіка тональної реалізації нарративних блоків. Перцептивні особливості кумулятивних моделей було зіставлено з акустичними параметрами за допомогою комп'ютерної програми *Wavesurfer 1.8.3*.

Звернення до інформаційно-сислової структури художнього дискурсу з урахуванням семантико-часового квантування вербального контексту сприяє виявленню його жанрової специфіки й створює передумови задля вивчення механізму делімітації озвученого літературного твору.

Дослідження часової організації дискурсу спонукає до виокремлення пріоритетних ознак паузації як складової темпоральної підсистеми просодії, що, на нашу думку, корелює із семантичним розгортанням інформаційно-сислового поля й відтілює риторично-адекватну репрезентацію фактового змісту.

Наші спостереження наводять на думку, що побудова дискурсу певної жанрової специфіки, відбувається у напрямку від семантичних структур до структур просодичного комплексу, що дає змогу констатувати домінуючу роль семантики, яка прогнозує часову та тональну партитуру смислового квантування.

На нашу думку, паузацію дискурсу слід розглядати як трьохрівневу ієрархію, що синхронізує інтрафразний, міжфразний прошарки фонаційної перерви, а також паузи, які маркують делімітацію надфразних єдностей [3], виокремлюючи динаміку просодичної партитури вербального контексту озвученої моделі художнього дискурсу. За результатами наших спостережень виявлено найтипівіші моделі смислового зв'язку нарративних блоків, а саме *репрезентативно-кон'юнктивну* (R-C) та *репрезентативно-субститутивну* (R-S) як варіантних реалізацій інваріанта «кореляція» та «кон'юнкція».

Результати наших спостережень свідчать, що зазначені нарративні моделі авторської складової художнього дискурсу “The Hobbit” Дж. Р. Р. Толкіна вирізняються специфікою смислового квантування, що символізує «часову сітку» рецептивних моделей виокремлених суперсинтаксичних блоків. Специфіка паузації смислового розгортання полягає у тривалості та дистрибуції інтрафразних та міжфразних пауз, що сигналізують фонаційну

перерву залежно від семантичного потенціалу кумулятивної моделі з певним рівнем оцінності й експресії.

Фрагмент 1 (R-C)

They walked in single file & the entrance to the path b was like a sort of arch b feeding into a gloomy tunnel & there were queer noises b grunts b scuffings b and hurrying in the undergrowth: & the blattiest things they saw b were the gobblets & bowls & thick & scabrous & stretched from tree to tree & before long they grew to hate the forest b as heavily b as they had hated the tumblers of the goblins & but they had to go on & and on & the nights were the worst & it became pitch-dark & Bilbo tried flapping his hand in front of his nose & but he could not see it at all & all & perhaps it is not true to say that they could not b nothing & if they could see eyes & they slept all closely huddled together b and took it in turns to watch & and when it was Bilbo's turn he could see pieces b in the darkness green & blue & sometimes pairs of bellows b or feet b or green eyes would stare at him b from a little distance & and then blink & fade & and disappear [4, с. 74].

Статистичні підрахунки свідчать, що варіантні реалізації двох типів зв'язку топікальних кроків (речень) в межах суперсинтаксичних моделей як утворень кумулятивного типу, мають специфічний алгоритм смислового зв'язку, який адекватно віддзеркалює інформаційно-сміслову навантаження наративного блоку як топікального циклу. Так, слід зазначити, що модель R-C (Фрагмент 1) має ускладнений часовий алгоритм, який маркується 2-компонентними та 3-компонентними паузними угрупованнями – кількісні показники дистрибуції пауз – надкороткої (**b**) – 34%, короткої (**u**) – 28,7% та довгої (**d**) – 37,1% й вказує на відносну збалансованість тривалості фонаційної перерви. Семантико-часова збалансованість, у нашому розумінні, сигналізує тісний зв'язок перебігу подій й відтворює темпові характеристики репрезентації модально-фактуального різновиду вищезазначеної суперсинтаксичної моделі актуалізації авторського задуму, що має бути підсилено адекватною тональною реалізацією в умовах інтеграції підсистем просодії.

Щодо репрезентативно-субститутивної кореляції топікальних кроків синтаксичного блоку R-S (Фрагмент 2), то вона вирізняється двофокусним рельєфом «часової сітки», утворюючи певний семантико-часовий фрейм репрезентації авторського задуму, про що свідчать статистичні показники, а саме: фонаційна перерва у вигляді надкороткої паузи (**b**) дорівнює 37,5%, короткої (**u**) – 25%,

довгої (**d**) – 37,5%.

Фрагмент 2 (R-S)

Bilbo found that hair b had already been laid at the side of the path & for him b there was a little mattress of straw b and wooden blankets & he struggled into them very gladly & and fell asleep & yet in the night & he woke & there was a growling sound outside & as of some great animal snuffing at the door & Bilbo wondered & but it was b and whether it could be bent in enchanted shape & and if he would come in as a bear b and kill them & he dived under the blankets and hid his head & and fell asleep again [4, с. 81].

Двофокусний характер часової динаміки виокремлює семантично вагомі топікальні кроки, що є значущими щодо оцінки подій з огляду на ставлення до них героя художнього твору, а саме *‘Bilbo found that..., Bilbo wondered.’*

Розглядаючи паузальну специфіку делімітації модально-сміслового різновиду репрезентативно-субститутивної моделі R-S (Фрагмент 3), слід зазначити, що вона вирізняється певною часовою домінантою зі статистичною перевагою короткої (**u**) паузи – 61,5%, порівняно з 7% стосовно надкороткої (**b**) та довгої (**d**) – 30,8%. Згідно з цими статистичними показниками надкоротка пауза не є релевантною для цього топікального циклу.

Фрагмент 3 (R-S)

Then as he had said & the dwarves good feeling & towards the little hobbit & grew hungrier every day & there were no more hovers or grumbles & they dried his health & and they putted him on the back b and they made a great fire of him & which was just as good & for he was not feeling particularly smart & he had not forgotten the look of the Mountain & nor the height of the dragon. [4, с. 88].

Наші спостереження наводять на думку, що побудова дискурсу певної жанрової специфіки відбувається в умовах інтеграції семантики і просодії, що висвітлює контекстуально адекватні структури просодичного комплексу, дає змогу констатувати домінуючу роль семантики, яка прогнозує жанровий варіант часової партитури квантування інформаційно-сміслового поля, з другого – варіативність, обумовлену, зокрема, динамікою репрезентації авторського задуму у художньому дискурсі. При цьому варто вказати на те, що фізична пауза є своєрідним регулятором риторично ефективної репрезентації творчого задуму озвученої версії художнього дискурсу. У нашому

розумінні, репрезентант планує фонаційну перерву, коли вона узгоджена з комплексом супрасегментних засобів, як базовий часовий компонент смислового квантування вербального контексту нарративних блоків з притаманним їм типом смислового зв'язку. Статистичні показники щодо паузації зазначених моделей авторського дискурсу сигналізують специфіку часової динаміки в межах зазначених моделей, що на просодичному рівні є фонаційно-паузальними циклами інтерпретації.

Звернення до вербального контексту озвученого художнього дискурсу при паралельному аналізі просодичної актуалізації суперсинтаксичної репрезентації авторського задуму в нарративних моделях, що є певними топікальними циклами вербалізації творчого задуму, істотно розширює поле діяльності для дослідження ролі просодії як важливого трансляторного засобу мовної комунікації.

Аналіз виокремлених блоків на рівні тональної підсистеми просодії свідчить про адекватну актуалізацію смислового навантаження нарративних блоків надсегментними засобами. Щодо параметричної специфіки базової складової супрасегментного (просодичного) рівня, то мелодичний контур фоносинтагм як смислових квантів вирізняється особливостями тонального перелому та його регістровими модифікаціями на вагомих ділянках (ядерній та передядерній) відповідно до логіко-смислового аранжування топікального циклу. Вищезазначені нарративні блоки віддзеркалюють різний ступінь експресивності у звуковому фреймі інтерпретації. Так, емфатичний характер ядерного акценту та конфігурація передядерної ділянки (шкали) найбільш притаманні блоку R-C (Фрагмент 1). Слід зазначити, що фонофрази (речення), які мають інтегративний характер мелодичного контуру, віддзеркалюють домінування відносин просодичної препозиційної та постпозиційної субординації, яким притаманна альтернація простих та складних тонів в ядерній ділянці, а також специфічна конфігурація передядерної ділянки. Топікальний крок *'Bilbo tried flapping his hand in front of his nose u but he could not see it at all'* є зразком препозиційної субординації. Коментивна фінальна фоносинтагма вирізняється високою передшколою, рівневим контрастом висхідної шкали та емфатичним ядерним акцентом – спадним тоном з ініціальним підйомом екстрависокого рівня. Зразком постпозиційної субординації смислових квантів блоку R-C (Фрагмент 1) може слугувати наступний приклад: *'They slept all closely huddled together b and too kitinturnsto watch'*.

Ініціальна фоносинтагма цього інтегративного мелодичного контуру є фокусом інформації і саме тому вирізняється рівневим

контрастом у перед ядерній ділянці, а також емфатичним спадним тоном з ініціальним підйомом у ядерному складі. При цьому характерно, що конфігурація передядерної та ядерної ділянок фоносинтагм цього репрезентативно-кон'юнктивного блоку підсилюється ускладненим часовим алгоритмом, що надає інтерпретації авторського задуму адекватної експресії.

Регресивна експлікація авторської думки, яка просодично маркується інтегративним контуром постпозиційної субординації, також притаманна моделі R-S (Фрагмент 2). Фонофраза *'He snuggled into them very gladly u and fell asleep'* є прикладом постпозиційної субординації, що висвітлює ініціальну фоносинтагму в позиції інформаційного фокусу. Спадний емфатичний тон з ініціальним підйомом високого рівня маркує ядерну ділянку. Водночас спадний тон у передядерній ділянці створює регістровий контраст, позаяк фінальна фоносинтагма, реалізована в низькому регістрі, є додатковим смисловим квантом.

Поряд із простою тональною конфігурацією ядерної ділянки спостерігаються ускладнені тональні контури, які маркують інформативно значущі фоносинтагми. Наведений приклад блоку R-S (Фрагмент 3) віддзеркалює специфіку тонального аранжування вербального контексту, в якому поряд із інтегративними є прості мелодичні контури, що маркують окремий предикативний крок топікального циклу репрезентативно-субститутивної моделі кореляції. При цьому варто вказати на частотність інтегративного тонального контуру препозиційної та постпозиційної субординації, прикладом якої є топікальний крок *'He had not forgotten the look of the Mountain u nor the thought of the dragon'*.

Ускладнений тональний контур – спадний неповного падіння + спадно-висхідний тони адекватно, на нашу думку, маркують «розширену ядерну ділянку» коментивної фоносинтагми, яка вирізняється експресивною тональною реалізацією й відтілює емоційно нейтральний фінальний смисловий квант. Таким чином, тональна актуалізація нарративних блоків як специфічних зразків вербального контексту є вагомою складовою рецептивних моделей звукового фрейму інтерпретації авторського задуму. Вище зазначалось, що семантико-часовий алгоритм репрезентації у вигляді «часової сітки» відтворює динаміку просторово-часового континууму, яка має бути підсилена тональними маркерами згідно зі смисловим навантаженням на рівні фоносинтагм, фонофраз та нарративних моделей, які мають риси фонаційно – паузального циклу з притаманними їм ознаками топікальної єдності й семантико-синтаксичної когезії. Доречно зазначити, що аналіз озвученої версії художнього твору

допомагає спостерігати взаємодію, зокрема, синтаксичного та фонетичного (надсегментного) рівнів мовної системи. Розглядаючи синтаксичні конструкції та мелодичні контури, необхідно зазначити, що «гіпотаксис» як конструкт синтаксичної субординації превалює у зазначених моделях авторської складової, що статистично дорівнює 65% порівняно з простими та координативними конструкціями. Аналогічна тенденція спостерігається на просодичному рівні. Так званий «просодичний гіпотаксис», створений на тлі синтаксичної структури, підсилює динаміку розгортання авторського задуму, виокремлюючи смислові нюанси. Отримані статистичні показники щодо просодичної субординації дорівнюють 68% – постпозиційні та 42% – препозиційні конструкти відповідно.

Узагальнюючи наші спостереження щодо тональної реалізації досліджуваних нарративних блоків, доречно зосередити увагу на особливостях рекурентності передядерних та ядерних тональних конфігурацій фоновинтагм. Стосовно особливостей тонального перелому на ділянці ядерного акценту, спостерігається як найчастотніший спадний рух тону у варіантних реалізаціях, а саме: спадний тон неповного падіння високого та низького регістрів, спадний тон з ініціальним підйомом високого регістру, а також його емоційна варіантна реалізація, що у відсотковому відношенні дорівнює – спадний неповного падіння (низький) – 25%, спадний неповного падіння (високий) – 52%, зокрема, його емоційна реалізація – 23% відповідно загальної кількості (2352) проаналізованих фоновинтагм виокремлених нарративних моделей. Слід також зазначити, що у відсотковому відношенні кількістю емоційних тональних контурів ядерної ділянки вирізняється блок R-C (1) як найбільш експресивний з трьох виокремлених моделей – 54%, R-S (2) – 26%, R-S(3) – 20% загальної кількості емоційних реалізацій. Щодо специфіки тональних маркерів на передядерній ділянці, то варто виділити високу спадну та високу рівну шкалу, які маркують експресивність вербального контексту. Гетерогенний рух тону передядерної ділянки також спостерігається у найбільш експресивній моделі – R-C (1), що дорівнює: 53% (спадна), 20% (висока рівна), 27% (гетерогенна) відповідно. Щодо блоку R-S (2), то спостерігається переважна кількість моделей високої рівної шкали (65%) та високої спадної (35%), які мають статистичну перевагу порівняно з гетерогенною шкалою, що не є релевантним маркером цього топікального циклу. Блок R-S (3) вирізняється більш спокійним перебігом подій, що маркується часовою домінантою та поступово спадною ступінчастою (45%), високою рівною (20%) та низькою рівною шкалою (35%). Таким чином, кожен з зазначених нарративних

топікальних циклів досліджуваного художнього дискурсу адекватно маркується на тональному й семантико-часовому рівні й віддзеркалює динаміку смислового розгортання озвученої версії як фрейму інтерпретації авторського задуму.

ЛІТЕРАТУРА

1. Калита А.А. Просодична організація озвученого тексту / Калита А.А. Наукові записки. – Серія: Філологічні науки (Мовознавство). – Вип. 89 (4). – Кіровоград, 2010. – С. 273-275.
2. Тараненко Л.І. Просодична зв'язність англійської прозової байки /Л.І. Тараненко. – К.: ТОВ «Агенство «Україна», 2008. – 204 с.
3. Shtakina L. Pausation and Discourse Processing / L.Shtakina // USSE 4th Symposium. Abstracts. – К.: 2007. – P. 101-102.
4. Tolkien J.R.R. The Hobbit / J.R.R. Tolkien // George Allen&Unwin. – UK, 1997. – 310 p.

АННОТАЦІЯ

Штакина Л. А. Просодическая актуализация суперсинтаксических моделей художественного дискурса

Статья посвящена исследованию нарративных моделей авторской составляющей озвученной версии англоязычного художественного дискурса. Выявлена специфика фонетической репрезентации установленных разновидностей суперсинтаксических моделей конъюнктивного и коррелятивного типов интеграции предложений как вербальных шагов топикализации. Рассмотрены особенности актуализации нарративных блоков на уровне временной и тональной подсистем просодии.

Ключевые слова: дискурс, конъюнктивный, коррелятивный, просодия, топикализация, паузация.

SUMMARY

Shtakina L. A. Prosodic actualization of literary discourse supersyntactic models

The article highlights some specifics of the phonetic representation of a literary discourse within the framework of the narrative models. It focuses on the pausation and intonation patterns that mark semantically charged steps of topicalization. Prosodic peculiarities of the conjunctive and correlative variation models have been considered in terms of their topical entity and semantic-syntactic cohesion. The data obtained are proven to reflect peculiarities of the sound version of the author's constituent in the discourse under consideration.

Key words: discourse, conjunctive, correlative, prosody, topicalization, pausation.

N.A. Yasinetskaya
(Gorlovka)

УДК 81.161.2.

THE LINGUAL AND STYLISTIC ESSENCE
OF BORROWED ANGLICISMS

There is a certain contradiction between the influx of structurally and stylistically diverse English neologisms (new words and meanings) of the 1990s and 2010s to the Ukrainian language and the lack of their due registration even in the latest lexicographical sources. Meanwhile, it is natural that translation has served as initial stage of borrowing new Anglicisms to the modern Ukrainian literary language, frequently through the Ukrainian informative and analytical media. It is also natural that new words and meanings usually appear and get borrowed for a specific purpose: to term new phenomena with attention to their associative similarities with already known ones, to name new phenomena in a figurative expressive way, to diversify synonymous expressive means, to renovate the expressive means, and to unify new terms at the international level [2; p. 4].

Linguists have devoted much attention to various aspects of neologisms. Translation of new lexical and phraseological items on their way to borrowing and adaptation are studied by S. P. Denisova, V. V. Ovsyannikov, V. D. Radchuk, and O. A. Yasinetskaya. The word-building adaptation of borrowings in Ukrainian are analysed by I. M. Kamynin, I. M. Kochan, D. V. Mazuryk, O. A. Styshov, and N. O. Popova. The lexical and semantic adaptation of foreign borrowings in Ukrainian are studied by L. M. Arkhipenko, S. P. Denisova, N.O. Popova, V.P. Simonok, and O.A. Styshov [5, p. 5]. In our turn, we have focused on stylistic peculiarities of borrowed Anglicisms, their paradigmatic relations, and stylistic devices inherent in the new borrowings.

The classifications and descriptions of the lingual-stylistic features expose the stylistic devices, cognitive peculiarities, and paradigmatic relations in the new borrowings from the English language. The paradigmatic relations observed in such neologisms are synonymic (mostly), antonymic, homonymic, polysemantic, and paronymic.

The lexical and semantic categories of innovations can be classified into four main types: (1) neologism proper (a new meaning is expressed by a new form: *netiquette* (*Net* + *etiquette*) – *нетикет* «the rules of conduct on the Internet»), (2) transnomination (an existing meaning is expressed by a new form: *brain gain* – *припливмізків* «an increasing number of proficient employees»), (3) semantic innovation (a new meaning is expressed by an existing form: *flame* – *флейм* «an emotionally charged or even rude electronic message»),

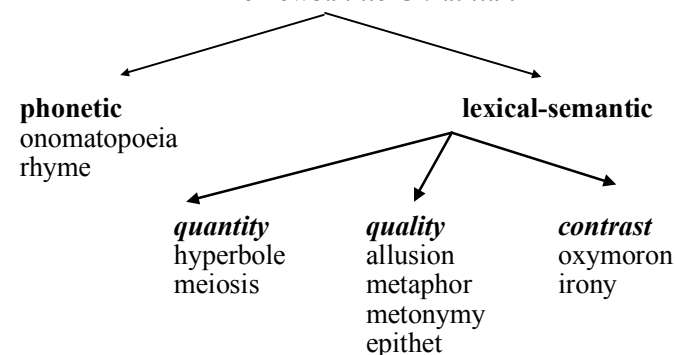
and (4) semantic reconsideration (an existing form expresses a meaning which used to be expressed by another existing form: *yestertech* (*yesterday* + *technology*) – *вчорашня техніка* (earlier – *стара техніка, застаріле обладнання*) [5, p. 16]. There can also be paronymic neologisms in which a new meaning is expressed by a new form on the basis of pun: *phishing* – *фішинг* «wheedling of personal data through electronic sources» (paronymy to *fishng* – *рибальство*).

Table 1. Paradigmatic Relations

synonymy	antonymy	homonymy	polysemy	paronymy
<i>cybermania</i> , <i>cyberaddiction</i> , <i>cybersickness</i> , <i>Internet-mania</i> – <i>кіберманія</i> , <i>кіберзалез- ність</i> , <i>інтернет- хвороба</i> , <i>інтернетоманія</i> «excessive dependence on the Internet»	<i>soft power</i> – <i>м'яка влада</i> , <i>hard power</i> – <i>тверда влада</i> «indirect vs direct influence»; <i>soft money</i> – <i>«м'які» гроші</i> , <i>hard currency</i> – <i>тверда</i> <i>валюта</i> «fluctuating vs stable currency»	<i>carfast</i> – <i>«їжа на колесах»</i> «a meal for eating in a car» ≠ <i>meals-on- wheels</i> «a meal delivered by a car»	<i>електронне сміття</i> – <i>e-waste</i> «worn out and thrown away electronic devices» ≠ <i>junk e-mail</i> «e-mail spam»	<i>phishing</i> – <i>фішинг</i> «wheedling of personal data through electronic sources» (paronymy to <i>fishng</i> – <i>рибальство</i>)

The borrowed lexical and phraseological items are often based on stylistic devices, such as onomatopoeia and alliteration, rhyme and assonance, hyperbole, meiosis, allusion, metaphor, metonymy, epithet, oxymoron, and irony.

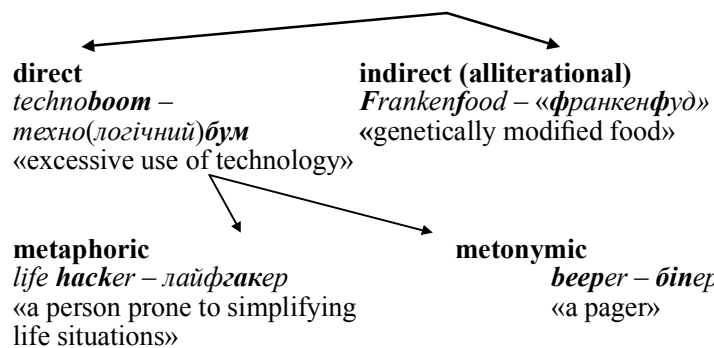
Table 2. Stylistic Devices in the English Neologisms
Borrowed into Ukrainian

The main topics of the phonostylistic neologisms (such as **onomatopoeia** and **rhyme**) have been as follows: an intensive development of electronic technology, intellectual work (especially in the context of the Internet), as well as the current age position of baby boomers—people born during the demographic post-World War II baby boom between the years 1946 and 1964.

The major components of the onomatopoeic Anglicisms and their Ukrainian counterparts are: *bang* – *вибух*, *beep* – *бін*, *boom* – *бум/вибух*, *burst* – *вибух*, and *hack* – *зак/хак*. They all indicate drastic changes or their effects, and their onomatopoeia is typically combined either with metaphor (*lifestacker* – *лайфзакер* «a person prone to simplifying life situations») or metonymy (*beeper* – *бінер* «a pager»). The importance of the subjects and the interlingual sound analogy facilitate the adaptation of onomatopoeic neologisms in the Ukrainian language. Rhyming, however, remains preserved in lexical borrowings very rarely (e.g., in *smart card* – *смарт-картка* «any pocket-sized card with embedded integrated circuits»), but not in *cyberscriber* – *кібер-письменник* «the one who writes on or about the Internet»).

Table 3. Types of Onomatopoeia

Quantitatively charged neologisms usually entail evaluation—they help express approval or disapproval, recognition or negligence, value or insignificance of the realities which they name and characterize. **Hyperbole** (1) and **meiosis** (2) are intertwined with both metaphor (slightly more frequently) and metonymy. The main topics of the quantitative neologisms (among which hyperbole is about seven times as frequent as meiosis) have been as follows: the distribution of power in a globalized society, the benefits or drawbacks of scientific and technological progress, the methods and indicators of achieving a certain level of economic prosperity, and extremity in everyday life.

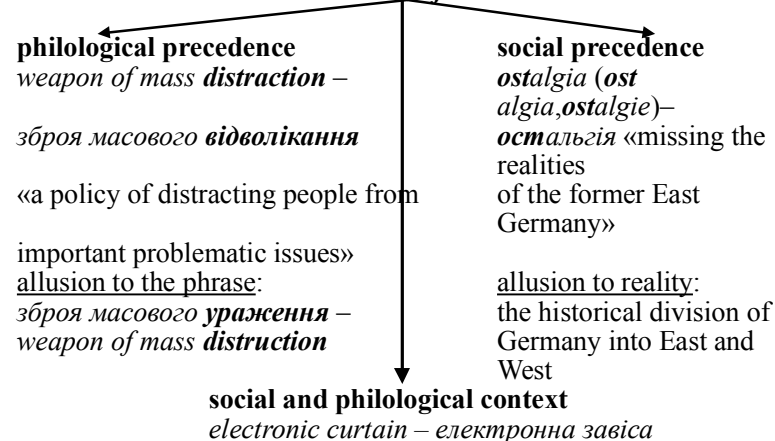
Table 4. Cognitive Basis of Hyperbole (1) and Meiosis (2)

size		scope	
(1)		(1)	
metaphor <i>skyscraper</i> <i>ad</i> – рекламний <i>шмарочос</i> «a long vertical advertisement on a building or a webpage»	Metonymy <i>universal release</i> – світовий реліз «a global-scale release of audio or video»	metaphor <i>information</i> <i>super-highway</i> – <i>інформаційна супер-</i> <i>магістраль</i> «electronic / Internet connection»	Metonymy <i>cyberaddiction</i> – <i>кіберзалежність</i> «excessive dependence on the Internet»
(2) <i>microblog (micro</i> <i>+ web+ log)</i> – <i>мікроблог</i> «a small site of chronological entries»	<i>nanoworld</i> – <i>наносвіт</i> «the use of tiny devices»	(2) <i>lipstick indicator</i> – <i>індекс губної помади</i> «a tendency / ability to buy small low-priced things»	<i>vestertech</i> – <i>вчорашня техніка</i> «outdated machinery and technology»

As a rhetoric strategy in creating new words and meanings, **allusion** reflects an interrelation between historical and modern phenomena that are known in a particular society or universally. In the process of cross-language borrowing, such neologisms promote some global mentality in which allusions become commonly understood.

Allusions can refer to both philological information and social notions. In either case, these neologisms that spread with the help of the mass media do not exist in the philological context only, for they are anyway related to the social (including historical) realities on the basis or in the context of which they are used.

Table 5. Context for Allusion

«the limits of spreading information in the electronic network»
(an allusion to the ideological and territorial demarcation *iron curtain* – *залізна завіса*).

In the system of lexical and semantic stylistic devices, **metaphor** stands out as a well-established mechanism of language economy by means of semantic derivation and the most productive creative pattern of expressive language development [3, p. 15]. New metaphors arise through the interaction between old and new meanings in lexical and idiomatic expressions that reflects social and cultural experience as well as its associative reconsideration. The cross-language borrowing of a metaphor depends on how this experience and the cognitive-semantic associations underlying the metaphor in the source language are understandable and motivated to the speakers of the target language [6, p. 36].

The main topics of the English metaphoric neologisms that become adapted in the Ukrainian language have been: geopolitical and economic demarcations, scientific effects on social realities, events and participants of the worldwide web, fraudulent electronic activities, economic programs, and lifestyle preferences. The major conceptual areas of such neologisms are: space, benefit, and damage.

According to the degree of expressiveness, metaphoric neologisms can be of three types: nominative (used as terminological names), cognitive (functioning as analogies), and imaginative (applied as figurative nicknames) [1, p. 54–55]. A clear correlation between this figure and its ground predetermines adequate understanding, translation, usage, and borrowing of certain metaphoric neologisms.

Table 6. Expressive Types of Metaphor

nominative	cognitive	imaginative
<i>spam</i> – <i>спам</i> «e-mail ad(s)», <i>cassette</i> – «кассета» <i>генів</i> «a group of genes»	<i>kangaroo care</i> – <i>метод кенгуру</i> «a method of infant nursing»	<i>desert storm</i> – <i>буря в пустелі</i> «a military operation in Iraq in 1991»

Metonymy is transference of the name of one object or phenomenon onto another upon the principle of contiguity between the two objects or phenomena. The cognitive models of the new English borrowings to Ukrainian can be classified into 11 types: (1) place – action mode: *cyberhospital* – *віртуальна лікарня*, *cyberclinic* – *віртуальна клініка* «a medical center that provides consultations online, via electronic devices»; (2) purpose – consequence: *fertility tourism* – *репродуктивний туризм* «an overseas trip to cure one's reproduction system»; (3) instrument – consequence: *animatronics* (**animation** + **electronics**) – *анімаатроніка* «production of robots that can imitate

people»; (4) place – consequence: *electronic cash* – *електронна готівка* «a digital equivalent of cash used for online payments»; (5) form – contents: *brain gain* – *приплив мізків* «an increasing number of proficient employees»; (6) whole – part / constituents: BRICs (**Brazil, Russia, India and China economics**) – (*група*) *БРІК*, *Брік*, *економіка Бразилії, Росії, Індії та Кумаяю*; (7) contents – consequence: *freegan, Freegan* (**free** + **vegan**) – *фріган* «a person who prefers to eat (not to waste) food that has been discarded by restaurants or stores»; (8) reason – consequence: *famine theft* – «голодна» *крадіжка* «a theft caused by poverty and hunger»; (9) name – social phenomenon: *-gate* – *-гейт* (*Монікагейт*, *Горпгейт* тощо) «a scandal, usually political, like the Watergate scandal in the U.S.A. in the 1970s»; (10) name – product: *Bushism* – *бушизм* «a language or policy error made by George H. W. Bush, the former U. S. President»; (11) reason – instrument: *AIDS line* – *телефон довіри з ВІЛ / СНІДу*, «гаряча лінія» з питань ВІЛ / СНІДу.

The major issues raised by metonymic items are where, for what purpose, by what means, and with what consequences modern communities function amidst political and economic ambitions, scientific and technological innovations, as well as the freedom to choose one's own lifestyle.

An **epithet**, which can be metaphoric or metonymic, is an attribute or an adverbial modifier that describes the object of attention in an evaluative or/and figurative way.

Table 7. Stylistic Types of Epithet

Metaphoric	metonymic
<i>golden rice</i> – <i>золотий рис</i>	<i>crony capitalism</i> – <i>клановий капіталізм</i>
«a genetically modified type of rice with a high content of vitamin A»	«an economy in which success in business depends on close relationships between business and government»

The conceptual properties of epithets in the neologisms can be classified into five main groups: (1) color (black, brown, gray, and dark denote unfortunate phenomena; red, blue, and purple – geopolitical distinction; gold – social and economic opportunities; green – environmental awareness; and white – both positive and negative facts), (2) space (both constraints and lack thereof), (3) tactility (temperature, hardness, and material), (4) consciousness (both intellectual and moral), and (5) supernatural (mythological and illusory).

Table 8. Conceptual Features of Epithet

colour	space	tactility	consciousness	supernatural
<i>brown</i>	<i>assymetric</i>	<i>soft money</i>	<i>patriot(ic)</i>	<i>vampire state</i>
<i>field – cipa</i>	<i>conflict –</i>	– «м'які»	<i>hacker</i>	– держава-
<i>зона «an</i>	<i>асимет-ричний</i>	<i>гроші</i>	– <i>закер-</i>	<i>вампір</i>
<i>abandoned</i>	<i>конфлікт «a</i>	«an unstable	<i>patriot</i>	«a corrupt
<i>industrial</i>	<i>conflict in which</i>	currency»	«a computer	autocratic
<i>site»</i>	<i>the counterparts</i>		<i>hacker</i>	country»
	<i>have unequal</i>		<i>working for</i>	
	<i>opportunities»</i>		<i>the benefit</i>	
			<i>of his / her</i>	
			<i>country»</i>	

The literal meaning of an expression is not necessarily equal to its communicative truth. Evaluation can both cause and affect the emergence of positive or negative connotations being frequently intertwined together. Used ironically, even euphemisms can sound pejorative while highlighting lexical and semantic contradictions. In the stylistic sense, new social and political oddities are frequently expressed by **oxymoronic** and **ironic** neologisms.

In journalistic neologisms, oxymoron and irony may function separately and in concordance, as well as in combination with metaphor, metonymy, hyperbole, or pun. Unlike oxymoron, which is equally often combined with metaphor and metonymy, irony is three times more frequently based on metonymy, for irony tends to be concealed in a seemingly positive realistic naming of the state of things under the mask of contiguity.

Table 9. Typical Stylistic Models of Oxymoron

oxymoron	oxymoron + metaphor	oxymoron + metonymy	oxymoron + metaphor + metonymy
<i>electronic paper</i>	<i>golden handcuffs</i>	<i>blood diamonds</i>	<i>soft power –</i>
– <i>електронний</i>	– <i>золоті</i>	– <i>криваві</i>	<i>м'яка влада</i>
<i>папір</i>	<i>кайдан(к)и</i>	<i>діаманти</i>	
«electronic	«benefits that	«diamonds mined	«ideological,
<i>replica of paper»</i>	<i>can be lost upon</i>	<i>during and for</i>	<i>rather than clearly</i>
	<i>retirement»</i>	<i>war»</i>	<i>reinforced,</i>
			<i>influence»</i>

Table 10. Typical Stylistic Models of Irony

metaphor	metonymy	oxymoron	pun
<i>pizza parliament</i>	<i>teledemocracy</i>	<i>glamping</i>	<i>phishing –</i>
<i>парламентський</i>	<i>теледемократія</i>	(<i>glamour</i> +	<i>фішинг</i>
<i>purig</i> «many	«a form of	<i>camping</i>) – «wheedling of	<i>персональні дані»</i>
<i>parties</i>	government	<i>глемпінг</i> personal data»	
and factions»	at a distance,	«camping	
	through	in luxury»	
	electronic		
	resources»		

The main reasons why objects of attention acquire oxymoronic and ironic names are: revelation of contradictions in political or economic programs, disclosure of environmental problems, juxtaposition of incompatible preferences and traditions, and exposure of inconsistencies between appearance or status and behavior. Not only names of phenomena but also phenomena themselves can be oxymoronic and ironic.

The borrowed neologisms exemplify their common metaphoric or metonymic background as well as frequent coalescences between the stylistic devices revealed in them. The examples of this symbiosis can be observed in the neologisms that refer to genetic threats as a result of modern scientific developments: *Frankenstein food* – «їжа Франкенштейна», *pharmageddon* (*pharmaceutical* + *armageddon*) and *farmageddon* (*farming* + *armageddon*) – *фармагедон*.

The first neologism shows the presence of a hyperbole (an exaggeration of food awfulness), an allusion (a reference to the creation of a monster as a result of a scientific experiment by a young scientist Henry Frankenstein from the classic 1931 sci-fi horror movie directed by James Whale), a metaphor (an association of the genetic modifications with the named monster), a metaphoric epithet (*Frankenstein*) and even an indirect onomatopoeia (a phonological expression of disgust and irritation), which can be heard in *Frankenstein food* (alliteration) and *їжа Франкенштейна*.

The neologisms *pharmageddon* and *farmageddon* – *фармагедон* also contain a hyperbole (an exaggerated fear of the end of the world under the influence of genetic modifications of food), an allusion (according to the Book of Revelation, Armageddon will be the site of gathering of armies for a decisive battle during the end times), a metaphor (an association of the GMO threats with the biblical end of the world), and a certain oxymoron (the neologism incompatibly unites pharmaceutical / farming advantage and its possible fatal damage).

The exposed typical stylistic devices are onomatopoeia, rhyme, hyperbole, meiosis, allusion, metaphor, metonymy, epithet, oxymoron, and irony. The observed paradigmatic relations are synonymic (mostly), antonymic, homonymic, polysemantic, and paronymic. The borrowed neologisms exemplify their common metaphoric or, less often, metonymic background, as well as frequent coalescences between the stylistic devices revealed in them, which facilitates the use of such language items by the media in view of their expressive potential.

Stylistic devices in neologisms are employed so that new terms could be more than pure names of objects and phenomena that occur as a result of cultural, scientific, social, political, and household changes. They are involved to assess contemporary realities while pointing out their similarities, interdependence, inconsistencies, and effects. This facilitates the use of such language items by the media in view of their expressive potential.

LITERATURE

1. Єфімов Л. П. Стилістика англійської мови і дискурсивний аналіз : Навч.-метод. посібник / Л. П. Єфімов, О. А. Ясинецька. – Вінниця : Нова книга, 2004. – 240 с.
2. Сімонок В. П. Лексико-семантична рецепція іншомовної лексики в українській мовній картині світу : дис. ... д-ра філол. наук : 10.02.01 / Сімонок Валентина Петрівна. – Х., 2001. – 478 с.
3. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Галина Николаевна Скляревская. – [2-е изд., стер.] – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 166 с.
4. Стишов О. А. Особливості адаптації нових іншомовних слів у сучасних мас-медіа / О. А. Стишов // Проблеми семантики, прагматики та когнітивної лінгвістики. – К. : Логос, 2005. – Вип 6. – С. 218–224.
5. Ясинецька Н. А. Структурно-семантичні особливості та функціонування новітніх англізмів в українській мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.01 / Ясинецька Наталія Анатоліївна. – Київ, 2013. – 253 с.
6. Ясинецька О. А. Переклад нових англомовних публіцистичних метафор українською мовою : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.16 / Ясинецька Олена Анатоліївна. – Запоріжжя, 2008. – 328 с.

АННОТАЦИЯ

Ясинецкая Н. А. Языковая и стилистическая сущность заимствованных англицизм

Статья представляет исследование новых заимствованных англицизм в плане их парадигматических отношений (синонимия, антонимия, омонимия, полисемия и паронимия), а также стилистические (фонетические и лексико-семантические) приёмы в составе заимствований, такие как: звукоподражание и аллитерация, рифма и ассонанс, гипербола, мейоз, аллюзия, метафора, метонимия, эпитет, оксюморон и ирония. Отдельное внимание уделяется сочетанию вышеуказанных стилистических приёмов в составе заимствований.

Ключевые слова: англицизм, неологизм, заимствование, языковые и внеязыковые факторы, парадигматические отношения, стилистический приём.

SUMMARY

Yasinetskaya N. A. The lingual and stylistic essence of borrowed Anglicisms

The article presents a study of new borrowed Anglicisms in terms of their paradigmatic relations (synonymy, antonymy, homonymy, polysemy, and paronymy) and stylistic (phonetic and lexical-semantic) devices inherent in the borrowings, such as onomatopoeia and alliteration, rhyme and assonance, hyperbole, meiosis, allusion, metaphor, metonymy, epithet, oxymoron, and irony. Special attention is paid to coalescences of the above mentioned stylistic devices in the borrowings.

Key words: Anglicism, neologism, borrowing, lingual and extra-lingual factors, paradigmatic relations, stylistic device.

*О.В. Арцебашева
(Горловка)*

УДК 81'366.58

ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В КОНЦЕПЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ А. В. БОНДАРКО

Задача изучения творческого наследия прошлого всегда актуально для науки. Исследования в лингвистической историографии имеют огромное значение для современного языкознания. Они позволяют проследить возникновение, становление и развитие определенной системы теоретических взглядов лингвистов, влияние их концепций на современную науку о языке.

Период 70-х – 90-х годов XX столетия отмечен большим интересом к теоретическим вопросам языкознания и появлением

целого ряда работ, посвященных грамматическим категориям различных частей речи. Особое внимание лингвистов привлекают работы представителя Петербургской школы функциональной грамматики А. В. Бондарко. Основные направления его исследований связаны с грамматической семантикой русского глагола (вид и время), общей теории морфологических категорий и грамматического значения.

В данной работе мы попытаемся раскрыть основные постулаты концепции ученого, связанные с глагольными категориями.

Формирование концепции ТФГ началось в 1970 – 1980-е гг. Уже через год после выхода в свет академической «Русской грамматики» (1980) А. В. Бондарко публикует статью «Основы построения функциональной грамматики». С 1981 по 1987 г. вырабатываются основные принципы концепции, определяются основные понятия – функционально-семантическое поле и категориальная ситуация. В 1987 г. появляется первый том шеститомного коллективного труда под общим названием «Теория функциональной грамматики». Первый том посвящен глагольной категории вида, которая представлена в трех функционально-семантических полях: аспектуальность, временная локализованность и таксис. Второй том вышел в 1990-м, а последний, шестой – в 1996 г. Итоги этого коллективного исследования были подведены в книге А. В. Бондарко «Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени» (2001). А с 2000 г. начинают выходить в свет тома под общим названием «Проблемы функциональной грамматики», в которых предлагается другой «вход» в языковую систему – не от грамматического значения к грамматической форме, а от определенной лингвистической проблемы, например от проблемы взаимосвязей системно-языкового и речевого аспектов морфологических и синтаксических категорий, к языковой системе.

ТФГ создает классификационную, системно-описательную модель категориальной грамматики. Эта модель, возникнув в рамках ленинградской типологической школы, представляет русскую грамматическую систему в ряду грамматик других языков. Сопоставительный аспект ТФГ обусловил категориально-морфологический характер ТФГ, которая обращена к тексту и говорящему как творцу текста. ФКГ – это системно-объяснительная грамматика, признающая приоритет синтаксиса над морфологией. ФКГ интерпретирует морфологические категории имен и глаголов и в рамках минимальной синтаксической единицы (синтаксемы, количественно равной словоформе, члену предложения), и в рамках коммуникативной единицы (предложения) – по отношению к синтаксическому

целому тексту.

А. В. Бондарко, подводя итоги работы научного коллектива ТФГ за два десятилетия, показал отличия ТФГ, во-первых, от предшествующей традиционной формально-описательной грамматики и, во-вторых, от функционально-коммуникативной грамматики, разрабатываемой под руководством Г. А. Золотовой. Отличие от традиционной грамматики А. В. Бондарко формулирует следующим образом: «Если традиционная грамматика отвечает прежде всего на вопрос “как устроена языковая система?”, то функциональная грамматика, разумеется, учитывая устройство этой системы и ее элементов, стремится ответить на вопрос “как она функционирует?”. Если традиционная грамматика анализирует и описывает языковые факты преимущественно или исключительно в направлении от формы к значению, то функциональная грамматика предполагает доминирующую роль анализа языкового материала в направлении от смысла к его выражению, от функций к средствам их реализации. Это связано со стремлением отразить в грамматическом описании позицию говорящего, важнейшую сторону его мыслительно-речевой деятельности – движение от смысла, который он хочет выразить, к реализации этого намерения в конкретном высказывании» [4, с. 5]. При этом традиционная (уровневая, описательная) грамматика и грамматика функциональная находятся в отношениях взаимного дополнения:

Для характеристики разных направлений в рамках современной функциональной грамматики А. В. Бондарко предложил принцип доминанты: ТФГ он характеризует как модель с системно-языковой доминантой, а КГ – как модель с коммуникативно-речевой доминантой [4, с. 8]. Это означает, что каждая теория отличается своим приоритетом: ТФГ – системно-описательным, ФКГ – системнообъяснительным. ТФГ представляет грамматическую систему русского языка от категориальных значений к способам их выражения. ФКГ представляет русскую грамматику как механизм порождения речи (устной и письменной) в системном взаимодействии значений, функций и форм.

Для ТФГ характерно то, что отправной точкой для исследовательской мысли становятся морфологические категории (например, категории глагола); что языковая единица понимается как двухмерная сущность в пределах уровневой системы языка; что теоретическая основа и терминологический аппарат концепции обеспечивают не только представление системы русского языка изнутри, но и сопоставительное изучение разных языковых систем.

Каждая грамматическая теория имеет в своей основе определенные научные понятия, которые оказываются основными инструментами представления языкового материала. В ТФГ это понятия функции, семантической категории, функционально-семантической поля и категориальной ситуации.

Работая в двухмерной системе, представители ТФГ рассматривают функцию как предназначенность языковой единицы выражать определенное (грамматическое) значение, например способность глагольных форм 2-го лица ед.ч. служить для выражения отношения к адресату речи или к обобщенному лицу. При таком подходе возникает необходимость показать отношения между понятиями значения и функции. Споря с В. Дресслером, А. В. Бондарко предлагает говорить о «семантической функции», которая не тождественна значению, поскольку всякое значение может рассматриваться как функция определенного средства или комплекса языковых средств, но не всякая функция есть значение (ср. структурные функции средств согласования, соединительных морфем и т.д.). Понятие функции в ТФГ отличается и от понятия функции в работах Пражской лингвистической школы. А. В. Бондарко так говорит об этих отличиях: «Представителями пражской школы была выдвинута концепция межуровневого соотношения средств и функций, включающая, в частности, следующие положения: уровни языка выступают по отношению к высшим уровням как область их строительных средств, а по отношению к низшим уровням – как область их функционального назначения. В отличие от концепции, относящей функции единиц данного уровня к «следующим» (более высоким) уровням, мы исходим из того, что функция имеет определенные формы существования не только на этих более высоких уровнях, но и на том уровне, который конституируется данной единицей» [4, с. 246].

В шеститомнике ТФГ русская грамматическая система представлена как совокупность функционально-семантических полей, из которых рассмотрены следующие ФСП: аспектуальность (вид и способы глагольного действия), временная локализованность (частные значения категории времени), таксис (одновременность/ разновременность), темпоральность, модальность, персональность, залоговость, субъектность, объектность, коммуникативная перспектива, определенность/ неопределенность, качественность, количественность, локативность, бытийность, посессивность, обусловленность, временной порядок. Семь первых ФСП представляют глагольные категории: вид – аспектуальность, вид и время – временная локализованность, видо-временное соотношение глагольных

форм – таксис; время – темпоральность, наклонение – модальность, лицо – персональность, залог – залоговость. Четыре следующих поля относятся к уровню предложения и интерпретируют функции именных словоформ в предложении. ФСП качественности формируется вокруг определенной части речи – прилагательного, ФСП количественности – вокруг категории числа. А поля локативности (место), бытийности, посессивности (владения, принадлежности) и обусловленности (причинности в широком смысле) представляют определенные типы синтаксических структур – предложения со значением бытия, местонахождения, владения, а также полипредикативные конструкции, выражающие обусловленность одной ситуации другой. ФСП временного порядка интерпретирует категорию времени как категорию текста.

Обратимся непосредственно к описанию семантических категорий, предлагаемому в ТФГ, в частности к ФСП темпоральности. ФСП темпоральности образуется вокруг глагольной категории времени. Соответственно категориальная семантика будет представлена в связи с грамматическим значением категории времени.

А. В. Бондарко выделяет различные типы темпоральных отношений. Наиболее высокое положение в иерархии признаков занимают те, которые определяются характером временного дейксиса: актуальность/ неактуальность на момент речи, абсолютная/ относительная временная ориентация, фиксированный/ нефиксированный характер темпорального отношения, выраженность/ невыраженность степени отдаленности действия от момента речи.

Далее в иерархии различительных признаков следуют: характер языковой интерпретации темпоральных отношений: эксплицитность/имплицитность их представления, категориальный/ некатегориальный тип выражения, прямой/ переносный тип представления времени действия.

К третьей группе различительных признаков относятся те, которые связаны с межкатегориальным взаимодействием (например: взаимодействие темпоральности с модальностью).

Ученый подробно описывает каждую группу различительных признаков. Также А. В. Бондарко дает понятие абсолютного и относительного времени с подробным описанием их отличий и примерами.

Разрабатываемая А. В. Бондарко теория функциональной грамматики в значительной степени связана с традициями Ленинградской грамматической школы 1930 – 50-х гг.; она опирается на описание языка «от смысла к форме» и концепцию

функционально-семантического поля, ядром которого являются грамматические средства, а периферией – лексические. Под редакцией А. В. Бондарко опубликована серия монографий «Теория функциональной грамматики» в 6 томах, оказавшая большое влияние на развитие грамматических исследований в России.

Петербургская школа функциональной грамматики – это научное направление, в котором, несмотря на возможные различия в трактовках частных проблем (научная школа соединяет по-разному мыслящих ученых), существует общность фундаментальных исходных позиций и целей исследования. Общность заключается: 1) в направленности анализа прежде всего на изучение самого содержания рассматриваемых категорий, 2) в таком соотношении этого содержания с формой языкового выражения, которое стремится выявить воздействие формы на представление актуализируемой семантики, 3) в стремлении изучить взаимодействие разноуровневых языковых средств, участвующих в реализации рассматриваемых семантических функций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление): пособие для студентов / А. В. Бондарко. – М.: Просвещение, 1971. – 239 с.
2. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики : Язык интерпретации. Идеи времени / А. В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.
3. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 2005. – 480 с.
4. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин, Е. Е. Корди, К. П. Сильницкий, В. С. Храковский, С. Н. Цейтлин, М. А. Шелякин. – Л.: Наука, 1990. – 264 с.
5. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. – Л., 1984. – 245 с.

АННОТАЦИЯ

Арцебашева О. В. Глагольные категории в концепции функциональной грамматики А. В. Бондарко

Статья посвящена анализу взглядов А. В. Бондарко на проблему грамматических категорий глагола с точки зрения функциональной грамматики. Дано лингвистическое трактование

исследуемой проблематики. Сделаны выводы про анализ категорий в лингвистикоисториографическом аспекте.

Ключевые слова: глагольные категории, функциональная грамматика, темпоральные отношения, функционально-семантическое поле.

SUMMARY

Artsebasheva O. V. Verbal categories in A. V. Bondarko's conception of functional grammar

The article is dedicated to A. V. Bondarko's understanding of the question of the verbal categories from the point of view of functional grammar. The linguistic interpretation of the problem under analysis is considered in this paper. High emphasis is placed on the results of the linguistic-historiographical analysis of these categories.

Key words; verbal categories, functional grammar, temporal relations, functional-semantic field.

*О.І. Баранова
(Горлівка)*

УДК 811.111+ 81'342

ПРОСОДИЧНА ОРГАНІЗАЦІЯ ТА КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ ПОБУДОВИ ДИСКУРСУ

На жаль, сьогодні дослідження в галузі фонетики дещо втратили цікавість і лише невелика кількість лінгвістів займається дослідженнями мови та мовлення з боку зору фонетики, що видно з огляду фахових та інших видань з мовознавства. Дослідження в галузі практичної та теоретичної граматики, лексикології, стилістики тексту та психолінгвістики здаються більш привабливими. Але це не означає, що фонетика та пов'язані з нею питання досконало вивчені. На початку нового тисячоліття фонетичний аспект мовлення, особливо проблеми просодичної організації мовлення, набувають нової актуальності. Тому дану статтю хотілося б присвятити проблемам просодичної організації тексту та комунікативні стратегії побудови дискурсу. На нашу думку, дослідження даної проблеми тісно пов'язано з прагматикою дискурсу та психолінгвістикою. Сьогодні мовознавчі дослідження вже вийшли за межі однієї галузі мовознавства, лише комплексне дослідження може дати плідний результат.

Коло питань мовознавства можна умовно звести до трьох традиційних питань: як улаштована мова, як розвивається мова та як функціонує мова. Усі існуючі галузі мовознавства в тій чи іншій мірі торкаються та розвиваються в межах вищезгаданих питань.

Традиційно мовознавство до початку минулого століття цікавилось питанням «як розвивається мова?». З появою «Курсу загального мовознавства» Ф. де Сосюра мовознавці звернулись до питань «як улаштована мова» та «як функціонує мова». Об'єктом дослідження стала система мови в синхронії, на відміну до панувавшого до Ф. де Сосюра діахронічного напрямку досліджень.

Не викликає сумнівів той факт, що мова є засобом комунікації. В свою чергу, комунікація позначає обмін інформацією. Іншими словами, мова слугує засобом створення, збереження та передачі інформації. Таким чином, вивчення комунікації неможливе без відповіді на найсуттєвіше питання – що є інформацією, яких видів вона буває, яким чином і за допомогою яких засобів вона передається. В даній статті під текстом розуміється будь-який твір мовленнєвої діяльності людини [2, с.86]. Текст розглядається як лінгвістично реалізована елементарна комунікативна одиниця, яка має інтерпелятивний та апелятивний характер [2, с.86]. За авторкою, інтерпелятивність тексту полягає в встановленні взаємопорозуміння між співрозмовниками, а апелятивність полягає в здатності використання текстів до спонукання адресата до певних мовленнєвих або інших дій.

Мова є знаковою системою, на чому наполягав Ф. де Сосюр. Іншими словами, для здійснення акту комунікації люди використовують певний мовний код. За теорією інформації, задля успішної комунікації комуніканти мають використовувати однаковий код. Останні дослідження в галузі теорії інформації показали, що швидкість передачі інформації становить 300.000 біт за секунду, коли як людина може сприйняти лише 50 біт інформації за секунду [4, с.36]. За логікою, 5/6 інформації втрачається, тому що швидкість передачі інформації в 6 разів перевищує швидкість її переробки. Але, і це здається парадоксальним, інформація практично не втрачається. За даними фахівців [4, с.36], сприйняття та лінгвістична інтерпретація мовного повідомлення лише частково базується на акустичному сигналі. Мовний сигнал є настільки складною багаторівневою структурою, що прийом, сприйняття та лінгвістична інтерпретація його до теперішнього часу недостатньо досліджені. Інформація практично не втрачається завдяки просодичній організації мовлення. Якось М. Горький, підкреслюючи важливість просодичної організації мовлення, сказав, що немає значення, що промовляється, має значення як промовляється.

Комунікація має два різновиди, вербальний та невербальний. В залежності від мети комунікації мовець обирає той чи інший різновид. Просодія відноситься до невербальних засобів комунікації.

Традиційно в межах радянської фонетичної школи інтонаційна система англійської мови розглядається, як єдність таких компонентів: ритм, швидкість мовлення, гучність, тембр (якість голосу), наголос, мелодика та паузація [6, с. 11]. Слід зазначити, що серед фахівців немає єдиної точки зору стосовно кількості компонентів інтонаційної системи [1, с. 83]. В залежності від розуміння комунікативної вартості тих чи інших компонентів, розгляду фонетичного явища на акустичному чи перцептивному рівнях та надзвичайної складності компоненту, дослідники включають до складу інтонаційної системи від одного-двох до дев'яти компонентів [1, с. 83]. В будь-якому інтонаційному ланцюжку можна виділити та описати три рівні інтонаційної структури: універсальний рівень, рівень словесної просодії даної фрази та специфічний, який відображає фразово-просодичні особливості даної мови [3, с. 220]. Кожен з вищезгаданих трьох рівнів інтонаційної структури фрази складається з компонентів. Універсальний рівень охоплює три інтонаційні сфери, структуру та функцію плану змісту, відношення плану змісту до плану вираження. Розглянемо ці складові.

План змісту включає темп, мелодіку фрази, паузацію та емоційно-оціночний компонент. План змісту функціонує лише в системі, яку складають компоненти універсального рівня. Відношення плану змісту та плану вираження здійснюються через мелодіку фрази та логічного наголосу. До загальних фонетичних явищ, що складають універсальний рівень, відноситься членування фрази на інтонаційні одиниці, які в різних дослідників називаються синтагмами, інтонаційними групами, мовленнєвим тактом, ритмічною групою тощо. Також до загальних фонетичних явищ належать закономірності використання шкал та термінальних тонів, комбінаторика передшкाल та шкал, комбінаторика шкал та термінальних тонів (інтонаційних контурів), та паузація при з'єднанні синтагм. Деякі дослідники до загальних фонетичних явищ відносять також і загально мовні та індивідуальні моделі. При накладанні одна на другу ці моделі породжують міжмовні зональні просодичні об'єднання. Таким чином розрізняють регіональні інтонаційні особливості тієї чи іншої мови. Стосовно англійської мови можна казати, наприклад, про регіональні інтонаційні особливості південного та північного варіантів англійської мови. До універсального рівня також відносяться темпоральні показники. Наприклад, ізохронність мовленнєвих тактів, яка спостерігається при вимові коротких та довгих ланцюгів висловлювання: короткі ланцюги вимовляються довше, а довгі коротше [3, с.221].

Рівень словесної просодії складається з просодичних характеристик слів, які входять до складу фрази. Цей рівень складається з двох типів фактів. Перший тип фактів представлений сукупністю загальних відомостей про словесну просодію в даній мові, про тип наголосу, про середню довготу слова і так далі. Другий тип фактів представлений відомостями про просодичну організацію самої фрази, кількості наголошених та ненаголошених складів, кількість за ядерних складів, тип шкали та термінального тону тощо.

Третій інтонаційний рівень фрази складається з фразової інтонації даної мови. До цього рівня належать також специфічні риси інтонаційної організації в споріднених групах мов.

Проаналізуємо функціонування компонентів інтонаційної системи. Почнемо з ритму. Ритм є надто цікавим компонентом. Ряд дослідників наголошує, що ритмічна структура встановлює довжину та якість звуків розрізняють первинний ритм, пов'язаний з диханням, та безперервність, та вторинний ритм, коли за допомогою акцентних та мелодичних засобів ритм в деякій мірі набуває семантичного значення. Ритм є чергуванням наголошених та ненаголошених складів. Відомо, що усі мови за ритмічною організацією розподіляються на *syllable-timed* and *stress-timed*. Умовно, на наш погляд, можна виділити кілька типів ритмічної організації англійського дискурсу. Першим типом ми називаємо ритм із застосуванням фразового наголосу, коли наголошені та ненаголошені склади чергуються за усталеними фонетичними правилами, а розмежування синтагм паузами є більш-менш рівномірними. Другим типом ми називаємо ритм із застосуванням розумінні, що він наголошує склади, які зазвичай мають бути ненаголошеними. Третім типом ритму ми називаємо емпатичний ритм, коли паузи хезитації стають характерними ознаками емоційного мовлення.

Другим важливим компонентом інтонаційної системи мови є швидкість мовлення. Вона буває трьох типів, повільна (до чотирьох складів за секунду), нормальною (до шести складів за секунду) та високою (до восьми складів за секунду). Швидкість мовлення залежить від мети комунікації та емоційного стану мовця.

До просодичної організації тексту також відносять фоностилі, або функціональні розмовні стилі. Потрібно зауважити, що питання про те, чи можна вважати функціональний розмовний стиль окремою одиницею чи ні, залишається дискусійним. Більшість дослідників вважає, що функціональні стилі лише є відповідниками до стилів писемного мовлення. Гальперін встановив відповідність п'яти розмовних стилів, інформаційного,

академічного, публіцистичного, декламаційного та розмовного, основним стилям писемного мовлення [5, с.19]. Цілком зрозуміло, що просодична організація тексту/дискурсу залежить від обраного функціонального розмовного стилю. Функціонування компонентів інтонаційної системи буде відрізнятися в залежності від стилю мовлення. Для прикладу достатньо порівняти, наприклад, декламаційний та інформаційний стилі.

Паузація відіграє в просодичній організації дискурсу одну з найважливіших ролей. Паузи в дискурсі бувають синтаксичні, логічні, та ми не будемо зупинятись на цьому компоненті, лише зауважимо, що в залежності від обраного стилю мовлення, від обраної комунікативної стратегії темпоральний компонент паузи буде зазнавати суттєвих змін.

Важливим фактором, який впливає на просодичну організацію тексту, є комунікативна інтенція та комунікативна стратегія, яка цілком залежить від інтенції мовця. З теорії прагматики відомо, що в англійській мові виділяють констатив, промісив, менасив, перформатив та квеситив.

Цілком зрозуміло, що просодична організація даних типів мовленнєвих актів буде залежати від інтенції мовця, ситуації спілкування та деяких соціокультурних факторів. З іншого боку, зараз мають місце дискусії, чи є дискурс/текст комунікативним. Однак, на думку Мамардашвілі, або Бахтіна, або Хабермаса, це не так. Текст чи мовлення лише потенційно є комунікативною дією, але це ще не позначає, що вони включені до процесу комунікації. Тому є необхідність розрізнити два поняття, повідомлення та посилення. Якість тексту, як посилення, не позначає наявності повідомленості даного тексту, так Хабермас наголошував, що без наявності позамовного контексту мовлення не може вважатись за комунікативну дію. Процес комунікації позначає, що дискурс володіє якістю повідомленості кому-небудь, комунікаційне середовище дискурсу доступне безпосередньо чи за допомогою спеціальних засобів (наприклад, просодії), а сама комунікація являється реальною, тобто, інтерактивною. Спробуємо дати визначення поняттю комунікативність. Будь-який дискурс своїм змістом з'ясовує комунікативний простір – внутрішній смисловий простір, вбудований в множинність актуальних контекстів, цей простір містить сукупність прямих та посередніх адресатів, для яких він і є передбачений, або яким відкрито чи приховано опонує. Ця кореляція між смислом дискурсу та актуальним контекстом та реальним адресатом і є першою умовою комунікативності – текст має подаватись через комунікативний простір. Це стосується внутрішнього змісту дискурсу. З іншого боку, будь-який дискурс стає інтерсуб'єктивним під час

реального процесу комунікації. На цій стадії побудови дискурсу відбувається цікавий психічний процес, автор повідомлення прогнозує його успішність/неуспішність, можливі труднощі для адресата під час декодування, і так далі. На нашу думку, можна казати, що це впливає на комунікативну інтенцію та вибір тієї чи іншої комунікативної стратегії. Умовно цю стадію можна назвати первинним комунікативним актом. Вторинним комунікативним актом можна вважати співвіднесення комунікативного простору (комунікативного змістовного смислу дискурсу) з середовищем комунікації. Спостерігається така зворотня відповідність: якщо середовище комунікації менше за комунікативний простір, такий дискурс не є комунікативним, а якщо середовище приблизно однакове чи більше за комунікативний простір, дискурс стає комунікативним. Це є другою умовою комунікативності. Класичне розуміння комунікації передбачає протиставлення сфери смислу (до знакового простору) та сфери вираження (знакового простору), та припускає, що комуніканти можуть вступити у взаємодію лише за умови володіння єдиним кодом та певними правилами побудови дискурсу, які відомі комунікантам. Класична модель комунікативного акту є єдність двох нерівних сторін, кожна з яких в певний момент є приймаючою чи передаючою певні закодовані повідомлення. Виходячи з цього, комунікативною стратегією побудови дискурсу є засіб побудови чергового повідомлення учасника комунікації у вигляді реакції на попереднє повідомлення співрозмовника чи попередній контекст, іншими словами, комунікативну стратегію можна визначити як комунікативну тактику. При цьому кожне висловлювання будується таким чином, щоб воно наблизило її автора до певної комунікативної мети. Існує конструктивна модель діалогу, згідно з якою комунікативна стратегія характеризується чотирма так званими контекстуальними факторами, з яких два залежать від слухача, а решта від мовця. Розглядаються наступні фактори:

1. Фактор очікування – відповідає чергова репліка партнера очікуванням мовця чи ні;
2. Фактор центрального поняття – відповідало повідомлення партнера темі дискурсу чи ні;
3. Фактор ініціативи – чи виявляє мовець ініціативу;
4. Фактор мети – чи має мовець не досягнути мету комунікації.

Серед основних комунікативних стратегій, на які ми хотіли би звернути увагу в даній статті, найважливішими, на наш погляд, є тематизація предмету буття, суперпозиція реми, рецесія теми та неінгерентність теми. Коротко охарактеризуємо їх. Тематизація предмету буття використовується для введення нового об'єкту, при використанні даної стратегії предмет стає темою висловлювання

та ставиться в препозицію, а місце стає ремою. Суперпозиція реми полягає в тому, що локалізатор та предмет стають ремою одночасно, ця стратегія слугує для згущення подачі смислу, тому що досягається особлива комунікативна напруженість. Рецесія теми полягає в тому, що учасники ситуації зсуваються з першого плану, таким чином, особлива увага привертається до ситуації в цілому. Неінгерентність теми прямо пов'язана з імпліцитним значенням. Вона використовується для здійснення логічного зв'язку речень в дискурсі та передачі ілокутивного значення. В даному випадку рема пов'язує причинно-наслідковий зв'язок попереднього контексту. Така комунікативна структура використовується для підтримки логічного зв'язку дискурсу.

На закінчення хотілося б зауважити, що це не всі комунікативні стратегії побудови дискурсу, так само, як і не всі засоби просодичної організації дискурсу були проаналізовані в даній роботі. Сьогодні, коли когнітивний аспект дослідження мовлення виходить на перший план, подальші вивчення просодії дискурсу набувають нової актуальності.

ЛІТЕРАТУРА

1. Варенинова, Ж. Б. К проблеме компонентов интонации / Ж. Б. Варенинова // Филологические науки. – 1997. – №2. – С. 10-12.
2. Златоустова, Л. В. Общая и прикладная фонетика / Л. В. Златоустова и др. – М., 1986. – 304 с.
3. Николаева, Т. Н. Три интонационные слоя звучащей фразы / Т. Н. Николаева. – М. : Наука, 1979. – С. 219-225.
4. Потапова, Р. К. Речь : коммуникация, информация, кибернетика / Р. К. Потапова. – 2-е изд., доп. – М., 2001. – 562 с.
5. Соколова, М. А. Практическая фонетика английского языка / М. А. Соколова. – М. : Владос, 1997. – 384 с.
6. Антипова, Е. Я. Пособие по английской интонации (на англ. яз.) / Е. Я. Антипова и др. – 2-е изд., доп. – М. : Просвещение, 1985. – 224 с.

АНОТАЦІЯ

Баранова О.І. Просодична організація та комунікативні стратегії побудови дискурсу

Стаття присвячена просодичній організації тексту, внутрішньому змісту дискурсу, основним комунікативним стратегіям та аналізу функціонування компонентів інтонаційної системи.

Ключові слова: комунікація, комунікативна стратегія, просодія, інтонаційна структура та її компоненти, тема, рема.

SUMMARY

Baranova O. I. The Prosodic organization and the communicative strategies of the discourse.

The article is devoted to the prosodic organization of the discourse and the main communicative strategies. The components of the intonation system and their function in the discourse have been analyzed.

Key words: communication, communicative strategy, prosody, the intonation structure and its components, theme, rheme.

*О.Ф. Боговая
(Горловка)*

УДК 81.

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В современном языкознании дизъюнктивные (или разделительные) отношения в простом и сложном предложениях неоднократно описывались и выделялись в особый вид смысловых отношений. Соответственно изучались значения разделительных союзов и в первую очередь союза «или» как основного выразителя альтернативных отношений.

А что же такое альтернатива? Проследим, как трактуют этот термин словари. Например, Webster's Third New International Dictionary of the English Language [1, с. 2457] даёт такую характеристику: альтернатива – это а) логическое утверждение в форме « $r \sim q$ », идиоматично передающееся как « r или q » и обозначающее значение « r или q или оба»; б) коннектор «или», используемый в логике в инклюзивном смысле; в) функция истинности или оператор, обозначающийся в логике «или» [1, с. 63].

Функцией истинности называется пропозициональная функция, чья истинность / ложность зависит от её аргументов [1, с. 2457]. Там же мы находим таблицу истинности [1, с. 2457], которая содержит несколько различных типов истинности / ложности функций истинности для определённых аргументов. Эта таблица включает в себя наиболее важные функциональные коннекторы, обозначающие соединение \bullet , альтернативу \sim , двойное условие \equiv , условие ε , альтернативное отрицание $|$, объединённое отрицание \downarrow , несовместимость $+$ и просто отрицание \sim . (Например, утверждение $r \bullet q$ верно, если оба аргумента верны, в то же время при двояком условии утверждение $r \equiv q$, верно, только если оба его аргумента или верны или ложны).

Таблица истинности

Утверждение	Утверждение	р и q соединение \bullet (логическое «и»)	р или q (инклюзивное) альтернатива (дизъюнкция)	р если и только если q двойное условие	если r, то q условие ε	ли р и q альтернативное отрицание	ли р, то q объединённое отрицание	р или q (эксклюзивное) несовместимость (дизъюнкция)	ли р отрицание
р	q	$r \bullet q$	$r \vee q$	$r \equiv q$	$r \varepsilon q$	$r q$	$r \downarrow q$	$r + q$	$\sim r$
и	и	и	и	и	и	л	л	л	л
и	л	л	и	л	л	и	и	и	
л	и	л	и	л	и	и	л	и	и
л	л	л	л	и	и	и	и	л	

Альтернативные отношения по своей природе разделительны (или дизъюнктивны). Thorndike [8, с. 291] определяет дизъюнкцию как логическую пропозицию, которая утверждает, что один или другой из двух аргументов истинен, но оба они не могут быть истинны. Авторы толкового словаря [1, с. 651] считают, что дизъюнкция – это отношения между аргументами логического утверждения или суждения, выражающие альтернативу, а также, утверждение пропозиции, принимающей форму (1) $r \vee q$ (р или q или р и q) и форму (2) $r + q$ (р или q, но не р и q), где в первом случае (1) имеет место инклюзивная дизъюнкция, а во втором (2) – эксклюзивная дизъюнкция.

Все эти формулировки касаются логики. Джеймс Д. Макколи [13] в своей работе «Логика и словарь» остерегает лингвиста от смешения логических систем и логического языка от естественного языка.

Посмотрим, как характеризуются термины альтернативы и дизъюнкции с точки зрения естественного языка.

В толковом словаре [1, с.63] мы находим, что альтернатива – это пропозиция или ситуация, предполагающая выбор между двумя вещами: в то время, как одна выбрана, другая – отвергнута.

Словарь Hornby [7, с.25] интерпретирует альтернативу как выбор между двумя вещами, когда одна может использоваться вместо чего-то другого или как одна из возможностей. Сходные значения этого слова мы находим и в других источниках [9, с. 40], [3, с. 25].

Все эти формулировки касались интерпретации этих терминов в широком смысле. Что же касается лингвистики, «альтернатива» и «дизъюнкция» тесно связаны с основным выразителем отношений данного типа, а именно – союзом. Например, «альтернативный (о союзе) – показывающий, что связанные им аргументы должны быть взяты не вместе, а один вместо другого» [1, с. 63]; разделительный (дизъюнктивный) (союз) – выражающий альтернативу, контраст или оппозицию двух значений слов или словосочетаний, которые оно соединяет: «or» – или; «either...or» – или...или [там же с. 651]; обозначающий оппозицию или контраст идей: «either...or» – или...или [7, с. 250]; склоняющийся к разделению – соединяет предложения, но разделяет смысл или даже маркирует их противоположный смысл [3, с. 267], показывающий выбор или контраст между двумя идеями, словами и т.д. [8, с. 291]. Словарь лингвистических терминов [12, с. 134] определяет термин «разделительный» или «дизъюнктивный» как содержащий в составе данного синтаксического целого выбор утверждения или отрицания двух антонимических понятий, двух оттенков одного и того же понятия.

Таким образом, из приведенных выше формулировок, мы видим, что главным маркером альтернативных отношений являются союзы «or» – или, «either...or» – либо...либо, которые позволяют осуществлять тот самый выбор между двумя или более словами, предложениями, идеями и т.д.

Но так ли просто семантика этих союзов, и существует ли она вообще?

И.Р. Выхованец [22, с. 23] считает вопрос о наличии лексического значения у союзов одной из главных проблем при решении их статуса и указывает на невозможность поставить служебные слова, в том числе и союзы, в один ряд с полнозначными частями речи в плане семантического критерия, так как они передают только семантику отношений между различными синтаксическими единицами. Ганшина и Василевская [14] также утверждают, что союзы как таковые не имеют собственного независимого значения. Гордон и Крылова [15] настаивают на существовании лексического значения союзов. В грамматике Клоуза [16] сообщается, что в случае, если сочинение неясное или двусмысленно «or» – или выполняет две различные функции. В одном случае он объясняет значение объекта (т.е. уточняет) в другом случае существует альтернатива, которую мы можем прояснить с помощью «either...or» – либо...либо. Все это происходит на уровне словосочетаний. То же самое можно сказать и об уровне сложных предложений. Также Клоуз вводит еще один маркер альтернативных отношений: частичку *perhaps*.

Раевская в «Синтаксисе современного английского языка» [17] определяет разделительные союзы как союзы, которые соединяют два члена, но разделяют их значения, и значение второго члена исключает значение первого. Также, она расширяет список маркеров дизъюнкции, включая разделительные союзы *or*, *either*, *or...either*, *either...or*, в вопросах *whether...or*, и разделительные наречия *else*, *otherwise*, *or...or*, *or...else*.

Александрова, Комова [18] выделяют четыре значения сочинительного союза *or*, а именно:

– Определяющий альтернативу (выбор): *Is it green or blue?*

– Имеющий значение «otherwise»: *Turn the heat down or the cake will burn.*

– Со значением приблизительности: *He drank six or seven pints of beer.*

– Объясняющий значение вышесказанного: *It concerns geology, or the science of the earth's crust.*

Каушанская, Ковнер [19] приводят свою классификацию союзов, выделяя разделительные союзы в особую подгруппу, включая в нее *or*, *else*, *or...else*, *either...or*, *otherwise* и определяя их функцию как предлагающих выбор между одним утверждением и другим. Они выделяют 2 значения союза *or*: противительный (*adversative*) и разделительный (*disjunctive*). Также обращается внимание на значения союзов, которые тесно связаны с отношениями, которые они выражают.

Хороших [20], рассматривая трехчастные сложносочиненные предложения с разделительными союзами, еще раз подчеркивает, что разделительная связь служит показателем того, что действия соединяемых ею частей или несовместимы (осуществимо только одно из них) или они лишь перечисляются, или они чередуются.

Авторы «Русской грамматики» [21] считают, что дизъюнктивные отношения в предложениях с союзом «или» могут быть модально неосложненного (1) и модально осложненного (2) типов. В первом случае они обозначают «такую связь ситуаций, при которой одна самим фактом своего существования исключает другую [21, с. 627]. Также, данный тип (1) может означать несовместимость ситуаций во времени (т.е. чередование): в этом случае союз «или» может быть заменен союзом «то...то». «При модально осложненных отношениях (2) взаимоисключение конкретизируется как разделительность 1) предположительного или 2) альтернативно-мотивирующего характера». [21, с. 627]. Предложения разделительно-предположительные (1) имеют окраску вопросительности, где из представленных двух версий – истинна одна, а другая – исключается. То же значение имеют предложения с союзом «ли...или...», которые сопоставимы

с конструкциями с союзом «то ли...то ли». «Альтернативно-мотивирующее значение образуется в результате синтеза двух семантических компонентов: взаимоисключения и гипотетичности. Также предложения соотносительны с конструкциями с союзами «иначе», «а то», «не то», «а не то» [21, с. 627].

Таким образом, мы видим, что семантика союзов, обозначающих альтернативные отношения, не всегда однозначна. Это ещё раз подтверждают толковые словари. Webster's Third New International Dictionary of the English Language [1, с. 1585] фиксирует 6 значений союза «or», обозначающих: 1) альтернативу между непохожими вещами, состояниями или действиями (*sick or well, he should not be here*); 2) выбор между альтернативными вещами или состояниями (*will you have tea or coffee?*), (*decide to study medicine or law*); 3) синонимические понятия (*fell over a precipice or cliff*) 4) исправление или уточнение фразы или значения (*these essays, or rather rough sketches*); 5) аппроксимацию, сомнение или неуверенность (*will be Tuesday or Wednesday before he arrives*); 6) поочередную последовательность (*one or the other will watch over him all night*).

Также, мы можем сказать, что альтернативные отношения в синтаксических структурах не всегда осуществляются с помощью лишь союзов. Некоторые источники относят к маркерам данного типа отношений следующий слова «either» – либо, «or else» – иначе, «whether» – ли, «on other occasion» – в другом случае, «sooner...than» – скорее..., чем [1, с. 1585].

J. Eastwood [4] считает, что альтернативные отношения присутствуют в альтернативных вопросах (*Are you coming back today or tomorrow?*) [4, с. 36] и в синтаксических конструкциях, содержащих в себе союзные наречия «seldom» – редко, «often» – часто, «partially» – частично и наречия истинности: «perhaps/maybe» – может быть, а также союз «otherwise» – иначе [4, с. 275]. Quirk [11] добавляет к нашему списку предложения с придаточным условия и условным наклонением.

Что касается дальнейших исследований в направлении проблемы, возникает необходимость выделить и описать типы альтернативных отношений, установить соответствие между типом отношений и набором способов их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. – USA, 1981. – 2662 p.
2. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1771 p.

3. Davidson T. Chamber's Twentieth Century Dictionary of the English Language. London, W. & R. CHAMBERS, Limited, 1908. – 1216 p.
4. Eastwood J. Oxford Guide to English Grammar. – London: Oxford University Press, 1994. – 450 p.
5. Fowler H.W. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford, 1956. – 1536 p.
6. Fowler H.W. A Dictionary of the Modern English Usage. – Oxford, 1957. – 742 p.
7. Hornby A. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – London, Oxford University Press, 1974. – 1055 p.
8. Thorndike E.L. Barnhart C. Thorndike Barnhart Advanced Dictionary. – N.Y. Scott, Foresman and Company, 1974. – 1186 p.
9. The Westminster English Dictionary. – London, 1933. – 1200 p.
10. Webster's New World Thesaurus Prepared by Charlton Laird. – New York: New American Library, 1975. – 678 p.
11. A Comprehensive Grammar of the English Language. – London: Longman, 1999. – 1779 p.
12. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 607 с.
13. Джеймс Д. Макколи. Логика и словарь // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. XIV. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983. – С. 177 – 200.
14. Ганшина М.А., Василевская Н.М. Практическая грамматика английского языка. – 9-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., 1964. – 548 с.
15. Гордон Е.М., Крылова И.П. Грамматика современного английского языка: Учеб. пособие для студентов институтов и фак-тов ин. яз. – М.: Высш. шк., 1974. – 336 с.
16. Клоуз Р.А. Справочник по грамматике для изучающих английский язык: Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1979. – 352 с.
17. Раевская Н.М. Синтаксис современного английского языка. – К.: Высш. шк., 1970. – 179 с.
18. Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык: Морфология и синтаксис. – М.: МГУ им. Ломоносова, 1998. – 209 с.
19. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л. Грамматика англ. языка. пособие для студентов пед. институтов. – Л.: Учпедгиз, Ленинградское отделение, 1959. – 319 с.
20. Хороших А.М. Многочастные слитносочиненные предложения // Проблемы синтаксиса английского языка. – М.: МГПИ им. Ленина, 1970. – 263 с.
21. Русская грамматика в 2-х томах. Академия наук СССР, Институт русского языка. – М.: Наука, 1982. – 710 с.

22. Вихованец І.З. Частици мови в семантико-граматичному аспекті. – К.: Наук. думка, 1988. – 255 с.

АННОТАЦИЯ

Боговая О. Ф. К вопросу об альтернативных отношениях

Цель этой статьи – описать семантику альтернативных отношений: найти лексические и лексико-грамматические способы их выражения, проанализировать их лексикографические характеристики.

Ключевые слова: альтернативные отношения, дизъюнкция.

SUMMARY

Bogovaya O. F. About alternative relationships

This article is devoted to the description of alternative relationships in English sentences: lexical and lexical-grammatical means of their expression are analysed along with their lexicographic characteristics.

Key words: alternative relationships, disjunction.

*Н.Ю. Бондаренко
(Горловка)*

УДК 81,255.4

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Основным требованием к переводу является максимально возможная степень его эквивалентности оригиналу как в плане семантически-структурной подобности, так и в плане потенциального влияния на адресата [2]. Первоочередным заданием переводчика является достижение семантической эквивалентности перевода тексту-оригинала, а сам перевод должен максимально точно передавать значение оригинала и соответствовать нормам языка-перевода. Различие грамматического строения языков, семантических полей лексических и фразеологических единиц, существование особых категорий в языке-оригинале приводит к необходимости использования специальных переводческих приемов, объединенных понятием «переводческие трансформации». Таким образом, главной задачей переводчика является эффективное использование переводческих трансформаций, которые помогают достичь точности передачи всей информации, содержащейся в тексте-оригинале.

Переводческие трансформации исследовались многими лингвистами и переводоведами: Л.С. Бархударовым, Р.К. Миньяр-Белоручевым, Я.И. Рецкером, А.Д. Швейцером, Л.К. Латышевым, В.Н. Комиссаровым, В.Г. Гаком и другими.

Детальное исследование переводческих трансформаций как способа достижения адекватности перевода, их классификация, определение принципов их использования является важнейшей задачей современного переводоведения. Именно в этом состоит актуальность выбора проблемы.

Целью работы является анализ различных видов грамматических трансформаций в качестве способов достижения адекватности перевода на основе романа английской писательницы Дж. Остин «Гордость и предубеждение» и его перевода на русский язык И. Маршака.

Задачей работы является анализ сути понятия «переводческая трансформация»; изучения наиболее значимых классификаций переводческих трансформаций вообще и грамматических в частности; определение основных видов грамматических трансформаций, использованных при переводе романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» на русский язык.

Несмотря на относительно молодой возраст переводоведения как науки, в настоящий момент существует большое количество работ, посвященных исследованиям переводческих трансформаций. И это не удивительно, так как данный аспект является одним из основных, и его теоретические основы являются чрезвычайно важными в работе любого переводчика.

Как было указано выше, к вопросам о переводческих трансформациях обращалось много известных переводоведов, в частности Л.С. Бархударов, В.Г. Гак, В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Я.И. Рецкер, А.Д. Швейцер. Однако, несмотря на многочисленные публикации, посвященные проблеме переводческих трансформаций, в научном мире не существует единого мнения относительно самого понятия переводческой трансформации. По мнению исследователей большинство определений недостаточно полностью раскрывают сущность данного переводческого явления. В некоторых случаях (например, в работах В.Н. Комиссарова, Я.И. Рецкера, Г.М. Стрелковского) термин «переводческая трансформация» используется вообще без четкого определения (как интуитивно понятный термин) [2]. Так, Я.И. Рецкер определяет переводческие трансформации как «приемы логического мышления, при помощи которых переводчик раскрывает значение иностранного слова в контексте и находит ему русское соответствие, которое не совпадает со словарным (лексические трансформации) и замена структуры

предложения в процессе перевода в соответствие нормам языка-перевода (грамматические трансформации) [7, с. 38]. А В.Н. Комиссаров определяет их как «способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе разных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста» [3, с. 21].

Однако, принято считать, что определение, наиболее точно отображающее суть вопроса, является тем, которое дал Л.С. Бархударов, определивший переводческие трансформации как «количественно и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки различиям в формальных и семантических системах двух языков» [1, с. 191]. Действительно, согласно данному определению термин «трансформация» не может восприниматься буквально, так как текст оригинала не изменяется сам по себе; оригинал остается неизменным, но на его основе при помощи определенных переводческих трансформаций создается текст на другом языке; перевод является межъязыковой трансформацией [1, с. 5].

Таким образом, переводческие трансформации можно определить как межъязыковые преобразования, перестройку элементов текста-оригинала, перевыражение смысла или перефразирования с целью достичь переводческую эквивалентность. Основной отличительной чертой переводческих трансформаций является их межъязыковой характер, а также их направленность на достижение адекватности перевода.

Большинство лингвистов разделяют переводческие трансформации на лексические, грамматические и смешанные. Рассмотрим основные классификации переводческих трансформаций, обращая особое внимание на грамматические трансформации. Так, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман различают три вида переводческих трансформаций: лексические, стилистические и грамматические. К грамматическим трансформациям относятся прием перестановки, опущение и добавление слова, смена порядка слов в предложении, замена предложений [5, с. 115].

Р.К. Миньяр-Белоручев выделяет также три типа трансформаций: лексические, грамматические и семантические. К грамматическим трансформациям исследователь относил пассивизацию, замену частей речи и членов предложения, объединение и членение предложений [6, с. 85]. Концепция В.Н. Комиссарова сводится к таким трансформациям, как лексическим, грамматическим и комплексным (или лексико-

грамматическим). В качестве грамматических выступают дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения [3, с. 45]. Я.И. Рецкер указывает только два типа трансформаций: лексические и грамматические, к которым он относит замену частей речи и членов предложений [7, с. 109].

А.Д. Швейцер разделяет переводческие трансформации уже на четыре группы: трансформации на стилистическом уровне, трансформации на референтном уровне, трансформации на прагматическом уровне и трансформации на компонентном уровне, под которыми подразумеваются разные виды замен как на лексическом та и на грамматическом уровне [10, с. 48].

Л.С. Бархударов выделяет также четыре типа, но не группы переводческих трансформаций: перестановки, замены, опущения и добавления. Перестановки и замены осуществляются на лексическом и грамматическом уровне [1, с. 70].

В отличие от вышеупомянутых классификаций Л.К. Латышев выделяет шесть типов переводческих трансформаций: лексические, стилистические, морфологические (замена частей речи), синтаксические (трансформация синтаксических структур), семантические и смешанные [4, с. 168].

Анализ классификаций переводческих трансформаций свидетельствует о том, что не существует единого мнения относительно типов и видов трансформаций. Одни исследователи разделяют их на типы (Т.Р. Левицкая, А.М. Фитерман, Р.К. Миньяр-Белоручев, В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер), другие на уровни, позволяющие их использовать. При этом на разных уровнях могут использоваться как грамматические, так и лексические трансформации (А.Д. Швейцер). Однако все исследователи утверждают, что разделение трансформаций на типы и виды является условным. Это связано с тем, что некоторые трансформации почти не встречаются вне сочетаемости с другими трансформациями.

В нашей работе мы придерживаемся классификации В.Н. Комиссарова, который принимает во внимание характер элементов языка-оригинала, позволяющий разделить трансформации на три вида: грамматические, лексические и лексико-грамматические.

Рассмотрим более детально виды грамматических трансформаций и их использование при переводе романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение» на русский язык.

Синтаксическое уподобление (или дословный перевод) – это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала

превращается на аналогичную структуру языка-перевода. Этот вид трансформации используется в тех случаях, когда в языке-оригинале и языке-переводе существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может привести к полному совпадению количества языковых единиц и порядку их размещения в оригинале и переводе. Например:

You are dancing with only pretty girl in the room. – Вы танцуете с единственной хорошенькой девушкой в этом зале.

Mrs. Bennet was quite disconcerted. – Миссис Беннет была крайне разочарована.

They attacked him in various ways. – Они атаковали его самыми различными способами.

Однако, по словам А.В. Федорова, «каждая попытка перевести дословно тот или другой текст приводят если не к полному непониманию данного текста, то по крайней мере к неясности» [9, с. 131]. Поэтому использование синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, другие служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц. Например:

When is your next ball to be, Lizzy? – Когда у вас следующий бал, Лиззи?

Among the most violent against him was Mrs. Bennet. – Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет.

What an excellent father you have, girls. – Какой же, девочки, у вас прекрасный отец.

В первом примере опущена часть сказуемого *to be*, но структура предложения полностью сохранена. Во втором предложении была лексическая замена: *was* был заменен словом *оказалась*. В третьем предложении было реализовано контекстуальное значение неопределенного артикля *an – же*, и было опущено сказуемое *have*.

Итак, хотя дословный перевод является довольно распространенным способом перевода, в чистом виде он используется редко. В большинстве случаев при сохранении структуры предложения все же имеют место определенные изменения при переводе.

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица языка-оригинала преобразовывается в единицу языка-перевода с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица языка-оригинала любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Так, в

английском и русском языках существуют формы единственного и множественного числа существительных. Как правило, существительные в тексте-оригинале и тексте-переводе используются в одном и том же числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в английском языке соответствует форма множественного числа в русском языке и наоборот. Но в определенных условиях замена формы числа существительных при переводе может использоваться как способ образования окказионального соответствия. Например:

You are dancing with only pretty girl in the room. – Вы танцуете с единственной хорошенькой девушкой в этом зале.

Mrs. Bennet was quite disconcerted. – Миссис Беннет была крайне разочарована.

They attacked him in various ways. – Они атаковали его самыми различными способами.

Однако, по словам А.В. Федорова, «каждая попытка перевести дословно тот или другой текст приводят если не к полному непониманию данного текста, то по крайней мере к неясности» [9, с. 131]. Поэтому использование синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, другие служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц. Например:

When is your next ball to be, Lizzy? – Когда у вас следующий бал, Лиззи?

Among the most violent against him was Mrs. Bennet. – Среди злейших его противников оказалась миссис Беннет.

What an excellent father you have, girls. – Какой же, девочки, у вас прекрасный отец

В первом примере опущена часть сказуемого *to be*, но структура предложения полностью сохранена. Во втором предложении была лексическая замена: *was* был заменен словом *оказалась*. В третьем предложении было реализовано контекстуальное значение неопределенного артикля *an – же*, и было опущено сказуемое *have*.

Итак, хотя дословный перевод является довольно распространенным способом перевода, в чистом виде он используется редко. В большинстве случаев при сохранении структуры предложения все же имеют место определенные изменения при переводе.

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица языка-оригинала преобразовывается

в единицу языка-перевода с иным грамматическим значением. Замена может подвергаться грамматическая единица языка-оригинала любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Так, в английском и русском языках существуют формы единственного и множественного числа существительных. Как правило, существительные в тексте-оригинале и тексте-переводе используются в одном и том же числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в английском языке соответствует форма множественного числа в русском языке и наоборот. Но в определенных условиях замена формы числа существительных при переводе может использоваться как способ образования окказионального соответствия. Например:

This truth is so well fixed in the minds of the surrounding families, daughters. – Эта истина настолько прочно овладевает умами неподалеку живущих семейств, что на него тут же начинают смотреть как на законную добычу той или другой соседской дочери.

Очень распространенным видом грамматической замены при переводе является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее типичными являются замены существительного глаголом. Например:

Bennet was so odd a mixture of quick parts, sarcastic humour, reserve, and caprice. – В характере мистера Беннета так затейливо сочетались живость ума и склонность к иронии, замкнутость и взбалмошность.

Kitty has no discretion in her coughs. – Вечно она кашляет невпопад.

Only think what an establishment it would be for one of them. – Вы только представьте себе, как хорошо одна из них будет устроена.

Также при переводе с английского языка на русский используется замена существительного прилагательным. Например:

Then, my dear, you have the advantage of your friend. – Тогда, дорогая моя, вы сможете оказаться полезной вашей приятельнице.

What say you, Mary? For you are a young lady of deep reflection. – А ты, Мэри, что думаешь по этому поводу? Ты ведь у нас такая рассудительная девица.

Возможны также и другие варианты замен. Например:

How can you be so teasing? – Вы просто надо мной издеваетесь (замена прилагательного глаголом).

I honour your circumspection. – Ваша осторожность делает вам честь (замена глагола существительным).

It is a truth universally acknowledged, that a single man in possession of a good fortune, must be in want of a wife. – Все знают, что молодой человек, располагающий средствами, должен подыскивать себе жену (замена существительного деепричастием).

«Do you not want to know who has taken it?» cried his wife impatiently. – «А хотелось бы вам знать, кто будет нашим новым соседом?» – с нетерпением спросила его жена (замена наречия существительным).

Еще одной распространенной трансформацией является замена членов предложения. Например:

... but Lizzy has something more of quickness than her sisters. – Просто в Лиззи немножко больше толку, чем в ее сестрах.

You take delight in vexing me. – Вам доставляет удовольствие меня изводить (подлежащее английского предложения стало дополнением русского предложения).

... the experience of three-and-twenty years had been insufficient to make his wife understand his character. – ... за двадцать три года совместной жизни жена все еще не сумела к нему приноровиться (подлежащее в английском предложении стало обстоятельством русского предложения).

Членение предложения это способ перевода, когда синтаксическая структура предложения-оригинала преобразовывается в две или более передикативные структуры в предложении-перевода. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения языка-оригинала в сложное предложение языка-перевода, либо к преобразованию простого или сложного предложения языка-оригинала в два или более самостоятельных предложения в языке-перевода. Например:

You and the girls may go, or you may send them by themselves, which perhaps will be still better, for as you are as handsome as any of them, Mr. Bingley may like you the best of the party. – Поезжайте-ка вы сами с девочками. Или пошлите их одних – это, возможно, будет еще лучше. Не то вдруг он вздумает влюбиться в вас – ведь вы ничуть не менее привлекательны, чем любая из наших дочек.

I dare say Mr. Bingley will be very glad to see you; and I will send a few lines by you to assure him of my hearty consent to his marrying whichever he chooses of the girls; though I must throw in a good word for my little Lizzy. – Полагаю, мистер Бингли будет рад вас увидеть. Хотите, я дам вам для него записочку с обещанием выдать за него замуж любую из моих дочек, которая ему больше понравится? Пожалуй, надо будет только замолвить словечко в пользу моей крошки Лиззи.

В данных примерах имеет место преобразование сложного английского предложения в несколько отдельных русских предложений.

Объединение предложений это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения-оригинала изменяется путем объединения двух или более простых предложений в одно сложное, либо сложное предложение языка-оригинала преобразовывается в простое предложение в языке-переводе. Например:

She is a selfish, hypocritical woman, and I have no opinion of her. – *Терпеть не могу эту ханжу и эгоистку!*

You didn't have to do all that. I'd have come over to say good-bye anyway. – *Вы напрасно писали, я бы все равно зашел попрощаться.*

Грамматическая трансформация объединения предложений используется преимущественно при переводе небольших предложений, тесно связанных по смыслу.

Таким образом, грамматические трансформации – это наиболее частотный вид межъязыковых трансформаций. Переводчик почти всегда сталкивается с несоответствиями между грамматическими структурами языка-оригинала и языка-перевода. Это происходит чаще чем отсутствие лексического эквивалента. Для того чтобы выбрать правильный вариант перевода, переводчику необходимо знать все виды грамматических трансформаций, а также принимать во внимание все факторы, которые могут повлиять на использование грамматических трансформаций [8]: синтаксическую функцию предложения, его лексическую наполняемость, его содеожательную структуру, контекст, экспрессивно-стилистическую функцию предложения.

Перспективы дальнейшего исследования прослеживаются в более глубоком анализе явления переводческих трансформаций, определению лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на их использование в процессе перевода с целью правильной оценки необходимости использования той или иной трансформации для достижения полного и адекватного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов – М., 1972. – 240 с.
2. Карабанова О. О. Переводческие трансформации как понятие и явление : автореф. дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук : спец. 10.02.20 / О. О. Карабанова. – М., 2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dissertat.com/content/perevodcheskie-transformatsii-kak-ponyatie-i-yavlenie#ixzz2K6rnQvYO>

3. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М., 1990. – 253 с.
4. Латышев Л. К. Технология перевода. Уч. пос. по подготовке переводчиков (с нем. яз.) / Л. К. Латышев – М. : НВИ – ТЕЗАУРУС, 2000. – 280 с.
5. Левицкая Т. П., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. П. Левицкая, А. М. Фитерман – М., 1963. – 125 с.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М., 1996. – 207 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Просвещение, 1974. – 215 с.
8. Старостина Н. А. Трансформации в переводе / Н. А. Старостина. – 2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/CCN/Philologia/3_starostina.doc.htm
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М., 1968. – 274 с.
10. Швейцер А. Д. Теория перевода / А. Д. Швейцер. – М., 1988. – 114 с.

АННОТАЦИЯ

Бондаренко Н. Ю. Использование грамматических трансформаций при переводе романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение»

В статье сделана попытка проанализировать использование грамматических трансформаций, использованных при переводе романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение». Актуальность исследования состоит в необходимости всестороннего анализа разных видов грамматических трансформаций как способа достижения адекватности перевода. Автор ставит задачи проанализировать содержание понятия «переводческая трансформация», рассмотреть наиболее значимые классификации переводческих трансформаций вообще и грамматических в частности, выявить основные виды грамматических трансформаций, использованных при переводе романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение».

Ключевые слова: грамматические трансформации, синтаксическое уподобление, грамматические замены, замена членов предложения, членение предложения, объединение предложений.

SUMMARY

Bondarenko N.Yu. Using grammatical transformations while translating the novel «Pride and Prejudice» by J. Austen

The article presents an attempt to analyse the usage of grammatical transformations while translating the novel «Pride and Prejudice»

by J. Austen. The topicality of the study lies in the necessity of full analysis of different grammatical transformations as a means to achieve the adequate translation. The author strives to analyse the notion «translation transformation», to study the most significant classifications of translation transformations in general and grammatical transformations in particular, to determine the main types of grammatical transformations used while translating the novel «Pride and Prejudice» by J. Austen.

Key words: grammatical transformations, word-for-word translation, grammatical substitutions, substitution of parts of sentence, partitioning of the sentence, integration of the sentences.

*А.І. Галкіна
(Горлівка)*

УДК 811.342.1

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ СИСТЕМ ПРИГОЛОСНИХ ЗВУКІВ У НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ

Розширення стосунків між представниками різних народів сприяє подальшому зростанню вартості знань іноземної мови. Оптимальне використання цих знань, а також способів і засобів їх набуття становлять об'єкт методики кожної іноземної мови. В рамках цього варто розглядати компаративне вивчення мов у сучасних умовах міжнародних стосунків [3]. Доцільно додати, що компаративне вивчення мов не лише вимагає ефективності уроку іноземної мови, а й допомагає отримати новий лінгвістичний досвід.

Відомо, що німецька мова як іноземна становить для українців певні труднощі, спричинені зокрема фонетично-фонологічними особливостями цієї мови. Дослідження цих особливостей порівняно зі специфічними рисами української мови поступово збагачує теорію мовного порівняння і допомагає усунути негативні результати засвоєння німецької мови в україномовній аудиторії.

Різні аспекти зазначеної проблеми досліджували радянські лінгвісти Л.В. Щерба, Л.Р. Зіндер, Н.С. Трубецької, Т.С. Богомазова, Т.С. Подольська, В.С. Попов, а також німецькомовні дослідники Й. Герхард Бунк, Г. Майнгольд, Е. Шток, на роботи яких ми спиралися під час аналізу.

Істотно зростають вимоги до кваліфікації та якості підготовки майбутніх фахівців, щоб забезпечити їх конкурентноздатність на ринку праці. Один із напрямів розв'язання даної проблеми – формування у студентів мовленнєвої культури, комунікативної

компетенції через навчання обох мов. Успішне навчання іноземних мов указує ставлення людини до життя, на її розуміння того, що Україна є невід'ємною частиною світу. Соціально-економічні та культурні тенденції розвитку українського суспільства викликають необхідність одночасного навчання декількох мов, що зумовлює актуальність дослідження.

Порівняння спільного в системах приголосних обох мов, а також докладний аналіз специфічного в системах приголосних обох мов шляхом дослідження функціонування мовних одиниць на фонетичному рівні у зіставленні української та німецької мовних систем складає мету роботи.

Опрацювання відповідної лінгвістичної літератури щодо консонантизму обох мов, дають підстави стверджувати, що система приголосних німецької мови нараховує на відміну від української менше приголосних фонем: коли українська мова має 32 фонем, німецька – 24 фонем разом з африкатами. Це пояснюється тим, що в українській мові м'які та тверді приголосні розрізняють як фонем. Усі приголосні української мови виступають у протиставленні: твердий (не палаталізований) – м'який (палаталізований). У німецькій мові протиставлення твердих та м'яких фонем відсутнє [6, с. 36].

Передусім треба звернути увагу на такі показники порівняльної характеристики систем приголосних німецької та української мов як: спільне та специфічне [7].

Аналізуючи системи приголосних німецької та української мов за ознакою спільного, можна зробити наступні висновки.

Як запевняють відомі спеціалісти з фонетики німецької мови О.Г. Космін, Г.А. Сулемова, в українській та німецькій мовах спостерігаються явища лабіалізації, дзвінкості – глухості, тривалості звучання та наявності африкатів у системах приголосних звуків, явища лабіалізованості – нелабіалізованості в системах голосних звуків [8, с. 19].

Доцільно почати розгляд випадків спільного в системах приголосних звуків німецької та української мов з такої характеристики приголосних звуків, як лабіалізація [9, с. 54].

Як вже було зазначено, лабіалізація (зокруглення випнутих уперед губ під час вимови деяких звуків) досягається шляхом висунення губ уперед і їх зближення [1]. В українській мові постійно значну лабіалізованими є приголосні [ш], [ж] (шовк, журба), а в решті лабіалізація з'являється під час впливу лабіалізованих голосних [о], [у] (вовк, кум). Лабіалізація приголосних в німецькій мові є більш помітною, ніж в українській, бо виникає вона внаслідок впливу більшої лабіалізації німецьких довгих голосних [a, e, i, o, u]. Наприклад: *Fuß*[fu:s], *rot*[ro:t]. Тільки

один приголосний німецької мови [ʃ] завжди лабіалізований. Наприклад: *spielen* [ʃpi:lən] [11].

Порівняємо системи приголосних у протиставленні за дзвінкістю – глухістю. До шумних приголосних української мови належать: [б], [д], [з], [ж], [дз], [дж], [г], [ґ], [п], [ф], [т], [с], [ш], [ц], [ч], [к], [х] [1, с. 104].

До шумних дзвінких належать: [б], [д], [з], [ж], [дз], [дж], [г], [ґ]. Глухі творяться тільки з шуму. Голосові зв'язки при їх творенні менш напружені і не дрижать. До шумних глухих належать: [п], [ф], [т], [с], [ш], [ц], [ч], [к], [х].

Дзвінки і глухі приголосні становлять співвідносні пари: [б]-[п], [д]-[т], [з]-[с], [ж]-[ш], [дз]-[ц], [дж]-[ч], [г]-[х], [ґ]-[к] [1, с. 105]. Дзвінки приголосні німецької мови [b], [d], [g], [v], [z], [j], [m], [n], [ŋ], [l], [r] і глухі: [p], [t], [k], [pf], [ts], [tʃ], [tʰ], [s], [ʃ], [x], [ç], [h] [1].

Приголосні українською та німецькою мов характеризують також за тривалістю звучання. Вивчення відносної тривалості звучання звуків дає змогу зіставити окремі групи приголосних. У німецькій мові найбільшу тривалість мають африкати [pf], [ts], [tʃ] (*Pferd, Blitze, Dolmetscher*), а найменшу – зімкнені [b], [d], [g] (*Berg, Dom, Geige*). В українській мові африкати [дз], [дж], [ц], [ч] також є найтривалішими (*дзеркало, раджу, цвіт, червень*) [2].

Після африкат найдовшими приголосними звуками німецької мови є щілинні глухі [ʃ], [ç], [x], [s], української мови – шумні [ш], [ж]. Спільним для мовних систем є також наявність африкатів.

Як відомо, африкати – це складні звуки, що утворюються поєднанням двох звукових елементів [3]. В українській та німецькій мовах є однакові африкати [ц]-[ts] (*церква – Zeit*).

Спільне в системах приголосних звуків німецької та української мов

Характеристика	Німецька мова	Українська мова
1.Лабілізація	[ʃ]	[ш], [ж]
2.Протиставлення за дзвінкістю-глухістю	Дзвінки: [b], [d], [g], [v], [z], [j], [m], [n], [ŋ], [l], [r] Глухі: [p], [t], [k], [pf], [ts], [tʃ], [tʰ], [s], [ʃ], [x], [ç], [h]	[б]-[п], [д]-[т], [з]-[с], [ж]-[ш], [дз]-[ц], [дж]-[ч], [Г]-[к], [г]-[х]
3.За тривалістю звучання	[pf], [ts], [tʃ], [s], [ʃ], [x], [ç]	[дз], [дж], [ц], [ч], [ж], [ш]
4.Наявність африкатів	[pf], [ts], [tʃ]	[дз], [дж], [ц], [ч]

В результаті вивчення був отриманий матеріал, аналіз якого дає змогу зробити висновок, що фонетична система сучасної

української літературної мови належить до консонантичного типу, тому що в ній кількісно переважають приголосні фонemi над голосними: приголосних – 32, голосних – 6, у той час як співвідношення німецьких приголосних до голосних є 24 до 8 відповідно. В цілому, це є спільним в обох мовах. Зазначені вище характеристики, такі як лабілізація, протиставлення за дзвінкістю-глухістю, за тривалістю звучання та наявність спільних африкатів є однаковими в фонетичних системах обох порівнюваних мов [10, с. 17].

Особливу увагу при порівнянні приголосних звуків німецької та української мов необхідно приділити специфічному. Специфічне виділяється для того, щоб при вивченні другої іноземної мови можна було відокремити явища, які відрізняються від тих, що існують в рідній мові.

Специфічними можна вважати ті явища, які є неповторними та унікальними [9].

Теоретичний аналіз літератури дозволив виділити основні специфічні аспекти фонетичної системи німецької мови. Як вже було зазначено, в німецькій мові приголосні звуки вимовляються з аспірацією. В українській мові артикуляції приголосних не притаманна аспірація. Аспірація відбувається при вимовах глухих зімкнених [p], [t], [k] німецької мови. Наприклад: *Post, Tür, kalt* [11].

При артикуляції німецьких приголосних мускульне напруження та сила повітряного потоку більші, ніж в українській мові. При цьому глухі приголосні є більш напруженими, ніж дзвінки [1].

В німецькій мові існує задньоязиковий зімкнений носовий сонант [ŋ]. Він є одним із найважчих при засвоєнні звуків. Як відомо, [ŋ] – один із найкоротших приголосних звуків німецької мови. У вимові бере участь задня спинка язика, а м'яке піднебіння опускається [4, с.57]. Наприклад: *Zeitung* [ˈtsaetʊŋ], *jung* [jʊŋ]. В українській мові такого звука немає [2].

В німецькій мові відсутнє подовження приголосних звуків. Подвійне написання приголосних вимовляється як один звук. Наприклад: *rennen* [ˈrɛnən], *Tannenbaum* [ˈtanənbaum] [9, с. 116].

Як в українській, так і в німецькій мові є звуки-вібранти. Але вони кардинально відрізняються один від одного. Вібранти німецької мови [r], [ʀ] та вібрант української мови [r] важко зіставляти, хоч передньоязикове [ʀ] та українське [r] схожі за артикуляційним укладом. Більшого поширення, ніж передньоязикове [ʀ], набуло увулярне [ʀ], якого немає в українській мові і навколо якого спостерігається велика варіативність [4, с. 90]. Можна встановити такі основні типи: передньоязикове [ʀ] (*Ruhe, Rhabarber*), увулярне [ʀ] (*Ort, heraus*) і вокалізоване [ʀ] (*wir, oder*). Передньоязиково

[□] артикулюється у німецькій і в українській мові загнутим назад кінчиком язика. Однак у німецькій мові артикуляція дещо послаблена, здебільшого спостерігається лише один слабкий «удар», тоді як в українській мові зазвичай спостерігаються два-три «удары» [3]. Увулярне [□] утворюється завдяки вібрації маленького язичка, а задня спинка язика підіймається до м'якого піднебіння. Увулярне [□] переважно дзвінке. Вокалізоване [□] утворюється внаслідок розширення щілини. Тембр [□] подібний до [a] з домішкою [oe] [5].

Треба зазначити, що і в українській і у німецькій мовах є фарингальні звуки, але вони відрізняються за місцем творення і тим, що у німецькій мові [h] – глухе, а в українській [г] – дзвінке. Наприклад: нім. *heute, Sporthalle*, укр. *гілка, перемога* [9, с. 124].

Специфічне в системах приголосних звуків німецької та української мов

Характеристика	Німецька мова	Українська мова
1.Губний африкат [pf]	[pf]	-
2.Губний африкат [дз]	-	[дз]
3.Подовження	-	+
4.Вимова з аспірацією	[p], [t], [k]	-
5.Вимова з мускульним напруженням мовленнєвого апарату та силою повітряного потоку	[p], [t], [k], [pf], [ts], [tʃ], [t], [s], [ʃ], [x], [ç], [h]	-
6.Наявність задньоязикового зімкненого носового соната [ŋ]	[ŋ]	-
7.Особливості артикуляції вібрантів	[r]-[□]-[□]	[p]
8.Особливості артикуляції фарингальних звуків	[h]	-

Засвоюючи особливості артикуляції вібрантів та фарингальних звуків у німецькій мові, спираємося на українську мову.

У німецькій мові є губний африкат [pf], при вимові якого губний зімкнений елемент африката не закінчується вибухом, як це відбувається у всіх зімкнених, а поступово переходить у щілину, що утворюється між верхньою губою і нижніми зубами. Щілинний елемент африката трохи довший від зімкненого [b]. Наприклад: *Pfeife, Zopf*.

В українській мові є африкат [дз], який являється дзвінкою парою глухому [ц]. Наприклад: дзвоник, дзьоб [2].

В українській мові приголосні звуки подовжуються. Наприклад: *століття* [столітт`а]. В німецькій мові подвоєння

літер на письмі не матиме подовження в артикуляції, порівняймо: укр. *століття* [столітт`а], нім. *Schritte* [ʃrɪtɪ] [11, с. 183].

Специфічні явища в системах приголосних та голосних звуків української та німецької мов є неповторними і виділяються для того, щоб при вивченні другої іноземної мови враховувати їх складність і виділяти більше часу на їх опрацювання. Такі специфічні явища, як особливості артикуляції вібрантів та фарингальних звуків у німецькій мові спираються на українську мову, а мускульне напруження апарату, наявність задньоязикового зімкненого носового сонанта [ŋ], подовження приголосних звуків потребують спеціального опрацювання і тому при їх вивченні доцільно спиратися на попередньо опрацьований матеріал з німецької мови [11, с. 190].

Теоретичний аналіз літератури показує, що проблема особливостей німецьких приголосних досліджувалася досить широко. У той же час цілий ряд конкретних питань, пов'язаних з порівняльною характеристикою німецьких приголосних із приголосними української мови залишалися недостатньо опрацьованими.

Вивчення фонетики іноземної мови з опорою на рідну мову значно допомагає студенту опанувати її, насамперед з питання спільного в обох мовах. Під час цього ми переносимо вже існуючі знання на другу іноземну мову, порівнюємо за аналогією. Однак, наявність специфічного, тобто унікального в порівнюваних мовах, викликає значні труднощі при засвоєнні фонетичних особливостей приголосних німецької мови. Тому результати проведеного нами аналізу дозволяють зробити вагомий висновок, спрямований на подолання можливих труднощів.

Отже, основні відмінності німецьких приголосних звуків від українських:

1. Пом'якшення приголосних, або палаталізація, яке відбувається під час підняття середньої частини язика до твердого піднебіння, що є характерним для української мови при вимові приголосних перед голосними переднього ряду, наприклад, *dimi, timka*. У німецькій мові немає м'яких голосних і немає явища палаталізації, порівняймо: нім. *Tisch, Tinte*. Однак, як зазначає Богомазова Т. С., декілька пом'якшена вимова приголосних зустрічається в німецькій мові тільки у приголосних [t], [k], [g], [ŋ] в окремих позиціях: ці приголосні вимовляються м'якше перед та після голосних і, е, ө, ü, наприклад: *er kann ma können, gut ta gehen* [4]. Українці, що вивчають німецьку мову, часто переносять палаталізацію на німецьку манеру мовлення, що є фонетичною помилкою.

2. Німецькі глухі приголосні вимовляються, на відміну від українських, з напругою і придихом (Aspiration). Наприклад,

Peter – під час артикуляції [p] внаслідок сильного видиху відбувається енергійний розрив губного зімкнення і виникає аспірація. Особливо потужній придих мають німецькі глухі приголосні [p], [t], [k] у наголошеному складі перед голосними, а також у кінці слова, порівняймо: укр. *так* і німецьке *Tag* [ta: k] [12]. Напруження артикуляції і різні ступені придиху німецьких глухих фрикативних звуків залежить від їхньої позиції в структурі слова – сильніший або слабкіший придих; воно найсильніше в початковому звуці перед наголошеним голосним і в абсолютному кінцевому звуці наголошених складів, наприклад: *Kind, Tier, Park*, слабке – у ненаголошених складах перед редукованими голосними, наприклад: *Palast, Tablette, Kosmetik* [10, с. 88].

3. Німецькі сонанти вимовляються більш дзвінко і тривало, ніж українські. Особливо в позиції після короткого голосного, у кінці слова і перед приголосним, порівняймо: німецьке *Damm* і українське *дам* [1].

4. Німецькі дзвінкі приголосні вимовляються менш дзвінко, ніж українські, особливо після паузи або глухого приголосного. Таким чином, приголосні скоріше напівдзвінкі. Напівдзвінкість дзвінких голосних позначається в транскрипції зірочкою [*] наверху перед приголосним [*das *bu:x*] [6].

5. В німецькій мові дзвінкі голосні стають глухими не тільки у кінці слова, як в українській, але й у кінці складу, порівняймо: *gelb* [g□lp], *gelblich* [,gelpl□] їста укр. *дуб, дубина* [5].

6. Подвоєні при написанні приголосні в німецькій мові, на відміну від української, під час вимови не подвоюються, вони вимовляються як один звук, порівняймо: *безробіття* [*безробіття*], *Schritt* [6]. Однак, на межі слів і морфем подвоєння приголосного є обов'язковим, напр., *am Morgen, annehmen, Stilleben*.

7. Німецькі приголосні [t], [d], [n] є альвеолярними: під час їх вимови кінчик язика торкається не передніх верхніх зубів, як це відбувається в українській мові під час [т], [д], [н], а альвеол, напр.: нім. *tanzen, Dienstag, nehmen*, укр. *танцювати, дорога, настрій* [9, с. 102].

8. В німецькій мові немає поділу на тверді та м'які приголосні, що є важливою розпізнавальною ознакою української мови, напр., *кін – кінь, кіл – кіль, тин – тіль* [8].

9. У німецькій мові є губний африкат [pf] і відсутній губний африкат [дз], що є характерним для української, напр.: *das Pferd*, укр. *дзеркало* [1].

10. Наявність задньоязикового зімкненого носового сонанта [ŋ] потребує окремого опрацювання, напр.: *fangen, Ausbildung, Menge*.

11. В німецькій мові діють інші закони асиміляції (уподібнення), ніж в українській. В українській мові подальший приголосний завжди уподібнює дзвінкий приголосний, що передує, за глухістю, напр., *підківка*, або за дзвінкістю, напр., *з гори*. Для німецької мови характерна тільки асиміляція за глухістю, тобто глухий приголосний завжди уподібнює дзвінкий, що стоїть поряд, напр., *du gibst* [p], *ale geben* [b]. Асиміляція може бути прогресивною (діє на наступний приголосний) або регресивний (діє на попередній звук). У прикладі «*du gibst*» ми говоримо про регресивну асиміляцію, де «s» впливає на «b» і повністю його оглушує. У випадку прогресивної асиміляції наступний дзвінкий приголосний оглушується лише частково і стає напівдзвінким, напр., *das Dach* [*d], *die Aufgabe* [*g] [9].

Приєднуючись до думки багатьох фонетистів і спираючись на результати нашого дослідження, стає зрозуміло, що урахування вище виявлених специфічних особливостей німецьких приголосних у порівнянні з українськими надасть змогу студентіві уникнути можливих фонетичних труднощів.

ЛІТЕРАТУРА

1. Зіндер Л.Р. Теоретичний курс фонетики сучасної німецької мови: Навчальний посібник / Л.Р. Зіндер. – М.: Академія, 2003. – 160 с.
2. Тоцька Н.І. Сучасна українська літературна мова. Фонетика, орфоепія, графіка, орфографія / Н.І. Тоцька. – К.: Вища школа, 1981. – 183 с.
3. Трубецької Н.С. Основи фонології / Н.С. Трубецької. – М.: 1960. – 372 с.
4. Богомазова Т.С., Подольская Т.Е. Теория и практика по фонетикенемецкого языка (для повышения квалификации преподавателей высшей школы) / Т.С. Богомазова, Т.Е. Подольская. – М.: Лист Нью, 2004. – 240 с.
5. Новиков Д.М. Фонетика немецкого языка / Д.М. Новиков, Т.Г. Агапитова. – М.: Высш. шк., 1986. – 239 с.
6. Шишкова Л.В. Вводный фонетический курс немецкого языка / Л.В. Шишкова, А.В. Детинина, О.А. Бибин. – Л.: Просвещение, 1977. – 249 с.
7. Bunk J.S. Gerhard. Phonetik Aktuell / J.S. Gerhard Bunk. Max Hueber Verlag. – 2006. – 86 s.
8. Kosmin O.G. Praktische Phonetik der Deutschen Sprache / O.G. Kosmin, G.A. Sulemova. – М.: Просвещение, 1990. – 224 с.
9. Meinhold G. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache / G. Meinhold, E. Stock. – 2. durchgesehene Aufl. – Leipzig, 1982. – 256 s.

10. Popow W. Übung macht den Meister / W. Popow. Lernwerk in deutscher Phonetik. – Tula, 2006. – 179 S.
11. Zacher O. Deutsche Phonetik / O. Zacher. – 2. Aufl. Leningrad, 1969. – 202 S.

АННОТАЦИЯ

Галкина А. И. Сопоставительный анализ систем согласных звуков в немецком и украинском языках

В данной статье представлен сравнительный анализ систем согласных звуков немецкого и украинского языков путем определения одинакового и специфического в системах двух языков.

Ключевые слова: фонетическая система, консонантизм, артикуляция звука, одинаковое и специфическое, фонетические трудности.

SUMMARY

Galkina A. I. The comparative analysis of consonant systems in the German and the Ukrainian languages

The article presents the comparative analysis of consonant systems in the German and the Ukrainian languages by means of determination of identical and specific features in the systems of two languages.

Key words: phonetic system, consonantism, sound articulation, identical and specific, phonetic difficulties.

*Ю.Ю. Жуков
(Горловка)*

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ФОРМЕ КОНЦЕПТА ‘ЗАКОН’ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО НАРОДА

Актуальным для современного языкознания является применение концептуального подхода к исследованию единиц разных уровней языка. Под концептом традиционно понимается оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [3, с.91]. Из данного определения вытекает, что концепт не просто ментальная единица, это квант знания, включающий как объективную, научную информацию об определенном явлении, так и субъективные оценки, отношения, связи с другими явлениями действительности и ассоциации. Следствием различного восприятия и содержательного наполнения концептов с одним

и тем же именем представителями разных региональных, социальных, этнических групп является различное восприятие мира, вызванное спецификой жизненных условий, образом жизни, культурой.

Для исследования содержательного наполнения концептов изучаются его реализации на всех уровнях языка. Однако наиболее значимые признаки концептов, а следовательно, и концептуальной картины мира закреплены в лексике и фразеологии. Значимость концепта для определенного народа или группы определяется его вербальной реализацией в устойчивых словесных комплексах, паремиях, в своеобразных коннотациях лексических единиц, связанных с именем концепта или именами, близкими к ядру концепта. Язык, таким образом, выступает в качестве «посредника» между внутренним миром человека, его сознанием и познаваемой действительностью.

Проблема исследования концептосферы русского народа связана с моделированием системы ценностей, доминант его культуры. Для этого выделяются наиболее значимые, ценностные концепты и рассматриваются языковые средства их вербализации. К числу таких «констант» [7] относится и концепт ‘Закон’, содержание которого и средства его актуализации еще недостаточно изучены. Цель данной статьи – исследовать отношение субъекта как представителя русской лингвокультуры к понятию «закон», закрепленное и оформленное средствами языка – фразеологизмами, паремиями, лексико-семантическими полями, системой синонимов, антонимов, словообразовательных структур и др. Задача – описание языковых средств вербализации концепта ‘Закон’, моделирование его структуры и определение места концепта ‘Закон’ в русской концептосфере.

Концепт ‘Закон’ является культурной константой [7], постоянно присутствующей в языковом сознании русских, выступает относительно устойчивым ментальным образованием. Характерными признаками данного концепта являются: 1) согласие, 2) кодифицированная норма поведения, санкционированная государственной властью, 3) неписаная, но строго соблюдаемая норма поведения, продолжающая вековые традиции, 4) запрет, 5) обязанность, 6) дозволение, 7) источник права. Если наивно-языковое представление концепта ‘Закон’ в западноевропейском (английском, немецком) языковом сознании связано с пониманием закона как гаранта свободы и установленной нормы, то в русском языковом сознании – как предела, ограничителя свободы.

Следует отметить, что в русской концептосфере концепт ‘Закон’ существует в трех различных сферах культуры, в силу

чего семантика его имени имеет три основных компонента: закон юридический (об уголовном, административном правонарушении); закон моральный либо духовный; закон науки, природы. В силу своей социокультурной значимости нас интересуют способы вербализации первого компонента данного концепта и его взаимосвязь со вторым компонентом [7, с.427].

‘Закон’ как один из значимых концептов, который влияет на мировосприятие человека и регулирует его социальное поведение ассоциируется в сознании людей с идеей его нарушения и с оценкой его соблюдения (недостаточное, чрезмерное соблюдения закона; ср.: *следовать букве закона, закон не писан*).

Семантическое значение имени концепта может стать базой, основой для анализа содержательной стороны концепта. В словаре В. И. Даля слово *закон* понимается как «предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти» [2]. Интерес представляет понимание закона как границы свободы и гаранта свободы в русской культуре. В соответствии с данными этимологического анализа в российской культуре слово *закон* восходит к *конь* – «начало» и «конец», сначала, вероятно, *кол, столб* (который служит, например, для разграничения земельных участков). От того же корня **kon-* // **ken-* происходит «возникать, начинаться; начинать, положить начало чему-либо» и глагол *seti* «начать», который путем префиксальной трансформации отразился в русском глаголе *на-чать* [8, с.75]. Таким образом, *кон* – это предел, грань между началом и концом, а *за-кон, закон* – это граница [7, с.428]. Этимология имени концепта в русском языке по-своему уникальна. Она коренным образом отличается от этимологии имени идентичного концепта в западноевропейских лингвокультурах, например, немецкой. В соответствии с этимологическими словарями немецкого языка имя концепт ‘Gesetz’ (закон) является близким понятию *zu setzen* – ‘устанавливать’, а также с понятиями устава, нормы, правила. В русской же лингвокультуре закон наиболее близок к понятию преграды, ограничения свободы, как уже было отмечено выше.

Государственные законы в значительной степени опираются на нормы морали, то есть на неcodифицированную форму регулирования социокультурных отношений. Нормы морали находят отражение в поступках людей и реакции на них. При этом типичные реакции формулируются в виде пословиц, афоризмов и других устойчивых выражений, а также в сжатой форме выражаются в значениях слов и фразеологизмов [4, с.81]. Анализ лексикографических и справочных источников по русскому языку показал, что фразеологизмы и устойчивые выражения, в

форме которых имеется в наличии имя исследуемого концепта, в большей степени получают негативную эмоциональную окраску: «*закон не писан*»; «*закон, что дышло*»; «*драконовские законы*» [1, с.233-235]. Такое отношение может быть связано с традиционно низким уровнем исполнения законов, их несовершенством и несоответствием современным условиям жизни. Однако, с другой стороны, в русской лингвокультуре закреплены также образцы почтительного и уважительного отношения к законам: «*неписанный закон*», «*по закону*», «*закон есть закон*» [7, с.165]. В этих случаях речь идет о законах неписанных, т.е. не закрепленных документально, а это целиком и полностью относится к правилам, установкам морали, народной справедливости. Наибольшей эффективностью пользуются правовые нормы, которые основываются на нормах морали, закрепленных в памяти, сознании народа. Еще одним примером репрезентации концепта ‘Закон’ является регулирование супружеских отношений. Вступление в брак обозначается выражением «*принимать / принять закон*», развод – сочетанием «*разбить закон*», прожить жизнь в одном браке – «*жить в одном законе*» [4, с.242-243]. То есть, законом регулируются почти все межличностные и гражданские отношения.

Такие противоречия в отношении носителей лингвокультуры к разным компонентам одного и того же концепта: положительном к моральным законам и отрицательным к законам государственным, юридическим могут быть признаком неоднородности, а порой и несовершенства законных норм и требований. С другой стороны, вариативность отношений к такому социальному явлению, как закон свидетельствует о постоянном развитии общества, об изменениях в национально-культурном и общественном сознании носителей русского языка.

Проведенный анализ лексикографических и этнографических источников позволяет сделать вывод о том, что концепт ‘Закон’ занимает одно из центральных мест в языковом сознании русского народа и может считаться одним из ключевых. Результаты исследования позволяют сделать вывод о преимущественно негативном отношении к государственным законам и положительном, почтительном – к законам моральным, народным, духовным. Поэтому для создания положительно работающей правовой системы следует использовать фактор сходства моральных и государственных законов, показывать их единое начало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф.

- словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. – 926, [2] с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс] В. И. Даль. – Режим доступа : <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/zakon/8845/>; <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/volya/3599/>
 3. Кубрякова, Е.С. (общ. ред.) Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова. – М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
 4. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007. – 784 с.
 5. Палашевская, И. В. Закон / И. В. Палашевская // Антология концептов. Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Том 1. – Волгоград : Парадигма, 2005. – С. 92-110.
 6. Палашевская, И. В. Концепт ‘закон’ в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Ирина Владимировна Палашевская. – Волгоград, 2001. – 196 с.
 7. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
 8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : В 4 т. – Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986. – 672 с.
 9. Фразеологический словарь русского языка : Свыше 4000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; Под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз, 1986. – 543 с.

АННОТАЦИЯ

Жуков Ю. Ю. К вопросу о содержании и форме концепта ‘закон’ в концептосфере русского народа

Статья посвящена исследованию концепта ‘Закон’ в русской лингвокультуре. Проводится этимологический анализ имени исследуемого концепта, анализируются примеры модификаций формы и значений имени данного концепта на различных этапах исторического развития языка. Цель работы состоит в определении значимых признаков рассматриваемого концепта для носителей русской лингвокультуры. Для достижения цели проводится анализ фразеологических единиц, которые являются языковыми репрезентантами данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультура, языковая картина мира, концепт, закон, языковая репрезентация, фразеологизм.

SUMMARY

Zhukov Yu. Yu. The content and language representation of the concept ‘Law’ in Russian linguistic culture

The article is devoted to the research of the verbalization means of the concept ‘Law’ in the Russian culture. The research of the concept ‘Law’ is necessary for penetration into another mentality and optimization of intercultural communication. The etymology of the name of the concept under study is analysed, the author presents the examples of the forms’ and meanings’ modifications of this concept’s name at different stages of the historical language development. The next stage of research could be the analysis of phraseological units, set expressions and free word combinations with the name of the concept ‘Law’. The purpose of the work consists in the definition of meaningful signs and ways of verbalization of the concept in the Russian linguistic culture. For achievement of the purpose special regard is given to the analysis of the structure, the content, the emotional background of fixed phrases and proverbs, which are language representatives of this concept.

Key words: linguistic culture, language space, concept, law, linguistic representation, phraseological unit.

*О.В. Зеленова
(Горловка)*

УДК 347.78.034

НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Ни один язык не может оставаться в стороне от общества и не отреагировать на изменения в жизни носителей языка, которые вызваны новыми реалиями XXI века, событиями глобального масштаба. В 90-е годы XX века среди основных «поставщиков» инноваций отмечали такие сферы как политика, масс-медиа и Интернет [6, с. 145]. Но и в начале нового столетия, в сферах, которые находятся под влиянием такого макросоциального показателя, как информационная революция, продолжают происходить речевые процессы на лексико-семантическом уровне.

С «интернетизацией» общества, связано, в частности, большое количество лексико-фразеологических инноваций последнего времени. Интернет является частью пространства, которое ученые называют «информационной экологией» (*information ecology*). Под «информационной экологией» понимают «новую истему людей, процессов, ценностей и

соответствующих технологий» [5, с. 49]. Главной отличительной чертой человека, как «конституэнта» информационной экологии ученые считают его «информоядность» [1, с. 17]. Подчеркивается, что современный человек функционирует за счет «поедания» информации. Именно поэтому в английском языке такой человек получил название – характеристику в виде неологизма *informavore* (сравните известные слова, которые характеризуют животный мир с точки зрения источников питания – *carnivore, herbivore*).

С понятием «информоядность» связан целый ряд других новообразований. К ним относятся, например, словосочетания *information food chain, information forage, information forager, information foraging*. В своей семантике они продолжают «биоаналогию», заложенную в неологизме *informavore*. Так, новое словосочетание *information foraging* означает поиск новой информации способами и методами, которые используются животными для добычи пищи:

Information foraging theory...views humans as informavores, continually seeking information from our environment. In a sense we are foraging for information, a process with parallels to how animals forage for food. For both human and animal there are cues in the environment that help us judge whether to continue foraging in the same location or to forage elsewhere.

Целый ряд лексических единиц закрепился за информационной техникой и стал ключевыми словами, «центрами словообразовательных и фразообразовательных парадигм» [2, с. 59]. Это касается, прежде всего, семантических неологизмов – существующих в речи слов, которые приобрели новые значения в условиях компьютеризации. Например, *digital, net, virtual, silicon, web* и т.д.

Слово *digital*, как правило, переводится на русский язык как «цифровой», но с конца XX века это слово приобрело значение «компьютеризированный, связанный с компьютерами». Именно это значение реализуется в серии неологизмов, которые возникли на базе этой лексической единицы: *digitalization* – «широкое использование компьютерной техники», *digiteer* – «сторонник использования современной техники», *digithead* – «аматор компьютерной техники», *digitocrat* – «предприниматель, руководитель корпорации, фирмы, которая производит компьютерную технику», *digital terrorism* – «манипуляция графическим изображением с помощью компьютера».

Понятие «виртуальное образование (через Интернет)», которое раньше выражалось словами *cybereducation*, начало также обозначаться неологизмом *digital learning*:

But some rivals say Bush's role in Ignite could help the firm cash in

on a booming new market in digital learning.

Компьютерный «разрыв» поколений в области образования ведет к неудовлетворенности значительной части учеников старших классов средней школы, студентов университетов методикой обучения, учителями, преподавателями, поскольку «интернет-грамотные» ученики и студенты считают использование Интернета для поиска информации, знаний более эффективным и интересным способом обучения в сравнении с той методикой, которую предлагает преподаватель в аудитории.

С этим явлением связано и появление неологизма *digital disconnect* для обозначения несоответствия традиционной методики возможностям обучения с помощью современной техники, которую широко использует молодое поколение:

The «digital disconnect» has become more pronounced as teens have flooded the Internet. A July 2002 Pew survey estimates that 78% of teens 12 to 17 go online.

Обращаясь к сельскому хозяйству в развитых странах Запада, то в последнее время газеты все чаще пишут про «новую аграрную революцию», которая реализуется, в частности, в появлении все большего количества полностью компьютеризированных ферм, которые получили название «цифровых ферм» (*digital farms*):

A digital farm: we've gone from cows to computers.

Примером для появления неологизмов с лексемой *virtual* стало выражение *virtual reality*, которое означает «виртуальную реальность» – гипотетический мир образов, картин, ситуаций, созданных с помощью компьютерной графики и специальных программ. В дальнейшем слово *virtual* приобретает значение «созданный с помощью компьютерных систем, связанный с компьютерами, с Интернет» и образуются такие неологизмы: *virtual ad* – «реклама, которая осуществляется через Интернет», *virtual degree* – «образование, которое получается заочно через Интернет», *virtual executive* – «руководитель, который общается с подчиненными с помощью компьютерной техники», *virtual office* – «рабочее место дома, оснащенное компьютерной и телекоммуникационной техникой». Как видно из примеров выше, «перевод таких неологизмов при помощи только интернационализма виртуальный будет недостаточным для понимания» [2, с. 60].

Лексема *silicon* приобрела значение «мир компьютерной техники, особенно ее производство». В словосочетаниях с названием местности она вводит понятия центра производства электронной, компьютерной, информационной техники в разных странах, которые образовались по аналогии с *Silicon Valley* – «центр производства компьютерной техники в США»: *Silicon Wadi*

(Израиль), *Silicon Island* (Тайвань), *Silicon Glen* (Шотландия), *Silicon Bog* (Ирландия), *Silicon Valley North* (Канада).

Возникают определенные трудности в процессе перевода компьютерных неологизмов «в связи с функционированием новых словообразовательных элементов и «инфоспециализацией» некоторых существующих» [2, с. 61]. Так, по аналогии со словом *software* была образована многочисленная группа неологизмов, которые означают виды и типы компьютерных программ. Таким образом, возник продуктивный словообразовательный элемент – *ware*, который вводит понятие «компьютерная программа». Но при переводе производных единиц необходимо учитывать семантику основы и также приводить детальное описательное толкование, поскольку элемент – *ware* может употребляться в переносном значении для передачи понятий, не связанных с компьютерной техникой. Например, *merchantware* – «программа для проведения торговли через Интернет», *vapourware* – «только что сделанная программа, которая еще не продается потреби телям», *humanware* – «человек как часть системы», *geneware* – «гены, которые что вводятся в клетки растений с целью изменения их генетической структуры».

Сеть Интернет создала самые широкие возможности для «электронной торговли». Уже в 2001 году объем торговли через Интернет достиг 51,3 миллиарда долларов [4, с. 165-166]. С «электронной торговлей» соотносятся десятки новых слов и словосочетаний последних лет, например, единицы, которые служат для обозначения такой торговли (*cybercommerce*, *cybershopping*, *E-shopping*, *electronic shopping*, *electronic commerce*, *Internet shopping*), для введения понятия “электронные деньги” (*cybercash*, *cybermoney*, *cybercurrency*, *E-cash*, *E-money*, *virtual money*), для названия «электронных» магазинов, торговых центров (*cybermall*, *cyberplaza*, *cybershop*, *E-mall*, *electronic shop*, *E-partment*, *virtual store*). Как видно из примеров, наиболее продуктивными словообразовательными элементами для образования лексем для обозначения видов электронной торговли является *-cyber* и *e-*. Афиксоид *-cyber* раньше функционировал в английском языке в составе лишь некоторых слов. Сегодня количество производных с этим элементом невозможно посчитать. Этот элемент образует производные, которые отражают широкий спектр значений, связанных с компьютерной техникой, с Интернет, и требуют перевода с пояснением. Достаточно широкий семантический диапазон имеет элемент *e-*, который считается приставкой. Этот элемент является фактически полным синонимом афиксоида *-cyber*, также отражая понятия, связанные с компьютерной техникой, с Интернет.

Например, вводится система расчетов Интернет с помощью

“виртуальных денег”, которые наряду с уже перечисленными общими названиями, могут иметь и такое наименование, как *e-gold*:

And there are virtual currencies, such as beenz, flooz, e-gold and idollars to be spent on the web.

С интернетовской системой расчета связано и создание неологизма *e-wallet* для обозначения компьютерной базы или веб-сайта с информацией про конкретного человека. «Электронный кошелек» дает возможность быстро получить определенную информацию для приобретения товаров и услуг через Интернет.

Были образованы не только такие слова, как *e-retail*, *e-retailer*, *e-retailing* для обозначения понятия розничной торговли через Интернет, но и их более “экономичные”, усеченные варианты – *e-tail*, *e-tailing*, *e-tailer*:

Shopping on the Internet is booming. And Amazon is the best known e-tailer... Yet the conclusion that there is no difference between e-tail and retail is overblown.

These days, much of the hype about Internet shopping has died down as the stock prices of e-tailers have cratered.

В Великобритании несколько лет тому назад ввели официальную должность чиновника, ответственного за развитие электронной торговли через Интернет – *e-envoy*:

Steve March of the Office of the e-Envoy told an e-government conference last month that so far about 70% of government services can be accessed via the Internet.

Этот чиновник работает под руководством «электронного министра» – *e-minister*.

Налогоплательщики уже сейчас имеют возможность отправлять свои декларации о доходах «электронно», что значительно ускоряет процесс регулирования их отношений с налоговой службой. С этой процедурой связано и появление инноваций *to e-file*, *e-filing*:

Filing your income tax returns electronically won't make you taller, stronger or better looking. But if receiving your tax refund makes you happy, e-filing could hasten the joyous event. Taxpayers who e-file get their refunds in three weeks, vs. up to six weeks for a paper return, according to the Internal Revenue Service.

В политической сфере «электронная демократия» достигла такого уровня, что в некоторых странах, например, в Словении, Эстонии функционируют «электронные правительства» – *e-government*, «электронные кабинеты министров» – *e-cabinet*. Такие правительства проводят свои заседания «на расстоянии», с помощью компьютеров, электронной почты и других способов коммуникации:

Ministers feel obliged to log on and vote in e-cabinet sessions even

when on holiday.

Steve March of the Office of the e-Envoy told an e-government conference last month that so far about 70% of government services can be accessed via the Internet.

Влияние, которое испытывают на себе различные науки в процессе инфореволюции, в общем, отражается неологизмом *e-Science*. Он был создан для обозначения современного этапа развития наук:

E-Science is science which is increasingly done through distributed global collaborations enabled by the Internet, possibly using very large data collections, tera-scale computing resources and high performance visualisation to achieve its objectives.

При переводе лексических новообразований с давнующими интернациональными элементами *tech(no)-*, *tele-* не обходимо учитывать их специализацию в условиях информационной революции. Они используются для образования производных, которые отражают понятия, связанные с современной компьютерной, телекоммуникационной, информационной технологией. Например, в последнее время автомобиль, как отмечают ученые, представляет собой «компьютер на колесах» [3, с. 84]. В ближайшие годы автомобили будут оснащены автоматической системой управления, которая базируется на соединении водителя, автомашины с компьютерами, искусственными спутниками и Интернет. Эта система получила название *telematics*. Эта лексическая единица может быть переведена на русский язык при помощи транслитерации – «телематика» и дополнительного пояснения.

That is only one of the many ways your life is about to be changed through telematics – a vast array of wireless connections between you, your car, computers, sattellites and, yes, the inevitable Internet.

Огромное влияние информационной революции испытывают на себе средства массовой информации. Возникли, например, такие новые понятия, как *technomedia*, которые также переводятся при помощи транслитерации – «техномедия» и дополнительного пояснения – «средства массовой информации, которые непосредственно связаны с современной техникой – специальные периодические издания, программы радио и телевидения».

Таким образом, рассмотренный материал свидетельствует о том, что информационную революцию можно действительно считать одним из влиятельных показателей инновационных процессов, направленных на обогащение словарного состава английского языка на современном этапе его развития. В связи с этим возникают определенные трудности в процессе переводческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зацный Ю. А. Современное англоговорящее общество и развитие словарного запаса английского языка / Ю. А. Зацный. – Запорожье: Изд-во Запорожского нац. ун-та, 2006. – 443 с.
2. Зацный Ю. А. Информационная революция и некоторые проблемы перевода / Ю. А. Зацный // Вестник СумГУ. – 2001. – №5. – С. 59-61.
3. Eisenstein P. A. Tecno Marvels // P. A. Eisenstein. – Newsweek. – 2000. – Oct. 23. – P. 84-85.
4. Keller E. The Influentials / E. Keller., J. Berry. – New York : The Free Press, 2003. – 353 p.
5. Nardi B. A. Information Ecologies / Nardi B. A., O'Day V. L. – Using Technology With Heart / Cambridge, MA : MITPress, 1999. – 293 p.
6. Stein G. Twentieth Century Words // International Journal of Lexicology. – Vol. 14. – # 2. – June 2001. – P. 145-148.

АННОТАЦИЯ

Зеленова О. В. Неологизмы в сфере компьютерных технологий и некоторые проблемы перевода (на материале английского языка)

В данной статье рассматривается вопрос формирования неологизмов в сфере компьютерных технологий и проблемы их перевода. Особое внимание уделено неологизмам Интернет-сферы, которую называют «информационной экологией». Рассматривается такое понятие, как «информоядность», с которым связан ряд лексических новообразований. В статье сделан вывод, что революция в информационном пространстве стала двигателем инновационных процессов, которые ведут к обогащению словарного запаса английского языка, что непременно ведет к появлению трудностей при переводе.

Ключевые слова: неологизм, продуктивный словообразовательный элемент, информационная экология, информоядность, электронная торговля.

SUMMARY

Zelenova O. V. Neologisms in the sphere of computer technologies and some problems of their translation (on the base of English)

This article treats the question of forming neologisms in the sphere of computer technologies and some problems of their translation. The particular attention is paid to the neologisms of the Internet sphere which is called «the informative ecology». The author regards such notion as «informative pantophagy», which is closely connected with

certain lexical innovations. It is concluded that the revolution in the informative space has become the engine to the innovative processes that lead on the one hand to the enlargement of the English vocabulary and on the other hand to problems of their translation.

Key words: neologism, productive word-building element, informative ecology, informative pantophagy, e-retail.

*Л.И. Колесникова
(Горловка)*

УДК 81.0

ТИПОЛОГИЯ СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Возможности словообразования огромны. Являясь основным источником пополнения словарного запаса, оно постоянно находится в центре внимания лингвистов. Вопросам словообразования уделяли большое внимание М. Д. Степанова, В. Д. Девкин, И. И. Чернышева, Н. М. Шанский, Е. С. Кубрякова, К. А. Левковская, зарубежные исследователи языка В. Фляйшер, Т. Шиппан, И. Эрбен, Л. Вайсбергер, Ф. Клуге и др.

По мнению современных исследователей немецкого языка, словообразование является относительно самостоятельной дисциплиной, тесно связанной как с синтаксисом, так и с лексикологией (М. Д. Степанова, В. Фляйшер, В. П. Кочетков, Ю. А. Миронец и др.).

В немецком и русском языках описаны и продолжают изучаться единицы словообразовательной системы: способы словообразования, словообразовательные типы и средства, служащие образованию новых слов разных частей речи. Изучение словообразовательной системы позволяет проследить за процессами развития языков, а также раскрыть многие существенные свойства словообразовательного механизма и его непознанные возможности. На современном этапе развития лингвистики типологические исследования словообразовательных систем являются актуальной задачей. Результаты таких исследований могут быть использованы в дальнейших теоретических разработках в области словообразования

Целью данной работы является сопоставление суффиксального словообразования имен существительных русского и немецкого языков, выявление сходных моделей и различий в суффиксальном образовании имен существительных. Материалы статьи могут

быть использованы в практических целях при организации процесса обучения немецкому языку.

Русский и немецкий языки относятся к индоевропейской группе языков, поэтому они имеют многие схожие черты. В области словообразования они проявляются наиболее четко. Русский и немецкий языки характеризуются тенденцией к двуморфемной структуре слова, т.е. слово состоит из корневой и аффиксальной морфем. Сходство наблюдается и в наличии одинаковых способов словообразования: словосложение, аффиксация, субстантивация. Русский и немецкий языки относятся к флективному типу, следовательно, в русском и, в значительной мере, в немецком языке, развиты аффиксальные способы словообразования. Лингвисты отмечают, что способ суффиксального словообразования является ведущим в русском языке.

Русский язык характеризуется широко развитой, дифференцированной системой суффиксов. По функции они подразделяются на суффиксы, с помощью которых образуются существительные с новым значением и на суффиксы, которые образуют слова с новым оттенком в значении. Много суффиксов могут выступить в этих двух функциях, то есть они являются многозначными. Например, суффикс *-ец* образует существительные со значением лица, характеризующегося каким-то свойством (напр., *глупец, молодец, упрямец*); лица по принадлежности к стране, территории, городу, где это лицо проживает (*немец, испанец, горец, петербуржец*); со значением предмета, характеризующегося признаком или действием названными словами, от которых они образованы (*холодец, рубец, резец*). Этот суффикс может выступать и как суффикс субъективной оценки. Он используется для образования существительных среднего рода с уменьшительно-ласкательным значением: *письмецо, ружьецо*.

В немецком языке самым продуктивным способом словообразования является словосложение. Этот способ отличается от русского большей интенсивностью, так как охватывает разные части речи.

При суффиксальном образовании существительных в обоих языках можно выделить суффиксы, которые указывают на род, собирательность, уменьшительность, действие или состояние лица, предмета и т.д. При помощи суффиксов могут быть образованы существительные от основ глаголов, прилагательных, существительных, наречий, местоимений. Семантическая характеристика суффиксов тесно связана с их морфологической классификацией, поскольку она предполагает

разделение суффиксов на группы согласно мотивированности, которую они придают словам внутри общей категории данной части речи [5, с. 83]. Например, внутри имен существительных с общим широким значением предметности можно выделить обозначаемые суффиксами категории лиц, собирательности, абстрактных понятий.

Наиболее многочисленной в русском языке является группа суффиксов имен существительных со значением лица. Они могут присоединяться к различным основам. От глагольных основ образуются существительные при помощи суффиксов *-тель, -итель, -льщик*, например: *воспитатель* (нем. *Erzieher*), *искатель* (нем. *Sucher*), *просветитель* (нем. *Aufklärer*), *бурильщик* (нем. *Bohrer*). От глагольных основ и основ существительных образуются новые слова при помощи суффиксов *-щик, -чик, -ант(-янт)*, которые характеризуют лицо по отношению к роду деятельности, занятий или к определенным выполняемым действиям, например: *банищик* (нем. *Badewärter*), *грузчик* (нем. *Lastträger*), *газетчик* (нем. *Zeitungsman, Blätter*), *музыкант* (нем. *Musiker*), *ассистент* (нем. *Assistent*). От основ прилагательных и существительных при помощи суффиксов *-ик, -ник* образуются слова со значением отношения лица к поступкам, действиям, а также по отношению к профессии, предмету, например: *академик* (нем. *Akademiker*), *химик* (нем. *Chemiker*), *кадровик* (нем. *Kader, Personalleiter*), *безбожник* (нем. *der Gottlose*), *завистник* (нем. *Neider*), *целинник* (нем. *Brachlandbauer*). А, например, к слову «*пищевик*» трудно подобрать соответствие в немецком языке.

От именных основ при помощи суффиксов *-анец (-янец), -ин, -чанин, -анин (-янин)* образуются слова, которые характеризуют лица по отношению к стране, нации, личному имени, с которым связано определенное идейное направление: *итальянец, американец, грузин, болгарин, дончанин, германец, гегельянец*. В немецком языке им соответствуют слова *Italiener, Amerikaner, Georgier, Donezker, Bulgare, Hegelianer*. Также от именных основ с помощью суффиксов *-овец, -ец, -ист*, образуются существительные, которые обозначают лица по отношению их к учреждению, идейному направлению, профессии, деятельности, например: *вузовец* (нем. *Hochschulstudent*), *связист* (нем. *Fernmeldemann*), *журналист* (нем. *Journalist*). Как видно, в немецком языке в этой подгруппе слов только *Journalist* является суффиксальным образованием, остальные существительные образованы путем словосложения. Отсутствуют в немецком языке аналоги слов, образованных в русском при помощи *-ич, -ович, -евич* для названия лиц по отчеству: *Ильич, Кузьмич, Петрович, Дмитриевич*. Ранее отмечалось, что многие русские суффиксы

могут иметь дополнительную экспрессивную окраску. Таковыми в русском языке являются слова с суффиксом *-ыш*, которые характеризуются значением пренебрежительности, например: *глупыш (Dummerchen), малыш (Bübchen), подкидыш (Findelkind)*. А русским словам с суффиксов *-ач*, которые обозначают отношение к профессии, роду деятельности или характерный признак, *бородач, силач, циркач, трубач*, соответствуют в немецком языке *Mäsker, Kraftmensch, Zirkuskünstler, Trompeter*.

Из приведенных примеров видно, что многообразие суффиксальных образований существительных в русском языке соответствуют в немецком языке словам с суффиксом *-er* или *-e*, многие другие слова немецкого языка, обозначающие лица, образованы путем словосложения. В этой подгруппе можно назвать также существительные с суффиксами *-ун (бегун, нем. Läufer), -ар, -арь (гончар, нем. Töpfer; бондарь, нем. Bandmesser), -ан (-ян) (интриган, нем. Intrigant; критикан, нем. Beckmesser), -анин (-янин) (горожанин, нем. Bürger; селянин, нем. Landwirt)*. Эти примеры свидетельствуют об активности отыменного словообразования в русском языке. Суффикс *-er* не так продуктивен в системе отыменного словообразования в немецком языке, он не может передать значения всех морфологических типов существительных русского языка. К тому же, он наиболее продуктивен в системе отглагольного словообразования.

Можно отметить суффиксальные соответствия существительных немецкого языка русским, но они немногочисленны, например: *Bohrer – бурильщик, Sänger – певец, Lehrer – учитель, Erzieher – воспитатель, Maler – художник*. Следует заметить, что такие существительные в немецком языке образованы преимущественно от глагольных основ при помощи суффикса *-er*, поэтому часто невозможно подыскать прямое соответствие в русском языке: *entdecken – Entdecker, schlafen – Schläfer, stören – Störer*. Следовательно, огромное количество суффиксальных существительных на обозначение лица в русском языке закреплено в немецком языке за существительными лишь с суффиксом *-er*, которые образованы преимущественно от глагольной основы.

В русском языке суффиксальные существительные мотивируются словами разных частей речи: именами существительными, прилагательными, числительными, глаголами, наречиями, предлогами. Таким образом, словообразовательный разряд суффиксальных существительных включает словообразовательные категории отсубстантивных, отадъективных, отчислительных, отглагольных, отнаречных, отпредложных образований [4]. При основах существительных

широко представлены суффиксы со значением конкретных неодушевленных предметов. При помощи суффикса *-ник* образуются существительные для обозначения вместилища, приспособления: *кофейник* (нем. *Kaffeekanne*), *бумажница* (нем. *Brieftasche*), *свинарник* (нем. *Schweinestall*), *ельник* (нем. *Fichtenwald*). При помощи суффикса *-льня* образуются существительные женского рода со значением места действия: *колокольня* (нем. *Glockenturm*), *читальня* (нем. *Lesesaal*), *купальня* (нем. *Badeanstalt*). Для существительных с суффиксом *-ей* (*-ье*) со значением места трудно найти в немецком языке соответствия. Это будут либо сложные слова, либо группа слов с описанием места, например: *заречье* (нем. *Gebiet jenseits des Flusses*); *предплечье* (*Unterarm*), *предгорье* (*Vorgebirge*). От глагольных основ при помощи суффикса *-л(о)* образованы существительные со значением орудия действия: *покрывало* (нем. *Decke*), *поддувало* (нем. *Zugloch*), *грузило* (нем. *Angelblei*); с суффиксом *-льник*, *-лка*: *будильник* (нем. *Wecker*), *веялка* (нем. *Kornschwinde*), *молотилка* (нем. *Dreschmaschine*, *Drescher*). Приведенные примеры свидетельствуют, что в немецком языке нет специальных продуктивных суффиксов для образования существительных на обозначение предметов. Для этого иногда служат суффиксы лиц, абстрактных имен и т.п., например: *Kocher* (*чайник*), *Lichtung* (*прогалина*), *Schlüssel* (*ключ*) [5, с. 86]. Или же новые слова на обозначение неодушевленных предметов образуются при помощи словосложения: *Mikrowelle*, *Kühlschrank*, *Gasherd*.

Для образования собирательных и абстрактных имен в немецком языке используются суффиксы *-ung*, *-ei* (*-erei*), *-heit* (*-keit*, *-igkeit*), *-schaft* и суффикс среднего рода *-tum*, например: *Bildung*, *Schlägerei*, *Freiheit*, *Freundlichkeit*, *Kleinigkeit*, *Freundschaft*, *das Eigentum*. В качестве суффиксов для образования имен существительных с абстрактными значениями и значением собирательности в русском языке выступают: *-ость* (*-ность*), *-мость* (*-есть*), *-ация* (*-яция*), *-ка*, *-ие* (*-ье*), *-ние* (*-нье*), *-ение*, *-изм*, *-ур(а)*, *-аж*, *-ада(а)*, *-ар(а)*, *-вор(а)*, *-арий*, *-в(а)*, *-ик(а)*, *-атика(а)*, *-итет*, например: *генералитет*, *детвора*, *аркада*, *мошकारа*, *автоматика*, *бодрость*, *агитация*. Как видно, в количественном соотношении их намного больше, они образуют новые слова от разных основ. Такие слова употребляются в русском языке в различных функциональных стилях.

От большей части имен существительных русского языка образуются слова дополнительными эмоциональными оттенками. Это значение ласкательности, уменьшительности, пренебрежения, презрения, увеличения. Чаще всего такие слова употребляются в разговорной речи, делая ее образной,

эмоциональной. Выбор той или иной диминутивной формы обусловлен полнотой чувств, испытываемых говорящим по отношению к именуемому объекту. Уменьшительные и ласкательные существительные служат для выражения большого количества эмоциональных оттенков, что обусловлено наличием широкого спектра кратких форм и суффиксов в русском языке. Выбор уменьшительной формы может быть обусловлен и сиюминутным настроением говорящего, а также тем особым отношением, которое ему важно выразить именно в этот момент по отношению к адресату [3].

Значение уменьшительности и ласкательности имеют суффиксы *-ик*, *-чик*, *-к(а)*, *-оньк(а)*, *-еньк(а)*, *-очк(а)*, *-иц(а)*, *-ц(е)*, *-ц(о)*, *-иц(о)*, *-иц(е)*, *-ушк(о)*, *-юшк(о)*, *-ушк(а)*, *-юшк(а)*, *-ышк(о)*. С их помощью образуются существительные всех родов, например: *доченька*, *дождик*, *пальчик*, *ножка*, *корочка*, *девица*, *болотце*, *дедушка*, *хозяйушка*, *солнышко*. Ласкательные имена существительные, как правило, выражают отношения ласки, теплоты, симпатии, любви, дружбы. А. В. Суперанская, помимо ласкательных, выделяет целый ряд форм среди имен собственных с суффиксами «субъективной оценки» [7, с. 127]: уменьшительная – Юрик; фамильярная / вульгарная – Юрка; поддразнивающая – Юрище; пренебрежительная – Юрашка; уничижительная – Юришка; презрительная – Юрище. В русском языке наиболее продуктивными суффиксами со значением пренебрежительности являются *-онк(а)*, *-енк(а)*, *-ишк(о)*, *-ишк(а)*, *-ух(а)*, *-ох(а)*, например: *мальчонка*, *избенка*, *пальтишко*, *письмишко*, *голодуха*, *комнатуха*, *плутишка*.

В аффиксальном словообразовании русского языка представлены так же суффиксы со значением увеличительности, которые отсутствуют в немецком языке. Высокую продуктивность проявляют суффиксы *-ищ(е)*, *-ищ(а)*, *-уг(а)*, *-ин(а)*, которые, присоединяясь к именной основе, образуют существительные мужского, женского и среднего рода со значением увеличительности, например: *бородища*, *домище*, *волчище*, *носище*, *бычина*, *домина*, *холодина*, *бандюга*, *зверюга*. Аугментативы более последовательно выражают значение оценки, чаще отрицательной, которая закреплена за ними как единицами языковой системы. Редки случаи, когда увеличительное значение сопровождается положительной оценкой. Например, можно удивляться *голосищу* певца и восхищаться *умищем* ученого. В данном случае семантика производящей основы в сочетании с увеличительным суффиксом передают восторг говорящего. Суффикс усиливает семантику производящей основы, акцентирует внимание на физических данных или умственных

способностях того, о ком идет речь.

Слова с уменьшительно-ласкательными формами употребляются в разговорной речи, в экспрессивно-окрашенной речи, они часто используются для передачи близких отношений, особенно в общении с маленькими детьми. Особенность таких существительных в том, что соответствующие стилистические коннотации очень трудно передать средствами немецкого языка. Такие слова, как *дождичек*, *денечек* характеризуют эмоциональное состояние говорящего и не имеют лексических эквивалентов в немецком языке. Что касается немецкого языка, то здесь представлены только два суффикса с субъективно-эмоциональным оттенком ласкательности, уменьшительности, пренебрежительности: *-chen*, *-lein*. Словообразовательным значением этих суффиксов является уменьшительность: *Städtchen* (*городок*), *Tischchen* (*столлик*); ласкательность: *Sternchen* (*звездочка*), *Töchterchen* (*дочурка*) с положительной коннотацией; пренебрежительность, выражение нерасположения с отрицательной коннотацией: *Freundchen*, *Filmchen*, *Bürschchen*, *Männlein*. В большинстве случаев, как замечает М. Д. Степанова, направление коннотации зависит только от контекста [5, с. 88]. На употребление суффиксов *-chen* и *-lein* влияет фонетическая структура производящей основы. В некоторых случаях уменьшительность может выражаться в немецком языке при помощи суффиксов *-el* (*Ränzel*), редко при помощи суффикса *-elchen* (*Dingelchen*, *Wägelchen*).

Итак, русский язык отличается от немецкого богатой системой дифференцированных суффиксов, что позволяет выражать различные смысловые и эмоционально-экспрессивные оттенки. Особенно это проявляется при образовании существительных, выражающих субъективную оценку. В немецком языке есть лишь два суффикса субъективной оценки, которые характеризуются многозначностью и омонимичностью. Полностью отсутствуют суффиксы увеличительности. Высокопродуктивной в области образования наименования лиц в немецком языке является отглагольная модель с суффиксом *-er*, в русском языке – отыменная модель с большим количеством дифференцированных суффиксов. Аффикация в немецком языке менее продуктивна. Отсутствуют специальные суффиксы для обозначения неодушевленных предметов. Суффиксальным образованиям в русском языке во многих случаях соответствуют в немецком языке имена существительные, образованные путем словосложения, что свидетельствует о высокой продуктивности этого способа словообразования имен существительных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой немецко-русский словарь: В 3 т.; Под общ. рук. О. И. Москальской. – М.: Рус. яз., 1998. – 760 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов / под редакцией Г. А. Золотовой / – 4-е издание. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.
3. Медведева К. М. Семантика эмоционально-экспрессивных суффиксов качественных форм русских антропонимов [Электронный ресурс] / К. М. Медведева // Молодой ученый. – 2013. – №7. – С. 487 – 490. Режим доступа : <http://www.moluch.ru/archive/54/7300/>
4. Нещеретова Т. Т. Типология словообразовательных имен существительных среднего рода в немецком и русском языках [Электронный ресурс] / Т. Т. Нещеретова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2006. – № 3. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-slovoobrazovaniya-imen-suschestvitelnyh-srednego-roda-v-nemetskom-i-russkom-yazykah>
5. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка / М. Д. Степанова, И. И. Чернышова. – М.: Высш. шк., 1962. – 310 с.
6. Степанова М. Д. Словообразование современного немецкого языка / М. Д. Степанова. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. – 376 с.
7. Суперанская А. В. Структура имени собственного: (Фонология и морфология) / А. В. Суперанская; отв. ред.: А. А. Реформатский; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
8. Филиппова И. Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков: Учеб. пособие / И. Н. Филиппова. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – 144 с.
9. Ярнатовская В. Е. Грамматический род имен существительных в немецком языке / В. Е. Ярнатовская. – М.: Учпедгиз, 1956. – 80 с.
10. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / Johannes Erben. – [3. neubearbeitete Auflage]. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1993. – 182 s. (Grundlagen der Germanistik; 17).
11. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / Wolfgang Fleischer. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1983. – 364 s.

АННОТАЦИЯ

Колесникова Л. И. Типология суффиксального словообразования имен существительных немецкого и русского языков

В статье рассматриваются вопросы суффиксального

образования имен существительных, анализируются наиболее продуктивные суффиксы в обоих языках, выявляются сходства и различия словообразовательных моделей. В русском языке в образовании имен существительных преобладает суффиксальный способ словообразования. В обогащении словарного запаса немецкого языка суффиксация играет значительно меньшую роль. В статье анализируются суффиксы, которые указывают на род, собирательность, уменьшительность, действие или состояние лица, предмета.

Ключевые слова: суффиксальное словообразование, производящая основа, диминутивы, аугментативы, собирательные существительные, категория лица, абстрактное понятие, неодушевленный предмет.

SUMMARY

Kolesnikova L. I. The typology of suffix word formation of nouns in German and Russian

The present article deals with terminational manner of noun derivation, analyses the most productive suffixes in both languages, and establishes both differences and similarities between the word-building patterns. The suffix method of noun formation is predominant in the Russian language, while it plays a less significant role in the process of enriching German vocabulary. Suffixes which indicate gender, diminutiveness, action or state of a person are also traced in this article.

Key words: suffix word formation, productive word stem, diminutive nouns, augmentative nouns, collective nouns, category of person, abstract notion, inanimate object.

*И.Г. Коловерова
(Горловка)*

УДК 81'367=134.2

ПРОБЛЕМА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С УСТУПИТЕЛЬНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопросы синтаксиса сложного предложения привлекали и привлекают внимание лингвистов, работающих в области изучения синтаксического строя различных языков. Об этом свидетельствуют многочисленные монографии и статьи, появившиеся в последние годы, в которых рассматриваются разнообразные проблемы синтаксиса сложного предложения, его структуры и типологии. На разных этапах изучением проблемы выражения уступки в испанском языке занимались такие ученые,

как Виноградов В. С., который изучал особенности грамматики испанского языка; Смычковская Ю. С., занимавшаяся проблемами синтаксиса испанского языка; Одинцова И. В., которая изучила способы выражения уступительных отношений в испанском языке и многие другие. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что на современном этапе существует острая практическая необходимость систематизировать основные положения о грамматических формах выражения уступки в испанском языке. Этим обоснован выбор темы нашего исследования: «Проблема сложного предложения с уступительной придаточной частью в испанском языке». Цель данной статьи – проанализировать позицию уступительной придаточной части в предложении и степень ее зависимости от главного.

Предложение, являясь грамматической единицей синтаксического уровня языка, реализует в своей структуре морфологические и синтаксические потенции конкретного языка. Наибольшей возможностью в этом плане обладает сложное предложение, построенное по определенной структурной схеме. Благодаря строгому соблюдению единства формы (структуры) и содержания (лексического наполнения), сложные предложения, по сравнению с простым предложением, выражают, как правило, более сложное познание окружающей действительности, познание более сложных связей явлений в самой действительности и поэтому представляют собой более позднее языковое явление, более высокое достижение речевой культуры.

С развитием и становлением сложного предложения связан процесс развития гибкости структуры языка, стабилизации морфологических категорий и синтаксических построений. Существует целый ряд определений сложного предложения, но все определения сводятся к тому, что сложное предложение характеризуется как соединение двух или нескольких предложений, связанных между собой по смыслу, грамматически и интонационно и составляющих одно целое высказывание.

По характеру смысловой связи предложений и по способу оформления этой связи сложные предложения в современном испанском языке, как и в русском, разделяются на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Сложносочиненным предложением называется синтаксическая структура с двумя или более предикативными центрами, объединенными посредством сочинительных союзов. Однако в данной статье мы будем касаться только сложноподчиненных предложений, т.к. предложения с уступительной придаточной частью относятся к этому типу сложных предложений.

Итак, рассмотрим сложноподчиненное предложение.

Сложноподчиненным предложением называется такое сложное предложение, в котором два или несколько предложений выступают по отношению друг к другу одно в роли определяемого, а остальные в роли определяющих, или в так называемом грамматическом подчинении.

Что касается классификации сложноподчиненных предложений, то здесь существует множество принципов.

Например, А. М. Пешковский фактически дает классификацию придаточных предложений по значению подчинительных союзов и союзных слов, хотя и не отрицает, что они могут иметь не одно, а два и даже три значения. А. М. Пешковский выделяет девять групп придаточных предложений: придаточные цели, следствия, причины, пояснительные, изъяснительные, условные, уступительные, сравнения, времени [3].

Д. Н. Овсянко-Куликовский различал два основных типа придаточных предложений – предложения, начинающиеся с союзными наречиями (их он называл обстоятельственными), и предложения, начинающиеся союзными местоимениями (среди них придаточные подлежащего, сказуемого, дополнения и приложения) [2, с. 296-297]. О существовании придаточных, присоединяющихся к главному посредством союзов, Овсянко-Куликовский ничего не говорит. Таким образом, у него нет исчерпывающего учения о придаточном предложении.

Традиционной считается следующая классификация сложноподчиненных предложений. По характеру, степени и средствам связи частей сложноподчиненные предложения делятся на два основных типа: одночленные и двухчленные. В свою очередь, одночленные предложения делятся на местоименно-соотносительные предложения, просубстантивные предложения, изъяснительные.

Двухчленные предложения делятся в зависимости от значения союзов и характера отношений между частями. Вследствие этого они бывают: временными, условными, уступительными, присоединительными и пояснительными.

Итак, мы выяснили, что предложения с уступительной придаточной частью относятся к сложноподчиненным двухчленным обстоятельственным предложениям.

По характеру семантических отношений между компонентами все уступительные предложения включаются в сферу семантического подчинения, ибо семантика ведущей части – обратного следствия – в ходе развития мысли подчиняет семантику исходного утверждения, так как при возражении называется новая, более важная мысль.

Уступительные отношения имеют усложненную семантику:

с одной стороны они базируются на причинных, условных, следственных отношениях, а с другой – на противительных. Замечания о совмещении различных значений в уступительных предложениях приводят в мысли о том, что синтаксическая категория уступительности является результатом взаимодействия причинно-следственных и условно-следственных отношений с противительными. Контрастно-отрицательная связь, накладываясь на причинно-следственную, создает особый тип отношений, отличающихся от причинных и условных – уступительные отношения, которые служат отражением противоречий, складывающихся при развитии мысли и в процессе коммуникации. В основе всех уступительных предложений лежит противительное отношение (отношение противоречия между двумя следствиями: имплицитным и эксплицитным, иначе говоря – прямым и обратным).

Смысловые связи, возникающие между следствиями и опирающиеся на противительные отношения, скрепляющие эти два следствия и оформленные специальными средствами связи, и порождают уступительные отношения.

Специфической формой выражения уступительности в русском языке является сложноподчиненное предложение, так как оно генетически более раннее, чем простое предложение с уступительным членом, и семантически наиболее емкая синтаксическая единица.

Важнейшим семантическим компонентом уступительных предложений является компонент с семантикой обратного следствия, внутренне связанного отношением противоречия с прямым следствием. Поэтому уступительные предложения называются предложениями «обратной обусловленности» [4, с. 20] в отличие от причинно-следственных и условно-следственных, которые называют предложения обусловленности. Это наиболее общий признак, который заключен в ведущей части и характеризует все уступительные предложения. Обратное следствие не только семантически, но и формально является господствующей частью и не только в сложном, но и в простом предложении.

Уступительность – это такая синтаксическая категория, которая характеризуется обстоятельственной семантикой, поскольку уступительный член, расположенный и за пределами ядра предложения, по своим синтаксическим связям все же восходит «непосредственно к сказуемому». Представляя собой не внутренний признак самого действия, а внешнее обстоятельство, которое могло бы препятствовать осуществлению этого действия, оно обозначает факт, вопреки которому действие все

же осуществляется. В этом отношении обстоятельство уступки является противоположностью условия и причины, выступая как название игнорированных, неиспользованных, преодоленных условий.

Основная позиция, в которой обнаруживается как основное уступительное значение, так и добавочное, является позиция обособленности. Обособленные члены предложения отличаются от необособленных тем, что они обладают потенциальной предикативностью, или полупредикативностью и характеризуются значением актуализации (подчеркнутости, выделенности), что отражает их синтаксическую функцию. Обособление, будучи выразителем коммуникативного задания, представляет собой факультативное явление структуры предложения. Вместе с тем, если коммуникативная нагрузка данной грамматической формы носит постоянный характер, тогда и обособление тоже становится обычным оформителем уступительного компонента предложения.

Особое место занимают предложения, в которых уступительное значение приобретают различные семантические группы обстоятельств, выраженных наречиями или предложно-именными формами, введенными в предложение с помощью союза *aunque*. Например, *Tuvo ganas de bañarse, aunque no sabía nadar* [7, с. 56].

Подчинительные отношения между обстоятельством и сказуемым с введением союза получают дополнительное уступительно-ограничительное значение. Введение уступительного союза в такое сочетание придает больший коммуникативный вес второстепенному члену, с чем связано и обособление, не характерное для него в обычных условиях (без уступительного союза).

Как указывалось выше, между предикативными частями сложноподчиненных предложений с уступительными придаточными выявляются уступительные отношения: действие, названное в главной части, совершается вопреки тем условиям, о которых говорится в придаточной части. Средствами связи предикативных частей и выражения между ними уступительных отношений являются союзы: *aunque*, *a pesar de que*, *por ... que*, *si bien*, *pese a que* и др.

Las tres señoras – que no habían pasado una pulmonía quince días atrás – se pusieron en traje de baño, si bien con el firme propósito de no mojarse más que los pies [6, с. 103].

В выражении оттенков уступительных отношений особую роль играет порядок следования предикативных частей.

При постпозиции придаточной части выражаются

уступительные отношения с оттенком присоединения.

Chaparro era un poco obra suya, y sentía la angustia de perderla, aunque tal destino fuera normal en la guerra [5, с. 80].

В предложениях с придаточной частью, стоящей в препозиции, уступительные отношения осложняются сопоставительными отношениями и оттенком обусловленности.

Aunque llegase arriba, nadie leería sus escritos ni tomaría en serio sus quejas [7, с. 154].

Составной союз *a pesar de que* может быть расчленен на две части, из которых одна, *a pesar de*, входит в этом случае в состав главной части в качестве местоименно-соотносительного слова, а вторая, *que*, остается в придаточной части в качестве союза. Внимание к условию, вопреки которому совершается действие, названное в главной части, усиливается, и уступительные отношения проявляются ярче. При расчленении союза *a pesar de que* препозиция придаточной части становится невозможной.

В предложениях с предикативными частями, связанными союзами *aunque...no* и др., сопоставительные отношения усиливаются, и постпозиция придаточной части становится невозможной.

Serafin le veía con frecuencia en casa de Pinto hablando siempre a gritos ante un coro de jenízaros que le miraron embobados, y aunque al principio no sentía por él ninguna atracción, ni siquiera curiosidad, por eso quizá de ser portugués, al final, como siempre ocurré, empezó a saludarlo... [6, с. 85].

В интерпозиции уступительная придаточная часть имеет оттенок добавочного сообщения и близка к вставным конструкциям.

Lafamilia, aunque iba despacio, adelantó a una pareja de enamorados, que iba aún más despacio todavía [6, с. 167].

Уступительные отношения усиливаются и приобретают обобщенный характер, если придаточная часть соединяется с главной с помощью следующих выражений: *pase lo que pase*, *sea lo que sea* и др. В этом случае придаточная часть указывает на условие, доведенное до предела и препятствующее действию главной части. Уступительные придаточные с обобщенно-усилительным оттенком значения чаще всего занимают интер- или препозицию по отношению к главной части.

Проведя вышеизложенные исследования, мы пришли к выводу, что уступительные предложения представляют собой категорию предложений, отличающихся специфическим значением, совмещающим в себе различные оттенки логических отношений противопоставления, обратного условия и т.д. Это свидетельствует о том, что логическое значение уступки

присуще высокоразвитым языкам, знающим многие типы логических отношений, и формируется на их базе. Предложения рассматриваемого типа могут занимать любое положение относительно главного (пре-, пост-, и интерпозицию). Причем наибольшей степенью зависимости от главного отмечается интерпозитивное придаточное предложение, наименьшей – постпозитивное, где оно может приобретать оттенок присоединения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева-Шведе О. К. Теоретическая грамматика испанского языка. Синтаксис / О. К. Васильева-Шведе. – М. : Высшая школа, 1980. – 335 с.
2. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка / Д. Н. Овсянко-Куликовский. – СПб. : Издание Д. Е. Жуковского, 1902. – 312 с.
3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 7-е изд. – М. : Учпедгиз, 1956. – 483 с.
4. Поспелов Н. С. Сложноподчиненное предложение и его структурные типы / Н. С. Поспелов // Вопросы языкознания. 1959. – №2. – С. 19-27.
5. Arconada César M. Río Tajo [Электронный ресурс] / César M. Arconada.
6. Режим доступа <https://rodriguezacevedo.files.wordpress.com/2013/02/arconada-rio-tajo-cap1.pdf>
7. Cela Camilo José. Novelas cortas y cuentos / Camilo José Cela. – Moscú : Editorial “Progreso”, 1975. – 246 с.
8. Toledo Isabel Alvarez. La huelga / Isabel Alvarez de Toledo. – Madrid, 1968. – 389 с.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Проблема сложного предложения с уступительной придаточной частью в испанском языке

В статье рассматриваются особенности сложноподчиненного предложения с придаточным уступки, вводимым различными союзами и союзными сочетаниями. Дается определение сложного предложения, в общем, и сложноподчиненного, в частности. Рассматриваются принципы классификации сложноподчиненных предложений. Анализируется позиция уступительной придаточной части в предложении и степень ее зависимости от главного.

Ключевые слова: сложное предложение, уступительные отношения, уступительное предложение, уступительный союз.

SUMMARY

Koloverova I. G. The problem of a composite sentence with a subordinate clause of concession in Spanish

The article focuses on the peculiarities of a complex sentence with a subordinate clause of concession, introduced by different conjunctions and conjunctive phrases. The definitions of composite and complex sentences are given. The principles of complex sentences classification are analysed. Special attention is attached to the position of the adverbial clause of concession and the degree of its dependence on the main clause.

Key words: complex sentence, concessive relations, subordinate clause of concession, concessive conjunction.

*С.Н. Лежнев
(Горловка)*

УДК 811.111'373

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА

Сленг – набор слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных профессиональных, общественных, возрастных и других объединениях людей. Несмотря на наличие большого количества исследований в области сленга, этот слой лексики остается явлением, которое постоянно привлекает внимание ученых в связи с теми динамическими процессами, происходящими в данной сфере, которые и обуславливают актуальность дальнейших исследований [1; 2; 3].

Целью данной статьи является изучение структурно-семантических особенностей студенческого сленга в английском языке. *Цель работы предопределяет решение следующих задач:*

- 1) выделение тематических групп студенческих сленгизмов;
 - 2) установление их структурно-семантических типов;
 - 3) определение способов образования студенческого сленга;
 - 4) анализ экстралингвистических факторов, влияющих на процессы возникновения новой студенческой сленговой лексики.
- Объектом исследования* становятся студенческие сленгизмы английского языка. *Предметом изучения* являются структурные и семантические особенности современного студенческого сленга. Материалом исследования служат сленгизмы, функционирующие в студенческой среде, зафиксированные англоязычными словарями [6; 7].

Сленг определяется неоднозначно. Единого подхода в

лингвистике относительно определения понятия «сленг» не существует. Взгляды лингвистов по вопросу «сленг» можно обобщить следующим образом: «Сленг – это нелитературный (интердиалектный, полудиалектный, неформальный, субстандартный, профессиональный) язык. Сленг – это разговорный вариант профессиональной речи; жаргон. Сленг – это групповой говор. Сленг – это лексический слой / пласт разговорной речи. Сленг – это вариант лексических норм. Сленг – это нелитературная / субстандартная эмоционально-окрашенная лексика» [2, с. 23]. В данном исследовании под сленгом следует понимать ненормативный, стилистически сниженный и функционально ограниченный язык студентов, который выполняет коммуникативную и эмоционально-экспрессивную речевые функции, в состав которого входят сленговые лексические и фразеологические единицы, употребляемые в студенческой среде.

Слова и словосочетания, передающие понятия, связанные с студенческой жизнью, ее особенностями, и употребляемые в языке студентов, принадлежат к лексике, которая распределяется по определенным тематическим группам, под которыми понимаются лексические и фразеологические единицы, объединяющиеся одной ситуацией или одной темой, и для которых связь между значениями, то есть общая идентифицирующая (ядерная) сема [8], не является обязательной. Отношения между элементами тематической группы обусловлены экстралингвистическими факторами, а она представляет собой совокупность материальных и идеальных денотатов, обозначаемых словесными знаками.

Тематическая группа характеризуется разнотипными отношениями между ее членами или их отсутствием. Форма упорядочения денотатов, составляющих тематическую группу, является перечислением. Данные тематические группы интенсивно пополняются новыми лексическими и фразеологическими единицами: 1. Разговорные формулы (приветствие, прощание, одобрение, согласие и т.п.): *Abyssinia! / Holler! / Holla!* – «до свидания»; *Apricot!* – «возглас одобрения»; 2. Люди: *bessie / bra* – «лучший друг»; *Asian massive / the Asian invasion* – «группа молодых азиатов»; 3. Характерные черты, качества человека, внешность человека: *all that* – «особенный человек»; *bungled* – «некрасивый, непривлекательный»; *all about (it)* – «увлекаться чем-то, стремиться к чему-то»; 4. Состояние человека: *bollocksed / bosfotick / cabbaged* – «пьяный»; 5. Помещение, жилище: *animal house* – «студенческое жилье в колледже, обитатели которого не отличаются опрятностью»; 6.

Погодные условия: *baltic* – «зябко, холодно»; 7. Еда, напитки: *beevo(s)* – «пиво»; *rappu* – «хлеб»; 8. Денежные единицы: *cake / coinage* – «деньги»; 9. Обучение: *flag* – «провалить экзамен».

Морфологическими способами словообразования в сфере студенческой сленговой лексики являются следующие: словосложение (*arm (n) + candy (n) > arm candy (N)* – «временный эскорт, обычно однокурсник»); аффиксация (*de- + frosted > de-frosted* – «обеспокоенный, возбужденный»; *alter + -ed > altered* – «пьяный»; *floor + -ed > floored* – «пьяный»; *leather + -ed > leathered* – «пьяный»; *bachelor + -ette > bachelorette* – «одинокая женщина»); «*They do everything to make bachelorette party shopping hilarious, easy and fun*» [bachelorette.com]; «*Come on, don't get all de-frosted*» [7, с. 121]; сокращение, аббревиация, телескопия (*B.M.O.C. = big man on campus* – «влиятельный однокурсник»; *gank = grab + yank* – «красть или брать чужие вещи без разрешения»; *gongol = goon + mongol* – «дурак»); «*B.M.O.C. stands for «Big Man of Christmas, referring to Santa Claus; it is a play on the term «Big Man on Campus», meaning a highly respected individual»* [wiki.teamfortress.com]; «*Stop ganking my clothes*» [7, с. 178].

Пополнение словарного состава осуществляется в значительной степени путем семантической деривации, в процессе которой происходят изменения семантики исходных единиц. Они могут быть направлены на использование языкового знака в новом значении или новой функции. Ведущую роль в семантических изменениях играет механизм метафоры. Метафора является многоаспектным явлением. По мнению Д. Лакоффа и М. Джонсона, она «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действиях. Понятийная система, в рамках которой думает и действует человек, является метафорическим по своей сути» [5, с. 387].

Мотивация студенческих сленгизмов, созданных на базе общепотребительной лексики, осуществляется с помощью образов, на основе которых рождается метафора. Новая лексика возникает вследствие метафорического переосмысления уже известных лексических единиц, которые переходят в сферу сленгизмов для обозначения человека, его внешности, черт характера, поведения, образа жизни: *apple-polisher* – «льстец»; *blank* – «игнорировать кого-нибудь»; *bunk* – «немодный»; *cake* – «деньги»; *cherry* – «новый, свежий, привлекательный»; *chief* – «глупый»; *chilly* – «модный»; *cooking* – «прекрасный, допустимый»; *crippled* – «пьяный»; *delicious* – «привлекательный человек»; *dingo* – «глупый человек»; *drag-arsing* – «медлительный»; *drossy* – «неприятный, такой, который

разочаровывает»; minted – «состоятельный»; love – «отличный, прекрасный». «Newlywed Betty Jo encourages husband Steven to become an apple polisher» [sidereel.com/Petticoat_Junction].

Семантический анализ исследуемого вокабуляра свидетельствует о том, что источниками метафоризации в субстандартной сфере становятся лексемы, принадлежащие к таким группам, как: названия еды, животных, признаков и характеристик живых существ и т.п. Структурно-семантический анализ сленговой лексики позволил выявить наиболее частотные модели слов, которые образуются на основе метафоры: n + n («apple», «polisher») – «apple-polisher». В таких структурах метафорическому переосмыслению могут подлежать один или оба компонента. adj + n («easy», «rider») – «easy-rider» – «сидр». Метонимическое переосмысление общеупотребительной лексики также происходит в субстандартном студенческом лексиконе: *pants* – «возглас неодобрения»; *arm* – «сила»; *armpits* – «возглас насмешки».

Ряд новых сленгизмов образуются на основе аллюзии, намек на общеизвестный исторический, литературный или бытовой факт. Правильное восприятие аллюзии невозможно без понимания соответствующих реалий, связанных с ними: *Baldwin* – «привлекательный мужчина» (намек на Алика Болдуина, звезды романтических голливудских фильмов).

Одним из важных путей пополнения студенческой сленговой лексики является эвфемия, нарочитая замена знака определенного понятия описательным наименованием или другим знаком, который используется для предотвращения «коммуникативных конфликтов и неудач, ощущения коммуникативного дискомфорта у собеседников» [4, с. 391]: *altered* – «пьяный». «*People are in an altered state when drunk*» [uk.answers.].

Для субстандартной лексики характерным признаком является наличие эмоционально окрашенных языковых инноваций, построенных на каламбуре, в основе которого лежит смысловое сочетание в одном контексте различных значений одного слова или разных слов (словосочетаний), тождественных или сходных по звучанию. Формальные способы создания каламбура разные. Это многозначность слов и словосочетаний; омонимия; сходство слов и словосочетаний по звучанию: *Kipling* – «возглас одобрения». «*If training-shoes provoke an excited exclamation of «hey, man, they're Kipling!» the wearer can rest assured that their street-credibility is intact. Shur «ruddy hard» into Rudyard, and there you have it» (Guardian, 26 September 1989).*

Продуктивным способом образования студенческих фразеологизмов является полное или частичное переосмысление значений переменных словосочетаний, которые имеют

большой семантический потенциал. Под переосмыслением понимают любые смысловые сдвиги, которые приводят к потере собственного значения компонентов лексической единицы и к появлению у них нового значения, реализованного только в данной единице.

Возникновение образных фразеологических единиц связано с нарушением законов логики, когда сочетаются логически несовместимые понятия, а в понятии есть признак, который противоречит ему. В основе таких фразеологизмов лежит неповторимый образ, создаваемый нереальной ситуацией и обусловленный творческим характером переосмысления, которое может быть метафорическим (основанным на сходстве между двумя объектами действительности) или метонимическим (основанным на переносе значения по смежности): *get messy* – «в состоянии алкогольного или наркотического опьянения»; *a few fries short of a happy meal* – «с интеллектуальными нарушениями, ненормальный, эксцентричный» (ссылка на фаст-фуд из ресторана Макдональдс): «*not very intelligent I could tell he was a few fries short of a Happy Meal, but unfortunately you can't arrest someone for being stupid*» [idioms.thefreedictionary.com].

Исследование словообразовательных процессов в сфере студенческого сленгового лексикона позволяет сделать следующие выводы: образование новых сленгизмов происходит, главным образом, путем метафорического переосмысления слов общеупотребительной лексики; типом метафоры, характерным для студенческих сленгизмов, является образная и экспрессивно-оценочная метафора; метонимия является вторым по значению вербокреативным средством обогащения студенческого сленгового лексикона, и представляет собой процесс преобразования ассоциаций объектов по смежности и понятий на основе логической близости и связанности категорий их значения, что способствует достижению номинативных целей; эвфемическая лексика отражает тенденцию нейтрализации и мелиорации негативного логико-информационного содержания лексических единиц; каламбур, как семантический феномен, языковая шутка, употребляемый в языке студентов, позволяет избегать цензуры культуры и выражать значения, которые считаются табуированными, тривиальными, абсурдными; при этом он выполняет функции маскировки или создания комического эффекта.

Дальнейшее изучение студенческого сленга предполагает исследование его когнитивно-коммуникативных аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арапов М. В. Сленг // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 461.
2. Балабін В. В. Сучасний американський військовий сленг як проблема перекладу / В. В. Балабін. – К. : Логос, 2002. – 300 с.
3. Клименко О. Л. Сленг і його взаємовідносини з літературною мовою // Вісник Запорізького державного університету / О. Л. Клименко. – Запоріжжя : Запорізьк. нац. ун-т. – 1998. – № 1. – С. 68-70.
4. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1996. – С. 391-402.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Наука, 1990. – С. 387-415.
6. Dictionary of American Slang / [Richard A. Spears]. – National Textbook Company : Lincolnwood, Illinois, USA, 1991. – 528 p.
7. Dictionary of Contemporary Slang / [Tony Thorne]. – A&C Black London, 2007. – 494 p.
8. Weinreich U. On the semantic structure of language // Greenberg J. H. (ed.) Universals of language. – Cambridge (Mass.), 1963. – P. 176-177.

АННОТАЦИЯ

Лежнев С. Н. Структурно-семантические особенности англоязычного студенческого сленга

Статья посвящена структурному и семантическому изучению современного студенческого сленга в английском языке. Выделены тематические и структурно-семантические группы сленгизмов. Изучены способы образования нестандартной студенческой лексики. Выделены некоторые экстралингвистические факторы, определяющие причины возникновения субстандартных лексем в студенческой англоязычной среде.

Ключевые слова: сленг, студенческий сленг, структурные типы, семантическая структура слова, экстралингвистические факторы.

SUMMARY

Lezhnyov S. N. Structural-semantic peculiarities of the English student slang

The article is devoted to the structural and semantic study of contemporary student slang in English. Thematic and structural-semantic groups of slang words have been distinguished. The ways of their formation have been established. Some extralinguistic factors

that determine their occurrence have been identified.

Key words: slang, student slang, structural types, the semantic structure of the word, extralinguistic factors.

*О.В. Мініна
(Горлівка)*

УДК 81'373.2

ЕМОЦІЙНО-ЕКСПРЕСИВНА РОЛЬ АНТРОПОЕТОНІМІВ У ДИЛОГІІ КЕНА ФОЛЛЕТТА “СТОВПИ ЗЕМЛІ” ТА “СВІТ БЕЗ КІНЦЯ”

У літературному творі поетоніми глибоко вмотивовані й вживаються письменником для досягнення певної мети, тому функціонування поетонімів є одним з найважливіших аспектів реалізації задуми письменника. Серед дослідників-ономастів все ще немає єдиної думки щодо кількості наявних у літературному тексті функцій поетонімів, але їх погляди безперечно співпадають у тому, що поетоніми крім суто номінативної та характеристичної функцій, забарвлюють художній твір своєю експресивністю та викликають певні емоції. Саме тому актуальним є дослідження емоційно-експресивної функції поетонімів у художньому тексті.

Розв'язання проблеми функціонування поетонімів започатковано такими науковцями, як О.В. Суперанська, О.І. Фоякова, Ю.О. Карпенко, Л.О. Белей, В.М. Калінкін, О.Ю. Карпенко, М.Р. Мельник, Н.В. Васильєва та іншими. Наше дослідження має на меті проаналізувати емоційно-експресивну функцію антропоетонімів діалогії Кена Фоллетта “Стовпи Землі” та “Світ без кінця” шляхом визначення сутності емоційно-експресивної номінації, виявлення структурних і семантичних особливостей антропоетонімів.

“У словниковій палітрі художнього твору особливе місце займає ономастична лексика, яка виступає у кожного великого письменника як особливо помітний, стилістично та семантично маркований експресивний засіб, яскрава прикмета стилю” [7, с. 34]. Проблема найменування має багато спільного з проблемою емоційного забарвлення й його переходу в експресивне. Це, на думку Т.В. Мірошніченко, досягається завдяки здатності мови до так званої емоційно-експресивної номінації, за допомогою якої людина виражає свій психічний стан. Науковець наголошує, що “емоції мовців є формою відображення їхнього емоційного відношення до світу, та кожна, навіть незначна деталь семантики власного імені, сприяє розкриттю внутрішнього світу героїв” [5, с. 129]. Дослідження функціонально-стилістичних

особливостей поетонімів у художньому тексті – один із аспектів вивчення авторської точки зору, де, на думку М.П. Крупи, “номінації персонажа виконують функції, що виходять за межі категоріального граматичного значення цих класів слів і, таким чином, беруть участь у формуванні смислового аспекту тексту” [4, с. 310]. Російський дослідник А.А. Живоглядюв наголошує, що використання імені в певних мовленнєвих умовах дає знання про відношення до людини, яку називають, також як і характеризує людину, яка називає [1, с. 71]. Вдале ім’я не просто характеризує героя, воно вказує, як письменник здійснює органічний зв’язок форми та значення, посилює емоційне враження від твору, до складу якого ім’я входить. Антропоніми несуть найбільше смислове й емоційне навантаження, часто служать вираженням об’єктів оцінки чи апелювання [8, с. 7].

Ще український дослідник Ю.О. Карпенко, висуваючи на перший план стилістичну функцію, поділяв її на два різновиди: інформаційно-стилістичну (у нашому випадку відповідну характеристичну функцію) та емоційно-стилістичну (або як ми її називаємо емоційно-експресивну). Другий різновид – це той випадок, коли “власне ім’я викликає в читача певні почуття, формує його відношення до зображуваного” [2, с. 37]. І хоча науковець, виділяє два різновиди стилістичної функції, він слушно зауважує, що “ці два різновиди не є різними функціями, тому що вони складають єдине ціле, яке членується не в художньому творі, а лише в ономастичному дослідженні задля зручності аналізу” [2, с. 37]. Напевно, такий розподіл є зручним для дослідників, а самі письменники навряд чи поділяють номінації на групи: за інформацією чи за емоціями. Може, саме тому промовисті характеризуючі прізвиська та прізвища водночас виконують ще й емоційно-експресивну функцію. Тому зовсім не випадково й реалізація емоційно-експресивної функції зводиться до розкриття етимологічного значення апелативів, які покладено в основу прізвиськ та прізвищ. Але на відміну від характеризуючої функції поетонімів, не всі прізвиська та прізвища можуть виконувати емоційно-експресивну функцію. У ній зазвичай реалізуються такі поетоніми, які можуть виражати якусь суб’єктивну авторську оцінку, і до таких антропоетонімів слід насамперед віднести прізвиська та прізвища, які вказують на зовнішній вигляд людини, здібності або вади персонажа, його моральні якості. Прикладами таких поетонімів можуть бути *Joseph Woodstock* – “міцний, жорсткий”, *Alan Catface* – “з кошачим обличчям”, *Cuthbert Whitehead* – “сивоволосий”, *Faramond Openmouth* – “з відкритим ротом”, *Mattie Wise* – “мудра”, *Waldo One-eye* – “одноокий”, *William Whitehands* – “білорукий”, *Ugly*

Gervase – “огидний”, *Kate Brown* – “засмагла” тощо. Крім надання прямої характеристики персонажів деякі прізвиська та прізвища мають негативну авторську оцінку й відповідно викликають певні негативні емоції читачів. Так вади зовнішності або негативний відтінок поглядів або поведінки, підкреслені в апелативах, що асоціюються з цими прізвиськами та прізвищами, та підкріплені відповідним контекстом, розкривають героїв як негативних персонажів. Наприклад, у творі “Стовпи Землі” *Faramond Openmouth* – “з відкритим ротом”, *Alan Catface* – “з кошачим обличчям” та *Jack Flathat* – “неглибокий капелюх” – бандити та грабіжники, яких було жорстоко покарано за їхні злочини: першому було відрізано вуста, другому було прикуто до стовбуру та побито камінням, а третьому відрізано руку, але які так і не припинили свою злочинницьку діяльність: “Here called some of the punish ments the out lawshad suffered: *Faramond Openmouth* had had his lips cut off, *Jack Flathat* had lost his hand, enputin the stock sands tone dand had never been able to talk properly since” [10, с. 249], “This might not be the first time *Faramond Openmouth* had come up against one of his victims” [10, с. 52]. Інші персонажі через вади у зовнішності, якими їх наділив письменник також викликають неприязнь читача. Наприклад, *Waldo One-eye* – “одноокий” – один із підлеглих Вільяма Хемлі, негідника, слабкої та жорстокої людини, такі самі риси простежуються й у характерах його оточення. Уживаючи поетоніми в емоційно-експресивній функції, письменник також вдається до прийому контрасту. Так персонаж, зображений із розумовими або фізичними вадами може викликати симпатію, повагу та співчуття, і навпаки, персонаж, прізвисько якого не несе негативного відтінку, за допомогою контексту може сприйматися лише як погана людина, що викликає огиду та антипатію з боку читача. У сазі “Світ без кінця” персонажі *Crazy Nell* – “божевільна” та *Blind Carlus* – “сліпий” мають розумові та фізичні вади відповідно, але ім обом співчуває й симпатизує письменник та відповідно й читачі. Хоча Кен Фоллетт і зазначає, що Нел була насправді божевільною, але він підкреслює, що вона була неспроможна завдати шкоди: “There’s a woman in town called *Crazy Nell*, who goes around shouting about the devil ... *Nell* is mad, it’s true, butt here’s no harm in her” [11, с. 119]. Карлус був незрячим ченцем, але те, що він пересувався без сторонньої допомоги й досить впевнено, заслуговує на повагу: “The choir master, *Blind Carlus*, came in last. Although he could not see, he walked without assistance in the church and the monastic buildings, moving slowly, but as confident as a sighted man, familiar with every pillar and flagstone” [11, с. 62]. А персонажі *Joseph Woodstock*,

чیه прізвисько відповідає апелятиву “міцний”, та *Michael Armstrong* – “з сильними руками”, навпаки, не викликають нічого крім почуття неприязні, адже не вирізняються нічим крім своєї сили, міцності та жорстокості: “What’s *Michael Armstrong* like?” “Smelly and surly and built like an ox.” “Intelligent?” “No.” [10, с. 949], “... but he had *Joseph Woodstock*, whom he knew to be a hard man, and three others” [11, с. 316].

Відомо, що завдяки своїй експресивності та стилістичному потенціалу, імена можуть викликати різні емоції, вони спроможні засмучувати та тішити, подобатися та викликати огиду, бути предметом досади та прикrostі [6, с. 95]. Деякі прізвиська та прізвища крім прямої характеристики несуть додаткове експресивне значення, яке розкривається або одразу в значенні прізвиська (*Ugly Gervase* – прізвисько “огидний” одразу викликає негативні емоції та надає негативну оцінку персонажу) або протягом тексту саги та позиціює персонажа як позитивну чи негативну людину. Такими виявляються антропоетоніми *Cuthbert Whitehead* – “сивоволосий”, *Otto Blackface* – “з смуглим обличчям”, *Waleran Bigod* – “людина, нетерпима до будь-якої думки крім своєї власної”. Наприклад, з контексту саги “Стовпи Землі” “During the rest period after dinner, not to thes torerom beneath the kitchen to talk to *Cuthbert Whitehead*, the cellarer. ... his job didn’t leave him much time for services, which suited his inclination: he was a clever, down-to-earth fellow with little interest in the spiritual life. The cellarer was the material counterpart of the sacrist ... The job required careful fore thought and calculation” [10, с. 137-138] стає зрозумілим, що антропоетонім *Cuthbert Whitehead* крім характеристики зовнішності несе значення “розумний”, адже цей персонаж був келарем – людиною, яка завідувала монастирськими запасами та світськими справами монастиря, чим може займатися тільки передбачлива та розумна людина, також він був одним з помічників Філіпа, до якого останній часто звертався за порадою. Антропоетонім *Otto Black face* передає також значення “той, хто перебуває тривалий час на відкритому повітрі” і це не дивно, адже *Otto Black face* очолював роботу на копальні та більшість часу проводив на відкритому повітрі, тому й був досить засмаглим: “*Otto Black face*, the dark-skinned man who had been in charge of the quarry since the very beginning ...” [10, с. 521]. Наступний антропоетонім *Waleran Bigod* завдяки визначальним елементам, що передують йому або знаходяться у постпозиції до нього, має значення “огидна, брехлива та заздрісна людина”: “You’ll sleep so undly tonight,” said *Waleran Bigod*, not with outah in to fenvy” [10, с. 162], “*Sly Waleran Bigod* was now bishop-elect ...” [10, с. 280], “William could see that the plan was

good, event hough hehated the though to fcollabora ting with the loath some *Waleran Bigod*” [10, с. 455], “The only thing you need to know about *Waleran Bigod*,” she had said, “ist hate very thing he does is care fully cal culated. Nothing spontaneous, nothing careless, nothing casual, nothing superfluous. Above all, nothing generous” [10, с. 511], “You don’t believe me? You, *Waleran Bigod*, whom I know to be a perjurer?” [10, с. 1026].

На наш погляд, заслуговують на розгляд і вигадані контекстуальні прізвиська в емоційно-експресивній функції, де експресивність стає можливою завдяки відапелятивній природі цих прізвиськ. Під час дослідження вже неодноразово згадувалися такі прізвиська, як *Princess*, *Angel of Kings bridge*, *Mr. Hand some*, які крім номінативно-ідентифікаційної та характеристичної функцій виконують також і емоційно-експресивну, адже перш за все асоціюються з образами казкового персонажу, вродливого та доброго, святого духу, білявого та вродливого, та красеня-чоловіка, тому, хоча й надають дещо суб’єктивну оцінку персонажам, але безперечно викликають позитивні емоції.

Навряд чи в кого можуть виникнути сумніви, що поетоніми в емоційно-експресивній функції використовуються для формування читачького відношення до персонажа крізь призму відображення авторського відношення до нього (позитивного, співчутливого, іронічного, глузливого, тощо). Наша думка збігається з думкою А.В. Чігірьової, яка слушно зауважила, що саме завдяки певним семантичним зв’язкам та фонетичному оформленню антропоетоніми можуть формувати у читача те чи інше відношення до персонажа, впливати на його естетичні оцінки, викликаючи тим самим симпатії або антипатії до героя твору [9, с. 104-105]. Для вираження свого відношення до персонажу, письменник може використовувати варіативний ряд імен. Прикладом іронічного, але в той же час співчутливого зображення героя саги “Стовпи Землі” є антропоетоніми варіанти *Willy-boy* та *Will Hamleigh*. Варіант *Willy-boy* звучить досить фамільярно по відношенню до *William Hamleigh*, сина та спадкоємця лорда, тим більше з вуст жінки, що само по собі є неприйнятним у добу Середньовіччя, тим паче жінки-володарки лупанару: “Don’t let her prey on your mind, *Willy-boy*,” Kate had said sympathetically” [10, с. 451]. Варіант *Will Hamleigh* також ужито жінкою, і хоча в контексті присутнє явне глузування і в той самий час злість через те, що така форма імені взагалі використовується, це легко пробачається, адже цією жінкою є мати Вільяма Ріган: “They all know, even the sew retched serfs,” she said through her teeth. “They even tell jokes about us. When is a bride not a bride? When the groom is *Will Hamleigh!*” [10, с. 117]. Отже,

антропоетонімі варіанти виконують емоційно-експресивну функцію шляхом їхнього обігрування в контексті.

Одним із найяскравіших засобів реалізації емоційно-експресивної функції антропоетонімів є створення емоційно-збарвлених імен шляхом використання суфіксів суб'єктивної оцінки, наприклад, гіпокористичних або зменшувально-пестливих суфіксів *-ie/-y* (*Allie, Bennie, Annie, Chalkie, Betty, Ellie, Harry, Lizzie, Maggie, Millie, Sally, Tommy, Johnny, Tilly* тощо) або зменшувального суфікса *-in* (*Robin*). По-перше, письменник уживає гіпокористичні антропоетоніми для іменування дітей (*Sally* й *Tommy* – діти головних героїв твору Алієни та Джека, *Gerry* – син Ральфа та Тіллі, *Sammy* та *Davey* – сини Гвенди, *Roley* – син Мерзіна та Філіпі). Коли, наприклад, у сазі “Стовпи Землі” Джек та Алієна обирали ім'я для свого сина, вони вирішили назвати його на честь вітчима Джека Тома, але зупинилися на пестливій формі цього імені, доречній для іменування дитини: “Tom was such a big man. How about *Tommy*?” Jack nodded. “*Tommy* it is” [10, с. 773]. Дівчинці, яку Джек та Алієна народили через два роки після народження сина, надали ім'я *Salby*, таке ж пестливе й миле, якою й була дівчинка: “Martha also minded Tommy and Jack's second child, a girl whom they had named *Sally* ...” [10, с. 854], “... and *Sally* was a sweet, thoughtful girl who told stories to her dolls and loved to watch Jack at his tracing-floor” [10, с. 871]. У творі “Світ без кінця” також є тенденція називати дітей на честь родичів, так Ральф та Тіллі назвали сина на честь дідуся Джеральда, але звісно обираючи пестливу форму цього імені – *Gerry*: “Nearby sat the grandfather after whom the baby was named, Sir Gerald ...” [11, с. 765]. По-друге, автор використовує зменшувально-пестливі імена для звернення до рідних і близьких (пестливе звернення Річарда до своєї сестри Алієни – *Allie*, мірошника Валфріка до своєї дружини – *Maggie*, фарбаря Дункана до своєї дружини – *Winnie*, дружини торгівця вовною Мег до своєї доньки – *Annie*): “*Allie*, why did he do that?” Richard said” [10, с. 375], “He gave her his most charming grin. “I'd do it again, too, *Allie*” [10, с. 991]. Є також випадок пестливого використання двокомпонентної моделі, коли гіпокористичний суфікс додається не до імені, а до прикладки, що вказує на родинний зв'язок – *Auntie Gwen*: “But Auntie Gwen said she would raise the alarm, and went out” [10, с. 90]. По-третє, для пестливого звернення господаря до своїх підлеглих (звернення господарки лупанару Кейт до працівниць – *Betty* та *Millie*, Алієни до кухарки – *Tilly*, хазяїна виробництва тканин до працівниці – *Lizzie*): “She forced a smile and said: “Hello, *Tilly*, how are you?” [10, с. 952] або пестливого називання дорослих (недоумкуватого, але дуже доброго та дбайливого служителя

церкви, який виховав Джонатана – *Johnny*). У сазі “Світ без кінця” Кен Фоллетт пестливими іменами називає переважну більшість черниць та ченців: *Cressie, Jeannie, Juley, Natalie, Nellie, Rosie, Joshie*, а також персонажів, яким автор глибоко симпатизує: “*Betty* Baxter, an enormously fat woman in her forties ...” [11, с. 298], “Joe's wife, *Ellie*, who was heavily pregnant ...” [11, с. 704], “Merthin had hired a fourteen-year-oldboy, *Jimmie*, to labour for a halfpenny a day” [11, с. 239]. На думку О.В. Климчук, емоційно-оцінні поетоніми можуть передавати досить широкий спектр емоцій: від здрібноло-пестливих до зневажливо-згрубілих [3, с. 11], але, як показав аналіз гіпокористичних імен у діалогії Кена Фоллетта, зменшувально-пестливі антропоетоніми мають більшу емоційність у порівнянні з повними особовими іменами та зазвичай викликають читацьку симпатію та позитивну оцінку персонажів.

Підсумовуючи, доцільно підкреслити, що емоційно-експресивна функція поетонімів у діалогії Кена Фоллетта реалізується за допомогою підбору апелятива, що виражає суб'єктивну авторську оцінку, контекстуального обігрування антропоетонімів та використання емоційно-збарвлених суфіксів. Завдяки емоційно-експресивному потенціалу поетонімів діалогії створюється загальний емоційний колорит творів. Перспективним напрямком дослідження є аналіз експресивно-емоційного функціонування інших розрядів поетонімів у творах Кена Фоллетта.

ЛІТЕРАТУРА

1. Живоглядюв А. А. Реализация поэтической функции английских имен собственных личных. Монография / А. А. Живоглядюв. – М. : “Прометей”, 1998. – 140 с.
2. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе / Ю. А. Карпенко // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – М., 1986. – № 4. – С. 34-40.
3. Климчук О. В. Літературно-художній антропонімікон П. Куліша: склад, джерела, функції : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / О. В. Климчук. – Ужгород, 2004. – 19 с.
4. Крупа М. П. Лінгвістичний аналіз художнього тексту / М. П. Крупа. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2005. – 416 с.
5. Мирошниченко Т. В. Функции собственных имен в поэмах М.И. Цветаевой / Т. В. Мирошниченко // Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика. – Част. I. – Одеса, 1990. – С. 128-130.
6. Суперанская А. В. Как вас зовут? Где вы живете? /

- А. В. Суперанская. – М. : Наука, 1964. – 95 с.
7. Фоянкова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Учебное пособие / О. И. Фоянкова. – Ленинград : ЛГУ, 1990. – 104 с.
 8. Хлестун І. В. Власна назва в українській поезії II пол. XX ст. (семантико-функціональний аспект) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 / І. В. Хлестун. – К., 2006. – 27 с.
 9. Чигирева А. В. Стилистические функции антропонимов в романах Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста», «Домби и сын», «Крошка Доррит» / А. В. Чигирева, В. А. Бондарь // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 7. – Донецк : Донеччина, 2001. – С. 104-117.
 10. Follett Ken The Pillars of the Earth / K. Follett. – London : Pan Books, 1990. – 1076 p.
 11. Follett Ken World Without End / K. Follett. – New York : New American Library, 2008. – 1015 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В. Эмоционально-экспрессивная роль антропонимов в дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца»

Статья посвящается исследованию эмоционально-экспрессивной роли антропонимов в дилогии Кена Фоллетта «Столпы Земли» и «Мир без конца». Использование антропонимов в художественном произведении мотивированное и служит реализации замысла писателя. В статье рассматриваются антропонимы, которые экспрессивно окрашивают текст произведения и вызывают определенные эмоции. В ходе исследования выявлено, что реализация эмоционально-экспрессивной функции антропонимов достигается за счет выбора апеллятива, выражающего авторскую оценку персонажа, контекстуального обыгрывания антропонимов в произведении, использования эмоционально-окрашенных суффиксов.

Ключевые слова: антропоним, эмоционально-экспрессивная функция, апеллятив, контекст, гипокористический суффикс.

SUMMARY

Minina O. V. Emotional and expressive role of antropoetonyms in Ken Follett's dilogy «Pillars of the Earth» and «World Without End»

The article is devoted to the study of emotional and expressive

role of antropoetonyms in Ken Follett's dilogy «Pillars of the Earth» and «World Without End». The usage of antropoetonyms in the literary text is deeply motivated and serves the author's intention. The article focuses on antropoetonyms that give expressive colouring to the text and cause certain emotions. The research identifies that emotional and expressive function of antropoetonyms is realized owing to the choice of appellative expressing the author's evaluation of the character, antropoetonym contextual playing in the literary work and usage of emotionally coloured suffixes.

Key words: antropoetonym, emotional and expressive function, appellative, context, hypocoristic suffix.

*И.В. Шам
(Горловка)*

УДК 81, 366:811.111-26

СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ДВУХВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ

Данная статья посвящена одному из малоизученных вопросов, касающихся комплексного исследования структурных свойств двухвалентных глаголов.

Глагол является ядром структуры предложения и задает будущий состав предложений, диктует количественный состав участников называемого глаголом действия [6, с. 5].

Вопрос о статусе зависимых элементов в окружении глагола рассматривался учеными в различных аспектах: структурные свойства [3, с. 28], семантические свойства [4, с. 15].

Согласно теории Л. Теньера глагол «уничтожает» особое положение субъекта, как главного члена и ставит его на один уровень с объектом [6, с. 27]. Субъект, как и объект, входят в валентный набор глагола, так как семантика глагола определяет их присутствие в своем окружении.

Объектом исследования в данной статье являются структурные свойства двухвалентных глаголов, а именно: обязательно-дистрибутивное окружение, направленность действия двухвалентных глаголов, их валентность.

Валентность глагола рассматривается как его потенциальная способность сочетаться с другими словами.

В исследовании языкового материала использовалась классификация глаголов по характеру направленности действия и признаку синтаксической природы элементов обязательного окружения, их комбинаторике, разработанной Почепцовым Г.Г.

[4, с. 14].

В ходе исследования двухвалентных глаголов описан ряд дифференциальных признаков (ДП) структурного характера. К ним относятся следующие ДП:

- двухвалентные глаголы характеризуются направленностью действия, различного по характеру направленности;
- иметь зависимые элементы обязательного окружения типа субъект, объект, адвербиалия;
- формировать элементы зависимого окружения различной комбинаторики.

В проводимом исследовании связь действия с субъектом является обязательной и включается в понятие обязательно-дистрибутивного окружения. Например: *Catherine opposed a scheme* [7, с. 5].

В ходе исследования выявлено, что валентность открывает места для элементов обязательного окружения объектной направленности. Например: *She shook her hand* [7, с. 10]

Адвербиальная направленность действия двухвалентных глаголов реализует в обязательном окружении глаголов элементы зависимого окружения адвербиального характера. Например: *He went to his room* [7, с. 12].

Исследованием установлено, что реализация направленности действия двухвалентных глаголов зависит от ряда факторов, какими являются ситуация объективной действительности, задачи номинации, сочетаемость глаголов, их лексико-грамматические значения [1, с. 33].

Анализ фактического материала показал, что направленность действия двухвалентных глаголов, их комбинаторные свойства реализуют зависимое окружение в различной комбинаторике элементов обязательного окружения.

Комбинаторика зависимых элементов в окружении двухвалентных глаголов:

1. Субъектно-объектное зависимое окружение e.g. *The bear frightened a dog* [7, с. 22].
2. Субъектно-адвербиальное зависимое окружение e.g. *Philip lay on the sofa* [7, с. 13].

Обязательное окружение составляет неотъемлемую характеристику двухвалентных глаголов и, следовательно, является конструктивно значимым в структурах, образуемых двухвалентными глаголами, и опущение его из состава структурных моделей нарушает структурную и смысловую завершенность последней [1, с. 25].

Зависимые элементы объектного и адвербиального окружения

составляют неотъемлемую характеристику двухвалентных глаголов (*to reject, to refuse, to produce, to migrate*) e.g. *The judge rejected her evidence* [7, с. 20].

e.g. *Success is produced by hard work and enthusiasm* [7, с. 18].

Факультативное окружение двухвалентных глаголов не является структурно необходимым, и, следовательно, решающим для установления структурных свойств двухвалентных глаголов. Употребление или / неупотребление факультативного окружения двухвалентных глаголов в аспекте структурных закономерностей языка произвольно.

Использование элемента, находящегося в отношениях факультативной дистрибуции, определяется содержательными и коммуникативными задачами высказывания [6, с. 28]. Опущение факультативного окружения не влияет на грамматичность предложения, которое остаётся грамматически отмеченным и без него.

e.g. *Lanny smiled – He smiled thoughtfully* [7, с. 13].

Таким образом, различные элементы зависимого окружения характеризуются различной степенью ожидаемости: уверенной в случае обязательной дистрибуции и неуверенной ожидаемостью при факультативной дистрибуции.

Сочетаемость двухвалентных глаголов субъектно-объектной направленности на синтаксическом уровне представлена в структурных моделях типа S+V+Obj, где S – подлежащее, V – исследуемый глагол, Obj – дополнение.

Все структуры исследуемого типа делятся на две лексико-семантические группы [2, с. 17]:

1. Построения, в которых семантика глагола строго лимитирует выбор дополнений.
2. Построения, в которых семантика глагола позволяет широкую вариативность дополнений.

К первой группе относятся:

- Глаголы, чье зависимое объектное окружение представлено одушевленными существительными (*to kill, to frighten, to tempt, to amuse*): *He amuses the child* [7, с. 31].

- Глаголы, требующие в качестве дополнения существительные, обозначающие вещества определенной физической структуры (*to smear, to drink, to eat, to smash, to chew*): *Robert smashed a tea-cup* [7, с. 5].

Ко второй группе относятся глаголы, которые не накладывают таких строгих ограничений на сущность дополнений. Например, глаголы *to choose, to refuse, to remember, to forget, to begin*: *I forgot his name* [7, с. 13].

В структурных моделях S+V+Obj. употребляются

также глаголы адресатной направленности, обозначающие коммуникативные процессы (to cable, to phone, to write, to signal): *He telephoned Mr. Smillie* [7, с. 14]. Глаголы адресатной направленности, как иллюстрируют примеры, открывают места как для подлежащего (he), так и для дополнения (Mr. Smillie), занимающих обязательные позиции в окружении двухвалентных глаголов.

Сочетаемость двухвалентных глаголов субъектно-адвербиальной направленности на синтаксическом уровне представлена в структурных моделях типа S+V+Adv. В данной структурной модели употребляются следующие двухвалентные глаголы:

- 1) Глаголы пространственной направленности:
 - Собственно места (to lay, to live);
 - направление движения (to tilt, to walk);
 - конечный пункт (to come, to step);
 - исходный пункт движения (to come).

e.g. *Philip lay on the sofa* [7, с. 12]. Глагол to lie открывает места в своем окружении подлежащему (Philip) и обстоятельству элементу (on the sofa), занимающих позиции обязательной дистрибуции.

- 2) Глаголы временной направленности, имеющие значение временного момента и временной протяженности (to leave, to last, to start).

e.g. *This lasted through Sunday night* [7, с. 15]. Глагол to last открывает места в своем окружении подлежащему (this) и обстоятельству элементу (through Sunday night), занимающих обязательные позиции.

- 3) Глаголы качественной направленности (to act, to behave, to do, to taste, to keep).

e.g. *He had behaved wrongly* [7, с. 16]. В данном примере обстоятельный элемент wrongly занимает обязательную позицию.

- 4) Глаголы целевой направленности (to come, to gather, to go, to set).

e.g. *I've come to see you* [7, с. 4]. Глагол to come открывает места для подлежащего (I) и обстоятельного элемента (to see you), занимающих обязательные позиции в окружении данного глагола.

В ходе исследования было установлено, что валентность глаголов открывает места для элементов обязательного окружения субъектной, объектной и адвербиальной направленности. Реализация направленности действия двухвалентных глаголов зависит от ряда факторов, какими являются: ситуация объективной

действительности, задачи номинации, сочетаемость глаголов, их лексико-грамматические значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 180 с.
2. Бурлакова В.В. Структура глагольных сочетаний в совр. а. яз.: Автореф. дис...докт. филол. наук. – Л., 1974. – 8с.
3. Бурлакова В.В. К проблеме факультативной и обязательной сочетаемости // Исследования по англ. филологии. – Л., 1971, сб.4. – 220с.
4. Почепцов Г.Г. Об обязательном и факультативном окружении // Вопр. языкознания – 1968. – №1. – С.25-30.
5. Почепцов Г.Г. Синтагматика английского слова. – К.:Высшая школа, 1976. – 126с.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Артпресс, 1979. – 215с.
7. Sinclair U. Selected Stories. – L.: Progress, 1980. – 69с.

АННОТАЦИЯ

Шам И. В. Структурные свойства двухвалентных глаголов

Данная статья посвящена исследованию структурно-семантических свойств двухвалентных глаголов. Данные анализа показывают, что реализация вербальной ориентации действия зависит от объективной реальности, целей номинации, семантики глагола, глагольной сочетаемости и лексико-грамматическим значением двухвалентных глаголов. Валентность глаголов открывает места для элементов обязательного окружения субъектной, объектной и адвербиальной направленности.

Ключевые слова: двухвалентные глаголы, сочетаемость, обязательная дистрибуция, факультативное окружение, валентность.

SUMMARY

Sham I. V. Structural peculiarities of bivalent verbs

This article is devoted to the investigation of the structural and semantic peculiarities of the bivalent verbs. The data of the analysis show that the realization of the verbal orientation of the action depends upon the objective reality, the aims of nomination, semantics of the verb, verbal combinability and lexical-grammatical meaning of the bivalent verbs. The verbal valency opens the places for the elements of the obligatory environment of the subjective, objective and adverbial orientation.

Key words: bivalent verbs, combinability, obligatory distribution,

optional environment, valency.

М.В. Яковенко
(Горловка)

УДК 81'373.2

АБСОЛЮТНАЯ ВНУТРИВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ

Трансонимизация – один из распространенных способов образования собственных имен. Она широко представлена во всех классах онимов. При трансонимизации переход онимов из одного класса в другой может происходить как без формальных изменений производящего слова, так и с помощью онимных формантов. Соответственно, можно выделить абсолютную, или безаффиксную, трансонимизацию, и трансонимизацию, осложненную деривацией, или смешанную. В процессах трансонимизации принимают участие разные виды онимов. В зависимости от того, наблюдается ли переход между онимами разных разрядов или между онимами одного разряда, выделяют межвидовую и внутривидовую трансонимизацию. В поле зрения ономастологов трансонимизация попадала в большей степени в контексте исследования определенных классов онимов, этимологического и словообразовательного анализа собственных имен той или иной ономастической системы. Механизмы перехода собственного имени с одного объекта на другой рассматривались в работах известных ученых [Ю.А. Карпенко; Е.С. Отин]. Цель данной статьи – показать различные направления перехода онимов внутри класса топонимов и антропонимов, протекающие без изменения формы производящего слова.

Абсолютная внутривидовая трансонимизация наблюдается в классе топонимов: переходы гидроним → ойконим, ойконим → гидроним. Наиболее распространен переход гидронима в ойконим. Названия рек часто переносятся на населенные пункты, находящиеся на их берегах. Этому способствует близость географических объектов, которая создает условия для перенесения названия с уже названного на безымянный объект. Переход гидронима в ойконим и ойконима в гидроним “происходит вследствие контактного переноса имен, или топонимической метонимии” [9, с. 195]. В этом случае наблюдается «расщепление» географического названия на два онима: 1) название реки; 2) название поселения.

Омонимичные названия рек и населенных пунктов встречаются в топонимии разных стран. “В истории восточнославянской

топонимии отмечается широкое и разноплановое взаимодействие гидронимических лексем с наименованиями поселений. Нередко ойконим повторяет сложившийся ранее гидроним или же, наоборот, в гидрониме тождественно отражается форма ойконима” [9, с. 195]. Многочисленные примеры таких омонимических названий рек и населенных пунктов находим и на территории России, и на территории Украины: *р. Вологда – г. Вологда*, *р. Воронеж – г. Воронеж*, *р. Орел – г. Орел*, *р. Таруса – г. Таруса*, *р. Вязьма – г. Вязьма* [2, с. 24]; в бассейне реки Оби: *р. Бобрик – д. Бобрик*, *р. Ржава – с. Ржава*, *р. Локна – с. Локна*, *р. Очка – с. Очка*, *р. Плата – с. Плата* [14, с. 15, 16, 25, 48, 49]; в бассейне Дона: *р. Бахмут – г. Бахмут*, *р. Изюм – г. Изюм* [9, с. 196]; *р. Алдан – г. Алдан* (Якутия), *р. Бузулук – г. Бузулук* (Оренбургская обл.), *р. Волхов – г. Волхов* (Ленинградская обл.), *р. Ивня – г. Ивня*, *р. Ракитная – с. Ракитная* (Белгородская обл.), *р. Малая Вишера – г. Малая Вишера* (Новгородская обл.), *р. Медынь – г. Медынь* (Калужская обл.), *р. Мезень – г. Мезень* (Архангельская обл.), *р. Нерехта – г. Нерехта* (Костромская обл.), *р. Россошь – г. Россошь* (Воронежская обл.), *р. Шуя – г. Шуя* (Ивановская обл.) [7, с. 19, 64, 88, 89, 242, 263, 349, 373]; *р. Лозовая – г. Лозовая* (Харьковская обл.), *р. Ирпень – г. Ирпень*, *р. Припять – г. Припять* (Киевская обл.), *р. Десна – с. Десна* (Черниговская обл.), *р. Ингулец – г. Ингулец* (Днепропетровская обл.), *р. Иршава – с. Иршава* (Закарпатская обл.), *р. Кременная – г. Кременная*, *р. Ровеньки – г. Ровеньки* (Луганская обл.), *р. Полтава – г. Полтава*, *р. Хорол – г. Хорол* (Полтавская обл.), *р. Смотрич – с. Смотрич* (Хмельницкая обл.), *р. Стрый – г. Стрый* (Львовская обл.), *р. Токмак – г. Токмак* (Запорожская обл.), *р. Тростянец – г. Тростянец* (Винницкая обл.) [5, с. 19, 32, 41, 56, 58, 83, 99, 109].

Многие города Великобритании получили свои названия от протекающих возле них рек. Большинство ойконимов Великобритании являются сложными и состоят из двух частей (названия реки и географического термина, которые в результате многовекового развития срослись в одно слово), но встречаются и ойконимы, повторяющие форму гидронимов. В словаре Миллза нами найдено 66 названий поселений, зеркально отражающих названия рек и ручьев. Например, *Avon* (Hampshire), *Ayr* (South Ayrshire), *Banff* (Aberdeenshire), *Cam* (Gloucestershire), *Colne* (Lancashire), *Frome* (Somerset), *Irvine* (North Ayrshire), *Kennett* (Cambridgeshire), *Loweswater* (Cumbria), *Lyde* (Herefordshire), *Meavy* (Devon), *Thame* (Oxfordshire), *Trent* (Dorset), *Usk* (Monmouthshire), *Wendover* (Cornwall), *Willett* (Somerset), *Winstar* (Cumbria) [20, с. 25, 26, 39, 95, 123, 268, 292, 342, 389, 477, 489,

494, 499].

На территории США также можно найти примеры “абсолютного” переноса гидронимов на близлежащие населенные пункты: названия городов и селений *Sacramento, Boulder Creek, Montgomery Creek, Hazel Creek, Norman Creek; Moose Creek, Dry Creek, Big Lake, Funny River, Stony River, Kenny Lake, Scammon Bay, Cold Bay, Nelson Lagoon, Edna Bay, Hobart Bay, Larsen Bay, Cave Creek* были образованы от соответствующих названий ручьев, рек, озер и заливов. Как указывает О.А. Леонович, “использование названий гидрологических объектов в качестве названий мест жилья типично для большинства районов США” [6, с. 137].

Следует подчеркнуть, что очень часто на последующих этапах сосуществования одноструктурных контактных названий реки и поселения происходит их расподобление или замена ойконима каким-либо его дублетом. “Распространенным способом такого расподобления является плюрализация ойконимической формы” [9, с. 201]. Ср.: *рч. Клекоток – с. Клекотки, рч. Паника – с. Паники, рч. Дриска – с. Дриски, р. Песчанка – с. Песчанки* в бассейне Дона; *р. Крома – с. Кромы, р. плота – д. Плоты, р. Везилка – с. Везилки* в бассейне Оки; *р. Сума – г. Сумы* в бассейне Днепра [9, с. 198]. Расподобление гидронима и ойконима может проходить и на словообразовательном уровне, когда название водной артерии приобретает суффикс с деминутивным или относительным значением. Например, *река Орел* (в бассейне Оки) получает позднее деминутивную форму *Орлик, р. Коломна – Коломенка, р. Палех – Палешка, р. Пенза – Пензятка* [2, с. 241]. Ср. еще: *с. Кипеть – р. Кипетка* (она же *Кипеть*), *д. Бестань – р. Бестенка* (*Бестань*), *д. Добрица – р. Добричка, с. Любень – р. Любенка* (*Любень*), *г. Бахмут* (сейчас Артемовск) – *р. Бахмутка* (она же *Бахмут*) [9, с. 201].

Переход ойконима в гидроним без изменения формы ойконима также основан на метонимическом переносе по смежности. Можно привести следующие примеры таких пар: *слобода Ивановы, хутор Ивановы – река Ивановы* в верховье Черной Калитвы, п.п. Дона; *с. Преображенное – рч. Преображенная* в бас. Северского Донца, п.п. Дона; *с. Троицкое – р. Троицкая, с. Покровское – р. Покровская* в бас. Оки [9, с. 196-197]; *с. Рухотин – р. Рухотин*, п.п. Днестра; *с. Щербинцы – р. Щербинцы*, л.п. Черлены в бас. Прута [3, с. 179, 205].

Внутри класса антропонимов самым массовым явился переход личных имен в патронимы, патронимов в фамилии, личных имен в фамилии, прозвищ в фамилии. Этот процесс длился на протяжении нескольких веков. “В России княжеские,

а за ними боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI веков, помещичьи – формировались в XVI-XVII веках, фамилии же горожан, за исключением купечества, еще не установились окончательно и в начале XIX века, даже фамилии духовенства созданы только в XVIII и первой половине XIX веков, а подавляющее большинство крепостных крестьян и до середины XIX века еще не имело фамилий” [8, с. 17]. В Украине формирование фамилий охватывает также большой промежуток времени. Собственные именованья украинской шляхты имели основные признаки фамилий уже в XV-XVI веках, дворянства – в XVIII веке, основная же масса фамилий в Украине сформировалась во второй половине XIX века. Становление системы современных английских фамилий происходило в течение всего средневековья (конец XI века – XV век), а в Шотландии и Уэльсе оно продолжалось еще и в начале позднего средневековья (XVI-XVII века). Раньше всего прозвания стали наследоваться представителями феодальной знати. После Нормандского завоевания постепенно по всей стране вводилось право наследственного именованья. Постепенно прозвища феодальных лордов, баронов, рыцарей, переходя от отца к старшему сыну, становились наследуемыми. Позднее всего этот процесс затронул низшие слои городского и сельского населения.

Большинство русских фамилий было оформлено притяжательными суффиксами. Но не все русские фамилии прошли стандартизацию. В настоящее время существуют фамилии, совпадающие с личными именами, различного рода прозвищами (переходы личное имя → фамилия, прозвище → фамилия). Например, *Мороз, Внук, Заяц, Кот, Сорока, Соловей, Кошель, Беззуб, Нечай; Андрон, Бажан, Демян, Герман, Ермак, Макарь, Савва, Касьян, Роман, Богдан, Борис*. Расподобление данных фамилий, созвучных с современными омонимичными именами (такими как *Роман, Богдан, Борис*) может происходить с помощью сдвига ударения на первый слог. Русские фамилии, совпадающие с женскими личными именами, встречаются довольно редко. В качестве фамилий, в основном, выступают сокращенные, ласкательные и уничижительные формы женских имен, например: *Ангелина, Аннушка, Вареха, Грушка, Зоя, Люда, Лика, Маня, Тоня, Ульянка*.

Причины, по которым определенная группа личных имен и прозвищ, перешедшая в разряд фамилий, осталась не оформленной специальными суффиксами, разнообразны. “Они могут быть чисто внешними, связанными с историей отдельной семьи и обстоятельствами, сопутствующими возникновению и бытованию отдельной фамилии” [15, с. 70]. Другие

причины, из-за которых часть фамилий не была оформлена стандартными суффиксами, лингвистические. Сюда относятся “длина прозваний, наличие в их составе некоторых суффиксов, специфика склонения, акцентуации, звучания” [15, с.71].

Многие украинские фамилии образовались непосредственно от личных имен и прозвищ, минуя стадию патронимов. В отличие от русских фамилий, в разряд фамилий в Украине перешли не только полные христианские личные имена, но и их дериваты, разговорные варианты. Ср., следующие современные фамилии: *Стасик, Федик, Гринько, Данько, Левко, Лесько, Микитко, Митько, Сенько, Фесько, Юрко, Ясько, Яцько; Андрусик, Василик, Павлик, Данилик, Миколайчик, Петрик, Петрусик; Богданець, Василець, Иванец, Степанец, Якубець*. Полные и уменьшительные формы христианских личных имен, выступающие в роли фамилий, встречаем уже в «Реестре Войска Запорожского 1649 года»: *Данило Тарас, Иванъ Тишко, Синько Микита, Куриль Тимко, Васко Сава, Юшъко Иванъ, Грыцько Иванъко, Вамил Иваникъ, Васил Микола, Гарасим Михаило, Яцикъ Степанъ, Гаврило Васил, Петро Виктор, Васко Дениско, Павел Улита, Иванъ Солоха, Миронъ Хведоръ, Стась Зосим* [11, с. 51, 65, 102, 191, 203, 255, 278, 297, 316, 402, 410, 432]. Но личные христианские имена в качестве фамилий в «Реестре Войска Запорожского 1649 года» употребляются сравнительно редко по отношению к фамилиям, состоящих из прозвищ и нехристианских личных имен – приблизительно 1% общего количества именованных. В то же время много украинских фамилий образовано непосредственно от прозвищ и нехристианских личных имен. *Ивахно Жаданъ, Миско Ломонос, Грицько Семиволос, Павло Билан, Семен Гусакъ, Тимко Шкода, Сидор Мокронос, Васко Мороз, Хома Кислица, Иван Скороходъ, Левъко Шулга, Иван Моргун, Миско Черномаз, Хвеско Середа, Иван Воробец, Семен Шелест, Пилипъ Суета, Иван Зима, Марьтинъ Третьакъ, Михайло Ворона, Грицько Подопригора, Игнат Рудый, Данило Жданъ* [11, с. 27, 53, 66, 109, 299, 300, 373, 382]. Вероятно, большой процент фамилий, образованных от прозвищ и личных имен с помощью безаффиксной трансонимизации на территории Украины объясняется тем, что в украинском языке не было доминирующего типа фамилий, как в русском фамилии на *-ов/-ев*, не были настолько строги правила кодификации фамилий. Кроме того, на формирование украинских фамилий оказали влияние антропонимы Польши и Западной Европы.

В английском языке личные имена и их дериваты часто становились фамилиями без какого бы то ни было специального морфологического дооформления. Ср. современные английские

фамилии, образованные от полных личных имен: *Adam, Benjamin, Bernard, Christian, Christopher, Clement, Daniel, David, Donald, Eric, Evan, Fabian, Felix, George, Gerald, Harold, Henry, Hubert, Jerome, John, Jonathan, Joseph, Leon, Leonard, Lucas, Luke, Patrick, Philip, Richard, Roland, Timothy*; английские фамилии, образованные от дериватов личных имен: *Bart, Barth, Bartie, Bartlett, Bartley, Barttelot* – от дериватов личного имени *Bartholomew*; *Dave, Davie, Davy, Day, Daykin, Dow, Dowe* – от дериватов личного имени *David*; *Filkin, Fill* – от дериватов личного имени *Philip*; *Gibb, Gibbin* – от дериватов личного имени *Gilbert*; *Hick, Hickie, Hickin* – от дериватов личного имени *Richard* [12, с. 32, 68, 69, 145, 146, 179, 193, 218, 227, 244, 254, 277, 288, 289, 383, 388]. В «Словаре английских фамилий» А.И. Рыбакина фамилии, образованные непосредственно от личных имен и их дериватов составляют одну треть по отношению к остальным фамилиям. В разряд фамилий в английском языке перешли не только мужские имена, но и женские. Ср. современные английские фамилии, возникшие от женских имен и их дериватов: *Bridget, Hilary, Isabell, Janet, Lucia, Lucy; Babbet, Barbot* – от деривата имени личного *Barbara*; *Bettin, Betty* – от дериватов имени личного *Beatrice*; *Ibbett, Ibell* – от дериватов имени личного *Isabel*; *Malkin, Mallet, Mallin, Mallot* – от дериватов имени личного *Mary* [12, с. 69, 139, 190, 248, 352]. Но, как правило, фамилий, образованных от женских имен, сравнительно мало по отношению к фамилиям, образованным от мужских имен. Кроме того, многие английские фамилии образовались непосредственно от прозвищ. Ср. фамилии: *Longfellow, Makepeace, Passman, Peacock, Pidgen, Pickerell, Pook, Redhead, Rook, Rose, Tod, Trotman, Virtue* [12, с. 284, 304, 349, 389, 455, 462, 473].

Примером абсолютной внутривидовой трансонимизации можно считать и переход патронимов, матронимов в фамилии. “Подобно тому, как личные имена и прозвища были источниками собственно отчеств и прозвищных отчеств, так и собственно отчества и прозвищные отчества были источниками образования фамилий” [19, с. 109]. Процесс перехода патронимов в фамилии длился на протяжении нескольких веков. Христианское отчество отца или прозвищное отчество в XVI-XVII веках могло стать фамилией, пройдя стадию родового прозвания, если оно удерживалось в четвертом поколении. Данный процесс приходится на начало XVIII века. Переход патронимов на *-ов/ев, -ин* в фамилии осуществлялся без каких-либо формальных изменений, то есть имела место абсолютная трансантропонимизация. Ср. патронимы, взятые из «Актов феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков»: “*Федор Иванов сын Шолохов, 1510 г.*;

Басман Нечаев сын Колычев, Игнатий Игнатъев сын Нечаев, 1671 г.; Андрей Тимофеев сын Рчинов, 1495-1511 гг.; Иван Голова Семенов сын Лыков, 1499 г.; Яков Федоров сын Ушаков, 1505-1506 гг.” [1, с. 63, 79, 82, 83, 85] и современные фамилии *Шолохов, Нечаев, Колычев, Рчинов, Лыков, Ушаков*. В Украине процесс образования и закрепления фамилий также охватывает большой промежуток времени. “Об украинских фамилиях в современном понимании термина можно говорить, начиная с 30-х годов XIX века, когда вводится кодификационное право” [13, с. 97]. Указывая, что “вся масса населения России получила фамилии в очень короткий и весьма поздний период (XVIII-XIX века)”, В. Никонов отмечает, что в России “государственная регламентация быстро нивелировала и закрепила норму, в то время, как на Украине процесс образования фамилий, начавшийся раньше, протекал дольше и менее регламентированно” [8, с. 326]. Украинские фамилии меньше, чем русские, подверглись требованиям официальной регламентации. Если в русском языке доминирующими при переходе в фамилии были патронимы, оканчивающиеся на *-ов/-ев, -ин*, то в украинском языке в фамилии перешли патронимы на *-ович/-евич, -ич, -енко, -ук/-юк, -ак/-як* и др. Ср. патронимы *Протас Якименко, Ермашъко Василенко, Жадан Якимович, Кирило Сенчук, Михайло Данилович, Василь Гарасимович, Савъка Шулженко, Володко Пинчук* [11, с. 28, 50, 52, 90, 323] и современные фамилии *Якименко, Василенко, Якимович, Сенчук, Данилович, Герасимович, Шулженко, Пинчук*. Намного реже встречаются фамилии, образованные от матронимов (прозвищ, прозваний, отчеств от имени матери). Небольшое количество данного типа фамилий объясняется экстралингвальными факторами. От имени матери именованья детей образовывались только в тех случаях, когда женщина оставалась вдовой и становилась главой семьи. В настоящее время можно встретить фамилии данного типа, например *Барварин, Верин, Галин, Дашкин, Дунин, Катеринин, Катин, Лизин, Любин, Маринкин, Марусин, Марфин, Марьин, Надин, Настин, Ольгин, Сонин, Танин; Ганненко, Катренко, Марусенко, Настенко, Ганусяк, Марусяк, Катрич, Маринич, Марусич, Мотрич*. Переход матронимов в фамилии, также как и патронимов, происходил без каких-либо формальных изменений. Так, например, современные фамилии *Марьин, Домнин, Маврин, Барварин, Софьин, Марфин, Катюшин, Татьяна* совпадают с матронимами, данными в «Словаре древнерусских личных собственных имен» М.Н. Тупикова: *Юрий Григорьев сын Марьин, 1495 год; Григорий Ильин сын Домнин, 1617 год; Василий Аверкеев сын Маврин, 1700 год; Васко Барварин, 1495 год; Якуш Софьин, 1495 год; Лука*

Марфин, 1499 год; Данило Катюшин, 1539 год; Иван Татьяна, 1650 год [15, с. 103]. Ср. также матронимы из «Реестра Войска Запорожского 1649 года»: *Степан Ганенко, Луцик Настенко, Процик Мотринъ, Иван Мариничъ, Богдан Наталченко, Серий Улитенко, Миско Катричъ, Иван Катериничъ* [11, с. 46, 212, 225, 295, 382, 386, 423, 472] и современные фамилии *Ганенко, Наталченко, Настенко, Мотрин, Улитенко, Маринич, Катрич, Катеринич*.

Переход фамилии в личное имя в русском и украинском языках встречается редко. Обычно он связан с единовременным актом наречения. Выбор имени часто обуславливается такими экстралингвистическими факторами, как созвучность имени, внутреннее желание родителей. Так, в память о выдающихся людях прошлого и настоящего в 20-30 годы XX столетия в русский именник были включены фамилии деятелей общественных движений, художников, ученых, писателей, путешественников. А.В. Сулова приводит следующие примеры таких личных имен: *Ампер, Бенуа, Бруно, Вашингтон, Вольт, Вольтер, Колумба, Кромвель, Либкнехт, Маркс, Моцарт, Робеспьер, Энгельс, Блок, Вольта, Гарибальди, Дантон, Дантона, Дарвин, Дарвина, Кант, Кюри, Лафарг, Ленин, Ленина, Линкольн, Магеллан, Мильтон, Ньютон, Рентген* [16, с. 310-316]. Приведем примеры имен, образованных от фамилий известных людей, которые появились в начале XXI века. В 2000 г. молодая русско-казахская семья назвала своего сына в честь президента *Билла Клинтона* (паспортная форма – *Биляклинтон Сериккулы*). В 2008 г. в России родители назвали мальчика *Гусом* в честь известного футбольного тренера (паспортная форма – *Гус Евгеньевич Городников*). Но эти имена, как правило, имеют единичных носителей и не приживаются среди традиционных имен.

В английском языке переход фамилии в личное имя – довольно распространенное явление. Из 4000 имен «Словаря английских личных имен» А.И. Рыбакина нами найдено 500 имен, образованных от фамилий. Среди них встречаются как имена, появившиеся от фамилий известных, знаменитых, прославившихся людей, так и от обычных фамилий. Сравните имена: *Byron, Columbus, Darwin, Eliot, Hamilton, Lincoln, Nelson, Newton, Parker, Reed, Ross, Scott, Shelley, Sinclair, Truman, Washington, Lennon; Ashley, Bradford, Charlton, Harrison, Jackson, Kimberley, Montgomery*. Фамилии играют значительную роль в пополнении английского именослова. Хотя, образование личных имен от фамилий больше распространено в США, чем в Великобритании. Как отмечает Г.Д. Томахин, “в США данное

явление приняло массовый характер. Тенденция использовать имена известных государственных деятелей начинает складываться сразу после окончания войны за независимость. В качестве первых имен стали употребляться *Washington, Franklin, Hamilton, Jefferson, Madison, Monroe, Jackson, Harrison, Lincoln* [17, с. 202].

Таким образом, собственные имена, возникшие в результате абсолютной внутривидовой трансонимизации, встречаются в ономастических системах разных языков. Переходы собственных имен в классе топонимов основаны на топонимической метонимии, то есть контактом переносе имен, и связаны с процессами естественной номинации. Переходы собственных имен в классе антропонимов более обусловлены экстралингвистическими факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI вв., ч. 1. – М.: АН СССР, 1951.
2. Горбаневский М.В. В мире имен и названий / М.В. Горбаневский. – М.: Знание, 1983. – 192 с.
3. Карпенко Ю.О. Топонімія Буковини / Ю.О. Карпенко – К.: Наук. думка, 1973. – 238 с.
4. Карпенко Ю.О. Синхронічна сутність лексико-семантичного способу словотвору / Ю.О. Карпенко // Мовознавство. – 1992. – № 4. – С. 4- 10.
5. Кругляк Ю.М. Ім'я вашого міста/ Ю.М. Кругляк. – К.: Наук. думка, 1978.
6. Леонович О.А. Топонимы Соединенных Штатов Америки: Учеб. пособие / О.А. Леонович. – М.: Высш. шк., 2004. – 247 с.
7. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь: Около 4000 названий / В.А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
8. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. – М.: Наука, 1974. – 280 с.
9. Отин Е.С. Топонимическая метонимия (вид связи «гидроним – ойконим») / Е.С. Отин // Отин Е.С. Избранные работы. – Донецк: Донеччина, 1997. – С. 195-208.
10. Отин Е.С. Из заметок к лекциям по топонимике / Е.С. Отин // Восточноукраинский лингвистический сборник: Выпуск шестой. Сборник научных трудов. – Донецк: Донеччина, 2000. – С. 37-54.
11. Реестр Війська Запорозького 1649 року / Підгот. До друку О.В. Тодійчук (голов.упоряд.) та ін. – К.: Наук. думка, 1995. – 592 с.
12. Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий (Около 22700

- фамилий) / А.И. Рыбакин. – М.: Рус. яз., 1986. – 576 с.
13. Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен: 4000 имен / А.И. Рыбакин. – М.: Рус.яз., 1989. – 224 с.
 14. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки / Г.П. Смолицкая. – М.: Наука, 1976. – 404 с.
 15. Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии / А.В. Суперанская, А.В. Сулова. – М.: Наука, 1981. – 176 с.
 16. Сулова А.В. Из истории антропологии советского периода (20-е годы) / А.В. Сулова // Восточнославянская ономастика. Исследования и материалы. – М.: Наука, 1979. – С. 302-316.
 17. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Г.Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
 18. Худаш М.Л. З історії української антропонімії / М.Л. Худаш. – К.: Наук. думка, 1977. – 236 с.
 19. Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий (Вопросы русской исторической ономастики XV-XVII вв.) / В.К. Чичагов. – М.: Учпедгиз, 1959. – 128 с.
 20. Mills A.D. A Dictionary of British Place Names / A.D. Mills. – Oxford University Press, 2003.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М. В. Абсолютная внутривидовая трансонимизация

Статья посвящена проблеме взаимодействия онимов внутри класса топонимов и антропонимов. Анализируются переходы гидронимов в ойконимы, ойконимов в гидронимы, оронимов в гидронимы, личных имен, патронимов в фамилии, фамилий в личные имена, происходящие без изменения производящего слова.

Ключевые слова: трансонимизация, гидроним, ойконим, ороним, фамилия, патроним, личное имя.

SUMMARY

Yakovenko M. V. Absolute intraspecific transonymization

The article is devoted to the problem of the interaction of onyms in the toponymy and anthroponymy. The author analyses hydronyms, place names, personal names, surnames formed by the way of transition without a change of form.

Key words: transonymization, hydronym, place name, oronym, surname, patronymic, personal name.

Ch. Fuchs,
L. Smyrnova
(Neustadt a.d. Aisch)

УДК 81.0

VIELDEUTIGKEIT DEUTSCHER WÖRTER: LUST UND LAST ZUGLEICH

Wer eine fremde Sprache zu lernen versucht, wird häufig dadurch verwirrt, dass ein und dasselbe Wort manchmal mehrere, ganz unterschiedliche Bedeutungen hat. Oft entscheidet der Kontext über den Sinn. Da braucht es viel Einfühlungsvermögen, erhebliche Erfahrung. Wir wollen uns also im Folgenden einige Wörter der deutschen Sprache näher betrachten. Weil dieses Feld weit ist, konzentrieren wir uns weitgehend auf solche, die mit dem Buchstaben *a* beginnen.

Wer zu dick ist, muss *abnehmen*, also Pfunde verlieren. Der Lehrer *nimmt* eine Prüfung *ab*, der TÜV – technische Geräte. In beiden Fällen geht es um eine Leistungskontrolle. Wenn ich jemandem etwas *abnehme*, heißt das entweder, dass ich ihm einen Gegenstand aus der Hand nehme oder – umgangssprachlich – dass ich ihm etwas glaube. *Abnehmer* meint den Käufer einer Ware.

Absatz bezeichnet nicht nur den hinteren Teil der Schuhsohle, sondern auch die Leerzeile zwischen zwei Textstücken und den Verkaufserfolg eines Kaufmanns. Man kann bestimmte Ausgaben von der Steuer *absetzen*, einen Gegenstand, den man getragen hat, auf den Boden *absetzen*, von der Polizei gesuchte Personen oder vom Feind bedrängte Soldaten *setzen* sich *ab*, um sich in Sicherheit zu bringen. Wer mit jemandem nicht einer Meinung ist, *setzt* sich von ihm *ab*. Erfolgreiche Theaterstücke und Minister werden *abgesetzt*, d.h. vom Spielplan genommen b.z.w. ihres Postens enthoben.

Wer in den Urlaub fährt, muss erst die *Anfahrt* schaffen, sollte dabei aber sein Auto nicht *an* einen Baum *fahren*, also schrotten. Dann könnte es sein, dass seine Partnerin ihn wegen seiner Leichtfertigkeit *anfährt*, also heftig kritisiert, und so kann man die Ehe schnell *an die Wand fahren*, also ruinieren. Wenn das Auto im Graben liegt, sollte man es jedenfalls vorsichtig *anfahen*, also den Motor testen.

Wer *angibt*, gilt als Großmaul, als Prahlhans, eben als *Angeber*. Bei jeder Arbeit braucht man aber auch einen *Angeber*, also jemanden, der sagt, was zu tun ist. Vor Gericht oder bei einer Behörde, muss man *Angaben* machen, also Erklärungen abgeben. *Angabe* meint aber auch eine unglaubwürdige Großtuerei. Wenn die Ermittlungsbehörde erklärt, der Zeuge *gebe* das oder jenes *an*, klingt ein misstrauisch-skeptischer Unterton mit.

Was mich betrifft, *geht* mich *an*. Man kann jemanden aber auch um eine Spende, einen Gefallen *angehen*, also nachdrücklich um etwas bitten. Jemanden *angehen*, heißt also fast, jemanden unter Druck setzen. Wenn etwas *nicht angeht*, kann das bedeuten, etwas funktioniert nicht, etwa im Sinne von: das Licht, das Auto *geht nicht an*, oder etwas ist verboten.

Unter einem *Anhänger* versteht man

a) eine Person, die eine Vereinigung, eine Weltanschauung unterstützt;

b) ein Schmuckstück;

c) ein Gefährt, das an eine Zugmaschine *angehängt* wird. Wenn ich *an* etwas oder jemanden *hänge*, dann bin ich emotional stark an die Person, an den Gegenstand gebunden. Häufig taucht die Redewendung auf: *Er/sie hängt an mir wie eine Klette*, d.h. ich fühle mich von einer Person belästigt. Der *Anhang* ist der letzte Teil eines Buches mit Hintergrundinfos zu dem Werk, während *Anhang* umgangssprachlich den Freundeskreis einer Person meint. Die Frage „*Woran hängt es?*“ beschäftigt sich mit der Ursache einer Störung. Wenn die Polizei eine Person in Verbindung mit einer Straftat bringen will, sagt der Volksmund: Die Polizei will der Person *etwas anhängen*.

Wer mutig ist, *legt* sich mit jemanden *an*, ist also kampfbereit. Wenn ein Schiff in den Hafen einfährt, *legt* es am Kai *an*, ankert also im Hafen. Wenn es abfährt, dann *legt* es *ab*. Man kann aber auch Kleider *anlegen* oder *ablegen*. Übrigens werden auch Tests oder *Bekanntnisse abgelegt*, d.h. man unterzieht sich einer Prüfung oder bekennt seinen Glauben, seine Schuld. Wenn es kalt ist, *legt* sich ein Partner eng *an* den anderen oder der Tau auf die Erde. Wer viel Geld hat, *legt* es *an*, der *Anleger* sollte aber bei der *Anlage* auf Nummer sicher gehen, also nichts riskieren. Man sollte seine Aktienpapiere auch nicht in die *Ablage* tun. Sonst wandern sie evtl. in den Müllkorb. Unter einer *Anlage* versteht man ferner einen Park oder einen Gebäudekomplex, aber auch ein Schriftstück, das einem Brief beigefügt wird. Der *Anleger* ist zugleich das Teil, welches Schiff und Kai verbindet.

Wer den Tisch deckt, der *richtet an*. Früher sagte man: *Es ist angerichtet*. Die *Anrichte* ist ein Möbelstück in der Küche. *Anrichten* kann aber auch umgangssprachlich verwendet werden, und zwar im Sinne von: eine Dummheit begehen. Hier sind *anrichten* und *anstellen* umgangssprachlich fast, aber eben nicht ganz synonym. Bei *anstellen* liegt der Schwerpunkt auf der bösen Tat, nicht auf der Ungeschicklichkeit.

Wer etwas *anschafft*, kauft sich eine Sache, macht also eine *Anschaffung*. Frauen, die *anschaffen* (*gehen*), prostituieren sich. Im Süddeutschen meint, jemandem etwas *anschaffen*, einer Person Befehle erteilen. Hunde und Mässgeräte *schlagen an*. Man kann aber

auch eine Fliege *an* die Wand *schlagen*. Ferner *schlagen* Schwimmer *an* den Beckenrand. Unter einem *Anschlag* versteht man ein Attentat, aber auch einen öffentlich-ausgehängten Zettel. Klavierspieler und Sekretärinnen werden oft nach ihren *Anschlägen* beurteilt.

Man kann biologische Stoffe *ansetzen*, damit sie miteinander reagieren. So haben wir uns im letzten Urlaub eine Gewürzmischung gekauft und stellen nun unseren Schnaps selbst her. Die Polizei *setzt* Beamte auf eine Sache *an*, damit sie sich ganz darauf konzentrieren. Im Haushaltsplan werden die Kosten für Anschaffungen mit geplanten Summen *angesetzt*. Wer einen gewissen *Ansatz* verfolgt, versucht, ein Problem so und nicht anders zu lösen.

Wer einen Orden erhält, kann ihn sich *an* die Kleidung *stecken*. Der *Anstecker* ist ein Schmuckstück. Man kann auch ein Elektrogerät *anstecken*, also das Kabel in die Steckdose tun. Man kann jemanden oder sich selbst mit einer Krankheit *anstecken*. Böse Menschen *stecken* Häuser *an*, zünden sie also *an*.

Wer Mitarbeiter in Dienst nimmt, der *stellt* sie *an*. Wer sie entlässt, der *stellt* sie *aus*. Aber nicht jeder, der *angestellt* wird, ist ein *Angestellter*, denn es gibt ja auch Arbeiter und Beamte. Wenn mir jemand zuruft: „*Stell Dich nicht so an!*“, kritisiert er damit umgangssprachlich mein ungeschicktes Verhalten. Man kann aber auch das Radio *anstellen*, was so viel wie einschalten bedeutet.

Die Uhr *zeigt* die Zeit *an*, *zeigt* also, wie spät es ist. Man kann eine *Anzeige* aufgeben, also ein Inserat, damit sie in der Zeitung erscheint, und man kann bei der Polizei *Anzeige* erstatten, wenn man sich als Opfer einer Straftat fühlt. Viele Blätter, hier synonym für Zeitung, tragen das Wort *Anzeiger* im Namen.

Aufbringen meint umgangssprachlich öffnen, wobei die geleistete Mühe anklingt. Wer mich wütend macht, der *bringt* mich gegen sich *auf*, er *bringt* mich *auf* die *Palme*. Dann bin ich *aufgebracht*. Für so eine Person *bringe* ich kein Verständnis *auf*. Ärgerlich macht mich auch, wenn jemand Gerüchte *aufbringt*, also Halbwahrheiten in die Welt setzt. Wenn ich genug Geld für eine Sache habe, *bringe* ich genug dafür *auf*, wobei auch hier die damit verbundene Mühe anklingt. Schiffe mit verbotener Fracht werden auch *aufgebracht*, und zwar von der Küstenwache.

Man kann einen Brief bei der Post *aufgeben*. Wer *aufgibt*, erklärt damit, dass er nicht mehr weitermachen will, dass er kapituliert. Die Soldaten können im Krieg eine Stadt *aufgeben*, also dem Feind überlassen. Sie haben dann die Hoffnung *aufgegeben*, die Stadt doch halten, also verteidigen zu können. Das Substantiv heißt dann *Aufgabe*. Unter *Aufgabe* versteht man aber auch einen Auftrag. Der Lehrer *gibt* den Schülern etwas *auf*, eben die so unbeliebte Hausaufgabe.

Am Morgen *geht* die Sonne *auf*, am Abend unter. Hoffentlich *geht* auch die Rechnung *auf*, dass sich also eine Sache lohnt. Bei einer guten Hausfrau *geht* der Teig *auf*, der Kuchen gelingt also. Wenn mir ein guter Einfall kommt, *geht* mir *ein Licht auf*. Umgangssprachlich heißt es, dass die Tür *aufgeht*, sich also öffnet. Wenn aber die Naht einer Hose *aufgeht*, ist das schlecht.

Ich kann ein Blatt Papier vom Boden *aufheben*. Wenn das Parlament ein Gesetz *aufhebt*, wird es außer Kraft gesetzt. In der Bibel *hebt* man seine Augen *auf*, blickt also nach oben. Ich kann etwas *aufheben*, also sparen, nicht wegwerfen. Wer sich wohl fühlt, fühlt sich *aufgehoben*. Gut *aufgehoben* wird in der Umgangssprache euphemistisch als Synonym zu *sterben* genannt.

Ein Verlag, der ein Buch herausgibt, *legt* es *auf*. Die *Auflage* entscheidet über den ökonomischen Erfolg des Buches. Gefangene kommen manchmal frei, wenn sie gewisse *Auflagen*, also Bedingungen erfüllen. Ich kann eine Decke *auf* den Tisch oder *auf* die Matratze *legen*. Auch hier spricht man dann von einer *Auflage*. In der Bibel heißt es, Gott *legt* den Menschen Prüfungen/Strafen *auf*. Der *Aufleger* ist eine auf dem Transportfahrzeug montierte Maschine oder jemand, der etwa in der Diskothek Platten auflegt. Wenn der Jugendliche seine Eltern bittet: „*Legt doch mal eine andere Platte auf!*“, bittet er darum, doch nicht immer dasselbe zu sagen, zu kritisieren.

Man kann einen Brief, eine Dose öffnen, also *aufmachen* oder *sich aufmachen*, also sich in Bewegung setzen. Es gibt freilich keinen Brief- oder Dosenaufmacher, wohl aber einen -öffner. Jede Zeitung braucht einen *Aufmacher*, also eine Schlagzeile, welche den Lesern förmlich ins Auge springt. Die *Aufmachung* meint die Art, wie die Zeitung oder ein Mensch sich präsentiert. Bezogen auf Menschen wird dieses Wort meist negativ gebraucht.

Ich kann ein Gedicht *aufsagen*, also auswendig vortragen. *Aufsagen* klingt hier ein wenig negativ im Sinn von abspulen/herunterleiern. Ich kann aber auch jemandem die Freundschaft oder meine Arbeitsstelle *aufsagen*, also die Beziehung beenden, den Job kündigen.

Wer sich vom Stuhl erhebt, der *steht auf*. Man kann aber auch gegen jemanden *aufstehen*, also einen *Aufstand*, eine Empörung machen. *Auferstehen* ist ein religiöser Begriff und bezeichnet das Osterwunder.

Ich kann Farbe auf ein Papier oder Salbe auf eine Wunde *auftragen* oder jemandem *auftragen*, dieses/jenes zu tun. Der Chef erteilt seinen Untergebenen *Aufträge*. *Aufgetragene* Kleidung ist alt, verschlissen. Wenn sie *aufträgt*, sieht man unförmig darin aus.

Ich kann eine Uhr *aufziehen*, dass sie wieder geht/läuft. Wer eine Fahne hat, kann sie *aufziehen*, also hissen. Das Gewitter oder eine Armee kann *aufziehen*, also herankommen, aufmarschieren. Wenn ich jemanden *aufziehe*, meint das umgangssprachlich, dass ich ihn

verspottete. Wenn die Eltern *andere Saiten aufziehen*, wird es für die Kinder unangenehm. Wer zuschlagen will, muss zuerst *aufziehen* (ausholen). Man kann einen Reißverschluss *aufziehen* und *zuziehen*. Der *Aufzug* ist ein Abschnitt im Theaterstück, der Lift in größeren Gebäuden oder – dann mit kritischem Unterton – die Art, wie jemand sich kleidet, eine spontane Versammlung.

Wer aus dem Schlaf erwacht, *setzt* sich im Bett *auf*, also richtet sich auf. Wer eine schriftliche Abhandlung, also einen *Aufsatz* schreiben will, muss zuerst etwas *aufsetzen*, also einen Entwurf anfertigen. Die Altartische in der Kirche haben meistens einen *Aufsatz*, der den ästhetischen Reiz des Altars ausmacht.

Man kann Geld für eine Anschaffung *ausgeben*, also für den Kauf einer Ware. In der Kantine wird Essen an die Belegschaft *ausgegeben*, die Behörde *gibt* Dokumente an die Bürger *aus* und im Krieg *gibt* der Feldherr eine Parole *aus*, also einen Schlachtruf. In allen Fällen heißt das Substantiv dann *Ausgabe*. Aber auch die Version eines Buches und die Nummer einer Zeitung werden als *Ausgabe* bezeichnet. Wer gut gelaunt ist, geht mit seinen Freunden ins Gasthaus, um ihnen – so die umgangssprachliche Formulierung – *einen auszugeben*, d. h. er lädt sie zu einem Getränk ein. Wer lügt, *gibt* sich für einen anderen *aus*, verheimlich also seine wahre Identität.

Das Ende zeigt, wie eine Sache *ausgeht*. Wenn die Lebensmittel, das Geld *ausgehen*, ist das sehr unangenehm. Wer mit seiner Freundin *ausgeht*, besucht mit ihr ein Restaurant, eine Tanzveranstaltung. Der *Ausgang* ist das Gegenstück zum *Eingang*. *Ausgehen* ist aber kein Antonym zu *eingehen*. Wer *aus* dem Haus *geht*, verlässt es. Dagegen *geht* man auf eine Bemerkung *ein*, also reagiert darauf. Blumen können *eingehen*, also verwelken. Man kann aber auch *in die Geschichte/ins Himmelreich eingehen* im Sinn von: berühmt werden bzw. nach dem Tod bei Gott sein. Im Süddeutschen meint *ausgehen* auch: *das Ende erfahren*. Wenn die Soldaten oder die Internatsschüler *Ausgang* haben, dürfen sie die Kaserne, die Lehranstalt für eine Zeit verlassen.

Der Kaufmann *legt* seine Waren z. B. im Schaufenster *aus*, damit die Vorübergehenden die *Auslage* bestaunen können. Im Museum gibt es dagegen *Ausstellungen* von Kunstwerken. Wenn ein Interessent kein Geld für den Einkauf hat, bittet er seinen Freund, ihm etwas vorzustrecken, also *auszulegen*, verbunden mit der Zusicherung, die Summe wieder zurückzuzahlen. Der Partner kann diesen Wunsch dann so verstehen, so *auslegen*, dass der andere wohl pleite ist. Der *Ausleger* ist nicht der, der Waren *auslegt*, sondern derjenige, der Texte interpretiert, oder der Teil eines Krans, eines Schiffes.

Man kann – umgangssprachlich gesprochen – das Licht *ausmachen*, also *ausschalten*, inzwischen veraltet: *löschen*. Wenn mir etwas egal

ist, *macht* es mir nichts *aus*. Wenn ich mit jemandem etwas *ausmache*, meint das umgangssprachlich, dass wir eine Vereinbarung treffen.

Wer ein Fest veranstaltet, der *richtet* es *aus*. Das Nomen *Agentis* heißt dann *Ausrichter*. Wer etwas erreicht, nicht räumlich gemeint, also ein Vorhaben umsetzt, *richtet* etwas *aus*. Ich kann aber auch jemandem etwas *ausrichten*, also von einer anderen Person eine Nachricht übergeben. In dieser Hinsicht sind *ausrichten* und *bestellen* synonym. *Bestellen*, Synonym hierzu ist z. B. *ordern*, kann man eine Ware via Katalog/Internet, und der Landwirt *bestellt*, also bearbeitet den Acker im Frühling. Das Substantiv lautet dann jeweils *Bestellung*, wird aber fast nur im Sinn von *Kauf* verwendet. Häufig benutzt man die Floskel: jemandem *ein bestelltes Haus übergeben*, wenn jemand in Ruhestand geht und dem Nachfolger seine Arbeitsstelle in gutem Zustand übergibt.

Im Frühling *schlagen* die Bäume *aus*. Man kann aber ein Angebot auch *ausschlagen*, also ablehnen. Ein *Ausschlag* ist ein Krankheitsausbruch.

Gewissenlose Besitzer *setzen* ihre Tiere im Wald oder auf der Autobahnraststätte *aus*, überlassen sie also ihrem Schicksal. Die Polizei *setzt* eine Belohnung für die Ergreifung eines Täters *aus*, und wer mit einer Sache unzufrieden ist, *hat etwas auszusetzen*, äußert also heftige Kritik. Wer *aussetzt*, macht eine Pause. Wer einen *Aussetzer* hat, ist zeitweilig nicht bei sich. Im Altertum galt der *Aussatz* als schlimme, weil unheilbare Krankheit. Man verwechsle nicht *aussetzen* und *aussitzen*. Letzterer, erst in jüngster Zeit aufgekommener Begriff meint, ein Problem dadurch zu lösen, das man nichts tut.

Wenn eine schwangere Frau sich entschließt, das Kind zur Welt zu bringen, *trägt* sie es *aus*. Man kann aber auch Zeitungen *austragen*, um damit ein paar Cent zu verdienen. Das Nomen *Agentis* heißt dann *Austräger*. Wer vor einem Streit nicht zurückweicht, *trägt* ihn *aus*, aber hoffentlich fair. Ein Versuch, der gelingt, *trägt* etwas *aus*. Früher zogen ältere Bauern, wenn sie ihren Hof den Erben überlassen hatten, in den *Austrag*, wurden also von den neuen Herren finanziell abgesichert.

Wer sich *auszieht*, legt seine Kleider ab. Wer aus einer Wohnung *auszieht*, räumt sie. Das Antonym heißt dann *einziehen*. Man kann aber auch die Luft *einziehen* als Ausdruck der Erregung oder eine Wand in einen bestehenden Raum, um ihn zu teilen. Sportler/Soldaten *ziehen* *aus*, um sich an einem (Wett-)Kampf zu beteiligen. Das Substantiv heißt dann in beiden Fällen *Auszug*. Aber auch der Abschnitt eines Textes, der vorgelesen/abgedruckt wird, ist ein *Auszug*.

Verlassen wir nun den ersten Buchstaben des Alphabets, und wenden wir uns noch ein paar besonders interessanten Begriffen zu, die mit *ü*, *v*, *w* beginnen:

Überziehen hat je nach Bedeutung unterschiedliche Beugungen und Zusammensetzungen: Die Hausfrau *überzieht* (Betonung auf der dritten Silbe) das Bett mit einem frischen Laken. Das Präteritum lautet „*überzog*“, das Perfekt – „*hat überzogen*“. Das Substantiv lautet dann «*Überzug*». Wer übertreibt, der *überzieht*. In Diktaturen *überzieht* die Justiz Regimegegner mit Prozessen. Die Beugung erfolgt wie im ersten Beispiel. Man kann aber auch das Konto *überziehen*, also Schulden machen. Manche Showmaster *überziehen*, d.h. sie sprengen den vorgesehenen Rahmen ihrer Show. „*Überziehen*“ mit Betonung auf der ersten Silbe meint, sich ein weiteres Kleidungsstück anziehen. Die Mutter ermahnt das Kind: „*Zieh Dir etwas über, denn es ist draußen kalt!*“ Das Präteritum lautet „*zog über*“, das Perfekt – „*hat übergezogen*“. Früher gab es einen *Überzieher*. Umgangssprachlich versteht man unter der Floskel: jemandem „*eine paar überziehen*“ jemanden verprügeln. Die Flexion erfolgt dann wie im vorgenannten Beispiel.

Verlage *verlegen* Bücher (vgl. *auflegen*). Wenn ich etwas *verlege*, kann das auch bedeuten, dass ich nicht mehr weiß, wohin ich es gelegt habe. Dann bin ich *verlegen*, also schäme mich meiner Unwissenheit. Häufig hört man die Phrase „*um keine Antwort verlegen sein*“, d.h. der betreffende weiß immer die richtige Antwort. Man kann aber auch einer Person den Weg *verlegen* (vgl. *verstellen*). Wer sich auf etwas *verlegt*, widmet sich ganz einer bestimmten Arbeit.

Vieldeutig ist auch das Verbum *versetzen*. Wer kein Geld hat, geht ins Pfandleihhaus, um Wertsachen zu *versetzen*, also zu verkaufen. *Versetzen* meint auch antworten, klingt dann aber etwas unfreundlich. Dazu passt auch die Formulierung: jemandem „*einen Schlag versetzen*“. Schüler, die das Klassenziel erreichen, werden *versetzt*. Umgekehrt muss der Lehrer Schüler *versetzen*, also aufeinander setzen, die sich nicht vertragen. Auch im Staatsdienst werden Beamte *versetzt*, bekommen also eine neue Stelle. In diesem Fall ist die *Versetzung* ein hoheitlicher Akt nicht gerade zum Wohlgefallen des Betroffenen.

Ich kann jemandem den Weg *verstellen*, also sperren. Wer mit *verstellter* Stimme spricht, versucht, seine Mitmenschen zu betrügen. Wenn eine Ware *verstellt* ist, dann hat ein Kunde sie bereits gekauft, aber noch nicht abgeholt. Man kann auch eine Uhr *verstellen*, also eine falsche Zeit eingeben.

Man kann *das Gesicht verziehen*, also ein skeptisches Gesicht machen. Häufig hört man auch die Phrase: „*Der verzieht keine Miene*“, zeigt also seine Gefühle nicht. Wer seine Kinder schlecht erzieht, der *verzieht* sie, dann sind sie *verzogen*. „*Verzogen*“ meint aber auch, dass jemand seine Wohnung geräumt hat. Häufig hört man dann die lakonische Bemerkung „*unbekannt verzogen*“. Umgangssprachlich ruft man einem unangenehmen Menschen zu: „*Verzieh Dich!*“ Infolge einer starken Explosion „*verziehen*“ sich die Rahmen des Fensters,

werden also schief. In älteren und biblischen Texten bedeutet „*verziehen*“ auch, dass jemand sich mit seiner Wiederkehr Zeit lässt. Man drückt damit die eigene Ungeduld aus.

Ich kann mir etwas oder mich jemandem *vorstellen*, d.h. ich kann mir in meiner Fantasie etwas ausmalen oder Kontakt mit einer mir fremden Person aufnehmen. Das Substantiv lautet dann jeweils *Vorstellung*.

Die Mutter *wiegt* das Kind in den Schlaf (das Präteritum: *wiegte*; das Perfekt – *hat gewiegt*). Wer sich „*in Sicherheit wiegt*“ (auch: *wähnt*), täuscht sich, denn er befindet sich tatsächlich in Gefahr. Wer den Kopf „*wiegt*“, drückt damit seine Bedenken aus. Frauen, die sich in den Hüften wiegen, oder „*wiegenden Schrittes*“ daher kommen, wollen die Männer auf sich aufmerksam machen.

Wer aber zu viel isst, der *wiegt* zu viel (das Präteritum ist *wog*; das Perfekt – *hat gewogen*). In diesem Sinn lässt sich „*wiegen*“ transitiv wie intransitiv verwenden.

Erschwerend kommt noch hinzu, dass manche Wörter früher anders als heute gebraucht wurden. „*Komisch*“ war früher ein Synonym zu „*lustig*“, heute eher zu „*seltsam*“. Unter einem *Buben* versteht man heute vor allem in Süddeutschland einen kleinen Jungen, früher bezeichnete man damit einen Verbrecher. Bekannt sind noch heute die Substantive *Lausbub* und *Spitzbub*. Letzteres kann aber auch ein bestimmtes Weihnachtsgebäck bezeichnen. *Gemein* bedeutet heute überwiegend *böse*, früher dagegen wurde dieser Begriff positiv gebraucht im Sinn von „*allgemein*“ oder „*anerkannt*“. Die Wörter „*Gemeinschaft*“ und erst recht „*Gemeinsinn*“ haben ja bis heute einen positiven Inhalt.

Aber das Knacken sprachlicher Nüsse macht das Erlernen einer fremden Sprache erst interessant. So werden Fantasie und Kombinationsgabe angeregt, der Gesichtskreis erweitert.

АННОТАЦИЯ

Фукс К., Смирнова Л. Многозначность немецких слов: удовольствие и бремя.

В данной статье речь идёт о многозначности некоторых слов немецкого языка. Авторы различают их употребление в литературном, разговорном и профессиональном языках; акцентируют внимание на том, что нужны интуиция и опыт, чтобы в каждом отдельном случае (в зависимости от ситуации) правильно понять сказанное. Поскольку в немецком языке многозначных глаголов множество, авторы сфокусировали свое внимание на глаголах, которые начинаются на первую букву алфавита, а также проанализировали другие интересные, по мнению авторов, глаголы.

Ключевые слова: многозначность слов, значение слова, синонимы, контекст, интуиция, литературный язык, разговорный язык, профессиональный язык.

SUMMARY

Fuchs Ch., Smirnova L. D. Polysemantic words in German: pleasure or burden.

The article speculates on the polisemy of some German words. The authors differentiate between their usage in literary, colloquial and professional languages; focus on the intuition and experience importance to correctly understand the meaning of the utterance. As there are a lot of polysemantic verbs in German the authors concentrated on the verbs beginning with the first letter of the alphabet. Some verbs they found interesting were also analyzed.

Key words: polisemy, word meaning, synonyms, context, intuition, literary language, colloquial language, professional language.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Арцебашева Ольга Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, artolga24@ukr.net;
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, olenka.baranova.1957@mail.ru;
- Беляева Марина Юрьевна** – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и методики преподавания филиала ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет» (г. Славянск-на-Кубани, Россия), fliny@mail.ru;
- Блюмина Ольга Валентиновна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков, olya00700@mail.ru;
- Боговая Ольга Фёдоровна** – старший преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, antosya72@rambler.ru;
- Бондаренко Наталия Юрьевна** – преподаватель кафедры теории и практики перевода Горловского института иностранных языков, natashabondarenko@ukr.net;
- Бражник Лена Мирзаяновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков, brashnik@ukr.net;
- Бушев Александр Борисович** – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью ФГБОУ «Тверской государственный университет» (г. Тверь, Россия), alex.bouchev@list.ru;
- Васильева Галина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, проректор по научно-педагогической и методической работе Горловского института иностранных языков, ga_vasileva@inbox.ru;
- Волкова Наталья Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой второго иностранного языка Горловского института иностранных языков, nataliavo@yandex.ru;
- Волосевич Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английской филологии

- Горловского института иностранных языков, Sergeyvolosevich@mail.ru;
- Вострецова Виктория Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, проректор по научной работе Горловского института иностранных языков, victoria_vost@yahoo.com;
- Галкина Алина Игоревна** – преподаватель кафедры романогерманских языков Горловского института иностранных языков, alinkagalina@mail.ru;
- Герасименко Ирина Анатольевна** – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, украинской филологии и методик преподавания Гуманитарно-педагогической академии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (г. Ялта, Россия), iragerasimenko@mail.ru;
- Дринко Анна Геннадиевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой грамматики и практики английского языка Горловского института иностранных языков, zrazhevskaya@list.ru;
- Дьякова Татьяна Алексеевна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Луганской государственной академии культуры и искусств им. М.Л. Матусовского, diako122@rambler.ru;
- Дяговец Иван Иванович** – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Донецкого национального университета;
- Жихарева Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, декан филологического факультета Горловского института иностранных языков, znata9@gmail.com;
- Жуков Юрий Юрьевич** – преподаватель кафедры романогерманской филологии Горловского института иностранных языков, zhukov_i_1990@mail.ru;
- Зеленова Ольга Владимировна** – преподаватель кафедры теории и практики перевода Горловского института иностранных языков, zelenovaolg@rambler.ru;
- Иванова Надежда Ивановна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков, ini.gorlovka@gmail.com;

- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода Горловского института иностранных языков, naivanova@bk.ru;
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры украинского и русского языков Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького, kalinkin.valeriy@mail.ru;
- Карнова Вероника Александровна** – студентка V курса Горловского института иностранных языков, vicf@mail.ru;
- Кишко Светлана Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, zolotar66@rambler.ru;
- Колесникова Лидия Ильинична** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Горловского института иностранных языков, konwalia5@mail.ru;
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Горловского института иностранных языков, irina_koloverova@mail.ru;
- Лежнев Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Горловского института иностранных языков, yansonval@mail.ru;
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Горловского института иностранных языков, nataleshkova@yandex.ru;
- Минина Елена Владимировна** – преподаватель кафедры теории и практики перевода, старший преподаватель кафедры второго иностранного языка Горловского института иностранных языков, goltsmanelena@mail.ru;
- Решетарова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и практики английского языка Горловского института иностранных языков, irina_resh@yahoo.com;
- Скороходько Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет

- им. В.И. Вернадского» (г. Симферополь, Россия), qwikstep@yandex.ru;
- Смирнова Людмила Дмитриевна** – преподаватель немецкого языка образовательного центра «Кольпинг» (г. Нойштадт/Аиш, Германия), ljudmilasmi@mail.ru;
- Теркулов Вячеслав Исаевич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета, terkulov@gambler.ru;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии Горловского института иностранных языков, vicf@mail.au;
- Фукс Кристиан** – учитель религии гимназии им. Фридриха Александра (г. Нойштадт/Аиш, Германия), pfr.christian.fuchs@gmx.de;
- Чевычалова Светлана Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Луганской академии культуры и искусств им. М. Матусовского, maat2007@rambler.ru;
- Шам Ирина Васильевна** – старший преподаватель кафедры грамматики и практики английского языка Горловского института иностранных языков, Isham@mail.ua;
- Шкуран Оксана Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка и общего языкознания Луганского университета им. Тараса Шевченко, oksana.shkuran@mail.ru;
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, leksali@mail.ru;
- Яковенко Марина Викторовна** – преподаватель кафедры английской филологии Горловского института иностранных языков, panimarina09@rambler.ru;
- Ясинецкая Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры грамматики и практики английского языка Горловского института иностранных языков, natalia_yasynetska@ukr.net.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Artsebasheva Olga Victorovna** – Instructor of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Baranova Olga Ivanovna** – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Belyaeva Marina Yuriyevna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the Russian Language, Literature and Methods of Teaching in «Kuban State University» (Slavyansk-on-Kuban, Russia);
- Blyumina Olga Valentinovna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Bogovaya Olga Fedorovna** – Senior Lecturer of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Bondarenko Natalia Yuryevna** – Instructor of the Department of Theory and Practice of Translation, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Brazhnik Lena Mirzayanovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Bushev Alexander Borisovich** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism, Advertising and Public Relations «Tver State University» (Tver, Russia);
- Vasilyeva Galina Alexandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Vice-Rector for Educational and Methodological Work of Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Volkova Natalya Valeriyevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of the Second Foreign Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Volosevich Sergey Petrovich** – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Vostretsova Victoria Alexandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of the Theory and Practice of Translation,

- Vice-Rector for Scientific Research Work of Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Galkina Alina Igorevna** – Instructor of the Department of Romance and Germanic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Gerasimenko Irina Anatolievna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Ukrainian Philology and Methods of Teaching Humanities and Education, Academy of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky Crimean Federal University» (Yalta, Russia);
- Drinko Anna Gennadiyevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of Grammar and Practice of English Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Dyakova Tatyana Alekseyevna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Social and Humanities Sciences, M.L. Matusovsky Lugansk State Academy of Culture and Arts;
- Dyagovets Ivan Ivanovich** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism, Donetsk National University;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Zhukov Yury Yurievich** – Assistant, Department of Romance and Germanic Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Zelenova Olga Vladimirovna** – Instructor of the Department of Theory and Practice of Translation, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Ivanova Nadezhda Ivanovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Chair of the Department of Theory and Practice of Translation, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Kalinkin Valery Mikhailovich** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Ukrainian and Russian Languages, M. Gorky Donetsk National Medical University;

- Karnova Veronika Alexandrovna** – a Vth year student of Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Kishko Svetlana Nikolayevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Kolesnikova Lidia Ilinichna** – Senior Lecturer of the Department of the Second Foreign Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Koloverova Irina Gennadiyevna** – Senior Lecturer of the Department of the Second Foreign Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Lezhnyov Sergey Nikolayevich** – Senior Lecturer of the Department of the Second Foreign Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Leshkova Natalia Victorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Minina Elena Vladimirovna** – Instructor of the Department of Theory and Practice of Translation, Senior Lecturer of the Department of the Second Foreign Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Reshetarova Irina Vladimirovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Grammar and Practice of English Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Skorohodko Svetlana Alexandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «V.I. Vernadsky Crimean Federal University» (Simferopol, Russia);
- Smirnova Lyudmila Dmitriyevna** – German teacher of the Education Centre «Kolping» (Neustadt / Aiche, Germany);
- Terkulov Vyacheslav Isaevich** – Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of the Russian Language, Donetsk National University;
- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Romance and Germanic Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Fuchs Christian** – Religion teacher of Gymnasium of Frederick Alexander (Neustadt / Aiche, Germany);

- Chevychalova Svetlana Victorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation, M. Matusovsky Luhansk Academy of Culture and Arts;
- Sham Irina Vasilievna** – Senior Lecturer of the Department of Grammar and Practice of English Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Shkuran Oksana Vladimirovna** – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Ukrainian Language and General Linguistics, Taras Shevchenko Lugansk University;
- Shtakina Lyudmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Yakovenko Marina Victorovna** – Instructor of the Department of English Philology, Gorlovka Institute for Foreign Languages;
- Yasinetskaya Natalia Anatoliyevna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Grammar and Practice of the English Language, Gorlovka Institute for Foreign Languages.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- В.М. Калинин*
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ ДОНБАССА
В ТРУДАХ Е. С. ОТИНА 3
- М.Ю. Беляева*
РУССКИЙ ХАРАКТЕР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ОНОМАСТИКОНА М. А. ВИШНЕВЕЦКОЙ 12
- А.Б. Бушев*
ЭГО-ДОКУМЕНТЫ: МЕМУАРНОЕ ПИСЬМО 19
- И.А. Герасименко*
СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ ЦВЕТА В ИДИОСТИЛЕ
М. БУЛГАКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ «БЕЛАЯ
ГВАРДИЯ») 27
- И.И. Дяговец*
СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ПРИДАТОЧНОСТИ
С ОТКЛОНЯЮЩЕЙСЯ СТРУКТУРОЙ (НЕСКОЛЬКО
ПОПУТНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПРОБЛЕМЕ) 35
- И.И. Дяговец*
СЛАВЯНСКАЯ РУНИЦА (О ДОХРИСТИАНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ СЛАВЯН) 42
- В.И. Теркулов*
О ПАРАМЕТРАХ МОДИФИКАЦИОННОЙ
МОТИВАЦИИ 49
- О.В. Блюмина*
ПОНЯТИЕ ВАРВАРИЗМ. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА 62
- Л.М. Бражник*
МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС «ОКАЯННЫХ»
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И. БУНИНА 69
- Г.О. Васильева*
КОМУНІКАТИВНІ ДЕВІАЦІЇ У ПОБУДОВІ Й СПРИЙНЯТТІ
МОВЛЕННЄВОГО ЖАНРУ ЗАСТЕРЕЖЕННЯ 74
- Н.В. Волкова*
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА:
ПРОДУКТИВНОСТЬ И АКТИВНОСТЬ 81
- С.П. Волосевич*
ТИПОЛОГИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
НОМИНАЦИЙ 90
- В.А. Вострецова*
СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНО-
МАРКИРОВАННЫХ ЕДИНИЦ
В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ 96

<i>Г.Г. Дрінко</i> ЗІСТАВНИЙ АНАЛІЗ МОВЛЕННЄВОГО АКТУ «ПРОПОЗИЦІЯ» В АНГЛІЙСЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ.....	103
<i>Т.О. Д'якова</i> ВАРІАНТНО-СИНОНІМІЧНА ГРУПА 'ЖИТИ ЗАМОЖНО (БУТИ БАГАТИМ), РОЗБАГАТИТИ' ЯК СКЛАДОВА ЧАСТИНА ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ РЕПРЕЗЕНТАЦІЇ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ В УКРАЇНСЬКИХ СХІДНОСЛОБОЖАНСЬКИХ ГОВІРКАХ.....	109
<i>Н.А. Жихарева</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА.....	117
<i>Н.И. Иванова</i> КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ОНИМОВ.....	122
<i>Н.А. Иванова</i> АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СПОСОБЫ ЕЕ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	132
<i>С.М. Кишко</i> ДО ПИТАННЯ ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНОГО ЯВИЩА «UNDERSTATEMENT» В АНГЛОМОВНОМУ ДИСКУРСІ.....	138
<i>Н.В. Лешикова</i> ПРИЙМЕНИКОВО-ВІДМІНКОВА ПАРАДИГМА СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ.....	146
<i>И.В. Решетарова</i> ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СФЕРЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	152
<i>С.А. Скороходько</i> УСТОЙЧИВОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПЕРЕВОДА.....	158
<i>В.В. Фефелова, В.А. Карнова</i> ВЛИЯНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА СЛОВ-РЕАЛИЙ НА СЕМАНТИКУ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА.....	164
<i>С.В. Чевичалова</i> СУТНІСТЬ І ЗМІСТ ІНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГІЙ У КОНТЕКСТІ ПРОФЕСІЙНОГО СТАНОВЛЕННЯ МАЙБУТНІХ УЧИТЕЛІВ-ФІЛОЛОГІВ.....	169

<i>О.В. Шкуран</i> ХРИСТИАНСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ «СИЛЬНЫЕ ДУХОМ»: ЭТИМОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТАЛОНИЗАЦИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	173
<i>Л.О. Штакіна</i> ПРОСОДИЧНА АКТУАЛІЗАЦІЯ СУПЕРСИНТАКСИЧНИХ МОДЕЛЕЙ ХУДОЖНЬОГО ДИСКУРСУ.....	180
<i>N.A. Yasinetskaya</i> THE LINGUAL AND STYLISTIC ESSENCE OF BORROWED ANGLICISMS.....	188
<i>О.В. Арцешашева</i> ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В КОНЦЕПЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ А. В. БОНДАРКО.....	197
<i>О.І. Баранова</i> ПРОСОДИЧНА ОРГАНІЗАЦІЯ ТА КОМУНІКАТИВНІ СТРАТЕГІЇ ПОБУДОВИ ДИСКУРСУ.....	203
<i>О.Ф. Боговая</i> К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	210
<i>Н.Ю. Бондаренко</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА ДЖ. ОСТИН «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ.....	216
<i>А.І. Галкіна</i> ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ СИСТЕМ ПРИГОЛОСНИХ ЗВУКІВ У НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ.....	226
<i>Ю.Ю. Жуков</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ И ФОРМЕ КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' В КОНЦЕПТОСФЕРЕ РУССКОГО НАРОДА.....	234
<i>О.В. Зеленова</i> НЕОЛОГИЗМЫ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА).....	239
<i>Л.И. Колесникова</i> ТИПОЛОГИЯ СУФФИКСАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	246

<i>И.Г. Коловерова</i> ПРОБЛЕМА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С УСТУПИТЕЛЬНОЙ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ.....	254
<i>С.Н. Лежнев</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО СЛЕНГА.....	261
<i>О.В. Мініна</i> ЕМОЦІЙНО-ЕКСПРЕСИВНА РОЛЬ АНТРОПОЕТОНІМІВ У ДИЛОГІІ КЕНА ФОЛЛЕТТА “СТОВПИ ЗЕМЛІ” ТА “СВІТ БЕЗ КІНЦЯ”.....	267
<i>И.В. Шам</i> СТРУКТУРНЫЕ СВОЙСТВА ДВУХВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ.....	275
<i>М.В. Яковенко</i> АБСОЛЮТНАЯ ВНУТРИВИДОВАЯ ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ	280
<i>Ch. Fuchs, L. Smyrnova</i> VIELDEUTIGKEIT DEUTSCHER WÖRTER: LUST UND LAST ZUGLEICH.....	290
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	299
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	303

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск первый (двадцать седьмой)
Языкознание

Ответственный редактор С.А. Кочетова
Технический редактор А.М. Калашников
Компьютерная верстка и макетирование
Е.С. Шалыгиной
Корректоры: Н.А. Жихарева,
О.Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к печати 30.04.2015.
Формат 60x84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 17,72. Уч.-изд. л. – 19,5.
Усл.-изд. л. – 18,13.
Тираж 500 экз. Зак. № 1.

Издательство Горловского института иностранных языков
Свидетельство о государственной регистрации субъекта издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003 г.
84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25